ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2022 (№ 63)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, врио директора МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Эрцикова Галина Алексеевна, секретарь ред. совета, канд. филол. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)

Зайцева Нина Григорьевна, д-р филол. наук, зав. сектором языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Будапешт, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Абукаева Любовь Алексеевна – главный редактор, д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Ипакова Марина Тимерьяновна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Молотова Тамара Лаврентьевна – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Глухова Наталья Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Поволжского государственного технологического университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2022
© Авторы статей, 2022

FINNO-UGRIC STUDIES, 2022 (No. 63)

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government
of the Republic of Mari El "V. M. Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, interim Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute, Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher of the Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Zaitseva N.G., Doctor of Philology, Head of Linguistics Sector of the Institute of Language, Literature, and History, Carelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Uric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Perm Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, PhD, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Dean of the Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Budapest, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, PhD, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Abukaeva L.A., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ipakova M.T., Executive Editor, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the "Linguistics" series, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Molotova T.L., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Glukhova N.N., Doctor of Philology, Professor of the Volga State University of Technology

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Абукаева Л.А. Концепт *кӱсото / ото* ‘священная роща’ в марийской лингвокультуре... 5
Ключева М.А. Антропонимы, соционимы и термины родства в марийских народных играх……..... 19
Куцаева М.В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры 30
Некрасова Г.А. Конкуренция падежей в семантической зоне элатива в коми языке..... 45
Поляков О.Е., Леткина Н.В. Миконимическая лексика мокшанского языка..... 52
Седова П.Е. Лексические новообразования в пространстве мокшанского художественного текста..... 60
Сибатрова С.С. О некоторых моделях прономинальных словосочетаний в марийском языке (словосочетания с личными местоимениями)..... 71
Шибанов А.А. К вопросу о категории состояния в удмуртском языке 83

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Камитова А.В. Формы воплощения архаического мышления в удмуртской женской поэзии..... 91
Мушкина Н.В. Вклад К.А. Смирнова в марийскую фольклористику (к 105-летию со дня рождения)..... 101
Федосеева Н.А. 1930-шо ийлаште марий драматургийын да театрын виянгме ойыртемышт. 109
Шибанов В.Л. Образ театра в трилогии Игнатия Гаврилова «В родных краях»..... 116

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Акшиков А.Г. Каменные надгробные памятники марийцев..... 124
Свечников С.К. Взаимоотношения между мари и татарами в XV–XVI веках..... 134
Свечников С.К. Вклад Г.Н. Айплатова в историческую науку (к 85-летию ученого) 144

ПЕРСОНАЛИИ

Акшиков А.Г. А.Н. Чимаеву – 80 лет 159
Ипакова М.Т. «Трудись от души» (К юбилею А.А. Илиевой) 161
Максимов В.Н. К 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л.Ш. Арсланова (1932–2020) 166
Молотова Т.Л. К 90-летию со дня рождения Геннадия Андреевича Сепеева..... 171
Молотова Т.Л. К столетию со дня рождения К.И. Козловой 176
Сергеев О.А. «Береги свой язык, как родное дитя» (К юбилею М.Т. Ипаковой)..... 180

РЕЦЕНЗИИ

Байкова Е.В., Поздеев И.Л. «Эшъёс, ойдолэ эктом!» (Друзья, давайте потанцуем!). Рец.: Мусина Н.Д. Танцевальный фольклор завятских (арских) удмуртов – нематериальное культурное наследие народов Республики Татарстан. Казань, 2021. 144 с.; 12 с. ил. 183
Касимов Р.Н. Рец.: Мифология народов Поволжья / сост. А.Ф. Галияхметова. Казань: Татарское книжное издательство. 2019. 95 с. 186
Молотова Т.Л. Рец.: Песецкая А.А. Одежда в свадебной обрядности марийцев (конец XIX – начало XXI вв.)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2022. 243 с. 191
Эрцикова Г.А. Рец.: Уткина А.Ф. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2022. 181 с. 197

ХРОНИКА

Лигенко Н.П. Памяти Никифора Павловича Павлова (13.03.1922–18.05.2008). К столетию ученого 201
Федосеева Н.А. 110 лет со дня рождения А.А. Асылбаева 207
Хроника научных и культурных мероприятий финно-угорского мира за 2022 год 210
Памяти Михаила Васильевича Мосина (02.11.1940 – 02.12.2022) 216

CONTENT

ARTICLES

LINGUISTICS

Abukaeva L.A. The concept of *кӱсото / omo 'sacred grove'* in Mari lingoculture 5
Klyucheva M.A. Anthroponyms, socionyms and terms of kinship in Mari folk games..... 19
Kutsaeva M.V. The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora 30
Nekrasova G.A. Interchange of cases in the semantic zone of the elative in the Komi language 45
Polyakov O.E., Letkina N.V. Myconymical vocabulary of the Moksha language 52
Sedova P.E. New word forms in the Moksha literary text 60
Sibatrova S.S. About some models of Mari pronominal phrases: word combinations with personal pronouns 71
Shibanov A.A. On the question of the category of state in the Udmurt language 83

LITERATURE AND FOLKLORE STUDIES

Kamitova A.V. Implementation forms of archaic thinking in Udmurt women's poetry..... 91
Mushkina N.V. K.A. Smirnov's contribution to Mari folklore studies (to the 105th anniversary of his birth)..... 101
Fedoseeva N.A. The development of Mari drama and theater in the 1930s 109
Shibanov V.L. The image of the theater in Ignatiy Gavrilov's trilogy "In native lands" 116

HISTORY AND ETHNOLOGY

Akshikov A.G. Stone gravestones of the Mari..... 124
Svechnikov S.K. Relationships between the Mari and the Tatars in the 15th–16th centuries . 134
Svechnikov S.K. The contribution of G.N. Aiplatov to historical science (To the 85th anniversary of his birth)..... 144

PERSONALIA

Akshikov A.G. To the 80th anniversary of A.N. Chimaev..... 159
Ipakova M.T. "Work with all your heart" (To the anniversary of A.A. Ilieva) 161
Maksimov V.N. To the 90th anniversary of Doctor of philological sciences, Professor L.Sh. Arslanov (1932-2020) 166
Molotova T.L. To the 90th anniversary of birth of Gennady Andreevich Sepeev..... 171
Molotova T.L. To the 100th anniversary of birth of K.I. Kozlova 176
Sergeev O.A. "Take care of your language as of your darling child" (To the anniversary of M.T. Ipakova)..... 180

REVIEWS

Baikova E.V., Pozdeev I.L. «Эшъёс, ойдолэ эктом!» (Let's dance, friends). Review.: Musina N.D. Dance folklore of the Arsk (on the right bank of the lower Vyatka) Udmurts - immaterial cultural heritage of the peoples of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2021. 144 pp.; illustr. 12 pp. 183
Kasimov R.N. Review: Mythology of the peoples in the Volga region / by. A.F. Galiakhmetova. - Kazan: Tatar Publishing House. 2019. - 95 p. 186
Molotova T.L. Review: A.A. Pesetskaya. "Clothes in the wedding ceremony of the Mari (late 19th-early 21st century)". Dissertation for the degree of candidate of historical sciences in 5.6.4. - Ethnology, anthropology and ethnography..... 191
Ertsikova G.A. Review: Utkina A.F. Compound-complex sentences with object clauses in the modern Udmurt language. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences, Izhevsk, 2022. 181 p. 197

CHRONICLE

Ligenko N.P. In memory of Nikifor Pavlovich Pavlov (13.03.1922-18.05.2008). To the 100th anniversary of the scientist 201
Fedoseeva N.A. To the 110th anniversary of birth of A.A. Asylbaev 207
Chronicles of scientific and cultural events in the Finno-Ugric world in 2022 210
In memory of Mikhail Vasilyevich Mosin (02.11.1940 – 02.12.2022) 216

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151+299.4
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_01

КОНЦЕПТ *КӸСОТО / ОТО* ‘СВЯЩЕННАЯ РОЩА’ В МАРИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

© 2022 г. Л.А. Абукаева

Введение. В концептосфере марийской традиционной религии одно из значимых мест занимает концепт *ото* / *кӱсото* ‘священная роща’. **Цель статьи** – лингвокультурологический анализ одного из базовых марийских религиозных концептов – *ото* / *кӱсото* ‘священная роща’ – и выявление его роли в духовной жизни верующих. **Материалы и методы.** В качестве объектов исследования привлечены сакральные тексты (молитвы, заговоры), описания обрядов из опубликованных источников, тексты из рукописного научного фонда МарНИИЯЛИ, а также записи текстов молитв и описания обрядов автора статьи. В работе использованы описательный метод, контекстологический и компонентный анализ. **Результаты исследования, обсуждения.** В описаниях этнографического характера и исследованиях XVIII–XXI веков представлены классификации священных рощ с опорой на различные основания. Классификация рощ может осуществляться с опорой на различные основания: как исходя из представлений верующих, так и на основе научных принципов можно выделить рощи, посвященные определенным богам; рощи, в которых совершаются те или иные моления; рощи, которые различаются в зависимости от ранга молений, а также рощи, посвященные высшим богам и рощи, в которых проводятся жертвоприношения низшим божествам и духам. Значимость священной рощи словесно фиксируется в текстах молитв, в развернутой системе табу. Концепт *ото* / *кӱсото* ‘священная роща’ несет в себе важную культурную информацию, отражает систему духовных ценностей марийского народа. **Заключение.** В концепте *ото / кӱсото* функционально значимыми для культуры марийского народа являются следующие признаки: священная роща – место принесения даров богам; место пребывания богов во время молений; место ритуального общения человека с богом; символическое воплощение места, через которое ниспосылается изобилие, плодородие, плодовитость, благополучие; обеспечивается продолжение жизни, единение верующих, развитие общества. Все действия, связанные со священной рощей: выбор места самой рощи, выбор и / или посадка священных деревьев, расположение кострищ, стола для даров, расположение священнослужителей и верующих, священнодействия в роще – обладают глубоким символическим смыслом.

Ключевые слова: концепт; лингвокультурологический анализ; традиционная марийская религия; тексты молитв; священная роща.

Введение. В социокультурном пространстве марийского народа *ото* ‘священные рощи’ являются важнейшим элементом. Одно из подтверждений заключается в том, что именно стихотворение «Ото» С.Г. Чавайна открывает первую страницу истории марийской литературы.

Цель статьи – анализ одного из базовых марийских религиозных концептов *ото* / *кӱсото* ‘священная роща’ – и выявление его роли в духовной жизни верующих.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования привлечены сакральные

тексты (молитвы, заговоры), описания обрядов из опубликованных источников, тексты из рукописного научного фонда МарНИИЯЛИ, а также записи текстов молитв и описания обрядов автора статьи. В работе нашли применение описательный метод, контекстологический и компонентный анализ. Перевод текстов осуществлен так, чтобы в полноте раскрыть внутреннюю форму слов, символический смысл выражений и стилистические особенности текстов молитв.

Результаты исследования, обсуждения.

В представлениях верующих мари священные рощи являют собой место общения людей с богами, место пребывания богов во время молений, а в современной (даже научной) интерпретации – «местами сакральной связи верующих с божественным пантеоном», «местами силы» [Саберов, 2014]. Значимость священной рощи особенно отчетливо словесно фиксируется в текстах молитв, в развернутой системе табу. Согласно воззрениям мари, если в роще перестают проводить моления, то деревня, к которой эта роща относится, начинает вымирать.

В марийском пантеоне представлены *Кюсото юмо* ‘Бог священной рощи’ / *Кӱсотымбал Юмо* ‘букв. Бог над священной рощей’, *кюсото суксо* ‘ангел / хранитель священной рощи’. К ним карт обращается в начале обряда с просьбой способствовать благополучному проведению моления: *О, Кӱсото юмо, Кӱсото суксо, … , а тачысе кечылан кечетым палемден улына ыле, палемдыме кечыштет палемдыме верышкет толын кумалына* [Марий кумалтыш мут радам, 2018, с. 5–6.] ‘О, Бог священной рощи, ангел священной рощи, на сегодня наметили день (моления), в намеченный день пришли в намеченное тобой место’; *Кӱсото юмо, поро йӱлам эртараш саешак пӱрӧ, тӱрлӧ сомылым эртараш, шкеат тидлан полшен шого* ‘Бог священной рощи, предопредели благополучно провести добрый обряд, совершить дело, сам этому способствуй’. По завершении моления обращение представляет собой просьбу оберегать священную рощу: *А Кӱсото Суксо, коштшо нерӱпшан пийымат, шакше неран кайыкымат, моло осалымат ойгатен колто, кумалме верым аралеш шого* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 21] ‘А Ангел священной рощи, вынюхивающую собаку, птицу с мерзким носом, иное зло отгони, место моления охраняй’.

В диалектах марийского языка концепт репрезентируется лексемами и составными наименованиями: в луговом наречии – *ото* ‘роща’, *кӱсото* ‘молитвенная роща’, *кумалтыш* ‘место для моления’, *кумалтыш вер* ‘место моления’, *кумалме вер* ‘место моления’, *юмын ото* ‘божья роща’, *юмото* ‘божья роща’, *юмылтымо вер* ‘молельное место’, *юмылтымо ото* ‘молельная роща’, *керемет* ‘роща для совершения моления духу-хранителю *керемет*’; в восточном – *юмылан пуымаш* ‘букв. давание богу’, *юмылан пуымо* ‘букв. давание богу’, *юмылан пуымо вер* ‘место давания богу’, *кавалан пуымаш* ‘букв. давание небу’, *керемет* ‘роща для совершения моления духу-хранителю *керемет’*, *кӱсьчашкар* ‘молитвенная роща / чаща’, *телӓклӹк*, *тӹлӓклӹк*, *тӹлӓулӹк* ‘место для моления’, а также *шелык* ‘место для моления’, *шелык ото* ‘место (весеннего) моления’, в горном – *оты* ‘роща’, *кымалмы оты* ‘молитвенная роща’.

Лексикографической репрезентации анализируемого концепта посвящена отдельная статья [Абукаева, 2020].

В этнографических трудах XVIII–XIX веков имеются описания марийских молельных рощ, попытки их классификации, установления изначальных форм священных, а также зачатки этимологизации лексемы *кӱсото*. Однако эти сведения большей частью фрагментарны, порой противоречивы и содержат немало искаженной информации и субъективной интерпретации. Особенно это касается источников XVIII века. К таким описаниям относятся записи Н. Рычкова, участника экспедиции П.С. Палласа. В контексте рассматриваемой темы приведем следующую цитату: «Известно уже всем, что язычники, обитающие в Российских пределах, никаковых храмов для моления своего, также изображения богов, ими почитаемых, совсем не имеют, кроме одних калмыков, но дуб, береза, растущие в лесах, суть изображение их божества, и приносят жертвы посреди им посвященного леса (Эти молитвенные места как черемисы, так и чуваши называют киреметями, по имени бога, ими почитаемого). В праздничные дни и во время нужд своих, сходясь на сие избранное место,

молят они своих богов хранителей» [Рычков, 1770, с. 80–81].

В «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов» Г.Ф. Миллер представил информацию о молельной роще – *кереметь*: «Они отправляют свои молитвенные приношения в своих домах или на непокрытом месте, а по большей части в отдаленных лесах, где они для такого действия какое-нибудь место вкруг забором обгораживают и посреди онаго поставляют несколько столбов, покрывая оные деревянною кровлею, а под оною столб и несколько скамей. Такие места на всех трех языках (марийском, чувашском, удмуртском. – *Л.А.*) называются одним именем Кереметь. Иногда же у каждой семьи есть по одной собственной Керемети, а у иной и более; да сверх того в каждой деревне находится по общей большой Керемети, где они ежегодно в некоторый день, которого число переходит и определяется от стариков в той деревне, сообща молитвы свои отправляют. Да есть же у черемисов и во всяком дистрихте по особой Керемети, в которую из 10, 20 деревень и более жители в одно время в годовые большие праздники собираются» [Миллер, 1791, с. 43–45]. Как видим, Г.Ф. Миллер отмечал наличие семейных, деревенских и окружных (*тиште*) рощ.

Общие и частные (принадлежащие одному «семейству») священные рощи выделял у черемис И.Г. Георги: «Службу отправляют они богам своим не в храмах, но на чистых священных местах (Кереметъ), которые бывают или общие (Кого Кереметъ), или частные, сиречь, одному семейству особливо принадлежащие (Шке Кереметъ). Они имеют положение свое в священных рощах или лесах. А где таких мест нет, там должно завести по крайней мере одно, либо и несколько дерев. Причем дуб всякому другому лесу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается Юме, другое похуже оного Юмон Аве, а прочие – кое-каким божествам. Кереметь есть окруженное деревами или другим каким забором обнесенное место. В размере бывает оное от 10 до 20 сажен. И три имеет входа: один к западу – для прихода и выхода; другой к востоку, которым вводят назначенную в жертву скотину; а третий к югу, для ношения воды. Под знатнейшим деревом стоит вместо жертвенника стол. А неподалеку от кереметя сделана крышка, под коею варят принесенную в жертву скотину» [Георги, 1795, с. 32].

Довольно подробное описание материальной и духовной жизни марийцев Уржумского округа Вятской губернии (северо-восточная часть современной Республики Марий Эл – Сернурский, Новоторъяльский и соседние с ними районы), в том числе рощ, молений, приведено в рукописи В.Ф. Милютина, которая поступила на рассмотрение Ученого комитета Русского географического общества в 1860 году [Милютин, 2002, с. 134.]. «Имеют при каждом селении небольшие четыре рощи или островка лесу для приношения жертв. Первая роща для приношения общих жертв всем богам, в которую собираются черемиса, кроме Уржумскаго из других окрестных городов Яранскаго, Малмыжскаго и Казанской губернии Царевококшайскаго. И числом бывает от двух до пяти тысяч человек, где режут и приносят на жертву скота и птиц – нарочито купленных … на значительную сумму, числом а именно: лошадей – 80, коров – 80, быков и телят – 160, баранов – 160, гусей – 160, уток – 320, всего – 900 штук. И каждый черемисин привозит с собой пресных овсяных или ржаных небольших по три каравайцев с тремя сверху загибками <…>. Вторая роща, для частного приношения жертвы, <…> куда также собираются из одного или из двух селений черемиса почти с каждого дому и приносят на жертву лошадей – 1, коров – 1, быков – 2, баранов – 2. гусей – 2, уток – 4, итого – 12 штук. Это моление бывает каждогодно в августе-сентябре или октябре месяцах при первой половине луны. Третья роща для приношения жертвы полубогам, значащимся в том же регистре, в которую ходят черемиса в непосредственное, но во всякое время особо от избавления болезни, где от заболевшего лица режут одну лошадь, теленка, барана и утку. И четвертая роща для приношения жертв духам, тоже от избавления от болезни во всякое время и от каждого заболевшего человека по обещанию приносят лошадь, теленка, барана, зайца, утку и дятла. Все эти четыре рощи почитаются священными местами, так что не смеют без надобности срубить одного сучка от дерева» [Милютин, 2002, с. 139].

По наблюдениям П.В. Знаменского, в середине XIX века у горных мари Казанского

края местами жертвенных обрядов большею частью служили березовые рощи, в них же помещались «и разные керемети» [Знаменский, 1867, с. 37].

В конце XIX – начале XX века этнографы пытаются более детально представить информацию о священных рощах и обрядах.

Описывая религиозные обряды черемис, Г. Яковлев отмечал: «При каждой черемисской деревне для жертвоприношения богам есть особые места – или на открытом поле кучка деревьев, или в лесу отдельный участок. Места эти называются по-черемисски «юмо-ото» божий остров или роща. Такие рощи при черемисских деревнях бывают или для всей деревни мер ото – общественные рощи или особые для одного рода насыл ото, тукым ото – родовая роща. При больших черемисских деревнях бывает таких рощ несколько» [Яковлев, 1887, с. 18]. Важно подчеркнуть, что этнограф-просветитель различал рощи, в которых проводились моления высшим богам, и рощи, в которых совершались обряды божествам и духам-покровителям: «При черемисских деревнях находятся еще подобные же рощи для жертвоприношения не богам, а кереметям. При этом нужно заметить, что в той роще, где черемисы молятся богам, молиться кереметю считается за грех, и во время жертвоприношений богам никогда не упоминают даже имени кереметя. Жертвоприношение керемети делают всегда в отдельной роще или в открытом месте» [Яковлев, 1887, с. 19].

В историко-этнографическом очерке «Черемисы» И.Н. Смирнов писал: «…роща есть позднейшее явление в истории черемисских молельных мест; первоначально черемисы молились в лесу, избирая и очищая в нем определенное место. Такие молитвенные места еще в 60-х годах нынешнего (XIX в. – *Л.А.*) столетия существовали в Уфимской губернии. Основанием для выбора места служило указание богов – например, появление нового источника воды. Уфимские черемисы, выбирая пункт для моления, старались найти возвышенность вблизи ручья. Когда леса кругом гор были срублены, явились горы, посвященные богам. Такие горы существуют и в Красноуфимском уезде Пермской губернии: Ювинская, Тавринская, Карзинская. В луговой стороне Казанской и Вятской губерний за неимением гор выбирались места с подходящими по породе и росту деревьями. Еще в 30-х годах нынешнего столетия (XIX в. – *Л.А.*) в некоторых волостях Яранского уезда молились прямо в лесах. В Уржумском уезде <…> и теперь частное семейное мольбище устраивается в лесу. Если человек начинает жить отдельным домом, то отправляется в лес, сажает там 9–16 деревьев для отдельных богов и устраивает в этом уголке от времени до времени свое частное моление». Места молений в виде отдельных обособленных рощ, по мнению И.Н. Смирнова, возникли по причине того, что увеличилась численность населения, леса были расчищены и места для молений богам остались среди распаханных полей. Исследователь отмечает, что священные рощи отличаются размерами: «В одних местах это небольшие кучки деревьев, в других величавые парки, занимающие по нескольку десятин. Самые грандиозные кюсоты сохранились на юге Яранского уезда и в Уржумском уезде. Проезжая Канганурскую, Сернурскую, Ирмучашскую и Турекскую волости, путешественник будет видеть кругом себя на склонах оврагов, перерезывающих местность, целые десятки величавых рощ» [Смирнов, 1889, с. 201].

Семенов Т. попытался выявить внутреннюю форму слова *кӱсото*: «Жертвоприношения бывают общественные и частные; совершаются они в рощах, которые называются юмын оты (= божья роща) или кӱс-оты (кӱшоты = высшая роща)» [Семенов, 1893, с. 20].

По материалам С.А. Багина: «Черемисские рощи, где совершаются языческие жертвоприношения, представляют небольшие группы деревьев различных пород, иногда огороженных небольшим пряслом из мелких жердей и имеющих внутри лишь небольшую полянку для сожжения жертв и несколько берестяных цилиндрической формы кузовков, которые употребляются для защиты горящих восковых свеч во время молитвы при жертвоприношениях. Черемисские рощи для жертвоприношений разделяются на три категории: родовые или племенные, общественные или «соборные» и частные. В родовых рощах приносятся жертвы только одним каким-либо родом, почему и самые рощи носят названия по имени

родоначальника, напр., «Макар-оты» или же общее название – «Насылоты» (родовая роща). В этих рощах черемисы других родов жертв не приносят и не чтут их. В общественных или соборных рощах «Мер-оты» (собственно мирская роща) жертвы приносятся черемисами более или менее обширного района, поэтому жертвоприношения в них совершаются при большом стечении народа и в жертву приносится какое-либо крупное животное – корова, бык или лошадь; притом жертвоприношения эти совершаются по каким-либо общим нуждам: по случаю неурожая, падежа скота, засухи и проч. Частные рощи носят различные названия, которые они получили от имен первых почитателей их, местоположения и проч., напр., «Мрас-оты», «Мюкшыд-оты», «Кюсоты» и др., и пользуются популярностью среди черемис обыкновенно незначительного района, чаще – одной деревни, впрочем, некоторые известны своими целебными свойствами и за пределами уезда. В этих рощах жертвы приносятся по указанию гадателей и знахарей низшим духам, которые причиняют людям различные семейные несчастия и болезни, поэтому рощи эти не принадлежат ни роду или племени, ни отдельному обществу, а составляют достояние всех вообще, и обязательных, так сказать, очередных жертв, в них не приносится. На них черемисы смотрят как на своего рода лечебницы, в которых почти каждое дерево, служа пристанищем какому-либо духу, является специальным фетишем, имеющим какие-либо целебные свойства: жертвы при одном помогают от боли живота, при другом – от головной боли, при третьем – от лихорадки и проч., одни помогают при семейных раздорах, другие – при бесплодии женщин и проч.» [Багин, 1910, с. 4–5].

В словаре В.М. Васильева «Марий мутэр» приводятся следующие сведения: *Кӱшӹл-ото*, – верхняя роща, посвящ. высшим духам [1926, с. 82]; *Улӹл-ото*, – роща, назначенная низшим духам [1926, с. 233].

В связи с возобновлением молений, началом институционализации традиционной марийской религии в конце XX века начинаются собственно научные изыскания. К началу XXI века заметные достижения намечаются у религиоведов, этнологов, культурологов.

Священные рощи, посвященные определенным молениям, выделяет Т.Л. Молотова, отмечая, что у луговых и восточных марийцев было значительное количество священных рощ, где проводились моления различной иерархии: например, рощи для проведения весеннего праздника *Агавайрем* (*Агавайремото*), летнего праздника *Сюрем* (*Сюремото*), летних жертвоприношений (*Кюсото*), всемарийских молений (*Мероmo*) и др. [Молотова, 2010, с. 83].

Религиовед Н.С. Попов особо подчеркивает, что священные рощи играли большую роль в налаживании отношений человека с *Юмо*: «Роща позволяет устанавливать связующий мост и ритуальное общение с ним, с ее участием достигается гармония в отношениях людей с небесными силами. В такой роще земное время сверяет свой бег с мифическим» [Попов, 2012, с. 21]. Н.С. Попов выделяет несколько групп священных рощ, среди них: семейные, родовые, патронимические, общедеревенские, родственной группы деревень «тиште», мирские и всемарийские, и подчеркивает: «В большинстве рощ молятся небесным покровителям (Юмо и его олицетворениям). Вместе с тем имеются и рощи, посвященные низшим божествам и духам. В прошлом в некоторых рощах молились только одному божеству. Например, были известны рощи в честь божества пятничного дня, богини-матери рождения и т.д. Для проведения аграрных праздников выделялись особые рощи [Попов, 2012, с. 21].

Саберов Р.А. определяет иерархию священных рощ как «выстроенную на протяжении нескольких столетий систему, отвечающую требованиям отправляемого автохтонного культа мари». В своей статье он приводит классификацию, предложенную картом А.И. Рукавишниковым: «первая классификация: 1-я категория – семейные (низшие). У каждой семьи в священной роще своё священное дерево; 2-я – священная роща деревни; 3-я – «Тыште» и «Мер Тыште» – один округ, а «Мер» – один район. Сейчас «Тыште Кумалтыш», т.е. моление одного округа, как таковое не проводится. Есть «Мер Кумалтыш» – это священная роща, хотя её статус и выше первых двух, но она наоборот должна стоять на втором месте; 4-я – Всемарийские. Вторая выводится респондентом исходя из сложившейся сегодня ситуации

по сохранению священных рощ: 1) федерального значения – природно-ландшафтный культурный памятник природы; 2) региональные; 3) районные; 4) муниципальные (сельские)» [Саберов, 2014, с.137].

Культуролог Г.Е. Шкалина, рассматривая священные рощи как субститут Храма, выбранные еще предками как благодатные места на земле, отмечает, что рощи «именовались по рангу проводимых в них молений: *юмын ото*, *мер ото* (общественные), *насыл ото* или *тукым ото* (родовые), *тӱня ото* (всенародные, всемарийские). Одна и та же роща раньше могла называться по-разному, в зависимости от того, какие моления происходят [Шкалина, 2019, с. 125].

Таким образом, классификация рощ может осуществляться с опорой на различные основания: как исходя из представлений верующих, так и на основе научных принципов можно выделить рощи, посвященные определенным богам (например, *Вӱд ава* ‘Мать воды’); рощи, в которых совершаются те или иные моления (к примеру, *Сӱрем ото*, *Шелык ото*); рощи, которые различаются в зависимости от статуса / типа молений (*юмын ото*, *мер ото* (общественные), *насыл ото* или *тукым ото* (родовые), *тӱня ото* (всенародные, всемарийские) – по классификации Г.Е. Шкалиной; семейные, родовые, патронимические, общедеревенские, родственной группы деревень «тиште», мирские и всемарийские – по концепции Н.С. Попова), а также рощи, посвященные высшим богам (*кӱшыл ото*) и рощи, в которых проводятся жертвоприношения низшим божествам и духам (*ӱлыл ото*, *керемет*).

В марийских молитвенных текстах лексема *ото* функционирует в составе сравнений: *ото гай койышланен, онапу гай лӱшкалтын* ‘как роща, красуясь, как священное дерево, качаясь’; *индеш эргым, шым ӱдырым пу, тудым каван гане капан ыште, ото гане койышан ыште* [НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. № 1. Д. 1135, л. 2] ‘девять сыновей, семь дочерей дай, сделай их со статью как у стога, с нравом как у рощи’; *ото гай одарланен илаш Юмо полшыжо* [Евсеев, 1994, с. 128] ‘как роща разрастаясь, жить пусть Бог поможет’; *«Юмо, перкан ыште!» манын, ик олым пырчым шулын, пырче олмеш кылтам тодын, кылта олмеш копнам ыштен, копна олмеш нур пусак еда каваным оптен шынден, ото гане койышландарен шинчыктен* [Евсеев ,1994, с. 148–149] ‘«Юмо, сделай изобильным!» – сказав, срезал одну соломинку, вместо соломинки сноп связал, вместо снопа копну сделал, вместо копны по углам поля стога сметал, словно роща, они стояли, красуясь’.

Ото в сознании верующих имеет глубокий символический смысл. Один из таких смыслов связывается с изобилием, богатством, благополучием. Это подтверждается при анализе нескольких текстов. Сравним два фрагмента: из молитвы в честь *Кугу Юмо* ‘Великого Бога’ во время праздника *Индеш кугарня* ‘Девятая пятница’ и из молитвы в доме жениха перед началом свадьбы. Молитвы содержат сравнение, которое кроме образной составляющей имеет и символическую часть: *Нурешат шем ото гай каван перке дене йывыртыкте манын йодына! Идым серыштат шем ото гай шындыме каван перке гыч йывыртен шого манын йодына* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 180–181] ‘И в поле радуй нас изобилием, как у темной рощи, говоря, просим. И в овине радуй нас изобилием поставленных, как темная роща, стогов, говоря, просим’; *Ӱжарала печкалтын, кечыла нӧлталтын, тылзе гай тичмаш лийын, пылла оварен, волгенчыла волгалтын, шӱдыр гай чӱчкен, ото гай оралтан лий!* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 205] ‘Как заря, освещаясь; как солнце, поднимаясь; как луна, полнясь; как туча, собираясь; как молния, сияя; как звёзды, сверкая; как роща, будь с хозяйством (букв. с двором)’.

Организация пространства для молений начинается с определения места и выбора священных деревьев. Раньше священные деревья в заранее выбранных местах сажали с учетом того, каким богам они посвящались и как должны были быть ориентированы по сторонам света, по астрономическим ориентирам (от Полярной звезды) и по отношению друг другу. Место моления находится обычно на возвышенности, поблизости должен быть источник воды, наилучший вариант – родник с южной стороны священной рощи. Кроме того, учитывалась ориентация священных рощ относительно друг друга. Так, к примеру, в д. Новоключево Мишкинского района Республики Башкортостан имеется две священные рощи –

Юмылан пумаш и *Куэрла*. Обе на возвышенности, у обеих рощ с южной стороны есть источник воды – родник. Между ними произрастают три липы, у которых совершались частные моления, например, моления с просьбой о дожде. Шелык находился также между ними, но ближе к самой деревне, которая расположилась к западу от рощ, в низине, так что священные рощи были к востоку от нее. С западной стороны деревни протекает река Шады.

Открывают новую священную рощу (или возобновляют моления) в четверг во время праздника *Кугече*. Это значимое мероприятие может предваряться видением-сообщением от бога, или иным знаковым событием, например появлением нового родника. Предварительно держа совет, оговорив все важные этапы обряда, священнослужители с хлебом, блинами, квасом выходят, помолившись, из своих домов, собираются на восточной стороне рощи. Карт берет в руки горящую головню, его помощник – топор с ножом, гусляр – гусли; молящиеся – цельный хлеб, на него кладут сырную лепешку, ставят свечу; квас, котелок с кашей, яйца, монеты. Процессия трижды обходит рощу по движению солнца, карт молится, его помощник ударяет ножом о топор, гусляр играет в гусли. Обозначенное место опоясывают белым полотном, которое не снимают в течение трех дней.

В центральной части мольбища располагается ***онапу / унапу*** ‘молельное / жертвенное / священное дерево / дерево-вождь’. Значимость и знаковую роль *онапу* Н.С. Попов представляет так: «Священные деревья якобы способствуют единению земных и небесных сил, преодолевая тем самым состояние хаоса. Однажды определив и установив взаимосвязь этих деревьев с божествами, их причастность к миру идеальному, марийцы не только моделируют все окружающее пространство в соответствии с их расположением, но и пытаются осознать свое место относительно них» [Попов, 2002, с. 102].

Пространство вокруг *онапу* шириной в девять аршин имеет сакральное значение. Священная роща, согласно воззрениям мари, – место временного пребывания богов. Они спускаются сюда во время молений. В текстах молитв содержится часть, в которой священнослужитель призывает богов: *А чевер вӱчкен толын, товлен йӧратен лий, а Поро Тӱҥ Ош Кугу Юмо, а Тӱҥ Ош Кугу Юмын аваже, а Тӱҥ Ош Кугу Юмын Пӱрышыжӧ, а поро дене толын шогыза тыгакак теве ынде Мер Кугу Юмына, а Мер Кугу Юмын аваже, а Мер Кугу Юмын Пиямбарже…* [Аудиокорпус, 2020] ‘А придя с милостью, с любовью прими, а Добрый Главный Светлый Великий Бог, а Мать Главного Светлого Великого Бога, а Предопределитель Главного Светлого Бога, а с добром прибывайте также и Великий Бог мира, Мать Великого Бога мира, пророк Великого Бога мира’.

Вначале во вновь открытой роще определяют священное дерево в честь *Ош Кугу Юмо* ‘Светлого Великого Бога’, сооружают *шаге* ‘стол для даров / жертвенник’, определяют место костра. Проводят моление с кашей. В этот же день выбирают священные деревья другим богам: севернее от священного дерева *Ош Кугу Юмо* определяют три священных дерева (в настоящее время – одно) *пӱрышӧ-шамычлан* ‘предопределителям’; *Кугу Сэрлагышылан* ‘Великому Хранителю’, *Мер Кугу Юмо* ‘Великому богу мира’. К юго-западу от священного дерева *Ош Кугу Юмо* выбираются деревья в честь *Шочын Ава* ‘Богини-матери рождения’, *Мланде Ава* ‘Богини-матери земли’, *Перке Ава* ‘Богини-матери изобилия’. Территориальным вариантом является расположение деревьев в честь богинь-матерей слева от дерева *Ош Кугу Юмо*. Три священных дерева в честь *Тӱня юмо* ‘Бога Вселенной’, *Агавайрем юмо* ‘Бога праздника Агавайрем / Бога творческой энергии’, *Кава юмо* ‘Бога неба’ выбирают на северо-западной стороне от дерева *Ош Кугу Юмо.*

Во время окружных и мировых молений в настоящее время разжигают по 5–7 костров (еще в начале XX века количество костров было 9, 11, на окружных молениях (*тиште кумалтыш*) доходило до 22), располагая их по обеим сторонам от священного дерева в честь *Ош Поро Кугу Юмо*: по представлениям верующих, так гармонизируется сила и мощь бога, поскольку силу обретают два его «крыла». Немного в стороне от священного дерева *Мер юмо* ‘Бога мира’ разжигают огонь, посвященный *Курык кугыза*.

Во время семейных молений у каждой семьи свое священное дерево.

Как место встречи божественного и земного, место, посвященное богам, место общения человека с богом, священная роща обладает сакральной значимостью, следовательно, должна оберегаться. Именно поэтому священные рощи огораживали. Вокруг мольбищ были крепкие, высокие ограды. Также по периметру рощу опахивали, делая канавку, тем самым предотвращая попадание в рощу скотины. Ф. Егоров писал: «Почти все молельные рощи древних марий, как известно археологии, были расположены около какой-либо речки или озера. Для предупреждения входа в эти рощи скота или диких зверей на ровном месте рощи обводились канавами, причем с одной стороны канавы возводилась насыпь, а с другой стороны рощу охранял крутой берег речки или озера. Для входа в рощу устраивали ворота, в некоторых местах с западной стороны, а в некоторых с восточной. Древние городища религиозного характера имели трое ворот – с западной, восточной и северной стороны, тоже можно встретить у современных мари и вотяков. Через восточные ворота вводят жертвенный скот, через западные входят сами молящиеся, через северные – приносят воду и дрова. Эти городища можно встретить в западных – Московской, Ярославской, Костромской и других губерниях, т.е. на территории древнемарийской земли. В этих городищах местами лежат толстым слоем зола и угли и полусгоревшие кости животных и птиц» [Егоров, 1929, с. 41–42].

Практика опахивания и огораживания рощ в настоящее время возрождается. Вход в рощу, точнее в ту ее часть, где совершаются ритуальные действия, регламентируется следующим образом: на восточной стороне осуществляется ввод животных, на юге (иногда на севере) имеются ворота для доставки воды, на западной стороне – для прохода участников моления. Такое расположение, на наш взгляд, имеет символический смысл: молящиеся движутся навстречу солнцу, животные, которых приводят в дар богу / богам, – к закату солнца. Ср.: также проводы в сторону заката солнца усопших предков, которые, согласно представлениям мари о потустороннем мире, приходят на родовые поминки в праздники *Кугече*, *Семык*, а также провожание покойника в сороковой день поминок.

Трое ворот символизируют также три мира. В начале XX века возле западных ворот на деревья вывешивались длинные белые полотенца, которые являются своеобразным символом полотенец, с помощью которых *Юмо* спускается с неба. Полотенца также служили напоминанием «о необходимости участия в молении и соблюдении тишины и спокойствия в период его проведения» [Попов, 2012, с. 21].

В практике современных молений эта традиция возрождена. Кроме того, входы в некоторые священные рощи снабжаются указателями, столбами. В *ото* размещают также информационные стенды, на которых указывается название рощи, схемы расположения кострищ, периодичность молений, правила поведения в священной роще, а также отмечается, у какого священного дерева каким богам молиться.

Финский этнограф, религиовед У. Хольмберг о сооружениях в священных рощах мари писал: «В больших, общих для нескольких деревень, рощах можно видеть род постройки, каких обычно не бывает в деревенских рощах; именно здесь часто находится сделанный из тесаных досок сарай, который бывает необходим особенно в дождливое время, так как приносящие жертву во время долгого праздника и даже ночью не могут покидать рощу. Под кровлей есть скамьи и посреди них стол. В «Кереметь-рощах» марийцев теперь нет таких строений, нет также и хижин, соответствующих хижинам Керемети (Луд, куала) у вотяков» [Холмберг, л. 12].

На современном этапе религиозных практик мари в рощах возводят строения, подобные беседкам – *казнчин кудыжо* ‘дом казначея’.

Подготовка рощи к священнодействам предполагает ее очищение, своеобразную гармонизацию пространства. Прежде чем призвать богов, священнослужитель с помощником трижды по солнцу обходит место моления либо пространство вокруг *онапу с шаге*, многократно прося богов очистить его: *Чыла осалжым поктен колтена теве. Ала иктаж-кӧ иктаж-мом ыштен коштын тыште, ала иктаж осалым кышкен коден, чыла осалжым поктен колтена. Осал поктен колташ полшыза теве. Ош Сандалык Кугу Юмыжо теве, Агавайрем Кугу Юмыжо, чыла осалым*

тышечын поктен колташ полшыза. Онапу Юмыжо, онапуэт дене чыла осалжым поктен колташ полшо. Калык вачат чыла осалым поктен колтыза. Ала шеҥгечышт вурсен шогеныт, ала шурген шогеныт иктаж-кӧ, ала осал шомакым почеш ойлен шогеныт, ала иктаж-мом ыштыл шогылтыныт, чыла осалжым поктен колтыза, Агавайрем Кугу Юмо, чыла осалым поктен колто тышечын. Сай серлагыш дене кумалтышнам эртараш полшен шого. Тура сер йымаке, кушко кече ок логал, кушко мардеж ок логал, чыла осалжым поктен колтыза тышечын! [Запись, 2021 от Ю.Д. Тушнурцева] ‘Вот все зло изгоним. Быть может, кто-либо что-либо творил здесь, быть может, какое-либо зло оставил, все зло изгоним. Зло изгнать помогите. Великий Бог Светлой Вселенной, Великий Бог праздника Агавайрем, помогите изгнать все зло отсюда. Бог священного дерева с твоим священным деревом, помоги изгнать все зло. И с людей все зло изгоните. Быть может, их ругали вслед, быть может, скандалили, быть может, злые речи говорили, какое-либо зло творили, все зло изгоните. Великий Бог праздника Агавайрем, все зло изгони отсюда. С доброй милостью помоги провести моление. В глубокий овраг, куда солнце не попадает, где ветер не дует, изгоните все зло отсюда!’. Помощник карта при этом издает звуки металла, ударяя ножом (или головешкой) о топор. Широта охвата места очищения зависит от локальных традиций и от статуса моления.

Металлический звук производится не только с целью очищения, но и призыва бога или божества: *Кӱртньӧ йӱкым колын, тол* ‘Услышав звук железа, приди’.

Ритуальные действия варьируются так же, как и молитвенные обращения карта, но имеют одно и то же смысловое наполнение. Сравним два текста молитв по завершении ритуала: *Той печым печена, ший печым печена, шӧртньӧ печым печена. Чер-чур-влакым ида пурто, алама шонышым савырен колтен, поро шонышым савырен пуртен. Мом ӧтынен йодна гынат, Ош Поро Кугу Юмо, колыштмо пагытет лийже. Шаҥге почна, ынде петырен кодена кумалме верым* [Запись, 2021 от Г.П. Пастиева] ‘Медным забором огораживаем, серебряным забором огораживаем, золотым забором огораживаем. Болезни и напасти не впускайте, зло помышляющих отвращая, добро помышляющих приводя. О чем мы истово молились, Светлый Добрый Великий Бог, то услышь (букв. пусть будет в то время, когда слышишь). Недавно место моления открыли, теперь запираем’ и *Янлык эртен кая игыж дене, кайыквусо игыжым луктеш – чыланат мамык дене шогышт. Вольык эртен кая – ӱян-шӧран лийже. Поро чон дене айдеме эртен кая – шулык дене коштшо. Кӧ кумалше родо-шамычлан, нунын сурт-печыштлан, шым кумдык пасуштлан, поро ешыштлан, ыштыме-кучымо киндыштлан, вольыкыштлан осалым шонен коштеш, тыгай-шамычым, Юмо-Пӱрышӧ, тул виет дене, кӱртньӧ виет дене, шкендын вий дене ӧрдыжкӧ поктыл колто!* [Юмын йӱла, 2003, с. 262–263.] ‘Зверь с детенышем пройдет, птица выведет птенцов – пусть все будут (букв. стоят) с мехом, с пухом. Скотина пройдет – пусть будет с молоком-маслом. С доброй душой человек пройдет – пусть ходит с удачей. Кто для молящихся, для их дома, для их семи полей, для их доброй семьи, для их хлебов, для их скотины замыслит злое, таких, Бог-Предопределитель, силой твоего огня, силой твоего металла, своей силой в сторону прогони!’

Следует заметить, что первый текст соотносится с текстами заговоров, где смысловое наполнение лексемы *пече* ‘забор’ такое же: ограждение, защита, причем при этом слове употребляются аналогичные эпитеты, такие как *той* ‘медный’, *ший* ‘серебряный’, *шӧртньӧ* ‘золотой’, *кӱртньӧ* ‘железный’, например: *Пӧшыр, пӧшыр, пӱетлан ший печым печем, ший печым кочкын-йӱын от керт <…> Пӧшыр, пӧшыр, пӱетлан вӱргене печым... Пӧшыр, пӧшыр, пӱетлан шӧртньӧ печым…* [Петров, 1993, с. 92] ‘Грыжа, грыжа, для твоих зубов серебряный забор горожу, серебряный забор съесть, выпить не сможешь. Грыжа, грыжа, для твоих зубов медный забор… Грыжа, грыжа для твоих зубов золотой забор…’

Трепетное отношение верующих к роще и к священным деревьям отражает система запретов [Абукаева, 2021]. Во время моления вблизи священного дерева и перед ним могут стоять лишь служители культа и их помощники. Обычным верующим ни в коем случае нельзя становиться напротив молящихся. Между священным деревом и основным костром не

должны находиться женщины. У священного дерева нежелательно присутствие иноверцев. Молельного дерева не должны касаться простые верующие. Священное дерево «оберегается от топора и пилы», осквернения. Вне молений вход в рощу запрещен, здесь нельзя ломать ветки, собирать ягоды и грибы, косить траву.

В настоящее время не все из этих табу соблюдаются последовательно и повсеместно. Так, по завершении обряда молящиеся, в том числе и женщины, подходят к *онапу*, обнимают его, прикладываются к нему.

Перед молением, обычно накануне, место вокруг дерева тщательно расчищается, из заранее заготовленных жердей перед священным деревом сооружается ***шаге*** / ***кумалтыш шаге*** / ***шелык*** / ***онапу-шагэ*** ‘жертвенник, род стола пред молитвенным деревом’ – стол, шириной примерно в один метр, длиной в два метра, высотой до пояса (*кыдал данăыт кӱкшытан*). Территория, окружающая *шаге*, является вторым по сакральной значимости местом мольбища. Возле *шаге* могут находиться только служители культа.

Справа от священного дерева, примерно в двенадцати шагах, ставят столбы из березы, дуба или ели (*тулменҥге* ‘букв. огненный столб’), к которым привязывают животных. К нему нельзя дотрагиваться до тех пор, пока с жертвуемыми животными не будет проведен обряд очищения.

На расстоянии в девять аршин от *тулменҥге* размещают скамью, где можно расположиться для отдыха, положить утварь.

Чуть в стороне готовят само место жертвоприношения (*шӱшкылмӧ вер* ‘место забоя’, *вӱрлаке* ‘яма для крови’). Глубина ямы до полуметра, по завершении ритуалов ее засыпают и присыпают пеплом, над ней разжигают костер. Отдельный костер разжигается для внеобрядовых действий: сожжения частей тела животных, которые не идут в дар.

Слева от *шаге* ставят подставку (столб) для свечи – *сорта менҥге*. Раньше на него лили расплавленное олово (*шийвулно* ‘букв. серебро-олово / серебряное олово’), прикрепляли серебряную монету, эта традиция в настоящее время возрождается: *Ик ой дене канăашен, Юмылан-Пӱрышылан пелештен, сурт гыч лектын, эре верышкет миен, онапу шынден, ужар шаге шарен, ший менҥге шогалтен, пурагоркам шынден, шийвуйно велен, ший окса пыштен, тичмаш ойгиндым пыштен, немыр подым шынден, саска сортат чӱктен, кугу шикшым кучышна, сӧрастарен чиктыме чинче пунан шарпочетым кучен, отышкет пуртышна* [Марий кумалтыш мут, 1991, с. 25] ‘Единодушно посоветовавшись, Богу-Предопределителю помолившись, из дома выйдя, на твое светлое место придя, священное дерево поставив, зеленый жертвенник расстелив, серебряный столб поставив, ковш с квасом поставив, серебро-олово расплавив, серебряные деньги положив, целый обещанный хлеб положив, котел каши поставив, восковую свечу зажегши, большое моление устроили (букв. большой дым держали), твоего украшенного (коня) с жемчужной шерстью взяв, в твою рощу ввели’.

Отдельный столб ставили и для ковша с квасом.

Расположение верующих в священной роще во время моления тоже имеет важное значение. В первом ряду стоят *карты* и *учо* – священнослужители и их помощники, за ними молящиеся старшего возраста. Слева от шаге, т.е. к востоку, стоят мужчины, справа – женщины. Между молящимися соблюдается расстояние в один локоть, между рядами молящихся – один аршин [Юмын йӱла, 2003, с. 174]. По форме такое расположение напоминает древо.

В настоящее время на территории Республики Марий Эл насчитывается более 600 священных рощ, 327 из них включены в ФГИС – Автоматизированную информационную систему «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Целенаправленная работа по выявлению, регистрации и охране священных рощ продолжается, чему способствуют и ежегодные экспедиции сотрудников Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. К примеру, в результате этнографической экспедиции в августе 2019 года были обследованы священные рощи и источники в Советском районе Республики Марий Эл (у деревень Тапшер, Кукмарь, Кундушумбал). В ходе экспедиции было установлено, что «во всех рощах молились пяти богам: *Тӱҥ Юмо* (*Ош Кугу Юмо* –

Верховный Светлый Великий Бог), *Мер Юмо* (Бог-посредник между людьми и *Ош Кугу Юмо*), *Шочын Ава* (богиня, Мать Рождающая), *Мланде Ава* (богиня, Мать Земли), *Курык Кугыза* (бог, хозяин горы). В жертву приносили: для *Тӱҥ Юмо* (*Ош Кугу Юмо*) – коня (*оргамак имне*), гуся (*комбо*), *Мер Юмо* – гуся (*комбо*), *Шочын Ава* – телку (*ушкалаш презе*), овцу (*шорык*), *Мланде Ава* – черную овцу (*шем шорык*), черного гуся (*шем комбо*), *Курык Кугыза* – гуся (*комбо*), овечку (*шорык*), барана (*тага*), утку (*лудо*) [Байдимиров, 2020, с. 191].

Заключение. Исходя из анализа текстов молитв можно прийти к следующим выводам. В концепте *ото* / *кӱсото* функционально значимыми для культуры марийского народа являются такие признаки: священная роща – место пребывания богов во время молений; место ритуального общения человека с богом; место принесения даров богам; символическое воплощение места, через которое ниспосылается изобилие, плодородие, плодовитость, благополучие; обеспечивается продолжение жизни, единение верующих, развитие общества. Все действия, связанные со священной рощей: выбор места самой рощи, выбор и / или посадка священных деревьев, расположение кострищ, стола для даров, расположение священнослужителей и верующих, священнодейства в роще – обладают глубоким символическим смыслом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Репрезентация концепта кӱсото ‘молитвенная роща’ в марийской лексикографии // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 7–10.

Абукаева Л.А. Концепт кӱсото ‘священная роща’ в системе марийских запретов // Функциональная грамматика: теория и практика: сб. науч. ст. по итогам Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конфер., посвящ. 70-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Л.Н. Оркиной / отв. ред. А.Д. Ахвандерова, О.А. Димитриева, З.Н. Якушкина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. С. 400–405.

Аудиокорпус марийских молитв: запись 1920 г. Л.А. Абукаевой от священнослужителя общины Марийской Традиционной Религии «Марий кумалтыш» п. Советский Республики Марий Эл Г.С. Милютина.

Байдимиров Д.А. Комплексная экспедиция сотрудников Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева по обследованию священных рощ и источников Республики Марий Эл 2019 г. // Финно-угроведение. 2020. С. 190–191.

Васильев В.М. Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илӹшэ марийӹн мутшӹм танастарэн нэргэлӹшэ книга. Моско: СССР калӹк-влак рӱдӧ савӹктӹш, 1926. 348 с.

Гадатели и знахари у царевококшайских черемис. Этнографический очерк свящ. С.А. Багина. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. 15 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть первая о народах финского племени, известных по Истории Российской под общим именем Руссов. СПб., 1799. 146 с.

Евсеев Т.Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 208 с.

Егоров Ф. Материалы по истории народа мари. Козмодемьянск, 1929. 110 с.

Запись 2021 г. от руководителя Централизованной Религиозной Организации Марийской Традиционной Религии Республики Башкортостан Пастиева Г.П., 1954 г.р.

Запись 2021 г. Абукаевой Л.А. во время молений на Агавайрем от Тушнурцева Ю.Д., карта Йошкар-Олинской общины МТР, 1949 г.р., г. Йошкар-Ола.

Знаменский П.В. Горные черемисы Казанского края // Вестник Европы. 1867. Т. IV. С. 30–71.

Мамаев В.М. Мустай ялын илыш корныжо, 1963. НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471. Л. 105–132.

Марий кумалтыш мут / сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256.

Марий кумалтыш мут радам / «Марий кумалтыш погын» марий юмыйӱлан У Торъял юмыйӱла организацийжым вуйлатыше В.Г.Блинов ямдылен. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2018. 36 с.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. 101 с.

Милютин В.Ф. Действительное описание жизни черемис, проживающих в Уржумском округе Вятской губернии / подгот. к публ., предисл. и примеч.А.Г. Иванова // Марийский археографический вестник. 2002. № 2. С. 133–151.

Молотова Т.Л. Марийцы-«язычники» в Урало-Поволжье: история и современность // Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья: монография. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. С. 71–89.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. № 1. Д. 1135. Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. Ӱпӧ губерний марийын, Озаҥ губерний марийын, Вятка губерний марийын, Перме губерний марийын. Казань, 1918. 61 л.

Петров В.Н. Марий Ю: Тӱрлӧ локтымо, чер, мужо ваштареш шӱведымаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. С. 92.

Попов Н.С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Археология и этнография Марийского края. Этническая культура марийцев (традиции и современность). Сб. ст. / МарНИИ. Вып. 26. Йошкар-Ола, 2002. С. 102.

Попов Н.С. Кӱсото – национальный символ мари // Кӱсото. Святая роща. Йошкар-Ола, 2012. С. 92–120.

Рычков Н. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1770. 189 с.

Саберов Р.А. «Место силы» в марийской религиозной традиции // Colloquium heptaplomeres. 2014. № I. С. 136–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sily-v-mariyskoy-religioznoy-traditsii/viewer.

Семенов Т. Черемисы. Этнографический очерк. М.: Типография А.Н. Снегиревой, 1893. 37 с.

Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань. Типография Императорского университета, 1889. 265 с.

Хольмберг У. Религия черемис // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 94. Л. 12.

Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.

Юмын йӱла. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тӱвыра да калык коклаче кыл шотышто министерство, Республикысе усталык рӱдер, 2003. 272 с.

Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Типография и литография В.М. Ключникова, 1887. 87 с.

Lyubov Abukaeva

THE CONCEPT OF *KӸCOTO / OTO* 'SACRED GROVE' IN MARI LINGOCULTURE

Introduction. The concept of *omo* / *кӱcomo 'sacred grove'* takes one of the important places in the conceptual sphere of the traditional Mari religion. **The objective of the article** is to analyze linguistic and cultural aspects of the concept of *omo* / *кӱcomo 'sacred grove'* – one of the fundamental Mari religious concepts – and to reveal its role in the believers' spiritual lives. **Materials and methods.** Sacred texts (prayers, charms), rites described in published sources, texts kept in the handwritten scientific foundation of the Mari Research Institute of Language, Literature and History, as well as records of prayers and rituals of the author serve as the research object. **Research results and discussion**. According to the ethnographic sources and research of the 18th-21st centuries, sacred groves can be classified on various bases. The grounds of their classification can be based either on people's beliefs or on scientific principles. Taking this into consideration we can identify groves dedicated to certain gods; groves in which prayers are made; groves which differ according to the rank of the supplications, groves dedicated to the higher gods; and groves in which sacrifices are made to lower deities and spirits. The significance of the sacred grove is verbally fixed in the texts of prayers and in the extended system of taboos. The concept of the *omo* / *кӱcomo* 'sacred grove' contains important cultural information, and reflects the system of spiritual values of the Mari people. **Conclusion.** In the concept of *omo* / *кӱcomo* 'sacred grove', the following features are functionally significant for the culture of the Mari: the sacred grove is the place of bringing gifts to the gods; the place where the gods are present during the believers' praying; the place of ritual communication between God and people; a symbolic embodiment of the place with the help of which abundance, fertility and well-being are sent down; the continuation of life, unity of believers and the development of society are ensured. All actions connected with the sacred grove such as the choice of the place of the grove itself, the choice and / or planting of sacred trees, the location of fires, the table for gifts, the location of priests and believers, and the sacred action in the grove have a deep symbolic meaning.

Key words: concept; linguocultural analysis; traditional Mari religion; prayer texts; sacred grove.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Reprezentacija koncepta kűsoto ‘molitvennaja roshha’ v marijskoj leksikografii [Representation of the concept of kűsoto ‘sacred grove’ in Mari lexicography]. *Problemy marijskoj i sravnitel’noj filologii*. Joshkar-Ola, 2020, pp. 7-10. (In Russian).

Abukaeva L.A. Koncept kűsoto ‘svjashhennaja roshha’ v sisteme marijskih zapretov [The concept of kűsoto ‘sacred grove’ in the system of Mari taboos]. *Funkcional’naja grammatika: teorija i praktika*. Cheboksary, Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 2021, pp. 400-405. (In Russian).

The Audio Corpus of Mari prayers: compiled by L.A. Abukaeva on the basis of the 1920 prayers by G.S. Milutin, the cleric of The Mari Kumaltysh community belonging to the Mari Traditional Religion, Sovetsky settlement, the Republic of Mari El.

Bajdimirov D.A. Kompleksnaja jekspedicija sotrudnikov Nacional’nogo muzeja Respubliki Marij Jel im. T. Evseyeva po obsledovaniju svjashhennyh roshh i istochnikov Respubliki Marij El 2019 g [T. Evseyev National Museum of the Republic of Mari El employees’ the 2019 expedition to examine sacred groves and springs]. *Finno-ugrovedenie*. 2020, pp. 190-191. (In Russian).

Vasilyev V.M. Marij muter (Marijskij slovar) [Dictionary of the Mari Language]. Moscow, SSSR kalyk-vlak rüdö savyktysh, 1926, 348 p. (In Mari).

Gadateli i znahari u carevokokshajskih cheremis. Etnograficheskij ocherk svjashhennika S.A. Bagina [Soothsayers and healers in Tsarevokokshaisk Cheremis’ beliefs. Ethnographical notes by priest S.A. Bagin]. Kazan’, Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta, 1910, 15 p. (In Russian).

Georgi I.G. Opisanie vseh obitajushhih v Rossijskom gosudarstve narodov. Ih zhitejskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej. Chast’ pervaja o narodah finnskogo plemeni, izvestnyh po Istorii Rossijskoj pod obshhim imenem Russov [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, entertainments, beliefs and other memorablenesses]. Saint Petersburg, 1799, 146 p. (In Russian).

Evseyev T.E. Kalyk ojpogo: toshto godso marij ojlymash, jomak, onchyk lijshash pale, omo kusaryme, tunykten kalasyme, voshtyltysh, tushto, kumaltysh mut da shuvedyme ju-vlak = Marijskij fol’klor: marijskie skazanija, skazki, predskazanija, snovidenija, nravouchenija, jumor, zagadki, molitvy i zaklinanija [Mari folklore: Mari tales, fairy tales, prophecies, morals, humor, mysteries, prayers and spells]. Yoshkar-Ola: Mari kniga savyktysh, 1994. 208 p. (In Mari).

Egorov F. Materialy po istorii naroda Mari [Materials on the history of the Mari people]. Kozmodemyansk, 1929, 110 p. (In Russian).

Record 2021 Abukaeva L.A. from the head of the Centralized Religious Organization of the Mari Traditional Religion of the Republic of Bashkortostan Pastiev G.P., born in 1954.

Record 2021 Abukaeva L.A. during prayers on Agavairem from Yu.D. Tushnurtsev, clergyman of the Yoshkar-Ola community of the Mari Traditional Religion, born in 1949.

Znamenskij P.V. Gornye cheremisy Kazanskogo kraja [Kazan region highhill Cheremis]. *Vestnik Evropy*. 1867, vol. IV, pp. 30-71. (In Russian).

Mamaev V.M. Mustaj jalyn ilysh kornyzho = Istorija derevni Mustaevo, 1963. *Nauchnyj rukopisnyj fond Marijskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta*, description1, case 471, pp. 105-132. (In Mari).

Marij kumaltysh mut [Texts of Mari prayers]. Compiler N.S. Popov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1991, 256 p. (In Mari).

Marij kumaltysh mut radam [Texts of Mari prayers]. Joshkar-Ola, 2018, 36 p. (In Mari).

Miller G.F. Opisanie zhivushhih v Kazanskoj gubernii jazycheskih narodov [Description of the pagan peoples in Kazanskaya Guberniya]. Saint Petersburg, 1791, 101 p. (In Russian).

Miljutin V. F. Dejstvitel’noe opisanie zhizni cheremis, prozhivajushhih v Urzhumskom okruge Vjatskoj gubernii. Podgotovka k publikacii, predislovie i primechanija A.G. Ivanova [Description of the Cheremis’ lives living in Urzhumsky Okrug of Vyatskaya Guberniya]. *Marijskij arheograficheskij vestnik*, 2002, no 2, pp. 133-151. (In Russian).

Molotova T.L. Mariitsy-“yazychniki” v Uralo-Povolzh’e: istoriya i sovremennost’ [Mari-“pagans” in the Ural-Volga region: history and modernity]. *Etnokonfessional’nye men’shinstva narodov Uralo-Povolzh’ya: monografiya* = Ethno-confessional minorities of the peoples of the Ural-Volga region: monograph, Samara, PGSGA Publ., 2010, pp. 71-89. (In Russ.).

Nauchnyj rukopisnyj fond Marijskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta, description 1, case 1135. Tűrlő marijyn kumaltysh mutysht. Űpő gubernij marijyn, Ozan gubernij marijyn, Vjatka gubernij marijyn, Perme gubernij marijyn. Kazan’, 1918, 61 p. (In Mari).

Petrov V.N. Marij Ju: Tűrlő loktymo, cher, muzho vashtaresh shűvedymash = Marijskie zagovory [Mari charms]. Joshkar-Ola, Mari kniga savyktysh, 1993, pp. 92. (In Mari).

Popov N.S. K istorii vozrozhdenija marijskih tradicionnyh molenij v konce XX veka [To the history of the traditional Mari prayers restoration at the end of the 20th century]. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Etnicheskaja kul'tura marijcev (tradicii i sovremennost')*. Joshkar-Ola, 2002, iss. 26, pp. 102. (In Russian).

Popov N.S. Kűsoto – nacional'nyj simvol Mari [Kűsoto – the Mari national symbol]. *Stepanova I. Küsoto. Svjataja roshha. Illjustrirovannoe izdanie*. Joshkar-Ola, 2012, pp. 8-28. (In Russian). (In Russian).

Rychkov N. Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestvija kapitana Rychkova po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu [Magazine, or Travel notes by Captain Rychkov on the provinces of the Russian state in 1769-17709]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1770, 189 p. (In Russian).

Saberov R.A. «Mesto sily» v marijskoj religioznoj tradicii ['Place of power' in Mari religious tradition]. *Colloquium heptaplomeres,* 2014, no I, pp. 136-141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sily-v-mariyskoy-religioznoy-traditsii/viewer. (In Russian).

Semenov T. Cheremisy. Etnograficheskij ocherk [The Cheremis. Ethnographical notes]. Moscow, Tipografija A.N. Snegirevoj, 1893, 37 p. (In Russian).

Smirnov I.N. Cheremisy. Istoriko-etnograficheskij ocherk [The Cheremis. Historical and ethnographic notes]. Kazan, Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1889, 265 p. (In Russian)

Holmberg U. Religija cheremis [The Cheremis religion]. Nauchnyj rukopisnyj fond Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, description1, case 94, p. 12. (In Russian).

Shkalina G. E. Svjashhennyj mir marijskij [The sacred Mari world]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019, 303 p. (In Russian).

Jumyn jűla = Marijskie tradicii [Traditions of the Mari]. Joshkar-Ola, Marij El Respublikyn tűvyra da kalyk koklase kyl shotyshto ministerstvo, Respublikyse ustalyk rűder, 2003, 272 p. (In Mari).

Jakovlev G. Religioznye obrjady cheremis [Religious rituals of the Cheremis]. Kazan, Tipografiya i Litografiya V.M. Klyuchnikova, 1887, 87 p. (In Russian).

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva
Doctor of Philology, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 811.511.151+394.3
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_02

АНТРОПОНИМЫ, СОЦИОНИМЫ И ТЕРМИНЫ РОДСТВА В МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ИГРАХ

© 2022 г. М.А. Ключева

Введение. Объектом исследования является игровая терминология в марийском языке. **Цель статьи** – обзор наименований человека в марийской игровой лексике, их анализ и классификация. В частности, в работе рассматриваются личные имена, термины родства, а также слова из лексико-тематической группы, которую мы условно обозначили как «соционимы»[1]: указания на половозрастной, социальный статус, национальность, род занятий, профессию и т.п. Такие термины широко применяются в народных играх, встречаются в считалках, хороводных песнях, разного рода игровых приговорках. **Материалы и методы.** Материал исследования – широкий круг текстов, сведенных в объемный двухтомный сборник «Марийские народные игры», который подготовлен к изданию в МарНИИЯЛИ в рамках серии «Свод марийского фольклора» (2016–2021). Эта работа является практически полным собранием всех имеющихся сведений о марийских народных играх; в частности туда вошли архивные данные, отечественные и зарубежные публикации (начиная с XVIII века и до наших дней), полевые записи современных собирателей. Основной метод исследования – описательно-аналитический, включающий выборку, классификацию и интерпретацию материала, а именно антропонимов, соционимов и терминов родства в лексике марийских народных игр. **Результаты исследования, обсуждения.** Основная функция слов названных групп в игре – наименование игроков, их ролей (т.е. это персонажная терминология) и предметов игры (предметная лексика). Термины родства, такие как *ава* ‘мать’, *кува* ‘бабушка’, *кугыза* ‘дедушка’, а также статусные наименования *оза* ‘хозяин’, *кугыжа* ‘царь’, характеризуются выраженными мифологическими коннотациями, поскольку традиционно используются и как эвфемические наименования сверхъестественных существ. Личные имена (оригинальные марийские и позднейшие заимствования из русского), названия профессий, рода занятий (например, *орол* ‘сторож’, *сонарзе* ‘охотник’, *кӱтӱчӧ* ‘пастух’, *доктыр* ‘доктор’, *кновал* ‘коновал’, *ужалыше* ‘продавец’, *судья*, *як* ‘дьяк’, *снайпер*, *йошкаргэ дэн ошо-влак* ‘красные и белые’, *шпион-влак* ‘шпионы’, *пионер* и т.д.), этнонимы (например, *марий* ‘мари’, *руш* ‘русский’, *суас* ‘татарин’, *кукмарий* ‘чуваш’, *немыч-шамыч* ‘немцы’, *цыган*, *англичанин* и др.) несут в себе этнографическую и историческую информацию. Они отражают социальную структуру общества, род занятий марийского населения, правовые, политические, религиозные практики, семейный быт, взаимодействие мари с другими народами, современность и даже влияние мировой массовой культуры (например, игра *Тарзанла* ‘В Тарзана’). **Заключение.** На языковом уровне, через лексику игры, выражается народное видение социальной реальности и истории в игровой картине мира.

Ключевые слова: народные игры; игровой фольклор; детский фольклор; марийский язык; финно-угорские языки; игровая лексика; игровая терминология; персонажи фольклора; антропонимы; термины родства; соционимы.

[1] Слово «соционим» является неологизмом, образованным аналогично термину «этноним» (от лат. socius – общественный + др.-греч. ὄνυμα – имя, название), т.е. соционим – это социальный определитель, коллективное имя, название социальной группы. Слово «соционим» встречается в современной научной гуманитарной литературе, но еще не является общенаучным термином с четко заданным значением, отсутствует в нормативных словарях русского языка.

Введение

Содержанием данной статьи является анализ игровой терминологии в марийском языке, а именно обзор наименований человека в марийской игровой лексике. К ним относятся личные имена, термины родства, названия профессий и рода занятий, этнонимы, указания на половозрастной, социальный статус и проч. Чаще всего слова этих лексико-тематических групп являются наименованиями игроков, в меньшей степени – предметов игры, которые выступают субъектами действия, приближаясь по своей функции к персонажам[2].

Цель исследования в основном описательная, а именно: полный обзор определенного тематического пласта лексики в игровом фольклоре, классификация этих слов по тематическим группам (термины родства, личные имена, этнонимы, профессионимы и др.) и по функции в игре (преимущественно персонажные и предметные термины).

Материалы и методы

Исследование проведено на материале двухтомного сборника «Марийские народные игры», подготовленного к изданию в МарНИИЯЛИ в рамках серии «Свод марийского фольклора»[3]. Этот корпус источников содержит практически все описания марийских игр из отечественных и зарубежных публикаций фольклорно-этнографического характера за период с 1756 года по настоящее время, из лингвистических работ и словарей, художественной литературы, архивных источников (фонды МарНИИЯЛИ) и современных полевых записей, публикаций в прессе, интернете и др. При цитировании марийских слов и текстов сохраняется орфография источника. В ссылках указывается номер источника в сборнике «Марийские народные игры» [МНИ].

Метод исследования – преимущественно описательно-аналитический, включающий полную выемку материала, классификацию, обобщение и интерпретацию полученных данных.

Результаты исследования, обсуждения

Основное содержание статьи излагается в трех параграфах: в первом параграфе дан обзор личных имен (антропонимов) в марийских народных играх, во втором рассматриваются соционимы (этнонимы, профессионимы и т.п.), в третьем – термины родства.

1. **Личные имена** в играх используются как формализованно (устойчивые словоупотребления), так и окказионально. Формализованные имена – это закрепленные в названии игры, в постоянном наименовании персонажа, предмета игры, например: водящие в жмурках *Васли кува* ‘Бабушка Василиса’ или *Васли кугыза* ‘Дед Василий’ (от названия «Васильев вечер» – праздника в канун Нового года, к которому была приурочена игра, и от наименований ряженых на этом празднике) [МНИ, № 927, 2397]; *Васли калпак* ‘Колпак Василия’ – сбиваемый предмет в игре с палками [МНИ, № 1399, 1400, 1401, 1402]; название *Марьяла* ‘В Марью’ игры типа горелок [МНИ, № 978, 979, 981, 982][4]. Еще в одной своеобразной игре *Тарзанла* ‘В Тарзана’ [МНИ, № 2454] закрепилось имя киногероя (персонажа мирового кинематографа). Так проявляется влияние массовой культуры на марийский фольклор.

Некоторые личные имена в хороводных, посиделочных играх также закрепились в их названиях, хотя структура игры предполагает сменяемость имен в ходе игры. Речь идет о песнях типа каравая, где в ситуации игры звучат реальные имена участников. Таковы игры и игровые песни: *Ойлен колто, Ванюш(к)а* ‘Скажи-ка, Ванюш(к)а’ [МНИ, № 2088, 2089], *Йӓ, Танюша, келесӓл* ‘Скажи-ка, Танюша’ [МНИ, № 2090], *Чачи модыш* ‘Игра Чачи (Татьяна)’ [МНИ, № 2091], *Катя шинча нералтен* ‘Катя сидит дремлет’ [МНИ, № 2093], *Шоҥго Чавай кувавайже* ‘Старая бабушка Чавай’ [МНИ, № 2123]. Названием игры в данных случаях становится первая строчка игровой песни, т.е. по нашей типологии народных наименований игр это названия-цитаты [Ключева, 2018,

[2] О предмете игры как субъекте действия в подвижных играх см. [Гаврилова, 2017, с. 10].

[3] На данный момент эта книга не опубликована, рукопись объемом ок. 60 авторских листов хранится в библиотеке МарНИИЯЛИ (шифр НРФ, оп. 3, № 449). Ранее на материале этого сборника были проведены исследования зоонимов и мифонимов в марийских народных играх [Ключева, 2020 б; 2020 в; 2022].

[4] *Марья* в горномарийском и в диалектах лугового наречия является также названием немарийской женщины (кроме чувашки) [Саваткова, 2008, с. 151].

с. 55–56]. См. также личные имена в игровых песнях: *Элэксэ ӱдӱр Палагийжэ* ‘Дочь Алексея Пелагея’, *Андри эргэ Кыргорийжэ* ‘Сын Андрея Григорий’ [МНИ, № 2111], *Василий* [МНИ, № 2115], *Ведат Метриет* ‘Дмитрий Федотович’ (букв. ‘Федота Дмитрий’), *Метрий* [МНИ, № 2116], *Йогор*, *Галина* [МНИ, № 2127], *Йогор*, *Марья*, *Миколай*, *Пӧкла* [МНИ, № 2128], *Ульяна*, *Митюша* [МНИ, № 2129], *Софи* [МНИ, № 2130], *Просийэм* ‘Моя Фрося’, *Эчук* [МНИ, № 2132], *Марья* [МНИ, № 2132], *Иван* [МНИ, № 2143], *Ондри* [МНИ, № 2146], *Йываныи Любаже* ‘Люба Ивановна’ (букв. ‘Ивана Люба’), *Кугу Кузьма* ‘Большой Кузьма’ [МНИ, № 2148], *Мар’йа*, *Гена*, *Тар’йа, Пентегова Нина* [МНИ, № 2184] и проч.

Аналогично определенный набор личных имен закрепился и в текстах считалок: *Микита* [МНИ, № 18, 450], *Зинушина* ‘Наша Зина’ [МНИ, № 36], *Аня* [МНИ, № 55], *Ваня* [МНИ, № 61], *Маша* [МНИ, № 62], *Шымай* [МНИ, № 68], *Кузьма Япык* ‘Яков Кузьмич’ (букв. ‘Кузьмы Яков’) [МНИ, № 78], *Авел-Павел* в асемантических считалках [МНИ, № 128–131], *Ивук* [МНИ, № 139], *Йывук* [МНИ, № 140], *Кужу Япык* ‘Длинный Яков’ [МНИ, № 193а], *Тикын* в асемантической считалке [МНИ, № 216], *Марина* [МНИ, № 227], *Шарик-Шурик, Тоня* [МНИ, № 235], *Тачана* [МНИ, № 240], *Вачук*, *Алёш* [МНИ, № 253а], *Вачий* [МНИ, № 262], *Мичий* [МНИ, № 263], *Мытырий*, *Катырий* [МНИ, № 265], *Метрий* [МНИ, № 266], *Метырий* [МНИ, № 269–271], *Мызырий* [МНИ, № 286], *Матран Метрий* ‘Матрёнин Дмитрий’ [МНИ, № 325], *Печу* [МНИ, № 328], *Яку* [МНИ, № 335, 337], *Яныш* [МНИ, № 339, 340], *Еремей* [МНИ, № 342], *Шумат* [МНИ, № 385], *Павыл* [МНИ, № 397], *Бӓли* [МНИ, № 398, 399], *Вали* [МНИ, № 400], *Васли* [МНИ, № 401], *Калий* [МНИ, № 402]; в считалках-дразнилках и прочих фольклорных текстах, выступающих в функции считалок: *Ана-Ана – артана* ‘Аня-Аня – поленница’ [МНИ, № 432, 433], *Андри лопчык* ‘Андрей приземистый’ [МНИ, № 435], *Андрий* [МНИ, № 436], *Андыри* [МНИ, № 437], *Варвара* [МНИ, № 438], *Васлича-кусличa* [МНИ, № 439], *Елуш* [МНИ, № 440], *Иля* [МНИ, № 441], *Ипат* [МНИ, № 442], *Йываи* [МНИ, № 443], *Коля-Коля, Николай* [МНИ, № 445], *Кычи-качи, Качырий* [МНИ, № 446], *Кукувика – Ямбика* [МНИ, № 447], *Мая, Фая, Тая* [МНИ, № 448], *Витя* [МНИ, № 449], *Таня, Тоня да Аркаш* [МНИ, № 451], *Петя* [МНИ, № 452], *Славик* [МНИ, № 453], *Василий* [МНИ, № 454), *Пӓер* [МНИ, № 458), *Пӓйралче* [МНИ, № 459), *Пайралче* [МНИ, № 460, 461], *Петыр*, *Йываи* [МНИ, № 470], *Яныk* [МНИ, № 478, 479а], *Япык* [МНИ, № 479], *Андри вате* ‘Жена Андрея’ [МНИ, № 500], *Танвай вате* ‘Жена Танвая’ [МНИ, № 66].

По этим перечням можно получить определенное представление о наиболее популярных марийских именах[5], а с учетом паспортных данных записей (см. в [МНИ]) – об их изменении с течением времени и распределении в разных этнографических группах. В частности, в игровом фольклоре некрещеных восточных мари широко представлены традиционные марийские имена (например, *Шумат*, *Пайралче*, *Шымай, Бӓли*), тогда как у луговых и горных мари преобладают имена, пришедшие из русского языка. В более ранних записях, относящихся к началу XX века или сделанных у информантов, родившихся в первую половину XX века, эти имена обычно имеют специфический марийский фонетический облик (например, *Йываи* или *Ивук* вместо *Иван*, *Йогор* вместо *Егор*, *Чачи* или *Тачана* вместо *Татьяна*, *Анук* вместо *Анна* и т.п.). Начиная со второй половины XX века имена-русизмы в детском игровом фольклоре все больше произносятся неотличимо от русских, например: *Танюша*, *Юра*, *Рита*, *Нина*, *Славик* и т.д. Примеры причудливого сплетения различных по происхождению имен (марийских, русских, иностранных) встречаются в позднейших записях, например, в игре в куклы (*курчак*) – типа игры в краски: «*Тут продавец перечисляет имена кукол: Катя, Синди, Салика… Медведь выбирает одну*» [МНИ, № 1137]. Важно отметить, что в аутентичных текстах считалок мужские имена значительно преобладают над женскими, а женщины могут именоваться по имени мужа, например: *Андри вате* ‘Жена Андрея’, *Танвай вате* ‘Жена Танвая’.

Интересны примеры использования личных имен при художественном приеме парони-

[5] Об антропонимах в марийском фольклоре см. также [Черных, 1995; Глухова, 2016, с. 60–65].

мической аттракции в считалках. В частности, в нижеследующей считалке-числовке числительные от одного до десяти чередуются с созвучными им личными именами:

Икыт – Микыт,	‘Один – Никита,
Кокыт – Кори,	Два – Кори,
Кумыт – Курий,	Три – Курий,
Нылыт – Нони,	Четыре – Нони,
Визыт – Вачи,	Пять – Вачи,
Кудыт – Кузи,	Шесть – Кузи,
Шымыт – Сылий,	Семь – Сылий,
Кандаш – Кондратий,	Восемь – Кондратий,
Индеш – Игнатий,	Девять – Игнатий,
Лу – Лука.	Десять – Лука’

[МНИ, № 19][6].

Случайный характер носит упоминание отдельных личных имен участников в ходе игры, например, в формульных фразах, разного рода чураниях в прятках: *Ондрий, накас!* [МНИ, № 884], *Анук чок*, *Аркась чóнди*, *Сашок чóндри!* [МНИ, № 824], *Галя чур* [МНИ, № 822], *Алёша, чыр, Таня чыр* [МНИ, № 903], *Женя, кулай* [МНИ, № 830], *Юра, клай-клай!* [МНИ, № 859], *Риталан кулай* ‘Рите кулай’ [МНИ, № 891], *Кулай-кулай Йыван* [МНИ, № 900], *Нина зáпырт* [МНИ, № 885], *Ваня öркӹ* ‘Ваня лентяй’ [МНИ, № 887], *Сергей, лек* ‘Сергей, выходи’ [МНИ, № 817], *Надя, лäкок* ‘Надя, выходи-ка’ [МНИ, № 894], *Л(у)аткок панды Коля* ‘Двенадцать палочек Коля’ [МНИ, № 895], *Тук-тук Машалан* ‘Тук-тук Маше’ [МНИ, № 910] и т.п. То же при вызове конкретного игрока в играх типа «цепи кованые», например: «*Кырген-кырген татарин, кого любишь, выбирай!*» – «*Анукым*» ‘Аню’ [МНИ, № 1712][7] (также во множестве других подобных ситуаций называния в игре конкретного игрока). В посиделочных играх встречается наказание – «женить» (предлагают выбрать палец – на каждый палец загадано имя), и там тоже звучат личные имена участников игры и других знакомых им лиц. Например, в игре в колечко: *Jaku·p eryəže· Kuźma· tala·t mari·ị* ‘Сын Якова Кузьма тебе муж’ [МНИ, № 1798]. Заметим, что в подобных игровых ситуациях звучат именно подлинные имена игроков (имена из жизненной реальности).

Составляя рассказ об игре, информант может давать условные имена игрокам, чтобы рассказ был удобнее и слушателю (читателю) легче было бы следить за ходом игры и действиями конкретных игроков. Например, в игре *Акули* типа чижа рассказчик, публикуя свой меморат детства в соцсети, дает игрокам условные имена *Ондри* и *Волойкы* [МНИ, № 1368].

Что характерно, такие окказиональные вкрапления личных имен в текст об игре представлены в нашем корпусе материалов в основном в полевых аудиозаписях современных фольклористов либо в художественной литературе. Так, в рассказе «Örмök»[8] Я. Элексейна (1932 г.) в игре *Шергаш кышкен модмаш* ‘Игра в колечко’ участвуют персонажи с именами: *Örмök*, *Пайки*, *Сылвика*, *Йамбика* [МНИ, № 1803]; в рассказе «Таргылтыш» («Леший») И. Одара (1929 г.) в игре в прятки – *Сапан*, *Миклай*, *Метрий*, *Ондри*, *Опанас*, *Васлий*, *Осып* [МНИ, № 884], они же (исключая *Осыпа* и *Сапана*) и *Каврий* в этом рассказе играют в свадьбу [МНИ, № 2168]; в повести «Ӱдрамаш корно» (‘Доля женская’) Шабдара Осыпа (1930 г.) в игре *Покшел меҥге* ‘Срединный столб’ типа горелки – *Васли*, *Пэтыр*, *Ана*, *Сэргэй*, *Марина* [МНИ, № 1013]; в романе «Тӱтан» («Буря») В. Иванова (1965 г.) в игре *Утышо дене* ‘В лишнего (горелки)’ – *Елуш* и *Эрик* [МНИ, № 1012] и т.д. Сцены с играми в художественной литературе служат показу детства героев, зарождения их нежных чувств друг к другу (особенно в играх в колечко, в горелки и т.п.). В популярных изданиях, представляющих игры, напротив, избегают использовать личные имена, чтобы описание игры получилось обобщенным.

В фольклорных рассказах об играх нередко называются не только имена, но и фамилии реальных людей, например, *Пентегова Нина* [МНИ, № 2184], жители деревни *Ваулин дä Петухов* ‘Ваулин и Петухов’ [МНИ, № 2228], учитель *Истратов* [МНИ, № 2226]. Из мемората об игре вырастают новые устные расска-

[6] Подробнее о подобных языковых особенностях марийских считалок см. [Ключева, 2020а].

[7] О зачинах типа *Кырген-кырген татарин* в народных играх Марий Эл и Чувашии см. в статье [Романий, Ключева, 2016].

[8] Örмök (в русской транскрипции Эрмек) – мужское личное имя, в рассказе – имя главного героя.

зы о конкретных людях и забавных ситуациях. В частности, в ходе наших полевых записей таким образом из повествований об игре «выпочковались» рассказы о прозвищах *Кир-полтора* (информант Н.С. Попов) [МНИ, № 1536], *Пардан Аркадий* и пр. Приведем пример последнего. Информант Иванов Александр Аркадьевич (1952 г.р., уроженец д. Азиково (Нурдуваш) Кильмезского района Кировской области) рассказывает об игре в деньги – *в лунку*, после чего по-русски дополняет:

Чтобы добыть деньги для игры, дети собирали тайком от родителей куриные яйца и сдавали в магазин (одно яйцо стоило 5 копеек). Продавец, принимая яйца, проверял, свежие ли они, тряс, проверяя, как они булькают. Мог несвежее яйцо и не взять. На полученные деньги играли.

Был случай с Пардан Аркадием (двоюродный брат информанта Александра Аркадьевича). После войны 1941–1945 годов многие строили новые дома, были «помочи», помогали всем миром строить дома. А на новоселье было принято забивать молотком в матицу «серебряные» монетки (т.е. 10, 15, 20 коп.). Все гости давали для этого монеты. Они вдавливались при ударе молотком в древесину, но были видны. И вот Аркадий захотел эти монетки добыть. А там высоко, поэтому сшибали их ухватом. Через некоторое время родители заметили, что монет на матице стало меньше – отец поругал сына за это. А потом через какое-то время, из-за этого греха, как думал Аркадий, в дом ударила молния, и дом сгорел! Вот такой был случай.

Прозвище героя этого рассказа «Пардан Аркадий» возникло так. Во время Великой Отечественной войны отец этого Аркадия был в плену у немцев, бежал. Это было во Франции. Во время побега его укрыла французская крестьянка, зарыв в навоз. Немцы потыкали в навоз штыками, проткнули ему руку, но он стерпел, промолчал. Немцы ушли. Французские крестьяне его укрыли, и до конца войны он жил у них, работал по хозяйству. Французы все время говорили «пардон», отсюда и этого фронтовика по возвращении после войны домой односельчане стали называть «Пардан». Соответственно и его сын получил прозвище «Пардан Аркадий» [МНИ, № 1522].

Таким образом, фольклорные рассказы разной тематики (включая рассказы об играх) образуют циклы этнографического, исторического, сатирического и прочего содержания, и личные имена в этих циклах могут выступать в качестве связующего звена.

2. **Собственно соционимы** в играх – это названия профессий, рода занятий, социальной функции и социальных отношений. Они используются как наименования водящих игроков в играх преследования, например: *орол* ‘сторож’ [МНИ, № 985], *доктыр* ‘доктор’ [МНИ, № 1100], *кок вор* ‘два вора’ [МНИ, № 1121], *колдун* [МНИ, № 1061]; в играх типа краски: *маляр* [МНИ, № 1124], *чия мастар* ‘красильщик’ [МНИ, № 1125], *налше* ‘покупатель’ и *продавец* [МНИ, № 1128]; *выжалшы* ‘продавец’ – *нäлшы* ‘покупатель’ [МНИ, № 1138], *ужалыше* ‘продавец’ – *налше* ‘покупатель’ [МНИ, № 1139], *монах* (покупатель), *продавец*, *художник с красками* [МНИ, № 1134], *пионер*, покупающий краски [МНИ, № 1132]; в угадах – *мужан* ‘ворожец’ [МНИ, № 1751]; в играх с мячом типа вышибал – *охотники* [МНИ, № 1224, 1225, 1226, 1229, 1236], *охотниквлä* ‘охотники’ [МНИ, № 1228], *сонарзе* ‘охотник’ [МНИ, № 1227, 1239, 316], *снайпер* [МНИ, № 1241]; *кӱтӱчӧ* ‘пастух’ [МНИ, № 1472], *ханы* – наименование маток (*ава*), т.е. главарей команд в игре [МНИ, № 1193].

Особую группу тут составляют наименования противников в играх на военную тему, например, игры: *Бело-красное* [МНИ, № 1237], *Белый-красный* [МНИ, № 1238], ср. *Йошкаргэ дэнэ ошо-влак* ‘Красные и белые’ [МНИ, № 1238], *Отаман дене* ‘В атамана’ [МНИ, № 842]; персонажи: *немыч* ‘немец, немцы’, *командир*, *начальник штаб* ‘начальник штаба’, *разведчик*, *часовой*, *противник* [МНИ, № 1194], *шпион-пограничник* ‘шпионы-пограничники’ [МНИ, № 1201, 1202], *главарьышт* ‘главари (шпионов, пограничников)’ [МНИ, № 1202], *шпион-влак* ‘шпионы’, *милиционер-влак* ‘милиционеры’ [МНИ, № 1203], *партизан* ‘партизаны’, *немыч-шамыч* ‘немцы’ [МНИ, № 1204], *партизаны, немцы* [МНИ, № 2231], *салтаквлä* ‘солдаты’, *красныйвлä* ‘красные’, *белыйвлä* ‘белые’, *командирвлä* ‘командиры’, *пленныйвлä* ‘пленные’ [МНИ, № 1205] и проч. В игре могут содержаться развернутые перечисления

воинских званий: *майор*, *лейтенант*, *капитан* и т.д. [МНИ, № 2231]. В зависимости от звания, игроки прилепляли себе на плечи репейник, словно звезды на погонах: один – у майора, два – у лейтенанта, три – у старшего лейтенанта и т.д. В таких наименованиях персонажей игры отражаются события отечественной истории XX века (прежде всего войн гражданской и Великой Отечественной), что вполне характерно для детского игрового фольклора народов России как выражение естественной памяти – народной истории, а также как следствие патриотического воспитания в школах. Об играх на аналогичные сюжеты на русском материале см. [Гаврилова, 2013; Ключева, 2011].

В одном из описаний игры в горелки стоящие в ряд игроки сравниваются со взводом солдат: *Модшо-влак мужыр дене строитлалтше салтак взвод семын шогалыныт.* ‘Играющие становились парами, как построившийся взвод солдат’ [МНИ, № 994]. Термины *салтак* ‘солдат’, *салтак вуй* ‘голова солдата’ используются также как наименования предмета игры – сбиваемой чурочки в играх с палками [МНИ, № 1416, 1417]. С другой стороны, в названиях предметов игры встречаются и наименования «магических специалистов»; сбиваемый предмет (чурка, банка, кость) в играх типа пыжа, городков называется по-русски – *поп*, *попик* [МНИ, № 1438, 1425], у восточных мари – также *молла панҥга* ‘чурка, игральная кость жреца (муллы)’ [МНИ, № 1452–1453].

Достаточно широко соционимы представлены в подражательных играх, в том числе отражающих тему суда, популярную в особых календарно- и обрядово-приуроченных играх, известных еще по записям XIX века у мари Пермской губернии: судья, исправник, становой, сотский, воры, пьяницы, истцы, ответчики [МНИ, № 2149][9], *судья*, *вор*, *кок вор* ‘два вора’, *полицейский* [МНИ, № 2150], *заседатель-влак* ‘заседатели’, *продавец*, *имне вор-влак* ‘конокрады’, *кредалше-влак* ‘драчуны’ [МНИ, № 2151], *имне вор* ‘конокрад’, *начальник*, *уратник* ‘урядник’ [МНИ, № 2152], *сыщик*, *вор*, *палач* [МНИ, № 2153]. Другая традиционно популярная тема – это рекрутский набор в играх ряженых на празднике Шорыкйол. Но эти игры и их лексику мы в данной статье не рассматриваем, отсылая к специальному исследованию В.А. Акцорина о марийском народном театре [Акцорин, 1976].

Среди прочих сюжетов в неприуроченных подражательно-импровизационных играх детей – магазин, проводы в солдаты, свадьба, больница, уход за животными и проч. Соответственно, в подобных играх встречаются соционимы-имена персонажей: *продавец*, *налаш толшо-влак* ‘покупатели’ [МНИ, № 2175]; *салтак* ‘солдаты’ [МНИ, № 2179–2181]; *продавец*, *врач*, *доктор*, *больной* [МНИ, № 2196]; *продавец*, *покупатель* [МНИ, № 2205, 2206], *вор*, *староста* (*судья*) [МНИ, № 2236]; вор в магазине [МНИ, № 2207], *шӱвырзӧ* ‘волынщик’ и *тӱмырзӧ* ‘барабанщик’ в играх в свадьбу [МНИ, № 2168], *пастух* [МНИ, № 2209], *кӱтӱчӧ* ‘пастух’ [МНИ, № 2525], *кновал* ‘коновал’ [МНИ, № 2511]. См. также игры *Фермыла* ‘В ферму’ [МНИ, № 2208], *Имньым кӱтен* ‘В пастьбу коней’ [МНИ, № 2210], *Вольык ончен* ‘В присмотр за скотиной’ [МНИ, № 2212], *Конный дворла* ‘В конный двор’ [МНИ, № 2213], *Про колхоз* [МНИ, № 2230], в описаниях которых наименований профессий нет, но, судя по сюжету, в процессе игры в ходе импровизации вполне могли звучать.

В игре-забаве *звездочет* – наименование игрока, который смотрит «на небо» сквозь рукав, как в телескоп, а потом ему в лицо в шутку наливают воду [МНИ, № 2321].

В марийских играх встречаются следующие **этнонимы**: *черемисин* и *русский* в жеребьевой сговорке, по которой происходит разделение игроков на две команды («Одинъ изъ ханов опять долженъ пригласить «черемисина», а другой – «русскаго») [МНИ, № 1193], *татарин* в приговорке «*Кырген-кырген татарин*» в игре типа «цепи кованые» [МНИ, № 1712], *цыган, цыганка* в хороводной песне-игре [МНИ, № 2104][10], *англичанин-чия мастар* ‘англичанин-красильщик’ в игре типа

[9] Названия игр и игровые термины здесь и далее не выделяются курсивом, если в источнике описание игры дано на русском языке без указания собственно марийской лексики.

[10] Ср. с песней-игрой «Все цыганы пили и гуляли» у русских Каракулинского р-на Удмуртии [Стародубцева, 2001, с. 269–270].

красок [МНИ, № 1125]. В играх в войну противники называются «русскими» и «немцами» [МНИ, № 2231]. Некоторые игры определяются информантами как русские, например, *руш лапта* ‘русская лапта’ [МНИ, № 1317]; достаточно часто, рассказывая об играх, информанты указывают, что в эту игру «и русские играют» и что игра «общероссийская» (например, о городках в [МНИ, № 1469]). Названия национальностей встречаются в считалках: *кукмарий* ‘чуваш’ [МНИ, № 267], *руш* ‘русский’ [МНИ, № 276], *суас* ‘татарин’ [МНИ, № 292–294, 396], *татарский мирный сотньык* ‘…сотник’ [МНИ, № 198], *татарин* в считалках на русском языке [МНИ, № 605, 606], *немыч* ‘немец’ [МНИ, № 335, 336][11].

В текстах считалок наблюдаются и прочие соционимы, например: *барин* [МНИ, № 291], *король*, *королевич*, *царь*, *царевич*, *ургызо* ‘швец, портной’, *апшат* ‘кузнец’ [МНИ, № 329], *поп* [МНИ, № 357–359], *мурзым (доктыр)* ‘доктор’ [МНИ, № 499а], *инженер*, *конюх*, *бригадир*, *апшат*, *столяр*, *тале офицер* ‘бравый офицер’ [МНИ, № 383], *сотник* [МНИ, № 239], *салтак* ‘солдат’, *кугыжа* ‘царь’ [МНИ, № 403]. В хороводных песнях упоминается дьяк, точнее персонаж по имени *мемнан якын куваже* ‘жена нашего дьяка’ [МНИ, № 2063][12].

3. **Термины родства**[13] составляют весьма значительную часть персонажной игровой терминологии. Функционально к этой же группе можно отнести и статусное наименование *оза* ‘хозяин’. Такие термины встречаются преимущественно в играх преследования и в подражательно-импровизационных играх, выражающих тему семейного быта. Примеры из игр преследования: *папа* ‘бабушка’, *рвезывлӓ* ‘дети’ [МНИ, № 1104], *кува* ‘бабушка’ [МНИ, № 1109, 1110, 1118, 1121], дедушка [МНИ, № 1111], *хоза вӓтьӹ* ‘хозяйка дома’, *ӹдьӹржьӹ* ‘ее дочь’ [МНИ, № 1120], *ава* ‘матки-ханы (главари команд)’ [МНИ, № 1193], *оза-кува* ‘бабушка-хозяйка’ [МНИ, № 1101, 1117], хозяйка [МНИ, № 1112], *оза* ‘хозяин’ [МНИ, № 1113, 1115, 1119, 1472], *аваже* ‘мать’ (водящего) и *ачаже* ‘отец’ (водящего) [МНИ, № 1184]; в горелках – *тулык* ‘вдовец (вдова), сирота’ [МНИ, № 999], *тулык меҥге* ‘одинокий столб’ [МНИ, № 1000, 1001] и проч. В подражательных играх: *акак-кокай* ‘сестрицы-тетушки’ [МНИ, № 2176]; сват, сваха, жених, невеста [МНИ, № 2165], *каче-вате* ‘женихи-жены’ [МНИ, № 2167], *ӱдыр-каче* ‘невесты-женихи’, *савуш* ‘дружка (шафер)’, *сӱан-вате* ‘свадебные женщины (гостьи)’, *кугырак* ‘главный’, *сӱан калык* ‘свадебный народ (гости)’, *ӱдыр* ‘невеста’, *каче-марий* ‘жених’ [МНИ, № 2168]; *сӱӓн-ватьӹвлӓ* ‘свадебные женщины’, *ӓзӓвлӓ* ‘младенцы’, *мары* ‘муж’ [МНИ, № 2169]; *вӓты-маре* ‘жены-мужья’ [МНИ, № 2234], *мары* ‘муж’, *вӓтьӹ* ‘жена’ [МНИ, № 2182], то же – *марий*, *вате* [МНИ, № 2183], *ава-ача* ‘родители (букв. мать-отец)’ [МНИ, № 2195], мать, сестра [МНИ, № 2196], *кресава* ‘крестная’, *кресачи́* ‘крестный’, *аз’а* ‘младенец’ [МНИ, № 2184] и проч. В считалках в дополнение к перечисленным встречаются термины родства *шӱжар* ‘младшая сестра’ [МНИ, № 464, 465], *кугыза* ‘старик’ [МНИ, № 273–275].

Любопытно использование асемантизированного русского термина родства «мать» > *матки* в марийских наименованиях игры в лапту: *Матке* ‘Матка’, *Маткыла*, *Маткала* ‘В матки’ (у елабужских, горных и моркинских мари – [МНИ, № 1334–1337]). Они восходят к аналогичным русским названиям лапты типа *Матка* (Харьк.) [Иванов, 1889, с. 28; Игры народов СССР, 1933, с. 512, № 1359], *Мать* (Курск.), *Маты* (Херсон.), *На матки*, *Матка на выкуп* (Вят.) [Покровский, 1895, с. 268]. *Матки* здесь – условное игровое наименование главарей команд (малорос. ~ укр. *маты*). Аналогично *ава-шамыч* ‘матки’ – игроки, бросающие палки в цель в игре *Васли калпак* ‘Колпак Василия’ (Параньгинский р-н РМЭ) [МНИ, № 1402].

[11] В популярном считалочном зачине *Ик марий пазарыш каен* ‘Один мари поехал на базар’ [МНИ, № 272, 278–290] *марий* – не столько этноним, сколько половозрастная характеристика ‘мужик, мужчина, муж’. Аналогично в [МНИ, № 265–271] и др. (Русский аналог этой считалки – «Ехала телега – сломалось колесо. Сколько гвоздей на починку ушло?»)

[12] *Мемнан якын куваже лиштен латныл шочшым* ‘Жена нашего дьяка родила четырнадцать детей’ – ср. с игрой вятских русских «Перелизы», где песня «У дядюшки Трифона семеро детей» [Покровский, 1895, с. 202], там же указания на аналогичные игры у народов Западной Европы.

[13] См. лексикологическое исследование о марийских терминах родства [Андрианова, 2000].

Вместе с тем у горных мари *Маткыла* ‘В матки’ фиксируется еще и как название игры в камушки, и сами камушки в этой игре называются *матке* [МНИ, № 1501]. Аналогично у русских *матка* – один из пяти камушков, который первым подбрасывают вверх в играх с камушками (Астрах.) [Покровский, 1895, с. 343]; крупный орех, употребляемый при игре в ямку (Йонав. Лит. ССР, 1960) [СРНГ, 1982, вып. 18, с. 32]. В наименованиях предметов игры термины родства встречаются также в играх с палками типа пыжа у восточных мари: *павай* ‘дед’ – сбиваемая чурка [МНИ, № 1431], *шӓркӓ иге* ‘детеныш шарка’ – биток, кусок дерева, по которому бьют битой-палкой, которая называется соответственно *шарка тойа*, *шӓркӓ тойа* ‘палка-шарка’ [МНИ, № 1478].

Следует отметить значительную **мифологизированность терминов родства** в народных играх и фольклоре вообще. Ср.: в наименовании почитаемых сверхъестественных существ широко используется термин родства *ава* ‘мать’, например, *вӱд ава* ‘мать воды’, *вӱд ача* ‘отец воды’, *тул ава* ‘мать огня’, *мланде ава юмо* ‘богиня мать земли’, *олык ава* ‘мать луга’ [Тойдыбекова, 2007, с. 77, 228, 161–162, 181], что является родовой чертой финно-угорской мифологии [МНМ, 1992, т. 2, с. 564]. Так же и термины родства типа «бабушка» (*кува*), «дедушка» (*кугыза*) участвуют в образовании имен мифологических персонажей и традиционно используются как эвфемические наименования нечистой силы, чертей и т.п. Например, наименования человекоподобного духа, живущего в доме: *пӧрт кугуза* ‘старик дома’, *пӧрт кува* ‘старуха дома’ [Хольмберг, 1926, л. 8 (66); Тойдыбекова, 2007, с. 194], духи скотного двора называются соответственно *вита кугуза* ‘дедушка скотного двора’ и *вита кува* ‘бабушка скотного двора’ [Хольмберг, 1926, л. 11 (69)], в бане живет *моча-кугуза* ‘дедушка бани’ [Хольмберг, 1926, л. 12 (70)], *монча кува (кугыза)* ‘старуха и старик бани’ [Тойдыбекова, 2007, с. 163], а на гумне – *идым-кугуза* и *идым-кува* [Хольмберг, 1926, л. 13 (71)], в озере – *йэр-кугуза* и *йэр-кува* [Хольмберг, 1926, л. 23 (81)] ~ литер. *ер кува (кугыза)* [Тойдыбекова, 2007, с. 85], в колодце – *колодич кува (кугыза)* [Тойдыбекова, 2007, с. 113] и т.п. Практически с той же частотностью, как и *кугыза*, *кува*, в наименованиях почитаемых сверхъестественных духов используется определение *оза* ‘хозяин’, [Тойдыбекова, 2007, с. 58, 65, 77, 85, 86, 93, 112, 133, 159, 163, 181, 182, 185, 186, 194, 210, 228, 257]. Легенды о хозяине горы Чумбулате, который является обожествленным героем, марийским князем-воином, а также имя фольклорного персонажа *Карман курык кугуза* ‘Дед горы Карман’ являются своего рода мифологическими параллелями к наименованию марийской игры *Курык оза* ‘Хозяин горы’ [МНИ, № 1684] и *Курык оза Чумбылат* ‘Хозяин горы Чумбылат’ [МНИ, № 1687]. Эти игры аналогичны русской игре *Царь горы*, где все толкаются, стремясь оказаться на вершине горы, горки.

Заключение

Термины родства в марийских играх в высокой степени насыщены мифологическими коннотациями. Что же касается прочих рассмотренных терминов – личные имена, названия профессий, этнонимы, встречающиеся в марийских играх, несут в себе преимущественно историко-этнографическую информацию, отражают взаимодействие мари с соседними народами, социальную структуру общества, род занятий марийского населения, правовые, политические, религиозные практики, семейный быт, этническую историю, современность, культурные изменения, языковые сдвиги и даже влияние мировой массовой культуры. Таким образом, игровой фольклор в своей совокупности выражает определенное видение реальности, и игровая картина мира раскрывается прежде всего на языковом уровне – через лексику игры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акцорин В.А. Марийская народная драма (на обл.: Народная драма). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 200 с.

Андрианова Е.М. Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000. 186 с.

Гаврилова М.В. Трансформация традиционных игр в советской педагогике (1920–1930 гг.) // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 130–175. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf (дата обращения: 30.06.2020).

Гаврилова М.В. Персонаж, мотив, сюжет в традиционных восточнославянских играх: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2017. 30 с.

Глухова Н.Н. Символика антропонимов в марийской культуре: гендерный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5. Ч. 1 (59). С. 60–65.

Иванов П. Игры крестьянских детей в Куприяновском уезде / с предисл. Н.Ф. Сумцова, включающем обзор 24 сборников игр. Харьков, 1889. 86 с.

Игры народов СССР / сост.: В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. М.; Л.: Academia, 1933. 562 с.

Ключева М.А. Войнушки нашего двора // Мама, папа, я: медицина, психология, педагогика. М., 2011. № 4 (май). С. 20.

Ключева М.А. Народные подвижные детские игры: опыт типологии. Lap Lambert Academic Publishing, 2018. 183 с.

Ключева М.А. Жанровые свойства и языковые особенности марийской считалки // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / сост.: В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова; отв. ред. М.Г. Матлин. Москва – Ульяновск: ГРДНТ имени В.Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020а. С. 172–184.

Ключева М.А. Зооним «медведь» в марийских народных играх // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020б. № 1 (27). С. 9–20.

Ключева М.А. Зоонимы в именах персонажей марийских народных игр // Вестник угроведения. 2020 в. Т. 10. № 3. С. 462–471.

Ключева М.А. Мифологическая и религиозная лексика в марийских народных играх // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 436–444.

МНИ – Марийские народные игры. Марий калык модыш / авт.-сост. М.А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Сер.: Свод марийского фольклора). Рукопись, 60 а.л. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. 449.

МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1–2. М.: Сов. энцикл., 1991–1992. 671 + 719 с.

Романий Г.И., Ключева М.А. К этимологии зачинов кингера, тилирам, киргиз-татарин и др. в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)» // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 115–130.

Покровский Е.А. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). М.: Типолитогр. В.Ф. Рихтер, 1895, 388 с. (Репринт: СПб.: Ист. наследие, 1994.)

Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1982. 367 с.

Стародубцева С.В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола: при содействии изд-ва ОАО «МПИК», 2007. 312 с.

Хольмберг (Гольмберг) У. Религия черемис: пер. с нем. глав книги (Порвоо, 1926) // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 94. 83 л.

Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Марий ең лӱм-влак мутер. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Sebeok T. A., Ingemann F. J. Studies in Cheremis: The supernatural / Thomas. A. Sebeok and Frances J. Ingemann. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. 360 p.

Maria Klyucheva

ANTHROPONYMS, SOCIONYMS AND TERMS OF KINSHIP IN THE MARI FOLK GAMES

Introduction. The object of the study is game terminology in the Mari language. **The article is aimed** at reviewing people's names in the Mari game vocabulary, their analysis and classification. In particular, the work considers personal names, terms of kinship, as well as words from the lexical-thematic group, which we conventionally designate as «socionyms»: references to age, sex, social status, nationality, occupation, profession, etc. Such terms are widely used in folk games, counting-out rhymes, choral songs, and various kinds of game sentences. **Materials and Methods**. The research material is a wide range of texts, compiled in a two-volume collection *Mari Folk Games*, prepared for publication

in the Mari Research Institute as part of the series *Corpus of Mari Folklore* (2016-2021). This work is an almost complete collection of all available information about Mari folk games; in particular, it includes archival data, domestic and foreign publications (from the 18th century to the present day), and field records of modern collectors. The main research method is descriptive and analytical, including the selection, classification and interpretation of material, namely anthroponyms, socionyms and terms of kinship in the vocabulary of Mari folk games. **Research results and discussion.** Kinship terms such as *ava* 'mother', *kuva* 'grandmother', *kugyza* 'grandfather', as well as status denominations: *oza* 'master', *kugyzha* 'king', are characterized by obvious mythological connotations (since they are traditionally also used as euphemic names for supernatural beings). Personal names (original Mari and later borrowings from Russian), names of professions, occupation (for example, *orol* 'watchman', *sonarze* 'hunter', *kütüchö* 'shepherd', *doctyr* 'doctor', *knoval* 'horseman', *uzhalyshe* 'seller', *sudya* 'judge', *dyak* 'clerk in the church', *snaiper* 'sniper', *yoshkarge dene osho-vlak* 'the Reds and the Whites', *shpion-vlak* 'spies', *pioner* 'pioneer', etc.), ethnonyms (*mariy* 'Mari', *rush* 'Russian', *suas* 'Tatar', *kukmari* 'Chuvash', *nemych-shamych* 'Germans', *tsygan* 'a Gypsy', *anglichanin* 'an Englishman', etc.) reflect ethnographic and historical information, the interaction of the Mari with other peoples, social structure of society, occupation of the Mari population, legal, political, religious practices, family life, modernity and even the influence of world mass culture (*Tarzan* game). Thus, at the linguistic level – through the vocabulary of the game (socionyms) – the people's vision of social reality in the "game picture of the world" is discovered.

Keywords: folk games; game vocabulary; game terminology; game folklore; children's folklore; Mari language; Finno-Ugric languages; folklore characters; socionyms; anthroponyms; kinship terms.

REFERENCES

Aktsorin V.A. Mariiskaia narodnaia drama (Narodnaia drama) [Mari folk drama (Folk drama)]. Yoshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, 200 p. (in Russian).

Andrianova E.M. Terminologiya rodstva v finno-ugorskikh yazykakh volzhskoi i permskoi grupp [Kinship terminology in the Finno-Ugric languages of the Volga and Perm groups]. Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 2000, 186 p. (in Russian).

Gavrilova M.V. Transformatsiya traditsionnykh igr v sovetskoi pedagogike (1920–1930 gg.) [Transformation of traditional games in Soviet pedagogy (1920–1930)]. Antropologicheskii forum, 2013, no. 19, pp. 130-175. (in Russian). Available at: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf (Accessed 30 June 2022).

Gavrilova M.V. Personazh, motiv, syuzhet v traditsionnykh vostochnoslavyanskikh igrakh [Character, motive, plot in traditional East Slavic games]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2017, 30 p. (in Russian).

Glukhova N.N. Simvolika antroponimov v mariiskoi kul'ture: gendernyi aspekt [Symbols of anthroponyms in the Mari culture: gender aspect]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016, no. 5-1 (59), pp. 60-65. (in Russian).

Ivanov P. Igry krest'yanskikh detei v Kupriyanovskom uezde [Games of peasant children in the Kupriyanovsky district]. Khar'kov, 1889, 86 p. (in Russian).

Igry narodov SSSR [Games of the peoples of the USSR]. Ed. V.N. Vsevolodskii-Gerngross. Moscow-Leningrad, Academia, 1933, 562 p. (in Russian).

Klyucheva M.A. Voinushki nashego dvora [War games in our yard] // Mama, papa, ya: meditsina, psikhologiya, pedagogika. Moscow, 2011, no. 4 (May), p. 20. (in Russian).

Klyucheva M.A. Narodnye podvizhnye detskie igry: opyt tipologii [Folk active children's games: an attempt at typology]. Lap Lambert Academic Publishing, 2018, 183 p. (in Russian).

Klyucheva M.A. Zhanrovye svoistva i yazykovye osobennosti mariiskoi schitalki [Genre characteristics and linguistic features of the Mari counting rhymes]. Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyi mir, iss. 18: Detskaya kul'tura i fol'klor v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii. Ed. M. G. Matlin. Moscow-Ul'yanovsk, Gosudarstvennyj Rossiiskii Dom narodnogo tvorchestva imeni V. D. Polenova, Tsentr narodnoi kul'tury Ul'yanovskoi oblasti, 2020a, pp. 172-184. (in Russian).

Klyucheva M.A. Zoonim «medved'» v mariiskikh narodnykh igrakh [Zoonym "bear" in the Mari folk games]. Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii. 2020b, no. 1 (27), pp. 9-20. (in Russian).

Klyucheva M.A. Zoonimy v imenakh personazhei mariiskikh narodnykh igr [Zoonyms in the names of the characters in Mari folk games]. Vestnik ugrovedeniya. 2020c, t. 10, no. 3, pp. 462-471. (in Russian).

Klyucheva M.A. Mifologicheskaya i religioznaya leksika v mariiskih narodnyh igrah [Mythological and religious vocabulary in Mari folk games]. Vestnik ugrovedeniya. 2022, t. 12, no. 3, pp. 436-444. (in Russian).

MNI – Mariiskie narodnye igry. Marii kalyk modysh [Mari folk games]. Comp. and ed. M.A. Klyucheva. Yoshkar-Ola, Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V. M. Vasil'eva, 2016-2021. (Seriya «Svod mariiskogo fol'klora»). Rukopis' (60 a.l.). Nauchnyi rukopisnyi fond Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V. M. Vasil'eva, op. 3, d. 449. (in Mari, Russian, etc.).

MNM – Mify narodov mira. Entsiklopediya [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Ed. S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1991-1992, vol. 2, 719 p. (in Russian).

Romanii G.I., Klyucheva M.A. K etimologii zachinov kingera, tiliram, kirgiz-tatarin i dr. v detskoi podvizhnoi igre tipa «tsepi (kovanye)» [Toward the etymology of the opening words kingera, tiliram, kirgiz-tatarin, etc. in active children's games of the "red rover" type]. Voprosy yazykoznaniya, 2016, no. 3, pp. 115-130. (in Russian).

Pokrovskii E.A. Detskie igry, preimushchestvenno russkie (v svyazi s istoriei, pedagogikoi, gigienoi) [Children's games, predominantly Russian (in connection with history, pedagogy, hygiene)]. Moscow, Tipo-litografiya V.F. Rikhter, 1895, 388 p. (Reprint: St. Petersburg: Istoricheskoe nasledie, 1994). (in Russian).

Savatkova A.A. Slovar' gornomarijskogo yazyka [Dictionary of the Hill Mari language]. Yoshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008, 404 p. (in Russian).

SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects], iss. 18, Leningrad, Nauka, 1982, 367 p. (in Russian).

Starodubtseva S.V. Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Russian round dance tradition of the Kama-Vyatka interfluve]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2001, 421 p. (in Russian).

Toidybekova L.S. Mariiskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik [Mari mythology: an ethnographic reference book]. Yoshkar-Ola, Mariiskii poligraficheskо-izdatel'skii kombinat, 2007, 312 p. (in Russian).

Khol'mberg (Gol'mberg) U. Religiya cheremis [Cheremis religion]: perevod s nemetskogo glav knigi (Porvoo, 1926). Nauchnyi rukopisnyi fond Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva, op. 1, d. 94, 83 p. (in Russian).

Chernykh S.Ya. Slovar' mariiskikh lichnykh imen. Marii eŋ lüm-vlak muter [Dictionary of Mari personal names]. Yoshkar-Ola, Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 1995, 626 p. (in Russian).

Sebeok T.A., Ingemann F.J. Studies in Cheremis: The supernatural. New York, Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956, 360 p.

Ключева Мария Аркадьевна
кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: keymachine@yandex.ru

Maria Klyucheva
Candidate in History of Arts, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: keymachine@yandex.ru

УДК 811.511.151:81’27
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_03

МАРИЙСКИЙ В МОСКВЕ: К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ

© 2022 г. М.В. Куцаева

Введение. 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Языки народов Российской Федерации – часть нематериального культурного наследия. В целях сохранения культурных традиций ключевым является вопрос витальности этнических языков. **Цель статьи** – изучение проблемы витальности этнического языка в условиях внутренней диаспоры. **Материалы и методы.** Статья основана на материалах, полученных автором в ходе проведения социолингвистического исследования в марийской диаспоре московского региона (г. Москва и Московская область), выборка включила сто человек (первое поколение диаспоры), уроженцев Республики Марий Эл и мест компактного проживания марийцев на территории Российской Федерации, и шесть представителей второго поколения. В ходе исследования использовался широкий комплекс социолингвистических методов. **Результаты исследования, обсуждения.** В московском регионе марийский язык используется в ограниченном объеме, однако выполняет широкий спектр функций. Кроме того, марийский выступает одним из основных маркеров этнической идентичности в выборке, его поддержание представляется важным для сохранения границ этнической группы во внутренней диаспоре. Однако межпоколенная передача марийского языка в выборке очень слабая: вымывание из лингвистических биографий марийского языка приводит к смене этнической идентичности представителей второго поколения диаспоры. Возможными каналами, способствующими межпоколенной трансмиссии языка, являются внутрисемейное общение, культурно-досуговые инициативы, традиционная марийская религия и курсы марийского языка. Факторами, препятствующими передаче последующему поколению этнического языка, выступают стереотипы и негативные аттитюды (отношение к языку), глубинно – лежащие в их основе языковые идеологии, которые требуется изучить и информировать об их существовании членов языкового сообщества – задача, которую в некоторой степени решает и автор в ходе своего исследования.

Ключевые слова: марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, функции языка, языковые идеологии, межпоколенная передача языка.

Введение

В целях сохранения культурных традиций, этнокультурного многообразия и самобытности народов и этнических общностей текущий 2022 год объявлен, согласно Указу Президента Российской Федерации, Годом культурного наследия народов России [Указ]. Ключом к пониманию любой этнической культуры и действенным способом ее сохранения для будущих поколений является этнический язык. Следовательно, этнический язык и его витальность выступают категориями, которыми необходимо оперировать при оценке перспектив сохранности культурных традиций народов России.

Марийская этническая культура отличается самобытностью, разнообразием, богатством традиций и обычаев (об этом см. [Этническая культура марийцев, 2002]. В настоящее время, ввиду сильной диаспоризации марийцев

[ВПН], а также общемировых процессов глобализации, доминирования больших языков и поглощения локальных культур, вопрос сохранения марийского языка, а значит и культуры, представляется крайне актуальным.

Цель статьи заключается в том, чтобы изучить проблему витальности этнического языка в условиях проживания группы во внутренней диаспоре (особенности внутренней диаспоры подробно рассматривались нами в [Куцаева, 2020 а, с. 25]).

Материалы и методы

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате социолингвистического исследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона (г. Москва и Московская область) в 2019–2021 годах (подробнее об опыте социолингвистического исследования см. [Куцаева, 2020 б]. Выборка в первом поколении является репрезентативной и включила сто представителей марийской диаспоры, уроженцев Республики Марий Эл (71 чел.), а также мест компактного проживания марийского этноса (Республики Башкортостан (18 чел.), Татарстан (3 чел.), Кировская (5 чел.) и Свердловская (2 чел.) обл.). Один человек является выходцем из района дисперсного проживания мари на территории Российской Федерации. Второе поколение представлено шестью респондентами. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических мари. В ходе исследования использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Методология исследования функционирования языка в условиях внутренней диаспоры была впервые задана нами при изучении чувашской диаспоры московского региона (об этом см. [Kutsaeva, 2021]).

Результаты исследования, обсуждения

В московском регионе проживают 4655 марийцев, из них 1657 человек заявили о знании марийского языка, соответственно, доля владеющих языком составила 35,6% [ВПН]. В выборке в наборе языков, которыми они владеют, все респонденты указали «марийский язык»; однако знание или владение ими этническим языком нами не верифицировалось. Материал ограничивался устными интервью, прямое наблюдение за речью респондентов не представлялось возможным и не входило в непосредственные задачи исследователя. Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями – знанием и владением – заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин, 2016, с. 51]. Кроме того, в большинстве случаев трудно учесть тех, кто действительно свободно владеет языком: свободное владение – зачастую вопрос впечатления или мнения [Dauenhauer and Dauenhauer, 1998, с. 71–72]. В этой связи, как и в других более ранних работах по изучению функционирования языка в диаспоре [Куцаева, 2017], [Куцаева, 2018], мы рассмотрели полученные в выборке данные через призму активного [ССТ, 2006, с. 21] и пассивного [Там же, с. 162] билингвизма.

Поскольку актуальное использование этнического языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов первого поколения на малой родине, нами была предпринята попытка реконструкции языковых биографий респондентов. Стало очевидно, что, помимо воздействия частных экстралингвистических факторов, ситуация с марийским языком определяется местом проживания на малой родине (Республика Марий Эл или место компактного расселения марийцев на территории РФ), типом населенного пункта (сельский или городской), а также общими тенденциями и этапами языковой политики в советское и постсоветское время, что, в свою очередь, находит отражение в языковой биографии респондентов. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что активные билингвы заметно чаще являются выходцами из сельской, преимущественно моноэтничной среды, тогда как пассивные – городской (сюда же мы относим уроженцев поселков городского типа с многонациональным составом населения, языком общения которого выступал русский). Каналами приобщения к марийскому языку

у уроженцев сельской среды выступает семья, школа, в целом – этнический состав окружения (марийская деревня, где «всё на марийском было»); источниками приобщения к русскому языку – внутрисемейное общение (один из родителей не является этническим мари, наличие старших братьев и сестер школьного возраста, русскоговорящие городские родственники); трудовые миграции семьи в другие регионы; система воспитания и обучения в дошкольных и школьных образовательных учреждениях; общение с городскими детьми, приезжавшими на летние каникулы в деревню; проживание респондента в непосредственной близости от города или районного центра; потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); посещение пионерских лагерей с многонациональным составом воспитанников. Для уроженцев городов, ввиду доминирования в городской среде де-факто русского языка, приобщение к марийскому языку становилось возможным благодаря пребыванию опрошенных в марийской деревне на летних каникулах и изучению ими марийского в качестве государственного языка в школе (в случае респондентов средних и младших когорт, уроженцев Республики Марий Эл, школьные годы которых пришлись на реформы в области образования, см. [Васенина, 2019]. Впрочем, практически все респонденты выразили сомнение относительно эффективности подобного обучения, добавляя, что их марийский язык скорее из семьи (подробнее о лингвистических биографиях респондентов см. [Куцаева, 2022]).

Марийский язык, являющийся одним из государственных в Республике Марий Эл, а также используемый в ряде официальных сфер в местах компактного проживания марийцев, не имеет подобного статуса в других регионах, где марийцы, хотя и многочисленны, но проживают дисперсно (например, в московском); соответственно, марийский может быть рассмотрен в качестве миноритарного языка (об этом см. [Агранат, Куцаева, 2020]), его употребление тяготеет к семейно-бытовой, дружеской, реже – профессиональной и культурно-досуговой сферам общения. Более того, ограниченное употребление марийского языка объясняется, с одной стороны, слабым владением пассивными билингвами марийским; принадлежностью опрошенных в выборке разным субэтническим группам (и идиомам марийского). Различия между идиомами могут выступить, по их мнению, в качестве препятствия для полноценного общения на марийском, отсюда и частое переключение на русский язык в процессе коммуникации.

Однако при скудном использовании респондентами этнического языка, за марийским закреплен ряд важных функций: коммуникативная, фатическая (контактоустанавливающая), функция тайного языка, эмоциональная (выражение эмоций, язык снов), сакральная (язык религии), символическая (язык как символ самоидентификации этнической группы) [Куцаева, 2021 б]. Многообразие функций марийского при суженном его употреблении в диаспоре обусловлено тем, что, в отличие от русского, являющегося доминирующим языком в московском регионе и направленным во внешний мир, марийский, в качестве миноритарного языка, направлен в большей мере вовнутрь: на укрепление семейных и родственных связей, выстраивание социальных отношений, сохранение исторических связей, сообщение группе чувства родства и приобщение к общей «родословной» [Crystal, 2000, с. 80–81].

В зависимости от активного или пассивного владения марийским языком меняется и набор функций, закрепленных за этническим языком в диаспоре. Очевидно, что в собственно коммуникативной функции марийский используют преимущественно активные билингвы, тогда как для пассивных ведущими функциями являются фатическая и символическая (впрочем, это характерно и для активно владеющих языком, что обусловлено проживанием вдали от малой родины, ностальгией и квазиавтоматическим повышением языковой лояльности респондентов). Разговор на марийском в таких случаях сводится лишь к обмену парой фраз на марийском, однако неожиданная встреча в мегаполисе с земляком является для опрошенных радостным событием. «Мы всегда смеемся как дети, мы так радуемся! Это как будто мы встретились – как люди какой-то волшебной страны, тайной, о которой никто не

знает», – заявил респондент. Широко используется марийский и в качестве тайного языка: во-первых, в общественном пространстве Москвы (поделиться секретом и не быть понятым окружающими «немарийцами»), во-вторых, во внутрисемейном общении (обсудить важные, «взрослые» темы при детях). Интересно, что «тайный» марийский употребляется даже пассивными билингвами, поскольку, как подчеркивали респонденты, «это очень удобно»; однако, по признанию активного билингва, понять такой «тайный» язык, в частности, «в исполнении» его супруги, слабо владеющей марийским, ему и самому бывает непросто.

Проживание в диаспоре усиливает чувство ностальгии по малой родине: шутить, смеяться, а также выразить гнев или раздражение проще и, по словам респондентов как активных, так и пассивных билингвов, «ближе на марийском». Сны на марийском снятся 49 % опрошенных в выборке: «душа у нас гуляет во сне везде, бывает она и дома». Респондентам снится «на марийском» малая родина, своя деревня, родные места, родители, бабушки и дедушки, особенно те, кто ушел, – словом, окружение и те люди, с которыми в жизни опрошенным доводилось говорить по-марийски. В качестве языка религии, проведения сакральных обрядов, марийский используется восточными марийцами и частью луговых мари в выборке, что определяется их глубокой приверженностью марийской традиционной религии.

Языковые биографии представителей второго поколения диаспоры в чем-то схожи с языковым опытом опрошенных в первом поколении (определенных нами в качестве пассивных билингвов), с той лишь разницей, что непосредственный контакт с марийской деревней (которая выступала для представителей первого поколения так называемых *городских детей* стабильным и бесперебойным «ресурсом» марийского) неизбежно ослабевает ввиду расстояния, разделяющего марийскую деревню и московский регион, и, следовательно, нечастными, хотя и периодическими контактами с ней. Во втором поколении в выборке ключевыми признаны фатическая функция и функция тайного языка. Употребление марийского в эмоциональной, сакральной и даже символической функции ослабевает, а в коммуникативной – не используется опрошенными вовсе [Куцаева, 2021 б, с. 69–70]. Изменение и фактически оскудение набора функций во втором поколении вызвано тем, что, как показывает мировая практика, в диаспорных группах этнический язык уходит через одно или два поколения, ввиду отсутствия возможностей его употребления вне дома; некоторые языковые сообщества сохраняют, однако, свои языки в качестве секретного кода, особой формы внутригрупповой коммуникации [Flores Farfán, Olko, 2021].

Существенную роль в сохранении и поддержании языка играет его передача от поколения к поколению – не случайно фактор межпоколенной передачи языка включен первым в список в документе ЮНЕСКО [UNESCO, 2003]. В соответствии с шестибальной оценочной шкалой (от 5 до 0) с точки зрения трансмиссии языка мы можем определить этнический язык в марийской диаспоре московского региона в качестве «определенно находящегося под угрозой» (3 балла): «Язык не изучается более детьми в качестве материнского языка дома. Самыми младшими носителями являются, таким образом, родители. На этой стадии родители могут все еще говорить с детьми на своем языке, но дети, как правило, на этом языке им не отвечают» [Там же, с. 7–8]. В случае, когда сами родители являются активными билингвами, – «находящегося под серьезной угрозой исчезновения» (2 балла): «На языке говорят лишь бабушки и дедушки, представители старшего поколения, тогда как поколение родителей может все еще *понимать* язык, но, как правило, они не говорят на нем со своими детьми» [Там же, с. 8] – для пассивных билингвов. Впрочем, даже те, кто отлично владеет марийским, не стремятся передать язык детям, несмотря на то что многих из них отличает высокая языковая лояльность, они охотно признают марийский родным, подчеркивают его значимость в своей жизни и в целом беспокоятся о его будущем.

Отношение опрошенных к марийскому в ретроспективе претерпевает, по их признанию, некоторые изменения, оно становится более позитивным. Это связано с проживанием вдали от малой родины, достижением ими определенного возраста («с годами»), а также общемировыми тенденциями в изменении от-

ношения к миноритарным языкам. При этом, испытывая в целом позитивное отношение к марийскому, респонденты не передают свой язык детям, а значит, частично глубинное их «неположительное» отношение к марийскому сохраняется. Мнения и предубеждения относительно языка или языкового варианта составляют сущность так называемых *языковых аттитюдов* (отношения к языку); оценочность основана на стереотипах и языковых идеологиях, которые действуют в обществе и передаются через различных агентов, включая учителей, ровесников, семью, СМИ [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 106]. Языковые идеологии настолько укоренены в обществе, что их происхождение часто забывается самими говорящими; они социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, соответственно маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al, 2018, с. 25]. Таким образом, идеологии выражаются и материализуются в форме языковых аттитюдов. Последние представляют собой некий «мостик» между идеологиями и выбором того или иного языка [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 106]. «И учителя все говорили, что марийский язык вам до остановки. Потом он вам не нужен. Марийский язык только до остановки: уедете и забудете про марийский язык. Ну, да, наверное: очень редко уже общаемся. Если бы не с супругой, уже вообще можно было забыть», – заявил респондент, уроженец Башкортостана, который использует марийский во внутрисемейном общении с супругой, а также родственниками и друзьями-марийцами, которые приходят в гости, однако с детьми – никогда. Языковые идеологии воздействуют имплицитно на подсознательном уровне, члены языкового сообщества могут и не подозревать об их существовании, при этом идеологии эксплицируются посредством языковых аттитюдов, высказанного отношения, предубеждения, в пределе – предрассудка относительно языка, языкового варианта, носителей того или иного идиома [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 106]. Безусловно, схема «языковые идеологии >> языковой аттитюд (отношение к языку) >> языковой выбор» является в некоторой степени обобщением (что подразумевает неизбежное упрощение и возникновение нюансов в каждом конкретном случае), однако оперирование данной схемой позволяет вскрыть глубинный механизм, лежащий в основании выбора / невыбора или передачи / непередачи этнического языка.

Типичным в ситуации с миноритарными языками представляется господство идеологии аутентичности и легитимности, с одной стороны, и идеологии стандартного языка – с другой. Первая подчеркивает связь между языком и определенным местом, точнее *опытом* определенного места: язык «прикован» к определенному месту, именно в этом месте и *только* в нем на языке разговаривают. Однако отношение между языком и местом существует не просто как ассоциация между языком и географической территорией, но охватывает связь между местом и особой социоисторической траекторией [Smith-Christmas et al, 2018, 143]. Положение усугубляется значительным влиянием пуризма – «непреклонного, осуждающего, худшего сценария для выживания любого языка»: пуризм, действующий от имени языка, находящегося под угрозой исчезновения, едва ли лучше пуризма, действующего от имени доминирующего языка [Crystal 2000, с. 117–126], а также внутреннего прескриптивизма – доктрины, согласно которой некий диалект является правильным и, соответственно, именно он может быть предписан к использованию, тогда как другие – нет [Edwards, 2009, с. 259].

Вторая идеология связана с убеждением, что определенная форма языка, обычно используемая наиболее мощной группой в обществе и закрепленная в системе школьного образования, признается большинством в качестве исключительной и престижной [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 105]. Конкретно в ситуации с марийским языком это выражается в широко распространенном убеждении в том, что на марийском языке *следует* говорить в марийской деревне, именно там проживают традиционные носители, в городе нужно говорить по-русски, а кроме того, четком ранжировании носителей марийского как группы на тех, кто может считаться самым/ более/ менее/ наименее традиционным носителем марийского [Куцаева, 2021в, с. 22]. И если применительно к себе респонденты в некоторой степени

смогли преодолеть существующие стереотипы и «вывезти» марийский язык в город, тем более в мегаполис (что, впрочем, в некоторой степени проще, учитывая полилингвальное пространство Москвы), то в отношении собственных детей или новых носителей марийского (тех, кто пытается реактивировать свой марийский) им этого сделать пока не удалось. В целом, однако, это свидетельствует о постепенном «изменении аттитюдов» [Baker, 1992, с. 113], или «сдвиге аттитюдов», а глубже – о «сдвиге идеологий», который затрагивает общество в целом [Sallabank, 2013, с. 67]. Как полагают, языковые аттитюды оказывают прямое влияние на выбор языка, соответственно, они являются ключевыми элементами программы по ревитализации [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 106].

Проблема витальности этнического языка в марийской диаспоре во втором поколении крайне актуальна еще и в связи с тем, что марийский язык, по результатам исследования, признается опрошенными в качестве одного из основных маркеров этнической идентичности наряду с «малой родиной» (родители, предки, кровь) и «культурой» (знание истории и традиций своего народа). Соответственно, с утратой языка утрачивается невосполнимая часть этнической идентичности. Косвенно об этом свидетельствует, во-первых, ничтожно малая выборка во втором поколении: респонденты, сами охотно принявшие участие в опросе, тем не менее не были готовы предоставить контактные данные своих детей, возможных представителей второго поколения диаспоры. Один из респондентов признался: «Сын у меня русский. Он не знает марийского языка». Дети, родившиеся или выросшие в марийских семьях в московском регионе, являются, по словам респондентов: «русским марийцем», «марийцем без языка», «безъязыковым марийцем», «марийкой без марийского, у нее только имя марийское» и т.д. Во-вторых, бытующие в марийской среде выражения «*марий ватын руш ӱдыржӧ*» (‘русская дочка марийской женщины’) (другой вариант, который автору довелось услышать, был «*мари куван руш ӱдыржӧ*») и «*марий ватын руш эргыже*» («русский сын марийской женщины») указывают на то, что с утратой индивидом марийского языка изменяется идентичность как в его собственных глазах, так и в восприятии его окружающими [Куцаева, 2020в, с. 146].

Кроме того, с вымыванием марийского языка из лингвистических биографий респондентов второго поколения постепенно видоизменяется или вовсе утрачивается и этнокультурная составляющая их идентичности [Куцаева, 2021, с. 18]. Это обусловлено тем, что конкретные языки соотносятся с конкретными культурами и с сопутствующими им культурными идентичностями на уровне действия, знания, бытования, а поскольку значительная часть любой этнокультуры выражается лингвистически, постольку невозможно представить ее без выражения посредством определенного языка, с которым она традиционно ассоциируется. Такому языку придается неизмеримо большее значение, чем просто языкам в целом или языковой способности, которой наделены все люди. Этот язык рассматривается в качестве маркера идентичности и особой ответственности по отношению к будущим поколениям [Fishman, 2001, с. 3–5]. Локальные культуры представляют собой воплощение прекрасного, человеческих ценностей, заслуживают пестования и поддержки (а не просто «сохранения» в стиле музейного мумифицирования) [Fishman, 1991, с. 33]. В 2022 году запланировано значительное число мероприятий в рамках проведения Года культурного наследия народов России [Указ], и в этой связи языку как части нематериального культурного наследия следует уделить особое внимание. Этнический язык выступает проводником в этническую культуру; не случайно Дж. Фишман говорит о важности плановой поддержки *языка-в-культуре* [Fishman, 1991, с. 33]. Таким образом, Год культурного наследия – хороший повод привлечь фокус общественного внимания, в том числе и к проблемам языков народов Российской Федерации.

В условиях внутренней диаспоры марийский язык становится миноритарным: не будучи государственным, он не представлен в официальных сферах (например, в системе образования и др.). Таким образом, задача и ответственность по передаче языка следующему поколению ложатся на плечи членов диаспоры (обеспокоенность судьбой языка

выразили многие опрошенные). И к решению таких вопросов могут приобщаться как рядовые представители диаспоры, так и активисты. Возможными каналами по передаче и поддержанию языка в диаспоре являются семья, культура, марийская традиционная религия, курсы марийского языка.

Надежды на передачу марийского языка опрошенные возлагают преимущественно на марийскую деревню (естественную языковую среду): «Ну вот как: чуть подрастут, поехали ко мне в деревню, там же в деревнях у нас чисто на марийском разговаривают. Ну, вот я как бы приехал туда, на лето оставил там». Несмотря на несомненное положительное влияние марийской деревни (раннее погружение в среду, язык, культуру), необходимо учитывать следующее: старшие родственники (и более широкое окружение марийской деревни) в настоящее время не всегда используют марийский, обращаясь непосредственно к ребенку. В лучшем случае складывается и закрепляется дуально-лингвальная модель коммуникации [Smith-Christmas, 2016, с. 59], при которой каждый собеседник пользуется своим кодом. Чем старше бабушка (нередко прабабушка), на попечении которой оставляют ребенка, тем большая вероятность, что в общении с внуками она говорит по-марийски. И главное – интерес, который марийская деревня пробуждает в ребенке, должен быть поддержан в долгосрочной перспективе, по возвращении ребенка с каникул в Москву. К сожалению, для многих родителей характерна *стратегия избегания*: свободно владея языком, родители не используют его в общении с детьми, полагая, что последние магическим образом выучат язык по какому-то другому каналу и что, в общем, язык выживет, потому что кто-то другой говорит на нем где-то [Dauenhauer and Dauenhauer, 1998, с. 68–69], то есть в марийской деревне. «Такое было, что ребенка, например, на лето отправили. И приходит потом с претензией к родителям: «Почему вы меня с детства не учили на марийском?». Он садится за марийско-русский словарь, ну, понятно, насколько терпения хватает. Но это сейчас, может быть, и прошло», – рассказал респондент об опыте своих близких. Марийский язык, который «привозят» с летних каникул дети, является специфическим: навыки счета, названия домашних животных, бранные слова, императивные конструкции («Моя дочь знает что-то в плане бытового. Иди поешь. Подойди. Отойди») (подробнее об этом см. [Куцаева, 2021 а, с. 55]).

В настоящее время семейная языковая политика занимает центральное место в вопросе поддержания миноритарных языков [Smith-Christmas, 2016, с. 12]; известно, что межпоколенная передача языка является базисом для трансмиссии материнского языка (стадия 6 шкала GIDS) [Fishman, 2001, с. 466]. Другое дело, что бывает трудно, усвоив для себя определенную коммуникативную модель (в нашем случае – общение с ребенком на русском, в силу подспудного влияния языковых идеологий, упомянутых выше), осознать свою личную ответственность за передачу марийского детям и в ту же секунду в полном объеме переключиться на марийский. В другом нашем исследовании [Куцаева, 2020 а] пожилая женщина разговаривает по-русски с внуками, которые приезжают к ней регулярно на каникулы из Москвы, хотя, по ее словам, они так много времени проводят в чувашской деревне, что язык понимают. На предложение о том, почему бы ей в таком случае не обращаться к ним по-чувашски, она заметила: «Да, надо бы как-нибудь начать. Вот в следующем году и начну». Однако приступить можно уже сейчас, не откладывая инициативу в долгий ящик. Специализированная литература предоставляет интересующимся читателям богатый материал по опыту поддержания и возрождения миноритарных языков. Одной из таких простых и доступных каждому, кто решился вернуть язык во внутрисемейное общение, методик является предложенная в [Zahir, 2018] методика «домашнего языкового гнезда». Это переосмысленный автором личный опыт внедрения широко известного теперь «языкового гнезда» маори, однако без сопутствующих ему финансовых затрат и административных препон (об этом см. [Fishman, 1991, с. 238–239], [Zahir, 2018, с. 159]), он заключается в том, чтобы начать с малого – выбрать место в доме, где будет введен запрет на использование «большого» языка, например, в кухне. Эффективность апробированной методики состоит

в том, что создается физическое пространство, в котором нужно употреблять целевой язык; это требование дополняет внутренние мотивации внешними ожиданиями. Требование ежедневного участия и приверженности (хотя бы пару часов в день, заранее оговоренных с другими домочадцами или даже с самим собой, если человек проживает один) в конечном итоге оказывается более стабильным, нежели внутренние мотивации, которые могут подвергаться настроению. Ограничить пространство для языка одним помещением (кухня или какое-то другое помещение на выбор) представляется разумным, поскольку оно может быть реализовано (в отличие от скоропалительного и едва ли успешного в конкурентной схватке с большим языком намерения говорить на малом языке во всем доме) [Zahir, 2018, с. 160]. Этот вариант кажется прекрасным выходом не только для передачи языка в семье, от родителей к детям, но также и для новых носителей марийского (о них мы писали в [Куцаева, 2021 в, с. 11–17]), которые во взрослом возрасте приняли решение реактивировать свой марийский язык, не получив полноценных знаний в прошлом. Использование подобной стратегии позволит несколько «переиграть» ситуацию, о которой мы писали в [Куцаева, 2021 а, с. 53]: «Мама моя пять лет жила, на зиму приезжала к нам. С мамой только на марийском. А с детьми на русском. Знаете, как получается: поворачиваюсь к маме, говорю на марийском. Тут же поворачиваюсь к детям и говорю на русском. Автоматом. И мама также. Даже если меня дети просят: «Мам, говори с нами на марийском!», я даже переключиться не могу, мне тяжело переключиться на марийский язык!». Как видим, запрос на марийский со стороны детей, представителей второго поколения диаспоры, имеется, и это обстоятельство нельзя игнорировать, если обеспокоенность судьбой языка всерьез тревожит опрошенных.

Язык глубинно связан с культурой, и проекты по ревитализации языка привлекают для этих целей культурные формы: изучая язык и говоря на нем, мы познаем культуру и говорим о культуре [Sallabank, King, 2021, с. 44]. И хотя многие художественные формы (танец, архитектура, живопись и т.д.) подразумевают эстетическое наслаждение без собственно лингвистического вмешательства, практически все художественные устремления полагаются, в некоторой степени, на языковые формы с тем, чтобы быть усвоенными и понятыми [Llanes Ortiz, 2021, с. 273]. На момент проведения автором социолингвистического опроса в культурном поле московского региона действовало несколько марийских культурно-досуговых проектов: один из них был нацелен на сохранение и популяризацию марийских традиций и обычаев путем проведения различных мастер-классов, постановки мини-спектаклей (одновременно с широким привлечением социальных сетей и использованием современных технологий); вторая инициатива была связана с организацией традиционных марийских вечеров с песнями, плясками и посиделками; третий проект фокусировался на приглашении современных марийских исполнителей и проведении марийских дискотек в Москве. Автору приходилось слышать высказывания респондентов о том, что следует объединить эти проекты: это позволит преодолеть разобщенность и увеличить фокус-группу. Действительно, у каждого проекта имелся свой, пусть и ограниченный, круг преданных поклонников и участников. Кроме того, следует помнить, что в рамках движения по поддержанию языка и культуры (шире – *языка-в-культуре*) активисты и участники реализуют различные цели и мотивации. У одних это ностальгический, пуристский идеал языка (и культуры), который они хотят во что бы то ни стало сохранить, другие стремятся расширить сферы использования языка и сделать его современным и т.д. [Sallabank, King, 2021, с. 45]. Свои собственные представления о том, как могла бы функционировать этническая культура в московском регионе, имеют и рядовые члены диаспоры, а значит, наличие разнообразных проектов, инициированных активистами, позволяет удовлетворить различные запросы московских марийцев. Отрадно, что если несколько десятилетий назад культурные инициативы ограничивались частными домашними встречами и периодическими мероприятиями под эгидой московского марийского землячества, то теперь, в том числе и под влиянием изменившихся, более позитивных языковых идеологий, марийцы поддерживают этническую культуру в Москве

фактически на постоянной основе и привлекают все новых участников (естественно, данные инициативы никогда не охватят всех проживающих в московском регионе марийцев, поскольку работа по ревиталиции «всего» языкового сообщества заранее является фикцией и утопией [Flores Farfán, Olko, 2021, с. 86].

Как мы указывали ранее [Куцаева, 2021, с. 19], так же как язык выступает проводником в культуру, так и культура может выступать проводником в этнический язык. К сожалению, действующие проекты не используют в полной мере заложенный в них языковой потенциал; одной из инициатив могла бы стать программа «Мастер-Ученик» по изучению традиционных форм культуры, но при условии того, что этнический язык стал бы неотъемлемой частью постижения этого вида деятельности в целом [Grenoble, Whaley, 2006, с. 60–63], актуальные программы по традиционным художественным промыслам реализуются преимущественно с использованием русского языка в культурно-просветительских целях. Другим важным пробелом, который необходимо заполнить, является отсутствие среди существующих проектов и инициатив программ, фокус-группой которых стали бы подростки. Некоторые наши респонденты сетовали на то, что в младшем возрасте дети охотно сопровождали их на марийские мероприятия, однако со временем они теряли интерес. Между тем подростки, которые принимают активное участие в культурных мероприятиях на этническом языке, вероятнее всего сохранят позитивное отношение и к языку, и вопрос о витальности этнического языка может быть связан именно с возможностью дать спасительную инъекцию подростковой культуре: когда язык теряется в подростковом возрасте, он может быть утрачен навсегда [Baker, 1992, с. 136–137].

С 2015 года в московском регионе по инициативе марийских картов, уроженцев Башкортостана, проводятся ежегодные моления (в лесной зоне в Истринском районе близ д. Веледниково, а также под Дмитровым и Сергиевым Посадом, в парке Коломенское в Москве). Моления посещают не только активно владеющие языком, но и те, кто лишь знакомится с марийской культурой, религией, языком. Мотивация к изучению языка может носить духовный характер: язык предков употребляется для духовных целей, для общения с богами, духами и сверхъестественными силами; сакральный язык является важной частью многих культур; в одних культурах лишь некоторые члены общины имеют доступ к сакральному языку, в других – все без исключения. Тесную связь между духовностью и культурой сложно понять без языка предков, поскольку эти связи зачастую выражаются, поддерживаются и согласовываются посредством языка; для многих коренных народов природа, духовность и язык глубоко переплетены [Grenoble, 2021, с. 12–13]. «Там, оказывается, какую-то помощь у Бога просишь. Оказывается, у нас свой языческий Бог есть. Как бы обращением к Богу, как бы не забывать чтобы. Конечно, мне как-то радостно, с одной стороны, и думаешь: «Почему раньше ничего не знали?». Ну, слабоватые как бы корни», – поделилась респондентка, уроженка городской среды района компактного проживания марийцев. В ряде случаев фактором устойчивого поддержания языка выступают религиозные практики и церемонии: сильная религиозная база – это источник психологического комфорта, необходимого для сохранения языка этнической группы перед лицом значительного на нее социального давления и языкового сдвига [Dorian, 1998, с. 15]. В этом смысле марийская традиционная религия, уходящая корнями в глубокую древность, сохранившая свою самобытность вопреки непрекращающемуся внешнему давлению, продолжает играть важную роль в сохранении этнического языка и этнической идентичности в целом: исстари организационная структура, заложенная в культовой практике мари (человек – семья – род– община – регион – округ – мир) способствовала консолидации народа и компенсировала отсутствие национальной государственности [Шкалина, 2019, с. 126], а значит, она приобретает особое значение в условиях внутренней диаспоры. Возвращение к истокам, конструирование этнической идентичности и связанные с ним духовные поиски способны пробудить интерес к изучению языка среди новых носителей марийского языка (подробнее о сакральной функции языка и о роли марийской традиционной религии в условиях диаспорного проживания группы мы

написали в отдельной работе (находится в печати. – *Прим. М.К.*).

Возможной формой поддержания языка в диаспоре выступила бы организация языковых курсов. В недавнем прошлом в Москве функционировали курсы (на основе литературной нормы лугового марийского языка). По свидетельству опрошенных, курсы являлись не только местом изучения языка, но и центром притяжения и адаптации для недавно прибывших в московский регион марийцев, поскольку помимо собственно образовательной деятельности важная роль отводилась досуговой сфере. «Раньше были курсы марийского языка, мы ходили, чтобы просто пообщаться. Хотя я знаю марийский язык. Мы каждую неделю, прямо раз в неделю мы ходили. Я, например, ходила не изучать язык, я ходила как бы пообщаться на марийском с людьми, потанцевать, ставить спектакли и просто побыть в атмосфере. Когда я приехала только в Москву, как раз тогда и ходила. У нас все было там очень интерактивно, чаепития, спектакли и много чего организовывали и для детей, и для взрослых. Просто потом у всех уже приоритеты поменялись. Тогда я была очень молода, мне хотелось адаптироваться, у меня был как раз период адаптации к Москве, к людям. Найти более близких людей, которые могут поддержать. Даже не то чтобы поддержать, а просто пообщаться и забыться. О тоске по родине, наверное. И тогда все горели каким-то желанием, все были молодые, студенты и те, которые только закончили институт. И как-то было энергии много, драйва было много. А потом кто-то уже на повышение пошел, кто-то замуж вышел, кто-то женился или еще что-то. Приоритеты, в общем, поменялись. Мы долгое время, конечно, сохраняли... Те, с кем мы изначально общались, – мы общались часто», – вспоминает бывшая слушательница курсов. Спустя три учебных года по семейным обстоятельствам педагога курсы прекратили свое существование.

В выборке 81 % опрошенных одобрил идею организации курсов марийского языка. Некоторые (7 %) затруднились с ответом, 12 % вовсе не одобрили подобную инициативу. Впрочем, даже те, кто положительно отнесся к идее организации курсов, не относили это к себе или своим детям, а к *другим*, достаточно абстрактным марийцам (о проблеме разделения ответственности и стратегии избегания мы говорили выше). Отрадно, что некоторые респонденты в выборке (носители лугового марийского) выразили желание стать преподавателями языковых курсов (являясь дипломированными специалистами); ряд опрошенных указал на то, что хотел бы принять участие в самом процессе организации, несколько человек ожидают, что автор исследования поможет им в решении этой задачи.

В 2021 году была достигнута предварительная договоренность об организации курсов марийского языка на базе курсов татарского языка «Умарта», что позволило бы снять с повестки технические вопросы размещения и финансирования. Занятия в языковой школе «Умарта» проводятся в помещении одной из библиотек в Центральном административном округе Москвы, аренда помещения осуществляется за счет средств, которые поступают от слушателей в качестве ежемесячной оплаты курсов. Однако в связи с текущими общемировыми событиями реализация проекта была отложена. Как показал период пандемии и перехода на дистанционный формат работы и учебы, организация учебного процесса онлайн, возможно, в будущем не будет представляться сверхзадачей, как это было ранее, и позволит снять с повестки ряд отмеченных выше технических вопросов. Безусловно, ключевым является вопрос выбора адекватной методики преподавания: среди слушателей курсов могут быть те, кто начинает изучение языка с нуля, а также те, кто нуждается в «пробуждении» языка, который они слышали и даже использовали в детстве. В специализированной литературе по проблемам ревитализации содержится много материалов, посвященных методикам преподавания миноритарных языков (на базе опыта преподавания языка в качестве иностранного (второго) (об этом см. [Underriner et al, 2021]), однако каждый конкретный случай, несомненно, имеет свою специфику, которая, как правило, выявляется в непосредственном опыте его реализации.

Заключение

Согласно результатам социолингвистического исследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона

в 2019–2021 годах, этнический язык употребляется в семейно-бытовой, дружеской, реже – профессиональной и культурно-досуговой сферах, при этом за ним закреплен широкий спектр функций. Марийский язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности группы, следовательно, его поддержание в условиях проживания группы во внутренней диаспоре представляется важным для сохранения в том числе и границ этнической группы. Как выяснилось, передача марийского языка второму поколению в выборке очень слабая: с утратой марийского в языковых биографиях происходит смена этнической идентичности. Источниками приобщения к языку и действенными средствами его поддержания в долгосрочной перспективе являются внутрисемейное общение, культурно-досуговые инициативы, марийская традиционная религия и курсы марийского языка. Факторами, препятствующими передаче последующему поколению этнического языка, выступают стереотипы и негативные аттитюды (отношение к языку), глубинно – лежащие в их основе языковые идеологии. В выборке констатирован некоторый положительный сдвиг языковых аттитюдов среди представителей первого поколения диаспоры (в частности, повышение языковой лояльности, более широкое использование марийского языка в городской среде мегаполиса), однако полноценные изменения стереотипов в отношении к марийскому языку для его передачи детям пока еще не наметились. Для успешной реализации мер по сохранению, поддержанию и ревитализации языка, а также культуры в первую очередь требуется провести «предварительное идеологическое разъяснение» [Fishman, 1991], изучить существующие языковые идеологии и установки и информировать членов сообщества об их существовании и функционировании [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 116] – задача, которую в некоторой степени решает и автор в ходе своего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агранат Т.Б., Куцаева М.В. Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (839). С. 11–24.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 337 с.

Васенина О.Н. Вариативность методики в преподавании марийского языка в школах Республики Марий Эл // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегион. науч.-практ. конфер. «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.): М-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 240–245.

ВПН – Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 05.10.2022).

Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 16. № 9: Филология. 2017. С. 156–164.

Куцаева М.В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре московского региона (II) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. № 2: Филология. 2018. С. 90–98.

Куцаева М.В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М., СПб.: Нестор-История, 2020а. 312 с.

Куцаева М.В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции. М. «Буки Веди», 2020 б. С. 104–111.

Куцаева М.В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020в. № 2. С. 124–150.

Куцаева М.В. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021 а. Вып. 3 (33). С. 49–58.

Куцаева М.В. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021б. Вып. 4 (34). С. 58–72.

Куцаева М.В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021 в. № 2. С. 5–34.

Куцаева М.В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. 2021 г. Т. 3 (№ 4). С. 6–21.

Куцаева М.В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. № 1 (44). С. 116–153.

ССТ 2006 – В.Ю. Михальченко (отв. ред.) Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115?ysclid=l8twpnttd7237967472 (дата обращения: 05.10.2022).

Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.

Этническая культура марийцев (традиции и современность) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 26: Сб. ст. / МарНИИ. Йошкар-Ола, 2002. 152 с.

Baker, C. Attitudes and Language. Multilingual Matters Ltd, 1992. 173 p.

Crystal, D. Language death. Cambridge University Press. 2000. 198 p.

Dauenhauer, N.M. & Dauenhauer, R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble & L. J. Whaley (Eds.), Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press, 1998. P. 57–98.

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. In: Olko J., Sallabank J. (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University press, 2021. P. 104–116.

Dorian, N.C. Western language ideologies and small-language prospects. In: Grenoble L., Whaley L. (eds.) Endangered languages: languages loss and community response. Cambridge University press, 1998. P.3–21.

Edwards, J. Language and Identity. Cambridge University Press, 2009. 314 p.

Fishman J. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters: 76. Clevedon. 1991. 431 p.

Fishman J. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 503 p.

Flores Farfán, J.A. & Olko, J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 85–99.

Grenoble, L.A. & Whaley, L. J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 885 p.

Grenoble, L.A. Why Revitalize? In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 9–22.

Kutsaeva M. V.A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region. In: Agranat T.B., Dodykhudoeva L.R. (eds) Strategies for Knowledge Elicitation. Springer, Cham, 2021. P. 5–99.

Llanes Ortiz, G. Art, Music and Cultural Activities. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 273– 283.

Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013. 271 p.

Sallabank, J. & King, J. What do we revitalize? In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 33– 45.

Smith-Christmas, C. et al. (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018. 295 p.

Smith-Christmas, C. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016. 295 p.

Underriner, J. et al. Teaching Strategies for Language Revitalization and Maintenance. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021. P. 235–256.

UNESCO, Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. 2003. “Language vitality and endangerment”. URL.: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf (viewed on 07.10.2022).

Zahir, Z. Language Nesting in the Home. In: Hinton, Huss, & Roche (eds). The Routledge Handbook of Language Revitalization. Routledge, 2018. P. 156–165.

Marina Kutsaeva

THE MARI LANGUAGE IN MOSCOW: THE PROBLEM OF ETHNIC LANGUAGE PRESERVATION IN THE CONDITIONS OF INTERNAL DIASPORA

Introduction. 2022 is the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia. The languages of the peoples of the Russian Federation are part of the intangible cultural heritage. In order to preserve cultural traditions, the vitality of ethnic languages is of key importance. **The purpose of the article** is to study the issue of the ethnic language vitality in the conditions of the internal diaspora. **Materials and methods**. The article is based on the results obtained by the author in the course of a sociolinguistic survey in the Moscow region Mari diaspora; the survey included one hundred respondents (the first generation of the diaspora), natives of the Republic of Mari El, and places of compact residence of the Mari on the territory of the Russian Federation as well as six representatives belonging to the second generation. A wide range of sociolinguistic methods was used in the survey. **Research results and discussions**. The use of the Mari language in Moscow region is restricted, yet it performs a wide range of functions. In addition, the Mari language is one of the key markers of people's ethnic identity; its preservation is important to maintain the boundaries of the ethnic group in the internal diaspora. However, according to our survey results, the intergenerational passing over of the Mari language is rather weak and the lack of the Mari language in linguistic biographies leads to a change in the ethnic identity of the representatives of the diaspora's second generation. Intra-family communication, cultural and leisure initiatives, the Mari traditional religion and the Mari language courses help to pass over the native language from one generation to another. Negative factors in this process include stereotypes and negative attitudes determined by deep-rooted language ideologies. They require special study and dissemination among the community members – the task, that to some extent, the author is trying to solve in her research.

Key words: the Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, functions of the language, language ideologies, intergenerational language transfer.

REFERENCES

Agranat T. B., Kutsaeva M. V. Kategorizatsiya neskol'kih finno-ugorskih idiomov i yazykovaya loyal'nost' ih nositeley [Categorization of Several Finno-Ugric Idioms and Language Loyalty of their Native Speakers]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2020, no. 10 (839), pp. 11-24. (In Russian).

Belikov V.I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 2-e izd. [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree], 2nd ed. Moscow, Izdatel'stvo Urait, 2016, 337 p. (In Russian).

Vasenina O.N. Variativnost' metodiki v prepodavanii mariiskogo yazyka v shkolakh Respubliki Marii El [Variability of methodology in Mari-language teaching at schools in the Republic of Mari El]. *Natsional'naya kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Iyvan Kyrla ludmash"*. Yoshkar-Ola, 2017, pp. 240-245. (In Russian).

VNP 2010 – Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian 2010 census], available at: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 5 October 2022). (In Russian).

Kutsaeva M.V. Kolichestvennoe raspredelenie aktivnykh i passivnykh bilingvov v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona (I) [Quantitative distribution of active and passive bilinguals in the Chuvash diaspora of Moscow region (I)]. *Vestnik NGU. History, Philology Series,* vol. 16, no. 9: Philology, 2017, pp. 156-164. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Kolichestvennoe raspredelenie aktivnykh i passivnykh bilingvov v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona (II) [Quantitative distribution of active and passive bilinguals in the Chuvash diaspora of Moscow region (II)]. *Vestnik NGU. History, Philology Series*, vol. 16, no. 9: Philology, 2018, pp. 90-98. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona [Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region]. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020a, 312 p. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group]. *Malye yazyki v bolshoi lingvistike. A collection of papers*. Moscow, "Buki-Vedi", 2020б, pp. 104-111. (In Russian).

Kutsaeva M. V. Mariitsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty]. *Native language. Linguistic journal*. 2020в, no. 2, pp. 124-150. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Rannee osvoenie etnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2021а, 3 (33), pp. 49-58. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Funktsii etnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*], 2021б, 4 (34), pp. 58-72. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality]. *Native language. Linguistic journal*. 2021в, no. 2. , pp. 5-34. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Moskovskie mariitsy: etnicheskaya kul'tura v usloviyakh vnutrennei diaspory [Moscow Mari: ethnic culture in the internal diaspora]. *Ethnic culture*. 2021г. 3 (no 4) , pp. 6-21. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Yazykovye biografii predstavitelei mariiskoi diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev raionov rasprostraneniya lugovogo mariiskogo yazyka v Respublike Marij El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El]. *Ural-Altaic Studies*, 2022, no. 1 (44), pp. 116-153. (In Russian).

SST - Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Ed. V. Ju. Mikhalchenko. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 2006, 312 p. (In Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2021, no 745 «O provedenii v Rossiiskoi Federatsii Goda kul'turnogo naslediya narodov Rossii» [Decree of the President of the Russian Federation no. 745 dating from 30.12.2021 «On the conducting of the Year of cultural heritage of the peoples of Russia in the Russian Federation»], available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115?ysclid=l8twpnttd7237967472 (accessedon 5 October 2022). (In Russian).

Shkalina G. E. Svyashchennyi mir mariiskii [Sacred Mari world]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe isdatel'stvo, 2019, 303 p. (In Russian).

Etnicheskaya kul'tura mariitsev (traditsii i sovremennost') [Ethnic culture of Maris (traditions and modernity)]. *Arheologiya I etnografiya Marijskogo kraya, a collection of papers*, vol. 26, Yoshkar-Ola, 2002, 152 p. (In Russian).

Baker, C. Attitudes and Language. Multilingual Matters Ltd, 1992, 173 p.

Crystal, D. Language death. Cambridge University Press, 2000, 198 p.

Dauenhauer, N. M. & Dauenhauer, R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble & L. J. Whaley (Eds.), Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. Cambridge University Press, 1998, pp. 57-98.

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. In: Olko J., Sallabank J. (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University press, 2021, pp. 104-116.

Dorian, N. C. Western language ideologies and small-language prospects. In: Grenoble L., Whaley L. (eds.) Endangered languages: languages loss and community response. Cambridge University press, 1998, pp. 3-21.

Edwards, J. Language and Identity. Cambridge University Press, 2009, 314 p.

Fishman J. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters: 76. Clevedon, 1991, 431 p.

Fishman J. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon, Multilingual Matters, 2001, 503 p.

Flores Farfán, J. A. & Olko, J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide, Cambridge University Press, 2021, pp. 85-99.

Grenoble, L. A. & Whaley, L. J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 885 p.

Grenoble, L. A. Why Revitalize? In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021, pp. 9-22.

Kutsaeva M. V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region. In: Agranat T.B., Dodykhudoeva L.R. (eds) Strategies for Knowledge Elicitation. Springer, Cham, 2021, pp. 5-99.

Llanes Ortiz, G. Art, Music and Cultural Activities. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021, pp. 273-283.

Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press, 2013, 271 p.

Sallabank, J. & King, J. What do we revitalize? In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021, pp. 33-45.

Smith-Christmas, C. et al. (eds.). New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. Palgrave Macmillan, 2018, 295 p.

Smith-Christmas, C. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016, 295 p.

Underriner, J. et al. Teaching Strategies for Language Revitalization and Maintenance. In: Olko, J. & Sallabank, J. (eds). Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. Cambridge University Press, 2021, pp. 235-256.

UNESCO, Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages, 2003. "Language vitality and endangerment", available at: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf (accessed 7 October 2022).

Zahir, Z. Language Nesting in the Home. In: Hinton, Huss, & Roche (eds). The Routledge Handbook of Language Revitalization. Routledge, 2018, pp. 156-165.

Куцаева Марина Васильевна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела урало-алтайских языков
ФГБУН Институт языкознания РАН,
г. Москва
e-mail : marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Marina Kutsaeva
candidate of philological sciences, research fellow,
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

УДК 811.511.13
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_04

КОНКУРЕНЦИЯ ПАДЕЖЕЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ ЭЛАТИВА В КОМИ ЯЗЫКЕ*

© 2022 г. Г.А. Некрасова

Введение. Современный период в развитии финно-угорского языкознания характеризуется усилением интереса к проблемам вариативного употребления языковых единиц. Изучение грамматических вариантов, определение их количественного соотношения представляют особую актуальность для определения тенденции развития языка. **Цель статьи** – описать типичные контексты, допускающие варьирование элатива с другими падежами, определить факторы развития вариативного употребления падежей. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили тексты из Корпуса коми языка. При исследовании использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приемы семантического анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** Установлено, что элатив может варьировать с эгрессивом – при выражении пространственного значения, с инструменталем – при выражении значений инструмента и темы игры, с консекутивом – при выражении значения причины, с компаративом – при выражении сравнительного значения. **Заключение.** В современном языке элатив, конкурируя с другими падежами, может находиться в отношении свободного варьирования с ними, может являться доминирующей или периферийной формой. Вариативное употребление падежей обусловлено разными факторами языковой эволюции: сохранением черт, унаследованных от древнего состояния семантики одного из падежей, независимым развитием сходных функций у разных падежей в соответствии с типологическими тенденциями и заимствованием падежного управления в результате ареальных контактов.

Ключевые слова: пермские языки; морфология; категория падежа; элатив; эгрессив; инструменталь; консекутив; компаратив; вариативность падежей; семантика.

Введение

Современный период в развитии финно-угорского языкознания характеризуется усилением интереса к проблемам вариативного употребления языковых единиц. Внимание уделяется выявлению динамики языковых процессов, установлению частотности употребления и факторов выбора конкурирующих единиц [Некрасова, 2001; 2009; 2016; 2020; Сажина 2002; 2021; Klavan, Kesküla, Ojava, 2010; Klavan, Veismann, 2017 и др.]. В этой связи актуальными представляются вопросы параллельного употребления двух и более падежей, причины развития их вариативности, поскольку, за редкими исключениями, падежи в этом аспекте не становились объектом специальных исследований.

Цель статьи – описать типичные контексты, допускающие варьирование элатива с другими падежами, определить факторы развития вариативности падежей.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты из Корпуса коми языка (далее – ККЯ). Ввиду того что в системе корпуса не предусмотрен поиск по грамматическим параметрам,

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

для сбора данных в графе Поиск вводилась словоформа в искомом падеже. Для каждой из конкурирующих единиц создавались выборки контекстов, характеризующихся семантической общностью, что позволило определить сравнительную частоту употребления падежей. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приемы семантического анализа.

Результаты исследования, обсуждения

Элатив – общепермский падеж. Долгое время его показатель рассматривался как палатализованный вариант лативного суффикса ф.-перм. *-*s*. Однако Е.С. Гуляев, учитывая регулярные соответствия согласных фонем в финно-угорских языках, убедительно доказал, что суффикс пермского элатива этимологически не может быть связан с показателем финно-волжского латива. Он мог развиться в эпоху прапермского языка на основе односложной лексемы с локативной семантикой [Гуляев, 1960, с. 135–137]. В современном финно-угроведении преобладает точка зрения, согласно которой источником элативного форманта послужил деривационный суффикс *nomen possessi* [Основы … , 1976, с. 147; Rédei, 1988, с. 381–382; Csúcs, 2005, с. 187; др.]. В современном коми языке элатив имеет развитую семантическую структуру [Гуляев, 1958; ӦКК, 2000, с. 82–84], в ряде контекстов он проявляет варьирование с другими падежами и некоторыми послелогами. В данной статье описываются наиболее типичные случаи его конкуренции с эгрессивом, инструменталем, консекутивом и компаративом.

Конкуренция между элативом и эгрессивом

Конкуренция между эгрессивом и элативом наблюдается при передаче пространственного значения. Оба падежа указывают на исходный пункт движения: элатив употребляется при выражении значения направленности из внутренних пределов ориентира, эгрессив – направленности от границы пространственного ориентира. Между тем падежи могут встречаться в нетипичных для них контекстах, конкурируя при этом друг с другом.

1. Эгрессив параллельно с элативом может быть представлен при глаголах, указывающих на движение из внутренних пределов ориентира. Примеры:

Элатив: ***Лавкаысь*** *петісны Трӧш Педӧр да Закар* (Г. Фёдоров) ‘Из магазина вышли Трош Фёдор и Захар’;

Эгрессив: *– Да со сійӧ! – шопер индіс* ***лавкасянь*** *петысь нывбаба вылӧ да горӧдіс: – Аня, чолӧм!* (Н. Куратова) ‘– Да вот она! – шофер указал на женщину, выходящую из магазина и закричал: – Аня, здравствуй!’

Гуляев Е.С., объясняя семантическое различие падежей с элативной семантикой, используемых в сходных контекстах, отмечал, что элатив указывает на исходный пункт как на место завершения ситуации, эгрессив – на исходный пункт движения, пункт, от которого начинается движение. Кроме того, он подметил, что эгрессив, в отличие от элатива, указывает на бóльшую близость действия во времени и бóльшую очевидность действия [Гуляев, 1960, с. 147]. По нашим наблюдениям, эгрессив оказывается предпочтительным, а в некоторых случаях единственно допустимым в конструкциях с наречиями, указывающими на темпоральную смежность (*муртса, выльӧн* ‘только что’, *веськыда* ‘прямо’), а также при фазисных глаголах (*мӧдны, завӧдитны* ‘начать’, *мӧдӧдчыны* ‘отправиться’). На выбор падежа в каждом конкретном случае может оказывать влияние различное осмысление ситуации. При использовании элатива внимание акцентируется на направленность движения из пределов ориентира, тогда как при употреблении эгрессива описываемая ситуация связана с вовлечением в пространственную конфигурацию не внутренней части ориентира, а ориентира в целом.

2. При выражении направленности от границы пространственного ориентира стандартно употребляется эгрессив. Элатив в этом значении допускается в контексте с иллативом в конструкции, описывающей траекторию движения, причем эта конструкция типична для современного коми языка в отличие от конструкции с эгрессивом, которая однозначно является калькой соответствующей русской конструкции. Примеры:

Элатив: ***Стенысь*** *стенӧ кутіс ветлӧдлыны, но мунігас бара кевмысис*: *– Кута надейтчыны* (И. Коданев) ‘Он начал ходить от стены к стене, а уходя снова попросил: – Буду надеяться’;

Эгрессив: <…> ***стенсянь стенӧ*** *ньӧжйӧник ветлӧдлісны ӧшинь рамаяслӧн вуджӧръясыс* (Д. Конюхов) ‘от стены к стене медленно перемещались тени оконных рам’.

Гуляев Е.С. отмечал, что элатив, возникший в период прапермского языка, имел широкий спектр элативных значений [1958, с. 211]. Представляется, что в составе рассмотренной конструкции элатив сохраняет аблативное значение, которое было присуще ему в период прапермского языка.

Конкуренция между элативом и инструменталем

Конкуренция между элативом и инструменталем наблюдается в двух типах контекстов – при выражении значений инструмента и темы игры.

1. Основным средством выражения инструментального значения в коми языке является инструменталь, что вполне ожидаемо: он не имеет ограничений на лексическую сочетаемость, допускается всеми существительными, относящимися к классу инструмент, в том числе оружие. Конкурирующий с ним элатив встречается в контексте с существительными, обозначающими оружие, воздействующее на объект с помощью средства, которое направлено преимущественно из его внутренней части. Аналогичное употребление падежей наблюдается в коми-пермяцком и удмуртском языках. Примеры:

Инструменталь: кз. *Бура лыйсис и* ***пулемётӧн****, и* ***винтовкаӧн*** (Н. Рочев) ‘Он хорошо стрелял и из пулемёта, и из винтовки’; кп. *Велаліс ачыс* ***пулемётӧн*** *лыйсьыны* (В. Баталов) ‘Он сам научился стрелять из пулемёта’; удм. *Василий Зайцев ыбылïськиз Мосинлэн* ***винтовкаеныз****, Людмила Павличенко СВТ-40 снайпер* ***винтовкаен*** (Удмурт дунне, 2012) ‘Василий Зайцев стрелял из винтовки Мосина, Людмила Павличенко – из снайперской винтовки СВТ-40’;

Элатив: кз. *Лыйсисны* ***ньӧввужйысь*** *да пневматическӧй* ***винтовкаысь,*** *шыблалісны шы, резина пыжӧн панъясисны* (О. Пинягина) ‘Они стреляли из лука и пневматической винтовки, бросали копьё, соревновались на резиновой лодке’; кп. *Вот сія и кыкись гымгӧма* ***пишальсис*** *пуляэзӧн* (В. Баталов) ‘Вот он и выстрелил дважды из ружья пулями’; удм. *Биатлонъя ӵошатско, 1 иськеме бызё, ыбылïсько* ***винтовкаысь*** *– шаръёс шоры* (Удмурт дунне, 2014) ‘Они участвуют в соревнованиях по биатлону, бегут один километр, стреляют из винтовки – в шары’.

Поиск по ККЯ показывает, что в современном языке частотность употребления инструменталя в рассмотренных лексических контекстах значительно ниже элатива (см. табл. 1).

Таблица 1

Частотность употребления падежей при выражении значения инструмента

лексема	элатив	инструменталь
винтовка ‘винтовка’	384	26
пулемёт ‘пулемёт’	321	24
пищаль ‘ружьё’	316	26
ньӧввуж ‘лук’	145	32
наган ‘наган’	33	1
Всего	1199	109

Учитывая, что параллельные конструкции с инструменталем и элативом, выражающие инструментальную семантику, представлены в родственных языках, конкуренцию рассматриваемых падежей можно интерпретировать как общепермское явление. При этом инструментальная конструкция является более архаичной, появление элативной может быть связано с влиянием русского языка в период самостоятельного развития языков, хотя не исключено типологическое развитие семантической структуры падежей.

2. В семантическую сферу, традиционно закрепленную за инструменталем, элатив вторгается также при выражении значения темы игры. Примеры:

Элатив: *Ӧтув ворсӧмаӧсь* ***футболысь****,* ***рингоысь****,* ***шегйысь****, челядьлы дасьтӧм «Пермские образки» пызанвывса* ***ворсӧмысь*** (Е. Морохина) ‘Вместе играли в футбол, ринго, шег, настольную игру «Пермские образки»’;

Инструменталь: *Радейта котравны лызьӧн, ворсны футболӧн, баскетболӧн да теннисӧн* (Д. Семяшкин) ‘Люблю бегать на лыжах, играть в футбол, баскетбол и в теннис’.

Материал ККЯ дает обратное соотношение падежей по их частотности: элатив используется реже, чем инструменталь, являющийся

доминирующим вариантом в современном языке (см. табл. 2).

Таблица 2

Частотность употребления падежей при выражении значения темы игры

лексема	элатив	инструменталь
домино ‘домино’	3	72
карті ‘карты’	7	445
лапта ‘лапта’	14	24
шег ‘кости’	27	99
хоккей ‘хоккей’	138	707
футбол ‘футбол’	431	823
Всего	620	2170

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в удмуртском и коми-пермяцком языках значение темы игры выражается инструменталем, ср. кп. *Рабочӧйез пыд рытӧдз орсісӧ* ***шахматтезӧн, доминоӧн*** (В. Баталов) ‘Рабочие до позднего вечера играли в шахматы, домино’; удм. *Тужгес но яратэ* ***баскетболэн, волейболэн*** *но* ***футболэн*** *шудыны* (Удмурт дунне, 2009) ‘Очень любит играть в баскетбол, волейбол и футбол’. В то же время явная морфологическая и функциональная параллель наблюдается между коми-зырянским языком и севернорусскими говорами, ср. ***Из шарика*** *да* ***из мячика*** *играем* (Холмог. Арх., Грандилевский) [СРНГ, 1977, с. 82]. Учитывая приведённые соответствия, логично предположить, что в данном случае имеет место русское влияние на коми язык.

Конкуренция между элативом и консекутивом

В коми языке элатив выражает широкий спектр причинных отношений, может указывать на причину, вызывающую неосуществление действия или нежелательное действие, а также на причину непроизвольного состояния, на повод, основание для осуществления действия (для награды, благодарности или осуждения, наказания). Примеры: ***Исласьӧмысь*** *мудзӧм ойдас* (А. Некрасов) ‘От катания на лыжах сильно устал’; *Ыджыдджыкыслы бур* ***уджысь*** *сетісны Трудӧвӧй Гӧрд Знамя орден* (С. Терентьев) ‘Старшего [брата] за хорошую работу наградили орденом Трудового Красного Знамени’.

Выбор формы элатива и консекутива при выражении значения причины отчасти определяется семантическими параметрами: элатив употребляется для выражения объективной внешней причины; консекутив – для выражения объективной и субъективной внутренней причины. Примеры:

Элатив: *Иван Петровичлӧн* ***кӧдзыдсьыс*** *измӧма пась воротникыс* (Е. Рочев) ‘Воротник шубы Ивана Петровича заледенел от мороза’;

Консекутив: *Синъясыс* ***радысла*** *дзирдалӧны* (А. Одинцов) ‘Глаза от радости блестят’; *Калиса чермунліс* ***повзьӧмысла*** (И. Торопов) ‘Калиса вздрогнул от испуга’.

Согласно типологическим исследованиям, значение причины является вторичным и развивается на основе более конкретных, чаще всего пространственных, значений [Сай, с. 31]. Следует отметить, что во многих языках, в том числе в финно-угорских, значение причины развили элативно-аблативные падежи [Некрасова, 2002, с. 74]. Лативные падежи реже участвуют в выражении причинного значения, для них характерно совмещение значений причины и цели действия, что демонстрируют коми консекутив и датив в удмуртском и коми-пермяцком языках.

Таким образом, развитие вариативного употребления элатива и консекутива при выражении значения причины обусловлено эволюцией их семантической структуры.

Конкуренция между элативом и компаративом

Конкурентом для элатива, обозначающего участника ситуации, который выступает в качестве стандарта сравнения при определении подобных ему свойств, качеств у другого участника, оказывается компаратив. Параллельное использование этих падежей наблюдается преимущественно в текстах авторов, родным для которых является один из южных диалектов – лузско-летский, среднесысольский и верхнесысольский. Примеры:

Компаратив: *А вот понйыс, овчаркаыс, кӧть и* ***кӧинсяыс*** *ыджыд да ён, садьтӧгыс повзяс* (И. Торопов) ‘А вот собака, овчарка, хоть и больше и сильнее волка, очень испугалась’; *Мортыс* ***ставсяыс*** *ён,* ***ставсяыс*** *повтӧм, роч муӧс мездӧ лӧк вӧрӧгысь* (И. Торопов) ‘Человек сильнее всех, смелее всех, освобождает русскую землю от злого врага’;

Элатив: *Македоныс вӧлі* ***меысь*** *кык пӧв ёнджык* (И. Торопов) ‘Македон был два раза сильнее меня’; – *Меным тайӧ* ***ставсьыс*** *бурджык, – синсӧ лэптывтӧг шуис Ким* (И. Торопов) ‘– Для меня это лучше всех, – не поднимая глаз, сказал Ким’.

Развитие вариативного употребления элатива и компаратива в сравнительных конструкциях связано с влиянием диалектов на литературный язык. Такая ситуация отражает, с одной стороны, особенности диалекта, являющегося родным для автора текста, с другой стороны, показывает его владение литературным языком.

Заключение

Анализ функционирования вариативных конструкций с элативом в коми языке дает представление о тенденциях развития его семантической структуры. Можно отметить процессы расширения и, напротив, некоторого сужения области употребления этого падежа. Конкурируя с другими падежами, элатив может находиться в отношении свободного варьирования с ними, в зависимости от выражаемого значения он может являться доминирующей или периферийной формой. Вариативное употребление падежей может быть обусловлено разными факторами языковой эволюции: отмечается сохранение черт, унаследованных от древнего состояния семантики одного из падежей, независимое развитие сходных функций у разных падежей в соответствии с типологическими тенденциями и заимствование падежного управления в результате ареальных контактов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

кз. – коми-зырянский
кп. – коми-пермяцкий
удм. – удмуртский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баталов В. Öктӧм проза (Собрание сочинений. Проза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.Fulib.ru (дата обращения: 20.02.2022).

Гуляев Е.С. Функции исходного падежа в коми языке // Историко-филологический сборник / АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 197–212.

Гуляев Е.С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 5. С. 131–160.

ККЯ – Корпус коми языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.komicorpora.ru (дата обращения: 02–03.2021).

Некрасова Г.А. К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталя в диалектах коми-зырянского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Сыктывкар, 2001. С. 197–203.

Некрасова Г.А. Система *L*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.

Некрасова Г.А. Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке // Linguistica Uralica. 2009. Т. 40. № 1. С. 9–22.

Некрасова Г.А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных памятников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Том 10. № 3. С. 7–16.

Некрасова Г.А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 1. С. 25–32.

Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

ӦКК – Лудыкова В.М., Некрасова Г.А., Попова Э.Н., Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А. Ӧнія коми кыв. Морфология = Современный коми язык. Морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 544 с.

Сажина С.А. Колебания в порядке следования притяжательных суффиксов в диалектах коми языка // Linguistica Uralica. 2002. Т. 38. № 4. С. 245–254.

Сажина С.А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 34–44.

Сай С.С. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Н.М. Заика (ред.). Типология причинных конструкций. СПб. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/42025922 (дата обращения: 20.02.2022).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1977. Вып 12. Зубрёха – Калумаги. 369 с.

Удмурт дунне = Удмуртский мир. 2009. 8 апр.; 2012. 30 авг.; 2014. 20 февр.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 s.

Klavan J., Kesküla K., Ojava L. Eesti keele adessiivi ja kaassõna peal kasutus kahes keelelises katses // Emakeele Seltsi Aastaraamat. 2010. Vol. 55. Ll. 63–86.

Klavan J., Veismann A. Are corpus-based predictions mirrored in the preferential choices and ratings of native speakers? Predicting the alternation between the Estonian adessive case and the adposition peal ‘on’ // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ESUKA – JEFUL). 2017. № 8–2. Pp. 59–91.

Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). Leiden–New York–København–Köln, 1988. Ss. 351–394.

Galina Nekrasova

INTERCHANGE OF CASES IN THE SEMANTIC ZONE OF THE ELATIVE IN THE KOMI LANGUAGE

Introduction. The modern period in the development of Finno-Ugric linguistics is characterized by an increased interest to the issues of the variable use of linguistic units having similar grammatical meaning. The study of grammatical variants, the determination of their quantitative ratio is of particular relevance for determining the trend of language development. **The purpose of the paper** is to describe typical contexts that allow variation of the elative with other cases, to determine the factors of the development of case variability. **Materials and methods**. The research material was texts from the Komi Language Corpus. Descriptive and comparative methods, methods of semantic analysis were used in the study. **Research results, discussion.** It is established that the elative can vary with the egressive when expressing spatial meaning, with the instrumentalis – when expressing the meanings of the instrument and the theme of the game, with the consecutive – when expressing the meaning of the reason, with the comparative – when expressing the comparative meaning. **Conclusion**. In the modern language, the elative, interchanging with other cases, may be in relation of free variation with another case, may be the dominant or peripheral form. The variable use of cases is due to various factors of linguistic evolution: the preservation of features inherited from the ancient state of the semantics of one of the cases; the independent development of similar functions in different cases in accordance with typological trends and the borrowing of case usage as a result of areal contacts.

Keywords: the Permian languages; morphology; case category; elative; egressive; instrumentalis; consecutive; comparative; case variability; semantics.

REFERENCES

Batalov V. Öktöm proza [Collected works. Prose]. Available at: http: // www.Fulib.ru (accesed 20.02. 2022). (In Komi-Permian).

Gulyaev E.S. Funkcii iskhodnogo padezha v komi yazyke [Functions of the initial case in the Komi language]. *Istoriko-filologicheskij sbornik* [Historical and philological collection] / USSR Academy of Sciences. Komi Branch. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1958, iss. 4, pp. 197-212. (In Russian).

Gulyaev E.S. Proiskhozhdenie padezhej s elementom *s’* v komi yazyke [The origin of cases with the element *s’* in the Komi language]. *Istoriko-filologicheskij sbornik* [Historical and philological collection]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1960, iss. 5, pp. 131-160. (In Russian).

Korpus komi yazyka [Corpus of the Komi language]. Available at: http://www.komicorpora.ru (accessed 02-03.2021). (In Komi).

Nekrasova G.A. K voprosu o statuse variativnyh form egressiva i instrumentalya v dialektah komi-zyryanskogo yazyka [On the status of variable forms of the egressive and instrumentalis in the dialects of the Komi-Zyryan language]. *Permistika 8: Dialekty i istoriya permskih yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: sb. st*. [Permistics 8: Dialects and History of the Permian languages in interaction with other languages: Collected papers]. Syktyvkar, 2001, pp. 197-203. (In Russian).

Nekrasova G.A. Sistema *L*-ovyh padezhej v permskih yazykah. Proiskhozhdenie i semantika [The system of *L*-cases in the Permian languages. Origin and semantics]. Syktyvkar, 2002, 168 p. (In Russian).

Nekrasova G.A. Foneticheskaya struktura slova i tipy padezhnyh allomorfov v komi yazyke [Phonetic structure of the word and types of case allomorphs in the Komi language]. *Linguistica Uralica,* 2009, vol. 40, no. 1, pp. 9-22. (In Russian).

Nekrasova G.A. Izmeneniya v padezhnoj sisteme komi-permyackogo yazyka XIX-XX vv. (po materialam pis'mennyh pamyatnikov) [Changes in the Case System of the Komi-Permyak Language in the 19th-20th centuries (On Materials from Written Sources)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2016, vol. 10, no. 3, pp. 7-16. (In Russian).

Nekrasova G.A. Var'irovanie padezhnyh suffiksov v sovremennom udmurtskom yazyke [Variation of case suffixes in the modern Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2020, vol. 14, no. 1, pp. 25-32. (In Russian).

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Marijskij, permskie i ugorskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. The Mari, Permian and Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1976, 464 p. (In Russian).

ÖKK – Ludykova V.M., Nekrasova G.A., Popova E.N., Fedyuneva G.V., Tsypanov E.A. Öniya komi kyv. Morfologiya (= Sovremennyj komi yazyk. Morfologiya) [Modern Komi language. Morphology]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2000, 544 p. (In Komi).

Sazhina S.A. Kolebaniya v poryadke sledovaniya prityazhatel'nyh suffiksov v dialektah komi yazyka [Fluctuations in the order of possessive suffixes in the dialects of the Komi language]. *Linguistica Uralica,* 2002, vol. 38, no. 4, pp. 245-254. (In Russian).

Sazhina S.A. *Slovoizmenenie sushchestvitel'nyh v yazyke kirovskih permyakov* [Inflection of nouns in the language of the Kirov Permians]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, vol. 15, no. 1, pp. 34-44. (In Russian).

Sai S.S. Imennye prichinnye konstrukcii: parametry tipologicheskoj variativnosti i issledovatel'skaja anketa [Nominal causal constructions: parameters of typological variability and research questionnaire]. *Tipologija prichinnyh konstrukcij* [Typology of causal constructions]. Ed. N.M. Zaika. St. Petersburg. Available at: https://www.academia.edu/42025922 (accessed 20.02.2022). (In Russian).

SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp 12. Zubryoha – Kalumagi [Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 12. Zubrekha – Kalumagi]. Leningrad, Nauka; Leningr. otd-e, 1977, 369 p. (In Russian).

Udmurt dunne [Udmurtskij mir] [Udmurt world]. 2009 (04.08); 2012 (08.30); 2014 (02.20). (In Udmurt).

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, Akadémiai Kiadó, 2005, 410 p. (In German).

Klavan J., Kesküla K., Ojava L. Eesti keele adessiivi ja kaassõna peal kasutus kahes keelelises katses. *Emakeele Seltsi Aastaraamat,* 2010, vol. 55, pp. 63-86. (In Estonian)

Klavan J., Veismann A. Are corpus-based predictions mirrored in the preferential choices and ratings of native speakers? Predicting the alternation between the Estonian adessive case and the adposition peal 'on'. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* (ESUKA – JEFUL), 2017, no. 8-2, pp. 59-91. (In English).

Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. *The Uralic languages. Description, history and foreign influences.* Denis Sinor (ed.). Leiden-New York-København-Köln, E. J. Brill, 1988, pp. 351-394. (In German).

Некрасова Галина Александровна
доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Сыктывкар
e-mail: komilang@gmail.com

Galina Nekrasova
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: komilang@gmail.com

УДК 811.511.152.2:81’373
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_05

МИКОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

© 2022 г. О.Е. Поляков, Н.В. Леткина

Введение. В статье обобщены сведения о мокшанских названиях съедобных и несъедобных грибов, известных в регионах проживания мордвы, определена их словообразовательная структура, отмечена этимология некоторых миконимов (русских заимствований). **Цель статьи** – обобщенно и наиболее полно представить мокшанские миконимы, раскрыть их словообразовательные особенности. **Материалы и методы.** В качестве источника изучения были использованы материалы лексикографических и научных работ отечественных, прежде всего мордовских, ученых и также полевых экспедиций. Привлекались данные по миконимической лексике пермских (коми и удмуртских) языков. В ходе исследования применены главным образом методы синхронно-описательного и структурно-семантического анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** Рассмотрены и описаны 80 сложных и составных названий съедобных и несъедобных грибов, функционирующих в мокшанском языке. При этом последовательно отражены компоненты, участвующие в их образовании, в случаях заимствования компонента (компонентов) из русского языка отмечены источники. **Заключение.** Мокшанские названия грибов, наряду с названиями деревьев, кустарников и трав, – значимый пласт лексики мордовских языков. Большинство обозначений грибов восходит к общемордовскому периоду, их названия мотивированы, то есть имеют прозрачную внутреннюю форму и указывают на их определенные свойства. В диалектах один и тот же гриб может именоваться по-разному.

Ключевые слова: мокшанский язык; лексика; гриб; миконим; общемордовский.

Введение

Настоящая статья посвящена малоизученной в мордовской лингвистике теме – мокшанским названиям грибов. В ней даются краткие сведения о съедобных и несъедобных грибах, которые встречаются в наших лесах и лугах. Приводятся латинские названия грибов при русских соответствиях, представляются все выявленные в источниках их мокшанские наименования, обращается особое внимание на их словообразовательную структуру.

Цель статьи – обобщенно и наиболее полно представить мокшанские миконимы и провести их словообразовательный анализ.

Обзор литературы

Лингвисты, специалисты по финно-угорским языкам, уделяли и уделяют большое внимание изучению различных пластов лексики своих языков. Например, исследователь пермских языков А.Н. Ракин описал лексику цветообозначения в пермских языках, ихтионимическую и сенсонимическую, спланхонимическую, зоонимическую, флористическую, дендронимическую лексику, в том числе и названия грибов [2009]. Ю.Ю. Соцкова провела разноаспектный анализ миконимов в двух родственных языках романской группы – французском и итальянском [2014]. Изучением различных пластов мокшанской и эрзянской лексики занимаются и мордовские языковеды. Так, А.М. Кочеваткин исследовал соматическую лексику эрзянского языка [2001], дендронимическую – О.Е. Поляков и Н.В. Леткина [2021], лингвистическую – В.П. Цыпкайкина [2011], географическую – В.П. Гришунина [2011], Г.Ф. Беспалова, Е.Ф. Клементьева [2011], физическую – Н.А. Агафонова [2011], биологическую – И.Н. Рябов [2011], литературоведче-

скую – Г.С. Иванова [2011], эмотивную – Г.В. Рябова [2008], ботаническую – А.М. Гребнева [2017]. Сведения о миконимической лексике содержатся в исследованиях Р.Н. Бузаковой [1996], Т.М. Шеяновой [2018] и О.Е. Полякова [2001]. Изучению миконимической лексики пермских языков посвящены работы А.Н. Ракина [2009] и Л.А. Пермяковой [2012].

Материалы и методы

Обозначения грибов в мокшанском языке рассматриваются в статье на фактическом материале различных лексикографических работ [Гришунина, 2011; Кочеваткин, 2001; Рябов, 2011], а также полевых экспедиций. Нами выявлено 80 названий съедобных и несъедобных грибов, употребляющихся в речи мокшан. Теоретической базой работы послужили научные труды отечественных ученых, главным образом финно-угроведов. В качестве основных методов исследования использованы синхронно-описательный, необходимый при описании и теоретическом истолковании языковых фактов и явлений, и структурно-семантический, обеспечивающий установление компонентов, входящих в состав сложного или составного наименования.

Результаты исследования, обсуждения

Согласно анализу, названия грибов в мокшанском языке образованы в основном на базе исконной лексики и только незначительный удельный вес составляет иноязычный компонент (*баяронь панга* ‘белый гриб’ < *боярин* и *панга* ‘гриб’, *бабань панга* ‘дождевик гигантский’ < *баба* и *панга).*

Как и в других финно-угорских языках, например, в коми и удмуртском [Ракин, 2009], мокшанские названия грибов мотивированы, имеют прозрачную внутреннюю форму и указывают на какие-либо свойства грибов:

цветовые признаки: *акша панга* ‘белый гриб’ < *акша* ‘белый’ и *панга* ‘гриб’; *равжапанга* ‘груздь черный’ < *равжа* ‘черный’ и *панга* ‘гриб’;

связь грибов с определенными видами деревьев: *тумоньпанга* ‘дубовик обыкновенный’ < *тума* ‘дуб’ и *панга* ‘гриб’; *келупанга* < ‘подберезовик обыкновенный’ < *келу* ‘береза’ и *панга* ‘гриб’;

место произрастания: *нупоньпанга* ‘опенок осенний’ < *нупонь* ‘мох’ и *панга* ‘гриб’; *нарпанга* ‘опенок луговой’ < *нар* ‘луг’, ‘трава’ и *панга* ‘гриб’;

морфологические признаки: *срмафпанга* ‘сморчок настоящий’ < *срмаф* ‘сморщенный’ и *панга* ‘гриб’; *вирьгов* ‘тутовик’ < *вирь* ‘лес’ и *ков* ‘шар’.

Есть и другие признаки, которые легли в основу номинации.

Ниже представляются по алфавиту русские названия грибов (с указанием их латинских эквивалентов), краткая характеристика их внешнего вида, места и времени произрастания, съедобности и несъедобности, вкусовых качеств, далее – все (известные нам) соответствующие мокшанские названия грибов, при этом особое внимание обращается на их образование, а именно на их составные компоненты. У названий грибов, заимствованных из русского языка, отмечаются источники.

Белый гриб *(Boletus edulis)*

В некоторых регионах мокшане называют его *азорпанга* ‘гриб-хозяин’. Гриб покрыт белой, желтой или темно-серой шкуркой. Низ – желтый или желто-зеленый, но внутри он белый, ножка очень толстая. Гриб съедобный.

Азорпанга < *азор* ‘хозяин’ *и панга* ‘гриб’; ***акша панга*** < *акша* ‘белый’ и *панга* ‘гриб’; ***баяравань губа*** < *баярава* ‘жена боярина’ и *губа* ‘губа’; ***баяронь панга*** < *баяр* ‘боярин’ и *панга* ‘гриб’; ***порань панга*** < *пора* ‘роща’ и *панга* ‘гриб’; ***рястама панга*** < *рястамс* ‘жарить’ и *панга* ‘гриб’.

Бледная поганка *(Amanita phalloides)*

Шляпка диаметром 5–11 см, оливкого, зеленовато-оливкого цвета, ножка белая или слегка зеленоватая, с чешуйками. Мякоть белая. Гриб очень ядовитый.

Ватракшипанга < *ватракш* ‘лягушка’ и *панга* ‘гриб’.

Волнушка (*Lactarius torminosus*)

Шляпка плоская, красного цвета, диаметром 4–12 см. Мякоть беловатая. Растет в смешанных лесах. Гриб съедобный.

Келнал панга < *келнал* ‘березняк’ и *панга* ‘гриб’.

Груздь настоящий (*Lactarius resimus*)

Гриб имеет молочно-белую или желтоватую шляпку. У молодых плодовых тел она плоская, по мере роста приобретает форму воронки, края плотно завернуты внутрь и украшены

небольшой бахромой. Толстая ножка внутри полая. Длина ножки 3–9 см. Мякоть белая, с фруктовым ароматом. Растет в смешанных и березовых лесах. Гриб съедобный.

Акша панга < *акша* ‘белый’ и *панга* ‘гриб’; ***груздя (крузда)*** < рус. *груздь*; ***крянной круздя*** < рус. *коренной* и *груздь*; ***модань кеподи*** < *мода* ‘земля’ и *кеподемс* ‘поднимать’.

Груздь черный *(Lactarius necator)*

Съедобный гриб, плоский, склизкий. Мякоть белая. Растет в смешанных лесах.

Равжа панга < *равжа* ‘черный’ и *панга* ‘гриб’; ***тумонь панга*** < *тума* ‘дуб’ и *панга* ‘гриб’.

Дождевик гигантский *(Calvatia gigantea)*

Тело плода гриба имеет форму шара или яйца, приплюснуто, размер в диаметре достигает до 50 см. Снаружи плодовое тело сначала белое, но по мере созревания буреет. Растет в лиственных и смешанных лесах, на полях, однако на лугах встречается единичными экземплярами. Съедобен гриб в молодом возрасте.

Бабань панга < *баба* ‘старушка’ и *панга* ‘гриб’; ***поспанга, пспанга*** < *пос, пс* ‘?’ и *панга* ‘гриб’.

Дубовик обыкновенный *(Suillellus luridus)*

Головка коричневая, желто-коричневая, низ красный, ножка толстая. Мякоть беловато-желтая. Растет в дубовых и смешанных лесах. Гриб несъедобный.

Тумонь панга < *тума* ‘дуб’ и *панга* ‘гриб’.

Звездовик кожистый *(Mycenastrum corlum)*

Серо-буроватый гриб, напоминает колокольчик. Растет в сосновых и еловых лесах.

Вирьпайгоня < *вирь* ‘лес’ и *пайгоня* ‘колокольчик’.

Зеленушка *(Tricholoma flavovirens)*

Низ серо-желтый, ножка желто-голубая. Мякоть белая. Растет в сосновых лесах. Гриб съедобный.

Пиже панга < *пиже* ‘зеленый’ и *панга* ‘гриб’.

Лисичка настоящая *(Cantharellus cibarius)*

Шляпка светло-желтого цвета с рыжеватым оттенком, мясистая, гладкая, с волнистым складчатым краем. Очертаниями шляпка сначала слабовыпуклая, затем воронковидная, зачастую неправильной формы. Диаметром 4–6 см. Растет на почве в хвойных и лиственных лесах. Гриб съедобный.

Атякшпанга < *атякш* ‘петух’ и *панга* ‘гриб’; ***келазень панга*** < *келазь* ‘лиса’ и *панга* ‘гриб’; ***ленгакспанга*** < *ленгакс* ‘липа молодая’ и *панга* ‘гриб’; ***нумолонь пиленя*** < *нумол* ‘заяц’ и *пиле* ‘ухо’; ***пяше опенка*** < *пяше* ‘липа’ и *опенка* ‘опенок’.

Масленок обыкновенный *(Suillus luteus)*

Шляпка коричневого цвета, полушаровидная, мясистая и упругая, гладкая, слизистая, с легко снимающейся кожицей. Диаметр шляпки – 5–8 см. Ножка цилиндрическая, 3–10 см длиной и 1–2 см толщиной. Мякоть гриба беловатая или желтоватая. Гриб растет в сосновых лесах, по обочинам дорог. Съедобен.

Ваи панга < *вай* ‘масло’ и *панг*а ‘гриб’; ***навла панга*** < *навла* ‘слизь’ и *панга* ‘гриб’; ***пичень панга*** < *пиче* ‘сосна’ и *панга* ‘гриб’; ***розьбанга*** < *розь* ‘рожь’ и *панга* ‘гриб’; ***рузавань губа*** < *рузава* ‘русская женщина’ и *губа* ‘губа’; ***терьга панга*** < *терьга* ‘?’ и *панга* ‘гриб’.

Мухомор *(Amanita)*

Плодовое тело крупное, ножка цилиндрическая, обычно прямая, часто расширенная в основании и с кольцом в верхней части. Шляпка толстомясистая, может быть с бугорком. Кожица различных оттенков белого, красного и зеленого цветов, обычно покрыта различными лоскутами или хлопьями, оставшимися от общего покрывала. Мякоть белая. Гриб растет в лиственных и смешанных лесах. Ядовитый.

Дуракпанга < рус. *дура*к ‘дурак’ и *панга* ‘гриб’; ***дурапа*** < рус. *дурак*; ***карупанга*** < *кару* ‘муха’ и *панга* ‘гриб’; ***кеворьбанга*** < *кеворь* ‘круг’ и *панга* ‘гриб’; ***пяляз панга*** < *пяляз* ‘глупый’ и *панга* ‘гриб’; ***рахама панга*** < *рахамас* ‘смеяться’ и *панг*а ‘гриб’; ***татаронь панга*** < *татар* ‘татарин’ и *панга* ‘гриб’.

Опенок осенний *(Armillaria mellea)*

Шляпка серо-желтоватая или грязно-коричневая с тонкими, с возрастом исчезающими коричневыми чешуйками. Шляпка диаметром 5–10 см, сначала выпуклая, затем плоская. Мякоть белая, с приятным запахом. Растет в местах, где много старой древесины, на пнях и упавших деревьях. Гриб съедобный.

Алпанга < *ал* ‘яйцо’ и *панга* ‘гриб’; ***нупоньпанга*** < *нупонь* ‘мох’ и *панга* ‘гриб’; ***опенка*** < рус. *опёнок*; ***пенёк панга*** < рус. *пенек* и *панга* ‘гриб’.

Опенок ложный *(Hypholoma)*

Шляпка гладкая, на ножке колечко. Растет на гнилых деревьях, пеньках как паразит. Гриб ядовитый.

Шеерпанга < *шеер* ‘мышь’ и *панга* ‘гриб’.

Опенок луговой *(Marasmius oreades)*

Шляпка 3–5 см в диаметре, сначала конусовидная, затем распростертая. Мякоть светло-желтая, с приятным запахом. Растет на лугах и пастбищах. Гриб съедобный.

Нарпанга, наркспанга < *нар* ‘трава’ и *панга* ‘гриб’; ***палакспанга*** < *палакс* ‘крапива’ и *панга* ‘гриб’.

Подберезовик обыкновенный *(Leccinum scabrum)*

Шляпка диаметром 3–15 см, полушаровидная, гладкая, сухая, матовая, ножка цилиндрическая. Мякоть белая. Растет в березовых и смешанных лесах. Гриб съедобный.

Келупанга < *келу* ‘береза’ и *панга* ‘гриб’.

Подгруздок *(Russula)*

Шляпка – 5–15 см, сначала выпуклая, затем воронковидная. Мякоть белая со сладковатым вкусом. Растет в смешанных, хвойных, лиственных лесах. Гриб съедобный.

Ленгакспанга < *ленгя* ‘молодая липа’ и *панга* ‘гриб’; ***пяшепанга*** < *пяше* ‘липа’ и *панга* ‘гриб’.

Подосиновик *(Leccinum)*

Гриб имеет красную или оранжевую шляпку, коренастую ножку и плотную мякоть. Гриб крупный с мясистой шляпкой диаметром 15–20 см. Сначала шляпка полушаровидная, потом выпуклая до подушковидной. Растет в хвойных и лиственных лесах, на опушках и лесных полянах, но чаще всего в осинниках. Гриб съедобный.

Поювонь панга < *пою* ‘осина’ и *панга* ‘гриб’.

Рыжик *(Lactarius)*

Гриб имеет шляпку, достигающую у зрелых представителей 15 см, плоскую, но чаще вдавленную в центре. Края немного согнуты. Оттенки шляпки варьируются от светло-рыжего до оранжевого цвета. Кожица у шляпки гладкая и липкая. Мякоть оранжевая. Растет преимущественно в хвойных и еловых лесах. Гриб съедобный.

Пичень панга < *пиче* ‘сосна’ и *панга* ‘гриб’; (в некоторых диалектах) ***порань панга*** < *пора* ‘роща’ и *панга* ‘гриб’.

Свинушка ***(****Paxillus*)

Шляпка толстая, гладкая, коричневого цвета, в диаметре 12–15 см. Мякоть толстая. Растет в лиственных и хвойных лесах, чаще всего в молодых березняках, дубняках и кустарниках. Гриб съедобный.

Люкшя панга < *люкшя* ‘гречка’ и *панга* ‘гриб’. В диалектах встречаются и другие названия: ***алашапанга*** < *алаш*а ‘лошадь’ и *панга* ‘гриб’; ***люкшягуба*** < *люкша* ‘гречка’ и *губа* ‘губа’; ***тракс губа*** < *тракс* ‘корова’ и *губа* ‘губа’.

Скрипица *(Lactarius vellereus)*

Шляпка сначала плоская, позднее воронковидная, плотная, сухая. Мякоть белая, плотная. Растет в лиственных и хвойных лесах, обычно группами. Гриб съедобный.

Цяторбанга < *цятордомс* ‘хрустеть’ и *панга* ‘гриб’. В диалектах фиксируются и другие названия: ***кецерь панга*** < *кецерь* ‘скрип’ и *панга* ‘гриб’; ***киваз панга*** < *киваз* ‘?’ и *панга* ‘гриб’; ***лофцу панга*** < *лофца* ‘молоко’ и *панга* ‘гриб’.

Сморчок настоящий *(Morchella esculenta)*

Шляпка гриба округло-шаровидная, серо-коричневая или коричневая, неровная. Край шляпки срастается с ножкой. Ножка беловатая или желтоватая, расширенная внизу. Весь гриб полый. Мякоть тонкая. Растет в пойменных лесах и парках. Гриб съедобный.

Сурапанга < *сура* ‘просо’ и *панга* ‘гриб’. В диалектах есть и другие названия: ***срмафпанга*** < *срмаф* ‘сморщенный’ и *панга* ‘гриб’; ***морчка*** < рус. *сморчок*.

Сыроежка *(Russula)*

Шляпка сначала шаровидная, позднее распростертая, плоская и воронковидная. Кожица разнообразной окраски, сухая, реже влажная, блестящая или матовая. Мякоть плотная и хрупкая. Растет в лиственных, реже хвойных лесах. Гриб съедобный.

Пуштомбанга < *пуштомс* ‘жарить’ и *панга* ‘гриб’. В диалектах представлены и другие названия: ***мазы ланга*** < *мазы* ‘красивый’ и *ланга* ‘поверхность’; ***сенем панга*** < *сенем* ‘зеленый’ и *панга* ‘гриб’; ***суравъежка*** < рус. *сыроежка*.

Трутовик *(Polyporus)*

Плодовое тело распростерто-отогнутое, сидячее или с боковой, или с центральной толстой копытовидной ножкой. Гриб твердый

и деревянистый. В молодом возрасте светло-коричневый с бархатистой поверхностью, позднее серого или темно-серого цвета, растрескивается. Растет на гниющей древесине лиственных деревьев. Съедобный.

Вирьгов < *вирь* ‘лес’ и *ков* ‘шар’. В некоторых диалектах этот гриб называют ***кальдав панга*** < *кальдав* ‘плохой’ и *панг*а ‘гриб’.

Чага, березовый гриб *(Inonotus obliquus)*

Представляет собой бесплодный нарост на живых стволах березы, реже ольхи и рябины. Цвет черный или тепло-бурый. Экстракт чаги используется в медицинских целях.

Келуодар < *келу* ‘береза’ и *одар* ‘вымя’.

Шампиньон *(Agaricus)*

Шляпка полукруглая, белая, 3–8 см в диаметре. Поверхность гладкая либо покрытая темными чешуйками; цвет – от белого до буроватого и коричневого. Мякоть белая. Растет на открытых пространствах среди травы и в лесах. Гриб съедобный.

Наземпанга < *назем* ‘навоз’ и *панг*а ‘гриб’. В некоторых регионах имеет название ***кавала-панга*** < *кавал* ‘ястреб’ и *панга* ‘гриб’.

Среди мокшанских миконимов, выявленных нами, вообще нет одночленных названий, как непроизводных, так и производных. Все названия двучленные и в качестве второго компонента употребляется слово *панга* ‘гриб’: *сурапанга* ‘сыроежка настоящая’, *равжапанга* ‘груздь черный’, *дуракпанга* ‘мухомор’. В других финно-угорских языках, например в пермских, довольно много одночленных образований (*маслеа* ‘масленок’, *урка* ‘сыроежка’, *ӧшка* ‘подосиновик’; есть трехчленные (*мыр бор тшак* ‘опенок’) и четырехчленные названия (*видз выв белэй гриб* ‘белый гриб’) [Ракин, 2009].

Заключение

Рассмотренный материал и анализ его позволяют сделать следующие выводы:

1. Основной фонд мокшанских названий грибов отражает характер мокшанской лексики, довольно большое количество названий восходит к общемордовскому периоду: *акша панга* ‘белый гриб’ – эрз. *ашо панга*; *келупанга* ‘подберезовик’ – эрз. *килей панга*; *навла панга* ‘масленок’ – эрз. *навло панга*; *поювонь панга* ‘подосиновик’ – эрз. *пой панга* и др.

В названиях мордовских грибов незначительный пласт занимает иноязычный компонент. Выявлено несколько русских заимствований (*суравъешка, груздя*, *опенка, морчка*), как стержневой компонент в двух названиях встречается русизм *губа* (*тракс губа* ‘свинушка’, *рузавань губа* ‘масленок’), в одном названии – *опенок* (*пяше опёнка* ‘опёнок’).

3. Мокшанские названия грибов мотивированы, имеют прозрачную внутреннюю форму и указывают на определенные свойства грибов: цветовые признаки: *акша панга* ‘белый гриб’, *равжа панга* ‘груздь черный’, *пиже панга* ‘зеленушка’; место произрастания: *нупонь панга* и *пенек панга* ‘опенок’ – *нупонь* ‘мох’, *пенёк* ‘пенек’; *нарбанга* ‘опенок луговой’ – *нар* ‘луг’; связь с видами деревьев: *тумонь панга* ‘груздь черный’ – *тум*а ‘дуб’; *пяже опенка* ‘лисичка’ – *пяже* ‘липа’; *пичень панга* ‘маслёнок’ – *пиче* ‘сосна’; сравнение с предметами и явлениями окружающей действительности: *ваи панга, навла панга* ‘масленок’ – *вай* ‘масло’, *навла* ‘слизь’, *тракс губа* ‘свинушка’ – сравнение с губой коровы; *срмаф панга* ‘сморчок’ – *срмаф* ‘сморщенный’; положительную или отрицательную оценку: *бояр панга, азор панга* ‘белый гриб’ – *бояр* ‘боярин’, *азор* ‘хозяин’; *мазы ланга* ‘сыроежка’ – *мазы* ‘красивый’; *ватракт-панга* ‘бледная поганка’ – *ватракт* ‘лягушка’; *пяляз панга* ‘мухомор’ – *пяляз* ‘глупый’.

4. В большинстве мокшанских миконимов в позиции определяемого компонента встречается слово *панга* ‘гриб’: *баяронь панга* ‘белый гриб’ – *бояр* ‘боярин’; *пяляз панга* ‘бледная поганка’ – *пяляз* ‘дурной’; *келазень панга* ‘лисичка’ – *келазь* ‘лиса’.

5. С точки зрения словообразовательной структуры миконимы мордовских языков могут быть либо сложными (*тракс губа* ‘свинушка’ – букв. *корова* + *губа*; *нарк-спанга* ‘опенок луговой’ – букв. *трава* + *гриб*), либо составными (*модань кеподи* ‘груздь настоящий’ – букв. ‘землю поднимающий’; *пиже панга* ‘зеленушка’ – букв. *зелёный* + *гриб*). При этом их главным компонентом чаще всего является существительное *панга* ‘гриб’, определяющим компонентом также выступает существительное, реже – прилагательное.

6. Известно, мокшанские говоры во всей своей совокупности образуют пять диалектных типов: нейтральный, западный, юго-восточный, переходный и смешанный. И в разных

диалектах одно и то же явление, один и тот же предмет часто называются по-разному, например, кроме литературного *тядя* ‘мать’ в диалектах встречаются: *авай, мамай, тидяй, дидяй, дияй*. Так обстоит дело и с обозначениями грибов. Например, наряду с литературным миконимом *карупанга* ‘мухомор’ представлены местные названия: *дуракпанга, дурапа, кеворьбанга, пяляз панга, рахама панга, таторонь панга.*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. – буквально
удм. – удмуртский язык
эрз. – эрзянский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонова Н.А. Словарь физических терминов на эрзянском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар [и др.]. 2011. 44 с.

Беспалова Г.Ф., Клементьева Е.Ф. Словарь терминов по географии на эрзянском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар [и др.]. 2011. 80 с.

Бузакова Р.Н. Тикшень валкс (Словарь названий растений). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. 140 с.

Гребнева А.М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 7–17.

Гришунина В.П. Словарь терминов по географии на мокшанском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар [и др.]. 2011. 76 с.

Иванова Г.С. Словарь терминов по литературе на мокшанском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар [и др.]. 2011. 78 с.

Кочеваткин А.М. Соматическая лексика эрзянского языка. Саранск: Красный Октябрь, 2001. 196 с.

Материалы для словаря коми-пермяцких названий грибов [Электронный ресурс]: монография / авт.-сост.: Ю.А. Шкураток, О.В. Боталова, А.С. Лобанова и др. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Электронные данные. Пермь, 2021. 1Мб; 80 с. Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialydlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-gribov.pdf.

Пермякова Л.А. Миконимическая лексика пермских говоров: семантический, ономасиологический и лингвосемиотический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2012. 18 с.

Поляков О.Е. Касыксонь валкс (Словарь мокшанских названий деревьев, кустарников, трав и грибов). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 108 с.

Поляков О.Е., Леткина Н.В. Дендронимическая лексика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: происхождение, структура и функционирование // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 313–318.

Ракин А.Н. Исследования по пермским языкам. Сыктывкар: ООО ‘Издательство ‘Кола’, 2009. 272 с.

Рябов И.Н. Словарь терминов по биологии на эрзянском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар, 2011. 46 с.

Рябова Г.В. Эмотивная лексика эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 79 с.

Соцкова Ю.Ю. Структурно-семантические и стилистические особенности сложных слов при номинации синонимов во французском и итальянском языках // The Way of Science. 2014. № 9 (9). vol. 1. Pp. 130–133.

Цыпкайкина В.Н. Словарь лингвистических терминов на эрзянском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар. 2011. 39 с.

Шеянова Т.М. Растение как объект мифоритуальной системы в культуре древней мордвы // Финно-угроведение. 2018. № 1 (59). С. 75–79.

Osip Polyakov, Natalia Letkina

MYCONYMICAL VOCABULARY OF THE MOKSHA LANGUAGE

Introduction. The article summarizes data about edible and inedible mushrooms known in the regions where the Mordovians live; it presents the Latin names of the mushrooms under consideration, and reveals their etymology and word-formation structure. The object of research is the names of edible and inedible mushrooms known in our region. As a source of study, we used scientific works of native

and foreign scientists, as well as 80 names of edible and inedible mushrooms used in the Mokshan speech. **Materials and methods.** The main research method used is synchronous-descriptive which is necessary for the description and theoretical interpretation of linguistic facts and phenomena. If necessary, the etymological method is also used. **Research results and discussion.** 80 complex and compound names of edible and inedible mushrooms functioning in the Moksha language have been considered and described. In this case, the components involved in their formation are consistently reflected; in cases of borrowing of the component(s) from the Russian language the sources are marked. **Conclusion.** The result of the analysis showed the following: the names of mushrooms, along with the names of trees, shrubs and herbs, are a significant layer of the vocabulary of the Mordovian languages, which is gradually being forgotten. Most names of mushrooms date back to the general Mordovian period; their names are motivated, i.e. they have a transparent internal shape and indicate their specific properties.

Key words: mushroom; mykonym; general Mordovian; nomination; vocabulary.

REFERENCES

Agafonova N.A. Slovar' fizicheskih terminov na erzyanskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nyh shkol [Dictionary of physical terms in the Erzya language for secondary schools]. Syktyvkar, 2011, 44 p. (In Russian).

Bespalova G.F., Klement'eva E.F. Slovar' terminov po geografii na erzyanskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nyh shkol [Dictionary of geography terms in the Erzya language for secondary schools]. Syktyvkar, 2011, 80 p. (In Russian).

Buzakova R.N. Tikshen' valks (Slovar nazvaniy rasteniy). Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1996, 140 p. (In Mordovian).

Grebneva A.M. Names of fruit trees and shrubs in the Mordovian languages and dialects // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2017. vol. 11, no. 2, pp. 7-17. (In Russian).

Grishunina V.P. Slovar' terminov po geografii na mokshanskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nyh shkol [Dictionary of geography terms in Moksha for secondary schools]. Syktyvkar, 2011, 76 p. (In Russian).

Ivanova G.S. Slovar' terminov po literature na mokshanskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nyh shkol [Dictionary of literature terms in Moksha for secondary schools]. Syktyvkar, 2011, 78 p. (In Russian).

Kochevatkin A.M. Somaticheskaya leksika erzyanskogo yazyka [Somatic vocabulary of the Erzya language]. Saransk, Krasnyj Oktyabr', 2001, 196 p. (In Russian).

Materialy dlya slovarya komi-permyackih nazvanij gribov [Elektronnyj resurs] [Materials for the dictionary of Komi-Permian names of mushrooms [Electronic resource]: monograph / author-comp Ju.A. Shkuratok, O.V. Botalova, A.S. Lobanova, and others Perm', 2021. 1Mb; 80 p. Available at: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialydlya-slovarya-komi-permyackih-nazvanij-gribov.pdf . pp.130-133. (In Russian).

Permjakova L.A. Mikonimicheskaya leksika permskih govorov: semanticheskij, onomasiologicheskij i lingvosemioticheskij aspekty [Myconymical vocabulary of the Permian dialects: semantic, onomasiological, linguistic and semiotic aspects]. Abstract of Ph. D. thesis. Perm', 2012, 18 p. (In Russian).

Poljakov O.E. Kasykson' valks (Slovar Mokshanskikh nazvaniy derevyev, kustarnikov, trav i gribov). Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001, 108 p. (In Mordovian).

Poljakov O.E., Letkina N.V. Dendronymic vocabulary of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages: origin, structure and functioning // *Vestnik ugrovedenija* = Bulletin of Ugric Studies. 2021, vol. 11, no. 2, pp. 313-318. (In Russian).

Rakin A.N. Issledovaniya po permskim yazykam [Research on the Permian languages]. Syktyvkar, OOO 'Izdatel'stvo 'Kola', 2009, 272 p. (In Russian).

Rjabov I.N. Slovar' terminov po biologii na erzyanskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nyh shkol [Dictionary of biology terms in the Erzya language for secondary schools]. Syktyvkar [i dr.], 2011, 46 p. (In Russian).

Rjabova G.V. Emotivnaya leksika erzyanskogo yazyka [Emotive vocabulary of the Erzya language]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2008, 79 p. (In Russian).

Sockova Ju.Ju. Structural, semantic and stylistic features of compound words in the nomination of synonyms in French and Italian. *The Way of Science*. 2014, no. 9 (9), vol. I. (In Russian).

Соцкова Ю.Ю. Strukturno-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti slozhnykh slov pri nominatsii sinonimov vo frantsuzskom i italyjanskom yazykakh. *The Way of Science*, 2014, no 9 (9), vol. 1, pp. 130-133.

Cypkajkina V.N. Slovar lingvisticheskikh terminov na erzyanskom yazyke dlya obshcheobrazovatelnykh shkol [Dictionary of linguistic terms in Erzya for secondary schools]. Syktyvkar, 2011, 39 p. (In Russian).

Sheyanova T.M. Rastenie kak obyekt miforitualnoy sistemy v kulture drevney mordvy [Plant as an object of mythoritual system in the culture of ancient Mordovians] // *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies, no. 1 (59). Joshkar-Ola, 2018, pp. 75-79. (In Russian).

Поляков Осип Егорович
доктор филологических наук,
профессор кафедры мордовских языков,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
г. Саранск
e-mail: kafmoksh2012@rambler.ru

Леткина Наталия Владимировна
кандидат философских наук,
доцент кафедры английского языка
для профессиональной коммуникации,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»
г. Саранск
e-mail: letkinanv@mail.ru

Osip Polyakov
Doctor of Philology,
Professor, Department of Mordovian Languages,
The National Research Mordovia State University,
Saransk
e-mail: kafmoksh2012@rambler.ru

Natalia Letkina
Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Department of the English Language
for Professional Communication,
The National Research Mordovia State University,
Saransk
e-mail: letkinanv@mail.ru

УДК 811.511.152:81’373
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_06

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МОКШАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© 2022 г. П.Е. Седова

Введение. Словарный состав мокшанского языка, его лексико-семантическая система находятся в состоянии постоянного изменения. Основным процессом, способствующим развитию, обогащению и совершенствованию лексического запаса языка, в настоящее время является его рост за счет появления новых слов, в т.ч. новообразований, характерных для письменного языка. Поэтому фиксация и обобщение последних, определение способов, которыми они образуются или создаются, являются достаточно актуальными в современном мордовском языкознании. **Цель статьи** – определить основные тенденции обновления лексики современного мокшанского языка, установить особенности (способы) образования и сферу употребления новых слов. **Материалы и методы.** Фактическим материалом исследования послужили лексические новообразования в мокшанском языке, встречающиеся в произведениях писателей. Работа в целом имеет синхронный характер, так как анализируются аспекты реального состояния языка в современный период. Однако, учитывая тот факт, что в любой период истории языка неотъемлемой частью его являются не только статика, но и динамика, в необходимых случаях автор обращается и к диахронии. Поэтому в ходе исследования использованы главным образом методы синхронного и компонентного анализов. **Результаты исследования, обсуждения.** На современном этапе развития мокшанского языка несомненной задачей писателя является поиск новых слов, сочетаний звуков, речевых оборотов и других средств, открывающих новые возможности и перспективы для дальнейшего развития лексического состава. Лексика современного письменного мокшанского языка характеризуется новообразованиями, представляющими собой плоды творчества литераторов и отражающими активные способы словопроизводства в языке. Результатом данного исследования являются выявленные и в необходимой мере систематизированные лексические новообразования, определение характерных способов их производства (морфологического, лексико-синтаксического) и их места в языке. При этом на основе языкового материала источников особо выделены единицы, образованные при помощи субстантивных суффиксов *-кс, -лкс,* аффиксоидов *-ши, -пря, -тнал* и словосложения подчинительного и сочинительного типов; отмечено также расширение значения слов путем калькирования. **Заключение.** В настоящее время в письменно-литературном мокшанском языке активны собственные слова, вместо заимствований все более используются новообразования. В индивидуальном стиле писателей частично находит отражение лексическая вариантность в виде новых лексем и заимствований. Употребление лексических новообразований значительно повышает уровень речевой культуры говорящего и пишущего на мокшанском языке.

Ключевые слова: мокшанский язык; лексика; новообразование; художественный текст; способы словообразования.

Введение

Реальной средой, в которой осуществляется процесс эволюции слова, его семантики, стилистической окраски, является разговорная речь. Поэтому изучение изменений, которые претерпевает слово, попадая в письменную

форму языка, имеет значение как для познания специфики лексики художественного стиля, так и для выяснения характера развития мокшанского литературного языка. Лексику мокшанского письменно-литературного языка в целом можно охарактеризовать как неизменяемую, но, как и в любом другом языке, в ней отмечаются новые явления, которые не всегда фиксируются в словарях. «Русско-мокшанский словарь» включает 34 000 слов [2012], в нем нашла отражение и часть новообразований, свойственных для письменно-литературного языка.

Лексика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков изучена достаточно полно и широко. Вопросы лексики мокшанского языка рассматривали известные лингвисты, которые являются авторами учебных пособий по лексикологии мокшанского языка и научных статей, посвященных развитию словарного состава современного мокшанского литературного языка [Лексикология, 1983; Иванова, 2014; Левина, 2015; Седова 2020 а; 2020 б]. Автор настоящей работы в отдельной статье подвергла анализу индивидуальные сочетания слов, которые выделяются среди общего лексического материала мокшанского языка и вносят новые смысловые оттенки в определенную речевую ситуацию [Седова, 2008, с. 123]. Кроме того, описывая в одной из своих статей стилистическое употребление синонимов в современной мокшанской литературе и рассматривая роль диалектов в развитии мокшанской лексики, автор данной статьи на основе конкретных примеров пришла к выводу, что обогащению словарного запаса мокшанского письменно-литературного языка способствуют обращения к формам устной и диалектной речи. В художественном тексте этот процесс практически характеризуется как образование или расширение синонимических рядов [Седова, 2020 а, с. 138].

В текстах на современном мокшанском литературном языке актуально использование (вместо заимствований) диалектных слов и синонимов, а в процессе творчества важную роль играют лексические новшества, или новообразования. Весь новый материал вызывает интерес с точки зрения обновления лексического запаса мокшанского языка, который предполагает появление новых слов, устойчивых сочетаний и выражений, а также расширение значения лексических единиц, в целом отражающих изменения в общественной деятельности человека и индивидуальном сознании. Вследствие этого у языковедов появляется живой интерес к исследованию новообразований в словарном составе современного мокшанского языка. В данной статье представлен и подвергнут описанию, прежде всего в аспекте словообразования, лексический материал, являющийся в определенной степени проявлением индивидуальности мокшанских писателей. Актуальность настоящей работы определяется необходимостью фиксации, обобщения и изучения тех новообразований, которые наблюдаются в мокшанском письменно-литературном языке, в особенности в языке отдельных писателей.

Цель статьи – словообразовательный анализ и интерпретация новых слов (окказионализмов), выявленных в произведениях современных мокшанских писателей, которым более всего характерно языковое творчество.

Материалы и методы

Исследование проведено на практическом материале, представляющем индивидуальные лексические явления (чаще всего из переводных источников), созданные мастерами художественной речи, как правило, способами словопроизводства, свойственными мокшанскому языку. В качестве основных приемов исследования послужили такие широко применяемые методы, как описательный анализ (наблюдение, обобщение и интерпретация) и компонентный анализ (например, при выделении деривационных средств производных слов или компонентов в композитах).

Результаты исследования, обсуждения

Мокшанский язык как часть финно-угорской языковой системы характеризуется аглютинативным способом словообразования, т.е. к основам мотивирующих слов присоединяются суффиксы со словообразовательным значением, что способствует появлению новых лексем. В современном мордовском языкознании словообразовательные связи между словами в лексике рассматриваются как один из видов системных отношений. Чтобы получить понятие о модели языка в целом и ее семантическом компоненте, необходимо отметить, что в словообразовательной системе мордовских

языков имеется много способов образования новых слов, которые представляют собой потенциальный источник пополнения активного словарного состава [Цыганкин, 2006]. Настоящая статья посвящена актуальному вопросу выявления деривационных возможностей мокшанского языка для образования новых лексем.

Важно заметить, что в мокшанском языке появлению новых слов способствуют, наряду с морфологическим, безаффиксальные способы словообразования. К ним относятся: синтаксический (сложение, сращение), морфолого-синтаксический (субстантивация, адвербиализация, адъективация) и лексико-семантический [Мокшень кяль, 2000, с. 10]. Правда, практический материал в статье отражает не все перечисленные способы, с помощью которых совершается и индивидуально-авторское языковое творчество.

Окказиональность наблюдается во всех областях мокшанского языка, тем не менее лексика и словообразование имеют больше возможностей для словотворчества. Слова-окказионализмы, как правило, являют собой лексические единицы, которые не имеют соответствий в языке в рассматриваемый период или вместо которых раньше употреблялись заимствования из русского языка [Седова, 2008, с. 124]. Фактический материал в статье представляет типологию способа словообразования в соответствии с характером словообразовательных значений в языке. Возникновение и развитие нового значения происходит по аналогии с другой морфемой, если между этими словообразовательными формами имеет место определенная семантическая связь, то ее в мокшанском языке отражает суффиксальный, или морфологический, способ словообразования [Мокшень кяль, 2000, с. 9].

Суффиксальный способ присутствует при образовании слов всех знаменательных классов, при этом каждая часть речи характеризуется определенным кругом словообразовательных суффиксов. Известный финно-угровед Д.В. Цыганкин в своей научной работе выделяет регулярные и продуктивные морфемы, участвующие в словообразовании частей речи, и отмечает, что «чем больше слов образовано при помощи словообразовательного типа, тем он регулярнее» [2006, с. 29].

Следует подробнее остановиться на морфологическом пути обогащения словарного состава, который основывается на наличии в языке словообразовательных суффиксов. В современном мокшанском языке существительные характеризуются продуктивными словообразовательными суффиксами *-кс, -фкс* [Мокшень кяль, 2000, с. 55]. Эти форманты широко распространены и активно участвуют в словообразовательных процессах с периода становления мокшанского и эрзянского письменно-литературных языков, т.е. с 20–30-х годов прошлого столетия: *кандомс* ‘нести’ – *канкс* ‘ноша’, *канф* – то же, что *канкс; стака канкс* ‘тяжёлая ноша’ [Мокшанско-русский словарь, 1998, с. 227]. Эти примеры представляют собой образец однотипных словообразовательных морфем, и появившиеся при помощи таких суффиксов неологизмы синонимичны.

Аналогичный пример с наименованием *озондомань куд* ‘церковь’ (досл. ‘молитвенный дом’). В данном случае имеет место синтаксический способ словообразования, когда зависимое слово (причем здесь с аффиксом) уточняет наименование предмета, выражаемое главным компонентом; полученное словосочетание закрепилось за новым понятием в качестве составного наименования. Современные авторы в своих произведениях употребляют чаще сложное слово *озкскуд* ‘церковь’, образованное лексико-синтаксическим способом: *Кода улемс? Кие азсы? Молян – **озкскуду** суван* [Циликин, 2019, с. 11] ‘Как быть? Кто скажет? Пойду – **в церковь** зайду’.

Морфологическое словообразование как путь обогащения словарного состава и индивидуальной речи наиболее характерно для мокшанского языка. Так, в языке достаточно частое явление, когда существительные образованы от глаголов при помощи вышерассмотренных продуктивных суффиксов *-кс, -фкс*: *ёфтамс* ‘рассказывать’ – *ёфкс* ‘сказка’, *пичедемс* ‘рассказывать’ – *пичефкс* ‘беда’, *озондомс* ‘молиться’ – *озкс* ‘молитва’, *сифондемс* ‘просеивать’ – *сифонькс (пиземонь)* ‘брызги (дождя)’, *юмафтомс* ‘потерять’ – *юмафкс* ‘потеря’, *перямс* ‘загородить’ – *перяфкс* ‘загородка’, *инголь* ‘перед’ – *инголькс* ‘будущее’. Например: *Леди бта шарьхкотькшнезе тя **пичефксть*** [Сайгин, 2005, с. 16] ‘Леди как будто

понимала эту беду’. В «Мокшанско-русском словаре» нашли отражение все приведенные слова, например, литературное моносемантическое слово *пичефкс* ‘беда’, полисемантическая лексическая единица *ингольксь,* у которой отмечаются значения ‘место; гряда; передник’ [1998, с. 492, 206].

Относительно данного морфологического способа словообразования следует заметить, что в мокшанском языке довольно много слов с суффиксами *-кс, -фкс*, которые обозначают предмет, имеющий то, что характерно для значения производящей основы: *коня* ‘лоб’ – *коняфкс* ‘налобное украшение’, *вал* ‘слово’ – *валкс* ‘словарь’, *пизел* ‘рябина (ягода)’ – *пизелкс* ‘рябина (куст)’. Все эти слова входят в общеупотребительную лексику мокшанского языка, отражены в словарях и текстах современных писателей. Об этом свидетельствуют и следующие примеры: *Стирсь путозе прязонза* ***коняфксть*** [Лобанов, 2019, № 6, с. 49] ‘Девушка положила **венок** (ему) на голову’; *Ингольдень валса лятфтаф, мзярда лиссть мокшень и эрзянь васенце* ***валксне*** [Лобанов, 2019, № 9, с. 9] ‘В предисловии упомянуто, когда вышли первые мокшанские и эрзянские словари’; *Аньцек ведьса сембось ащесь алубрят. И кудонь трубатне, и* ***пизелкссь****, и* ***перяфксне*** [Сайгин, 2005, с. 38] ‘Только в воде все стояло вверх ногами. И трубы домов, и **рябина**, и **заборы**’.

В современном мокшанском языке при помощи рассмотренного суффикса образовано, помимо общеупотребительных слов, немало лингвистических и других терминов: *валкс* ‘словарь’, *лувкс* ‘счет’, *валгярькс* ‘группа (ряд) слов’, *валмуворкс* ‘пословица’ и др. Следует отметить, что процесс образования новых терминов этим способом продолжается.

Мокшанский письменно-литературный язык, особенно художественной литературы, широко отражает лексический пласт новых слов, образованных при помощи существующих моделей, чаще морфологическим способом. Современные авторы стараются внести свой вклад в обогащение лексики мокшанского языка, предлагая свои новообразования и используя новые лексемы или даже диалектизмы [Седова, 2020а, с. 138]. Сферой появления новых слов более всего является переводная литература, а переводы в лексическом отношении, в т.ч. касательно заимствований, в определенной степени свободны. Мокшанский писатель В. Лобанов в своем творчестве отражал как лексическое своеобразие живой разговорной речи, так и закономерности развития лексики письменного языка на современном этапе. Фактический материал из произведений В. Лобанова часто представляет словообразование в области существительных. Обращаясь к продуктивному суффиксу *-кс,* писатель пополняет лексический состав существительных письменно-литературного языка. Так, в мокшанском языке в активную лексику входят слова *ланга* ‘сметана; над (послеложное слово)’, *шама* ‘лицо’. В текстах писателя встречаются производные от них имена *лангакс* ‘поверхность’, *шамафкс* ‘маска’: *Синь корабльснон* ***лангаксснон*** *вадезь ни кяшеса. Нарде, аф наксады* [Лобанов, 2019, № 6, с. 35] ‘Они покрывают **поверхность** корабля смолой. Крепкая, не сгниет’; *Но смузю фельдмаршалсь кунара ни шарьхкотькшнесь – Россиять союзниконза кяшендихть* ***шамафкс*** *эшксс* [Лобанов, 2019, № 6, с. 36] ‘Но умный фельдмаршал давно начал понимать – союзники России прячутся за **маской**’. В мокшанском письменном и устном языке, в активной лексике, имеется слово *потмакс* ‘дно’, несмотря на это, в письменной речи появилась синонимичная единица *алгакс*. Причем она употреблена в одном и том же контексте с *потмакс*: *Лафчемсть мачтатне, варявготкшнесть* ***потмаксне****.* ***Алгакснень*** *вадезь потмоширьге наксадомать эзда* [Лобанов, 2019, № 6, с. 37] ‘Устарели мачты, **донья** продырявились. **Дно** внутри замазали от гнили’. Приведенные примеры (*лангакс* ‘поверхность’, *шамафкс* ‘маска’, *алгакс* ‘дно’) являются новообразованиями одного автора, в устной речи они не употребляются, остаются только в письменной форме мокшанского языка. Данный морфологический способ пополнения лексического состава языка, а именно современной книжной лексики, нашел известное отражение и в «Русско-мокшанском словаре»: *цифторкс* ‘блёстка’, *кятькс* ‘браслет’, *пргафкс* ‘брызги’, *шамафкс* ‘маска’, *юмафкс* ‘утрата’, *лезкс* ‘помощь’и др. [2012].

Автор лексических новообразований, переосмысливая имеющийся опыт и объединяя

его с новым, стремится к созданию новых форм выражения или к замене новообразованиями ставших уже привычными либо устаревшими лексических единиц. В мокшанском языке продуктивность исторического суффикса *-кс* подтверждается большим количеством существительных, некоторые из них приведены здесь в виде примеров из текстов. Они являются показателем лексических новообразований, т.е. в современном письменном языке словарный запас постоянно пополняется новыми единицами, образованными внутриязыковыми способами, что в конечном итоге ведет к обогащению книжной лексики.

В лексике мокшанского языка фиксируются также малоупотребительные существительные, образованные при помощи нерегулярного суффикса *-лкс.* Среди них представляет интерес слово *кучелкс* ‘посыльный’, наблюдаемое в письменных источниках: *Рекстъ тядяц вельф лац тиендельхцень заставаса связноень тефнень. Ульсь цебярь* ***кучелкс*** *и* ***учелкс*** [Сайгин, 2005, с. 68] ‘Мать Рекса на заставе очень хорошо выполняла роль связного. Была хорошей **посыльной** и ее очень ждали (досл. ‘**ожидаемой**’)’; *Тяса сон фкя сяка пингть ульсь и военнай морякокс, и оцю державань* ***кучелксокс*** [Лобанов, 2019, № 9, с. 36] ‘Здесь он в одно время был и военным моряком, и **послом** великой державы’. В современном мокшанском письменном языке в этом значении чаще всего используется лексема *кучф (ломань)* ‘посыльный (человек)’ [Русско-мокшанский словарь, 1998, с. 308], образованная посредством суффикса *-ф*. Кроме того, для передачи данного значения активно функционирует заимствование из русского языка *посол*: *Воронцов* ***посольсь*** *пачфнесь Суворовонди, кле морасть Суворовонь подвигонзон колга* [Лобанов, 2019, № 9, с. 47] ‘**Посол** Воронцов доложил Суворову, что пели о его подвигах’; *А разведкас мекольдень* ***кучфнень*** *эзда мрдась аньцек Аня комсомолкась* [Сайгин, 2005, с. 68] ‘Из последних **отправленных** (досл. **посланных**) в разведку вернулась только комсомолка Аня’. Фактический материал свидетельствует о возможности представлять письменный язык и мокшанскую речь более выразительной и красивой при помощи лексических новообразований, созданных посредством собственных словообразовательных суффиксов. Правда, в ряде случаев, наряду с собственными лексическими средствами, в определенных целях употребляются заимствования из русского языка [Седова, 2020б, с. 180].

В развитии словарного фонда мокшанского языка отмечается тенденция, связанная с ростом использования национальных элементов языка. Морфологическое словообразование как один из путей пополнения лексического состава языка и индивидуальной речи характерно для флективных и агглютинативных языков. В мокшанском языке суффиксация и в настоящее время является одним из активных способов образования новых слов.

Необходимо отметить, что рассматриваемое в данной статье словообразовательное значение конкретного суффикса в работах русских исследователей характеризуется как модификационное [Шмелев, 1977, с. 174]. В отношении мокшанского языка следует выделить достаточно большую группу слов с абстрактным значением, в которых кроме значения мотивирующего слова также присутствует дополнительный модифицирующий признак. Так, в языке функционируют самостоятельные лексические единицы *ши* ‘день, солнце’, *пря* ‘голова’, *тнал* ‘роща’. Они могут служить для образования существительных не с конкретным значением, при этом сохраняется семантика и мотивирующего слова: *пара* ‘хороший’ – *парши* ‘богатство’, *нарде* ‘твердый’ – *нардеши* ‘твёрдость’, *пона* ‘волосы’ – *понавши* ‘волосатость’, *ляпе* ‘мягкий’ – *ляпоши* ‘доброта’, *лафча* ‘слабый’ – *лафчаши* ‘слабость’, *келу* ‘береза’ – *келутнал* ‘березовая роща’, *мокорь* ‘полено’ – *мокорьбря* ‘головастый’. Слова *ши* ‘день, солнце’, *пря* ‘голова’, *тнал* ‘роща’ в период формирования мокшанского письменно-литературного языка употреблялись только в виде самостоятельных единиц, причем в диалектных формах: ***Вача шись*** *работафтомть сидеста вятьнесы эсьпрянь юмафтомати* [Черапкин, 1934, с. 49] ‘**Голод** часто приводит безработного к гибели’; ***Шысь*** *стясь ни кунара, а тракторсь нинге ашезь ушода сокама* (диал.) [Черапкин, 1934, с. 19] ‘**Солнце** встало уже давно, а трактор еще не начал пахать’. В работах известного финно-угроведа Д.В. Цыганкина данные слова рассматривают-

ся как аффиксоиды, находящие широкое применение в словообразовании и в устной речи, и в письменном языке [2006, с. 37]. В современном мокшанском языке, в устной и письменной формах речи, аффиксоиды *ши, пря, тнал* относятся к активным словообразовательным средствам, способствующим пополнению словарного фонда: *Велетнень эзда панцеф козялятнень марнек* ***паршисна*** *максфтольхть тейнза* [Сайгин, 2005, с. 14] ‘Все **богатство** выгнанных со всех сел богатых людей было отдано ему’. Аффиксоиды – это языковые единицы переходного типа, они включают в себя признаки и корней, и словообразовательных суффиксов. По мнению Д.В. Цыганкина, перечисленные аффиксоиды сохраняют соотнесенность с самостоятельными словами, от которых отличаются функционально, выражая более абстрактное значение [2006, с. 13]. Рассмотренная тенденция обогащения лексического запаса национальными элементами, в т.ч. абстрактными словами, характерна в большей степени для письменного языка.

Понятно, что лексико-семантическая система мокшанского языка находится в состоянии постоянного изменения, причем новых слов и значений появляется значительно больше, чем исчезает из употребления слов и значений. Например, в современном мокшанском языке у многозначного глагола *касомс* одно из значений – ‘расти’, с помощью суффикса *-кс* от его основы образовано многозначное слово *касыкс* ‘растение’, ‘подросток’. В значении ‘подросток’ оно встречается уже в ранних источниках, например, в учебнике 30-х годов прошлого столетия И.Г. Черапкина: ***Вяри касыксне*** *якайхть тонафнемя* [1934, с. 23]. ‘**Подростки** (досл. **вверх растущие**) ходят учиться’. Составное название *вяри касыксне* в современном языке не входит в активную лексику, однако в письменном языке оно встречается: *Атясь кулхцондозевсь и лятфтазе сонцень* ***вяри касыкс*** *шабань пингонц* [Сайгин, 2005, с. 26] ‘Старик прислушался и вспомнил свои **юношеские** (досл. **вверх растущие**) годы’.

При анализе лексических новообразований в мокшанском литературном языке обращает на себя внимание активизация способов образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. Известно, что сложные слова (композиты) характеризует лексическая неразрывность компонентов, между ними нельзя вставить другое слово, так как основным признаком считается целостность композиты. Данный словообразовательный способ не менее продуктивен, хотя и более ограничен в своих словообразовательных и семантических возможностях.

Значения компонентов сложного слова часто не отличаются от изначального их понимания, в лексическом новообразовании происходит определенное сложение смыслов: *штатол* ‘свеча’ – *шта* ‘*воск*’, *тол* ‘*огонь*’; *сельмевий* ‘сила в глазах’ – *сельме* ‘глаз’, *вий* ‘сила’; *пильговий* ‘сила в ногах’ **–** *пильге* ‘нога’, *вий* ‘сила’; *потмовий* ‘внутренняя сила’ – *потма* ‘нутро’, *вий* ‘сила’; *сюреки* ‘разговор’– *сюре* ‘нить’, *ки* ‘дорога’; *ваймовайгяль* ‘тональность’ – *вайме* ‘душа’, *вайгяль* ‘голос’; *меквайгяль* ‘эхо’ – *меки* ‘назад’, *вайгяль* ‘голос’. Нередко в сложных словах присутствует морфологический тип словообразования, при этом одна из частей выражается отглагольным именем, образованным при помощи вышерассмотренных суффиксов *-кс*, *-фкс*: *ведьвеляфкс* ‘волна’ – *ведь* ‘вода’, *веляфкс* ‘вал’ (*велямс* ‘падать’); *ведьгеворькс* ‘прибой’ – *ведь* ‘вода’, *кеворькс* ‘вал’ (*кеворемс* ‘катиться’). Слова *ведьвеляфкс, ведьгеворькс* семантически близки, синонимичны между собой: главный признак синонимов в том, что они не различаются или почти не различаются своими лексическими значениями [Седова, 2020а, с. 137]. Текстовый материал на мокшанском языке также свидетельствует об употреблении этих слов как синонимов: *Марявсь, кода потмакстн эрьхнихть волнатне,* ***ведьвеляфксне*** [Лобанов, 2019, № 6, с. 45] ‘Слышно было, как по дну бьют **волны**’; *Эряви кой-кона уемкатнень кеподемс доку, коське вастс.* ***Ведьвеляфксне, ведьгеворькснe*** *тисть лазфт, синь эрявихть лацкас пандомс* [Лобанов, 2019, № 6, с. 55] ‘Некоторые корабли надо поднять на док. От **волн** в них образовались щели, следует хорошо их заделать’; также: *Ня союзникне срхксихть кочкамс крфай* ***седьвальмат*** *лиянь кядьса* [Лобанов, 2019, № 6, с. 48] ‘Эти союзники хотят собирать **угли** чужими руками’; *Сяда оцю стирнятне-цёранятне аляснон мельге эстокиге кундазь моронь* ***ваймовайгяльть****, сяда*

стакаль ёмлатненди, ашесть повонда моронь сюрекити [Лобанов, 2019, № 6, с. 37] ‘Более старшие девочки-мальчики сразу же подхватили за отцом **мелодию**, труднее было младшим, так как они не попадали в тональность’; *Кржас или ламос ащесь цёрась сонць аф сонць, аньцек мзяра пингта меле ёжецка мрдась,* ***сельмовиенцка*** *меки марязе* [Мишанина, 2002, с. 15] ‘Много или мало стоял парень сам не свой, только через некоторое время вернулось к нему сознание, вновь ощутил (досл.) **силу глаз**’.

Лексическая система мокшанского языка характеризуется определенным богатством таких сложных новообразований, в которых семантика одного из их компонентов отрывается от мотивирующего слова и новая лексема принимает общепредметное значение: *сюреки* ‘нить разговора’ – *сюре* ‘нить’, *ки* ‘дорога’; *шкайги* ‘судьба’ – *шкай* ‘бог’, *ки* ‘дорога’. Например: *Ялгатне эжнезь пряснон пси симомбяльса, юмафнезь и вешендезь корхнемаснон* ***сюрекинц****, но ся кати-мес эрьготькшнесь* [Пинясов, 2013, с. 544) ‘Друзья согревались горячим чаем, теряли и искали **нить разговора,** но та почему-то исчезала’; *Лияста арьсят шачема кяленьконь* ***шкайгинц*** *колга и, мярьгат, сонга явси-тихольди, аф муй цебярь кулхцонды* [Лобанов, 2018, с. 9] ‘Иногда думаешь о **судьбе** нашего родного языка и, думаешь, что она тоже плачет-причитает, потому что нет хорошего слушателя’. Семантические изменения зависят от многих обстоятельств, однако решающим является исторический фактор, т.е. сама социальная действительность, которая и предопределяет их.

К активному словообразовательному типу в процессе создания новых лексем в мокшанском литературном языке относятся парные слова. Структура рассматриваемых образований характеризует фонетическую и грамматическую самостоятельность лексических единиц, но значение парных слов расширяется благодаря присутствию в их составе близких или совершенно одинаковых по значению слов [Иванова, 2016, с. 92]. Подобные слова появляются чаще всего как отдельный компонент синонимического ряда, имеющий более широкое значение, иногда заменяющий русское заимствование. Немало случаев образования таких лексических единиц, когда одним из компонентов является слово русского происхождения. Представляем в качестве примера парные слова *мирса-масторса* ‘в мире, на земле’, *покамс-работамс* ‘работать’. Новообразовательная активность в современном письменно-литературном языке допускает также появление парных слов, в состав которых входят композиты. Вследствие этого новые слова приобретают более сложный характер, например: *кудботмоса-перьфса* ‘дома, во дворе’ – *кудботма* (*куд* ‘дом’, *потма* ‘внутренность’) и *перьф* ‘двор’. С точки зрения словообразования лексемы рассматриваемого типа следует квалифицировать как новые единицы, возникающие в процессе развития языка и образующие довольно многочисленный лексический ряд в мокшанском письменно-литературном языке.

Значительную роль в появлении новообразований в языке играет полисемия [Седова, 2018, с. 66]. В мокшанско-русском словаре единицы *кепотькс* ‘образец’, ‘пример’, *сяземс* ‘порвать’, ‘разорвать’, ‘взорвать’ и другие представлены многозначными, в устной речи и письменно-литературном языке они входят в активную лексику. В художественном тексте помимо своих основных значений они обнаруживают значения, явно развившиеся в результате семантического калькирования: *Аляс-на паркть озафнемста* ***кепотькс*** *сявондсь француснень эзда* [Лобанов, 2017, с. 13] ‘При посадке сада отец брал **пример** с французов’; *Танкать* ***сяземда*** *меле тонь валянзе модаса* [Лобанов, 2017, с. 6] ‘После **взрыва** танка тебя накрыло землей’. Данные примеры свидетельствуют о расширении значений полисемантичных слов и их немалой роли в выражении авторской мысли. Нужно заметить, что в устной речи на месте подобных единиц нередко употребляются заимствования из русского языка, например: *сявомс* ***пример*** *эздонза* ‘взять с нее (него) пример’; *танкась* ***взорвандавсь*** ‘танк взорвался’. В современный период использование заимствований в мокшанском языке (как и во многих языках мира) не приветствуется, поскольку считается, что иноязычные слова угрожают чистоте языка. Поэтому в письменно-литературном языке сейчас более предпочтительны мокшанские многозначные слова типа *сяземс* ‘взорвать’, *кепотькс* ‘при-

мер', чем соответствующие им заимствования. Многозначность типа вышеприведенных примеров может быть использована, чтобы исключить заимствования (правда, в подобных случаях возникает некоторая искусственность в функционировании лексем). К лексической полисемии надо подходить как к одному из синонимических средств языка, при этом употребления таких многозначных лексем должны быть достаточно убедительными, они должны служить основой для определенного стилистического приема [Апресян, 1995, с. 180].

Стремление мокшанского языка к обновлению своих лексических средств ярко проявляется в образовании новых единиц разными способами деривации, хотя чаще всего только в письменно-литературном языке. Лексическое своеобразие нередко не находит отражения в словарях, значения таких слов, в т.ч. новых, раскрываются по контексту и словообразовательной структуре. Существующая структура открывает возможности и перспективы для дальнейшего образования новых слов на современном этапе развития мокшанского языка.

Заключение

Образование и создание новых единиц рассмотренными словообразовательными способами, несомненно, предполагает развитие лексического состава мокшанского языка. Представленные в статье примеры свидетельствуют о том, что современный период развития мокшанского литературного языка характеризуется определенными изменениями в лексике письменной формы языка. Общеупотребительная часть лексики в целом остается неизменной, но письменно-литературная форма языка пополняется новообразованиями. Активность новых слов со временем проявится также в устной форме языка, как, например, в современном языке утвердилась значительная доля терминов. На начальном же этапе авторское словотворчество является неизменным показателем художественной литературы, в частности прозы. Словарный состав языка не должен меняться стремительно, если будет иначе, то нарушится связь поколений, ибо культурно-исторические и литературно-языковые традиции предшествующих поколений не в полной мере будут понятны последующим поколениям.

Таким образом, изложенные в статье способы словотворчества (морфологический, лексико-синтаксический, а также расширение значения) характеризуют продуктивность словообразовательных аффиксов различных частей речи, прежде всего имен существительных, и словосложения. При этом они показывают значимость окказиональных языковых единиц в пространстве мокшанского художественного текста. Особая роль в представлении индивидуально-авторской картины мира принадлежит авторам художественных произведений, так как они чаще всего используют различные языковые традиции. Окказионализмы являются постоянным средством пополнения лексики, они отражают неисчерпаемое богатство мокшанского языка, несмотря на то что их употребление в определенный период ограничено письменно-литературным языком художественных произведений, причем главным образом переводных.

Развитие литературных норм сегодня актуально почти для всех финно-угорских языков. В современном мокшанском литературном языке обновлением языка, в т.ч. созданием и введением новых лексем, практически занимаются творческие люди. Производя и усваивая новые слова, авторы не только расширяют свои знания о своем языке, народе, но и служат проводником преемственности прошлого и настоящего, настоящего и будущего. Новообразования в определенной степени отражают стремление своего создателя к индивидуальности и оригинальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, Восточная литература, 1995. Т. I. Лексическая семантика. 472 с.

Иванова Г.С. Тяниень пингонь мокшень кяль. Фонетика (нюрьхкяня курс). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 124 с.

Иванова Г.С. Тяниень пингонь мокшень кялень лексикология: учеб. пособие / Г.С. Иванова, П.Е. Седова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 84 с.

Левина М.З., Седова П.Е. Диалектизмы в языке мокшанской художественной литературы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 178–186.

Лексикология современных мордовских языков: учеб. пособие / под ред. Д.В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1983. 296 с.

Лобанов В. Тят ляда шумукс // Мокша / Литературно-художественнай и общественно-политическяй журнал. 2017. № 5. С. 4–13.

Лобанов В. Кяленьке – ванфтыеньке // Мокша / Литературно-художественнай и общественно-политическяй журнал. 2018. № 6. С. 5–10.

Лобанов В. Ушаков адмиралсь. Исторический роман / авт. В. Ганичев // Мокша / Литературно-художественнай и общественно-политическяй журнал. 2019. № 6. С. 35–77.

Лобанов В. Ушаков адмиралсь. Исторический роман / авт. В. Ганичев // Мокша / Литературно-художественнай и общественно-политическяй журнал. 2019. № 9. С. 8–47.

Мишанина В. Вальмафтома куд: Повесть, азкст, пьесат. Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2002. 320 с.

Мокшанско-русский словарь / Ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Правительства Респ. Мордовия; под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М.: Рус. яз., Дигора. 1998. 920 с.

Мокшень кяль. Морфология. Сёрматф-тиф Н.С. Алямкинонь кядяла. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 236 с.

Пинясов Г.И. Кочкаф произведеният. Кафта томса. I томсь. Повесть / Г.И. Пинясов. Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2013. 544 с.

Русско-мокшанский словарь / М-во образования и науки РФ; МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск: Красный Октябрь, 2012. 560 с.

Сайгин М.Л. Од ялгат: азкст и ёфкст. Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2005. 128 с.

Седова П.Е. Окказионализмы в мокшанском литературном языке // Fenno-Ugrica 1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Института финно-угроведения / Мар. гос. ун-т, Ин-т финно-угроведения. Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. Вып. 5. С. 123–126.

Седова П.Е., Левина М.З. Полисемия в современной лексической системе мокшанского языка // Вестник Челябинского университета. 2018. № 1. С. 65–72.

Седова П.Е. Коммуникативно-стилистическая роль синонимов в мокшанском языке // Финно-угорский мир. 2020а. Т. 12. № 2. С. 136–143. http://finno-ugry.ru/ (дата обращения: 20.01.2022)

Седова П.Е. Функционирование русских заимствований в мокшанском языке // Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. 95-летию проф. Д.В. Цыганкина, г. Саранск, 22 окт. 2020 г. / редкол.: Т.И. Мочалова, Е.Ф. Клементьева (отв. ред.), И.Н. Рябов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020б. С. 176–181.

Циликин Н. Озкскуду панжадонь седихть суван // Мокша / Литературно-художественнай и общественно-политическяй журнал. 2019. № 10. С. 11–23.

Цыганкин Д.В. Морфемика и словообразование мордовских языков. Учеб. пособие. Саранск: Красный Октябрь, 2006. 60 с.

Черапкин И.Г. Мокшень кяль. Лафчста сёрмас содаеньди тонафнема книга. Моску: Государственнай учебно-педагогическяй издательствась, 1934. 104 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 336 с.

Polina Sedova

NEW WORD FORMS IN THE SPACE OF THE MOKSHAN LITERARY TEXT

Introduction. The vocabulary of the Moksha language and its lexico-semantic system are in a state of constant change. The main process contributing to the development, enrichment and improvement of the lexical reserve of the language, at present, is its growth due to the appearance of new words, including the ones characteristic of the written language. Therefore, the fixation and generalization of the latter, the definition of the ways in which they are formed or created, are quite relevant in the modern Mordovain linguistics. **The purpose of the article.** The article is aimed to determine the main trends of updating vocabulary of the modern Moksha language, establish features (ways) of its formation and spheres of use. **Materials and Methods**. The material of the study form new words in the

Moksha language, found in literary works. Our research as a whole is synchronous, as it analyzes some aspects of the language real state in the modern period. However, given the fact that not only the statics, but also the dynamics is an integral part of any period of the language history, the author refers to diachrony, where necessary. Therefore, the study mainly used synchronic and component analysis methods. **Research results and discussion**. At the present stage of the Moksha language development, the author's task is to find new words, combinations of sounds, speech structures and other means opening up new opportunities and prospects for the further vocabulary development. The contemporary written Moksha language is characterized by new word formation structures being the results of writers' creativity. In the research, we revealed and, where appropriate, systematized new word forms, determined characteristic ways of word formation (morphological, lexical-syntactic) and their place in the language. At the same time, on the basis of the linguistic material sources, the units formed with the help of substantive suffixes *-кс, -лкс,* affixoids *-ши, -пря, -тнал* and word formation of subordinate and coordinative types have been singled out; the extension of the word building by calquing has also been revealed. **Conclusion**. Today, the written and literary Moksha language is active in its own word formation instead of borrowings, and it is increasingly using new lexical forms. The writers' individual style partly reflects the lexical variation in the form of new lexemes and borrowings. The use of new word forms is increasing the level of speech culture of those who speak and write in the Moksha language.

Key words: the Moksha language; vocabulary; new word forms; literary text; methods of word formation.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, Vostochnaya literatura, 1995, vol I. Leksicheskaya semantika [Languages of the Russian culture, Oriental literature, 1991, vol.1, Lexical Semantics]. 472 p. (In Russ.).

Ivanova G.S. Sovremennyj mokshanskij jazyk. Fonetika (kratkij kurs) [Modern Moksha language. Phonetics (short course)]. Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj universitet, 2016, 124 p. (In Moksha).

Ivanova G.S., Sedova P.E. Leksikologija sovremennogo mokshanskogo jazyka [Lexicology of the modern Moksha language]. Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj universitet, 2014, 84 p. (In Moksha).

Levina M.Z., Sedova P.E. Dialektizmy v jazyke mokshanskoj hudozhestvennoj literatury [Dialectisms in the language of Moksha fiction]. *Vestnik chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 178-186. (In Russ.)

Leksikologija sovremennyh mordovskih jazykov [Lexicology of modern Mordovian languages.]. Ed. D.V. Cygankina. Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj universitet, 1983, 296 p. (In Moksha).

Lobanov V. Ne ostavajsja dolzhen [Don't borrow anything]. *Moksha*. 2017, no. 5, pp. 4-13. (In Moksha).

Lobanov V. Nash jazyk – nashe budushhee [Our language is our future]. *Moksha*. 2018, no. 6, pp. 5-10. (In Moksha).

Lobanov V. Admiral Ushakov. Istoricheskij roman [Admiral Ushakov] *Moksha.* 2019, no. 6, pp. 35-77. (In Moksha).

Lobanov V. Admiral Ushakov. Istoricheskij roman [Admiral Ushakov] *Moksha.* 2019, no. 9, pp. 8-47. (In Moksha).

Mishanina V. Dom bez okon. Povest', rasskazy, p'esyю [A house without windows]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 320 p. (In Moksha).

Mokshansko-russkij slovar' [Russian-Moksha dictionary] Institut jazyka, literatury, istorii i jekonomiki pri Sovete Ministrov Pravitel'stve Respubliki Mordovija Ed. B.A. Serebrennikova, A.P. Feoktistova, O.E. Poljakova. Moscow, Russkij jazyk, Digora, 1998, 920 p. (In Russ.)

Mokshanskij jazyk. Morfologija. [The Moksha language. Morphology]. Ed. N. S. Aljamkina. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 2000, 236 p. (In Moksha).

Pinjasov G.I. Sobranie sochinenij [Collected works]. Vol 1, Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013, 544 p. (In Moksha).

Russko-mokshanskij slovar' [Russian-Moksha dictionary]. Saransk, Krasnyj Oktjabr', Mordovskij gosudarstvennyj universitet, 2012, 560 p. (In Moksha).

Sajgin M.L. Novye druz'ja. Rasskazy i skazki. [New friends. Stories and fairy-tales]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005, 128 p. (In Moksha).

Sedova P.E. Okkazionalizmy v mokshanskom literaturnom jazyke [Occasionalisms in the Moksha literary language]. Finno-Ugrica 1, Problemy jazykov, literatur i fol'klora narodov Uralo-Povolzh'ja. Joshkar-Ola, 2008, iss. 5, pp. 123-126 (In Russ.)

Sedova P.E. Levina M.Z. Polisemija v sovremennoj leksicheskoj sisteme mokshanskogo jazyka [Polysemy in the modern lexical system of the Moksha language]. *Vestnik Cheljabinskogo universiteta*, 2018, no.1, pp. 65-72 (In Russ.)

Sedova P.E. Kommunikativno-stilisticheskaja rol' sinonimov v mokshanskom jazyke [The communicative and stylistic role of synonyms in the Moksha language]. *Finno-ugorskij mir*, 2020a, vol. 12, no. 2, pp. 136-143 (In Russ.)

Sedova P.E. Funkcionirovanie russkih zaimstvovanij v mokshanskom jazyke [Russian borrowings functioning in the Moksha language] // Finno-ugorskie jazyki v sovremennom mire: funkcionirovanie i perspektivy razvitija: Saransk, 22 okt. 2020b. Saransk, Mordovskij universitet, 2020. pp. 176-181. (In Russ.)

Cilikin N.V. V tserkov ja zajdu s otkrytoy dushoy. Stihi. [I will enter the church with an open heart. Poems] *Moksha.* 2019, no. 10, pp. 11-23. (In Moksha).

Cygankin D.V. Morfemika i slovoobrazovanie mordovskih jazykov [Morphemics and word formation of Mordovian languages]. Saransk, Krasnyj Oktjabr', 2006, 60 p. (In Moksha).

Cherapkin I.G. Mokshanskij jazyk [The Moksha language]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1934, 104 p. (In Moksha)

Shmelev D.N. Sovremennyj russkij jazyk. Leksika [Modern Russian language. Vocabulary]. Moscow, Prosveshhenie, 1977, 336 p. (In Russ.)

Седова Полина Егоровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры мордовских языков,
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»,
г. Саранск
e-mail: polya.sed@mail.ru

Polina Sedova
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Department of Mordovian Languages,
The National Research Mordovia State University,
Saransk
e-mail: polya.sed@mail.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_07

О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ПРОНОМИНАЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(словосочетания с личными местоимениями)

© 2022 г. С.С. Сибатрова

Введение. Работа посвящена выявлению и описанию отдельных моделей прономинальных словосочетаний с личными местоимениями в позиции опорного компонента, которые до настоящего времени не подвергались какому-либо изучению. **Цель статьи** – представить разностороннюю характеристику прономинальных словосочетаний с определительным местоимением *кажне* ‘каждый’ (модель $М_{личн. мн.}$ + $М_{опр.\ кажне}$), с совместными числительными типа *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ (модель $М_{личн. мн.ч.}$ + $ИЧ_{совм.}$), с совместным «наречием» *шкет(ын)* ‘один’ (модель $М_{личн.}$ + $Н_{совм.\ шкет(ын)}$). **Материалы и методы.** Исследование осуществлено на базе материалов по лугово-восточной марийской литературной норме, представленных в электронном собрании текстов, главным образом писателей и периодической печати, для корпуса марийского языка (в объеме около 20 миллионов словоупотреблений). Словосочетания для изучения выявлялись путем поиска и лингвистических наблюдений как по стержневым личным местоимениям, так и по зависимым словам. Изучение выделенных словосочетаний проводилось такими широко известными лингвистическими методами и методиками, как описательный и структурный, а также контекстуального анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** В ряду прономинальных словосочетаний марийского языка определенное место занимают синтаксические единицы, состоящие из стержневого личного местоимения и подчиненного компонента, выраженного определительным местоимением *кажне* ‘каждый’, числительными типа *коктын* ‘вдвоем’ и «наречием» *шкет(ын)* ‘один’. В моделях с *кажне* и *коктын* используются опорные личные местоимения только множественного числа, а с *шкет(ын)* – преимущественно единственного числа, что непосредственно связано с лексическим значением зависимых слов. Они в целом передают атрибутивные грамматические значения – различные признаки лица или лиц (любой из указанных лиц, количество указанных лиц). В каждом из моделей компоненты словосочетаний грамматически связываются согласованием – в случаях изменения в речи стержневого личного местоимения по падежам определительные слова уподобляются им в падеже, а также в числе и лице. В статье рассматриваются также основные особенности употребления (прежде всего изменения) словосочетаний и их составляющих в речи. **Заключение.** В изложенных в статье моделях прономинальных словосочетаний главным компонентом являются личные местоимения всех лиц обоих чисел, зависимым – определительное местоимение *кажне* ‘каждый’, совместные числительные типа *коктын* ‘вдвоем’, совместное «наречие» *шкет(ын)* ‘один’. Это подтверждают их грамматические связи с другими словами и особенности подчинительной связи самих составляющих, проявляющиеся в предложениях. Подвергнутые описанию словосочетания выражают различные атрибутивные грамматические значения (признаки лиц и изредка неживых предметов), их компоненты связываются между собой способом согласования (зависимые слова уподобляются главным личным местоимениям в падеже, а в объектных падежах – в числе и лице).

Ключевые слова: марийский язык; прономинальные словосочетания; модели; личные местоимения; определительное местоимение; совместные числительные; совместное наречие; грамматическая связь; грамматическое значение.

Введение

В работах по современной марийской грамматике крайне редко обращается внимание на сочетаемостные возможности местоимений. Например, З.В. Учаев в своем учебном пособии по морфологии (практически для студентов), отмечая синтаксические особенности местоимений-существительных, в т.ч. личных местоимений, пишет о том, что в отличие от имен существительных они не могут иметь при себе определений [1982, с. 172]. Лишь в «Сопоставительной грамматике русского и марийских языков» Л.П. Васиковой [1990, с. 19–22], в подразделе о структурных схемах словосочетаний, уделяется небольшое место схемам «с местоимением в роли главного слова» (правда, примеры с опорными личными местоимениями здесь никак не отражены). В конце подраздела автором сделано заключение, что «в русском и марийских языках структурные схемы словосочетания с главным словом – местоимением лексически ограничены» [Васикова, 1990, с. 22]. Специальное наблюдение за валентностными свойствами местоимений, в т.ч. личных, и их анализ показывают, что такие местоимения вполне способны образовать в пределах предложений словосочетания, причем разной модели. Выявление и описание подобных малоизученных (практически неизученных) прономинальных синтаксических единиц имеет важное значение для дальнейшего углубления и расширения знаний о грамматических особенностях не только самих местоимений, но и слов других частей речи, как правило, в данном случае выступающих в зависимой позиции. В настоящей статье рассматриваются некоторые из ряда моделей прономинальных (лат. *pronominalis* – местоименный) словосочетаний в марийском языке, при этом освещаются конкретные формы выражения их составляющих, грамматические значения и связи между компонентами, отмечаются основные особенности употребления их в речи.

Цель работы – представить многостороннее описание отдельных моделей словосочетаний с личными местоимениями в позиции главного компонента, а именно моделей с зависимыми: определительным местоимением *кажне* ‘каждый’ (модель $М_{личн.\ мн.} + М_{опр.\ кажне}$), совместными числительными типа *коктын* ‘вдвоем’ (модель $М_{личн.\ мн.ч.} + ИЧ_{совм.}$), совместным «наречием» *шкет(ын)* ‘один’ (модель $М_{личн.} + Н_{совм.\ шкет(ын)}$).

Материалы и методы

Фактической базой для описания моделей словосочетаний послужили материалы по лугово-восточной марийской литературной норме, представленные в электронном собрании текстов (главным образом художественных произведений и периодической печати) для корпуса марийского языка в объеме около 20 миллионов словоупотреблений (нужно заметить, что иллюстрации в статье приводятся в сокращенном виде, достаточном для изложения темы; родовые, т.е. половые, формы лиц и знаки препинания при репликах диалога не отражаются). Необходимые словосочетания выявлялись путем поиска и лингвистических наблюдений как по опорным личным местоимениям, так и по предварительно зафиксированным зависимым компонентам. Разностороннему изучению и освещению словосочетаний способствовали такие общеизвестные лингвистические методы и методики исследования, как синхронно-описательный и структурный, а также контекстуального анализа.

Результаты исследования, обсуждения

В статье последовательно описываются следующие три модели прономинальных словосочетаний с личными местоимениями в главной позиции: местоимение личное множественного числа + местоимение определительное *кажне* ‘каждый’ ($М_{личн.\ мн.} + М_{опр.\ кажне}$), местоимение личное множественного числа + имя числительное совместное ($М_{личн.\ мн.ч.} + ИЧ_{совм.}$), местоимение личное + «наречие» совместное *шкет(ын)* ‘один’ ($М_{личн.} + Н_{совм.\ шкет(ын)}$).

1. Местоимение личное множественного числа + местоимение определительное *кажне* ‘каждый’ ($М_{личн.\ мн.} + М_{опр.\ кажне}$). В силу своего лексического значения *кажне* («всякий, любой из себе подобных» [Словарь мар. яз., 1992, т. 2, с. 219]) может употребляться при личных местоимениях только множественного числа, причем преимущественно в форме именительного падежа: *ме кажныже* ‘каждый из нас’, букв. ‘мы каждый’, *те кажныже* ‘каждый из вас’, букв. ‘вы каждый’, *нуно кажныже* ‘каждый из них’, букв. ‘они каждый’. Словосочета-

ния данной модели передают определительное значение «любой (взятый без выбора) из лиц, указанных личным местоимением». Определяющее местоимение *кажне* почти всегда выступает в форме *кажныже,* т.е. с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч. в его непритяжательном – указательно-выделительном значении. Например: ***Ме кажныже*** *«Илыш – пеледыш» коклан ойл****ена*** (В. Илларионов) ‘**Каждый из нас** иногда скаж**ет**: «Жизнь – малина (букв. цветок)»’. *Эрласым* ***те кажныже*** *шке семында умыл****еда*** (Ф. Майоров) ‘Завтрашнее **каждый из вас** понима**ет** по-своему’. ***Нуно кажныже*** *шке пагытшын шочшыжо ул****ыт*** («Кугарня») ‘**Каждый из них есть** дитя своего времени’. О том, что в сочетаниях данной модели стержневыми компонентами являются личные местоимения, свидетельствует, как видно и из приведенных предложений, координация сказуемого именно с субъектным личным местоимением – уподобление в лице и числе, а не с определительным *кажне.* (Нужно заметить, что переводы предложений на русский язык не отражают специфической связи слов в марийских предложениях).

В случаях использования главного компонента в речи в каком-либо из объектных (родительном, дательном, винительном) падежей определительная часть *кажныже* уподобляется личному местоимению в падеже, что, безусловно, дает основание говорить о связи согласования между компонентами словосочетания: род. п. *мемна****н*** *кажныжы****н*** ‘у каждого из нас, у нас у каждого’, *тенда****н*** *кажныжы****н*** ‘у каждого из вас, у вас у каждого’, *нуны****н*** *кажныжы****н*** ‘у каждого из них, у них у каждого’; дат. п. *мыла****н****на кажныжла****н*** ‘каждому из нас, нам каждому’, *тыла****н****да кажныжла****н*** ‘каждому из вас, вам каждому’, *нуныла****н*** *кажныжла****н*** ‘каждому из них, им каждому’; вин. п. *мемна****м*** *кажныжы****м*** ‘каждого из нас, нас каждого’, *тенда****м*** *кажныжы****м*** ‘каждого из вас, вас каждого’, *нуны****м*** *кажныжы****м*** ‘каждого из них, их каждого’. Например: *Кумдан палыме муро-влак* ***мемнан кажныжын*** *шӱмыштӧ йоҥгат* (А. Васинкин) ‘Широко известные песни звучат в душе **каждого из нас** (букв. у нас у каждого)’; *Ӱстел коклаште* ***нунын кажныжын*** *шке верже лийын* (Г. Алексеев) ‘За столом **у них у каждого** было свое место’; ***Мыланна кажныжлан*** *орденым пуат* (А. Тимофеев) ‘**Каждому из нас** (букв. нам каждому) дадут орден’; *Кызыт* ***тыланда кажныжлан*** *винтовкым пуат* (А. Тимофеев) ‘Сейчас **каждому из вас** (букв. вам каждому) дадут винтовку’. ***Нунылан кажныжлан*** *отец Леонтий кугече пӧлекым кучыктен* («Марий Эл») ‘**Каждому из них** (букв. им каждому) отец Леонтий вручил пасхальный подарок’; *Пӱрымаш кызыт* ***мемнам кажныжым*** *тӱрлӧ верыште ашна* (А. Юзыкайн) ‘Сейчас судьба **каждого из нас** (букв. нас каждого) держит в разных местах’; ***Нуным кажныжым*** *посна тунык-таш от тӱҥал – ик программе, ик учебник!* (В. Косоротов) ‘**Каждого из них** (букв. их каждого) не будешь учить по отдельности – одна программа, один учебник!’ Возможно согласование определительного местоимения *кажне* с личным не только в падеже, но и одновременно в лице и числе (главным образом в объектных падежах, а в отдельных случаях – даже в именительном падеже). Правда, примеры такого употребления, согласования, встречаются нечасто. При этом, скорее всего, во избежание излишней перегрузки структуры формы местоимения *кажне* используются без частицы *-же*. Например: ***Ме кажны<u>на</u>*** *уда койыш деч утлаш тунемшаш улына* (В. Абукаев) ‘**Каждый из нас** (букв. мы каждый) должен учиться избавляться от плохих привычек’. ***Мемнан кажны<u>нан</u>*** *лӱмнам ойлаш тӱҥалмекышт, тыгай шонымаш шочын* («Марий Эл») ‘Когда стали называть имя **каждого из нас** (букв. у нас у каждого), возникла такая мысль’. *Ачам мыйын* ***тендан кажны<u>дан</u>*** *кӧргыштыжӧ ила* (Й. Осмин) ‘Отец мой живет в сердце **каждого из вас** (букв. у вас у каждого)’. *Мӧҥгыштӧ* ***нунын кажны<u>штын</u>*** *йӧратыме пашашт лийын* (В. Колумб) ‘Дома **у каждого из них** (букв. у них у каждого) была любимая работа’. *Тиде тӱням Юмо айдеме-шамычын илышыштлан келыштарен –* ***мыланна кажны<u>ланна</u>*** (Г. Пирогов) ‘Этот мир Бог создал (букв. приспособил) для жизни людей – **нам каждому**’. *Тый* ***нунылан кажны<u>штлан</u>*** *йӧраш тӧчен пыльгыжынат* (В. Якимов) ‘Ты угодливо улыбался **каждому из них** (букв. им каждому)’. ***Нуным кажны<u>штым</u>*** *калыкна сайын пала* («Марий Эл») ‘**Каждого из них** (букв их каждого) наш народ знает хорошо’. (Нужно добавить,

что в марийской лингвистике на подобную подчинительную связь – условно «согласование» определяющих слов с опорным личным местоимением в лице и числе до сих пор не обращалось внимания, она нуждается в специальном исследовании. Правда, по отношению к синтаксической связи в словосочетаниях типа *ола**н** урем**же*** ‘улица города’, *тен**дан** пашада* ‘ваша работа’, *туды**н** лӱм**жӧ*** ‘его имя’, где главный компонент выражается именной частью речи в изменяемой, к тому же соответствующей притяжательной, форме, а зависимый – именной частью речи в генитиве, современными марийскими языковедами использованы термины *притяжательный келыштарыме кыл* ‘притяжательная согласованная связь’ и *притяжений* ‘притяжение’ [Васикова, 1987, с. 14–15, 136; Тимофеева, 1989, с. 8]). Нужно добавить, что благодаря согласованию последующее зависимое местоимение *кажне*, посредством изменения интонации и паузы, может быть представлено в речи как обособленное определение, что изредка и наблюдается у иных авторов: ***Ме, кажныже,*** *ассоциацийын правленийышкыже сӧрымӧ кагазым пуышаш улына ыле* («Ончыко») ‘**Мы, каждый** (из нас), должны были представить в правление ассоциации обещанный документ’; *Тудо (рвезе) повестьлаште чыла тидым илышыш пуртымо сомыллан **мемнам, кажнынам,** ямдылаш тырша* (В. Ижболдин) ‘В повестях он (парень) старается готовить **нас, каждого,** для работы по воплощению всего этого в жизнь’; *Ну, кунам **те, кажныже,** шке осал пашаланда шкеак мутым кучаш тӱҥалыда?* (Д. Рычкова) ‘Ну, когда же **вы, каждый,** будете сами отвечать за свои плохие поступки?’

Местоимение *кажне* при личных местоимениях иногда фиксируется без какого-либо притяжательного суффикса – без *-же* в значении частицы и без соответствующих притяжательных суффиксов в их прямом значении, т.е. имеет место согласование только в падеже (однако такие примеры выявляются единично): *Тиде **мемнан кажнын** пашаже* (М. Рыбаков) ‘Это дело **каждого из нас** (букв. у нас у каждого)’; *Концерт деч вара **мыланна кажнылан** шерге пӧлекым кучыктышт* (А. Николаев) ‘После концерта **нам каждому** вручили ценные подарки’. Понятно, в данном случае лицо, конкретный обладатель или объект, передается только личным местоимением (а в подобных субстантивных словосочетаниях – именем существительным).

Обращает внимание, что *кажне* может выступать при местоимении 3 лица *нуно,* указывающем не только на лицо, но и на другие одушевленные и даже неодушевленные предметы. Например: *Полатыште – чылаже **кандаш камин. Нуно кажныже** икте-весышт деч ойыртемалтыт* («Марий Эл») ‘Во дворце – всего **восемь каминов. Они каждый** отличаются друг от друга’. *Сейф гыч чылаже **коло делам** луктыч. **Нуным кажныжым** брезент дене вӱдылмӧ* (А. Тимофеев) ‘Из сейфа (они) достали всего **двадцать дел. Каждое из них** (букв. их всех) обернуто брезентом’.

Необходимо заметить, что словосочетания данной модели используются в речи не часто. Это, очевидно, связано с тем, что функцию личных местоимений берут на себя или личные окончания глаголов-сказуемых, или притяжательные суффиксы в составе местоимения *кажне*, т.е. личные местоимения оказываются «излишними». При этом местоимение *кажне* соответствующей формы выступает самостоятельно, как местоимение-существительное, указывающее на какое-либо конкретное лицо. Например: *Тунемше-влак унам авырен шогальыч, **кажныже** боевой орденым онча**лне**же* (Б. Данилов) ‘Учащиеся окружили гостя, **каждый** хоч**ет** посмотреть на боевой орден’. *Нуно ферме дек лишемыт, **кажныштын** – издер* (М. Иванов) ‘Они подходят к ферме, **у каждого** (из них) – санки’; ***Кажныштлан** кӱртньыгольмым кучыктыш* (Н. Лекайн) ‘**Каждому** (из них) дал лопату’; *У секретарь парткомиссий член-шамычым ончыч пырля, а вара **кажныштым** посна погыш* (Ю. Артамонов) ‘Новый секретарь собрал членов парткомиссии сначала вместе, а потом **каждого** по отдельности’.

2. Местоимение личное множественного числа + имя числительное совместное ($М_{личн.\ мн.ч.}$ + $ИЧ_{совм.}$). Со всеми личными местоимениями множественного числа могут сочетаться совместные числительные типа *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’, *нылытын* ‘вчетвером’: *ме коктын* ‘мы вдвоем’, *те коктын* ‘вы вдвоем’, *нуно коктын* ‘они вдвоем’;

ме кумытын ‘мы втроем’, *те кумытын* ‘вы втроем’, *нуно кумытын* ‘они втроем’. В речи наиболее употребительны словосочетания с зависимым словом *коктын* ‘вдвоем’. В таких синтаксических конструкциях грамматически господствующими, несомненно, являются личные местоимения, так как связь координации в предложении устанавливается именно между субъектным личным местоимением и сказуемым. Определяющие слова обозначают количество субъектов-лиц (*два, три, четыре* и др.), совместно участвующих в действии или испытывающих состояние. Следовательно, рассматриваемые словосочетания в общем выражают определительно-количественные отношения. Например: ***Ме коктын*** *ала-мо дене икгайрак ул****ына*** (Ю. Артамонов) ‘**Мы вдвоем** в чем-то немного похожи’; *Каникул жаплан* ***ме кумытын*** *изи план гайым ыштыш****на*** (М. Казаков) ‘На время каникул **мы втроем** придумали (букв. сделали) наподобие маленького плана’; *Кок касалыкыш* ***ме нылытын*** *шогалын****на*** (Г. Чемеков) ‘На две полосы **мы вчетвером** встали’; *Экзаменым кучаш пошкудо ялыш* ***ме визытын*** *мийыш****на*** (Г. Зайниев) ‘В соседнюю деревню на сдачу экзамена ходили **мы впятером**’. ***Те коктын*** *кидпӱан кучен веле кошт****ыда*** (А. Волков) ‘**Вы вдвоем** ходите (держась) только под руку’; *Секретариатыште* ***те кумытын*** *ышт****ында*** («Ончыко») ‘В секретариате работали **вы втроем**’; ***Нуно коктын*** *ала-мом йыштрак мутланаш тӱҥаль****ыч*** (Н. Лекайн) ‘**Они вдвоем** стали тихо разговаривать о чем-то’; ***Нуно кумытын*** *ик Шернур кундемыштак илен****ыт*** (В. Юксерн) ‘**Они втроем** жили в одной и той же сернурской местности’; *Каен****ыт нуно нылытын*** *ерыш пуш дене кошташ* (Г. Ороспаев) ‘Отправились **они вчетвером** на озеро кататься на лодке’. Следует обратить внимание на то, что в марийском языке имеются аналогичные по образованию [Галкин, 1964, с. 25–26; Учаев, 1985, с. 120–121] и близкие по употреблению слова количественного значения *чылан* ‘все’, *шукын* ‘много; во множестве’, *ятырын* ‘(довольно) много; в (довольно) большом количестве’, *шагалын* ‘мало, немного; в небольшом количестве’, *икмынярын* ‘несколько; в неопределенном количестве’ и некоторые другие. Однако в подобной ситуации, по отношению к личным местоимениям, они ведут себя во многом иначе и заслуживают отдельного исследования.

Нужно отметить, что на синтаксические функции «собирательных числительных» типа *коктын* обращала внимание и исследователь марийских имен числительных Р.П. Игнаева. Так, предложения этого типа (*Ачат верчынак* ***ме коктын*** *ойырлен улына* ‘Из-за твоего отца **мы вдвоем** расстались’, ***Нуно коктын*** *теҥгечак ойлен келшеныт* ‘**Они вдвоем** еще вчера договорились’) ею рассмотрены в рамках модели «подлежащее + определение, выраженное собирательным числительным типа *коктын*». По поводу таких предложений Р.П. Игнаевой сделано следующее замечание: «В предложениях, где подлежащим являются местоимения *ме* и *нуно,* слова типа *коктын, коктынат* близки к приложению. Если мы опустим подлежащее *ме* и *нуно,* то смысл предложений не искажается… Можно привести немало примеров, где опущено подлежащее, выраженное местоимениями *ме, нуно,* а их замещают собирательные числительные типа *коктынат*» [Игнаева, 1999, с. 153]. (Правда, в подобных предложениях личные местоимения ничем не «замещаются», а аналогичные значения числа и лица выражаются личными окончаниями сказуемых; см. ниже).

Компоненты словосочетаний данной модели, как и предыдущей, связываются между собой согласованием, т.е. в случае изменения личного местоимения в речи по падежам (как норма, объектным) те же падежные формы принимает и определяющее имя числительное; однако в отличие от формы именительного падежа, в косвенных падежах последнее (именно числительные типа *коктын* ‘вдвоем’, а не другая отдельная группа совместных числительных типа *когынь-*; см. ниже) присоединяет к себе также соответствующие личным местоимениям притяжательные суффиксы: им. п. *ме коктын* ‘мы вдвоем’, род. п. *мем****нан*** *когын****ьнан*** ‘у нас двоих, у нас у двоих’, дат. п. *мы****ланна*** *когы****лянна*** ‘нам двоим’, вин. п. *мем****нам*** *когынь****нам*** ‘нас двоих’; им. п. *те коктын* ‘вы вдвоем’, род. п. *тен****дан*** *когынь****дан*** ‘у вас двоих, у вас у двоих’, дат. п. *ты****ланда*** *когы****лянда*** ‘вам двоим’, вин. п. *тен****дам*** *когынь****дам*** ‘вас двоих’; им. п. *нуно коктын* ‘они вдвоем’, род. п. *нуны****н*** *когынь****ыштын*** ‘у них двоих, у них у двоих’,

дат. п. *нуны**лан** когы**лянышт** / когынь**ыштлан*** ‘им двоим’, вин. п. *нуны**м** когынь**ыштым*** ‘их двоих’; им. п. *ме кумытын* ‘мы втроем’, род. п. *мем**нан** кумынь**нан*** ‘у нас троих, у нас у троих’, дат. п. *мы**ланна** кумы**лянна*** ‘нам троим’, вин. п. *мем**нам** кумынь**нам*** ‘нас троих’; им. п. *те кумытын* ‘вы втроем’, род. п. *тен**дан** кумынь**дан*** ‘у вас троих, у вас у троих’, дат. п. *ты**ланда** кумы**лянда*** ‘вам троим’, вин. п. *тен**дам** кумынь**дам*** ‘вас троих’; им. п. *нуно кумытын* ‘они втроем’, род. п. *нуны**н** кумынь**ыштын*** ‘у них троих, у них у троих’, дат. п. *нуны**лан** кумы**лянышт** / кумынь**ыштлан*** ‘им троим’, вин. п. *нуны**м** кумынь**ыштым*** ‘их троих’ (в дательном падеже развитие форм типа *когы**лянна*** ‘нам двоим’, *кумы**лянна*** ‘нам троим’ и других «происходило следующим образом: 1) **кум**ин’**лан’на > кум**ын’**лан’на > кумыл’анна* ‘нам троим’» [Галкин, 1964, с. 109; также 1986, с. 53], т.е. от той же основы с мягким ***-н’*** на конце – *ког**ынь-*** и *кум**ынь-***, которая наблюдается в аналогичных формах родительного и винительного падежей). Например: *Ынде **мемнан когыньнан** у илыш тӱҥалеш* (Ю. Артамонов) ‘Теперь **у нас двоих** начинается новая жизнь’. *Ачамын оксаже шуко уло. **Мыланна когылянна** ӱмырна мучко илаш сита* (С. Чавайн) ‘У моего отца денег много. **Нам двоим** хватит на всю жизнь’; *Ынде **мемнам когыньнамат** казаматыш шындат* (Н. Лекайн) ‘Теперь **нас обоих** посадят в тюрьму’; *Тунам мый, **тендан когыньдан** кайымыдам ончен, йочала шортым* (К. Коршунов) ‘Тогда я, смотря на то, как уходили **вы вдвоем** (букв. смотря на **ваш двоих** уход), плакал, как ребенок’; *Тугеже Чимош **тыланда когылянда** ӱчым ыштен?* (Г. Гордеев) ‘В таком случае **вам двоим** Чимош мстил’; ***Тендам когыньдам** мый денем пырля ошкылаш йодам!* (Г. Алексеев) ‘**Вас двоих** прошу идти вместе со мной!’; *Таче **нунын когыньыштын** доклад* (Я. Ялкайн) ‘Сегодня **у них двоих** доклад’; ***Нунылан когыньыштлан** угыч корныш тарванаш кӱлеш* (П. Корнилов) ‘**Им двоим** нужно снова отправиться в путь’; ***Нунылан когылянышт** трибуналын судшо лийшаш* (А. Богданов) ‘**Они вдвоем** должны предстать перед судом трибунала (букв. **им двоим** должен быть суд трибунала)’; *Ӱдырвлак **нуным когыньыштым** коден кайышт* (П. Корнилов) ‘**Их двоих** девушки оставили’. ***Мыланна кумылянна** кок модышым налын пуымым шарнем* («Ончыко») ‘Помню, что **нам троим** купили две игрушки’; *Эр кочкыш деч вара **мемнам кумыньнам** малыме пӧлемыш пуртен колтышт* (В. Осипов-Ярча) ‘После завтрака **нас троих** пустили в спальню’; *Колхоз вуйлатышылан шогем ыле гын, **тендам кумыньдамат** колхоз гыч почкалтарен луктам ыле* («Ончыко») ‘Если бы я был председателем колхоза, то **вас (всех) троих** выгнал бы из колхоза’; *Тау **тыланда кумыляндат** тыгай кугу пашалан* («Марий Эл») ‘Спасибо **вам (всем) троим** за такое большое дело’; *Мый **нуным кумыньыштымат** колтышым* (В. Якимов) ‘Я **их (всех) троих** отправил’.

С остальными совместными числительными (*нылытын* ‘вчетвером, четверо’, *визытын* ‘впятером, пятеро’, *кудытын* ‘вшестером, шестеро’ и др.) примеры словосочетаний описываемой модели, особенно в косвенных падежах, зафиксированы единично: ***Мыланна нылыляннак** веле орланаш логале* (М. Илибаева) ‘Только **нам четверым** пришлось страдать’. Хотя такие числительные, прежде всего типа *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ и т.п., в абсолютном большинстве случаев используются в предложении самостоятельно, т.е. без предыдущих личных местоимений. Понятно, что лицо субъекта при этом выражается личными окончаниями сказуемых-глаголов, а лицо объекта и определения – посессивными суффиксами в самих совместных числительных. Например: *Ойырлена гын, **когыньнанат** илышна пеле-пуле лиеш* (С. Чавайн) ‘Если разведемся, **у (нас) обоих** жизнь будет плохой’; *Чыла оралтышт **когыньыштланат** ачашт-кочаштмыт деч кодын* (А. Мичурин-Азмекей) ‘Вся постройка **(им) обоим** досталась от отца и деда’; *Мыят тендан дене пырля куанем. Саламлем **когыньдамат*** (К. Коршунов) ‘И я радусь вместе с вами. Поздравляю **(вас) обоих**’; ***Когыньыштым** Мику автовокзалыш ужатен кошто* (М. Илибаева) ‘**(Их) двоих** Мику проводил на автовокзал’; ***Кумыньыштынат** вуй ден пел капышт парт ӱмбалне киен* (Г. Ороспаев). ‘**У (всех) троих** головы и половина туловища были (букв. лежали) на парте’; ***Кумыньыштлан** вуйым гына савалташ кодо* (В. Бердинский) ‘**(Им) троим** осталось только кивнуть головой’; *Ялыште*

кум Миклай илен, ***кумыныштымат*** *Топкай Миклай маныныт* (Д. Рычкова) ‘В деревне жили три Миклая, **(всех) троих** звали Топкай Миклай’; ***Кумыныан деке*** *офицер лишеме* (В. Осипов-Ярча) ‘**К (нам) троим** подошел офицер’; ***Кумыныан коклаште*** *Андрей эн кугу ийготан* (М. Илибаева) ‘**Среди (нас) троих** Андрей самый старший’.

Подобные словосочетания несубъектного употребления могут быть использованы в предложениях для передачи не только вышеотмеченных объектных и определительных отношений, но и некоторых других (объектных и обстоятельственных) значений. В таком случае они снабжаются соответствующими послелогами. Например: ***Мемнан когыньнан кокла гыч*** *вӱд йогыдымашан ыле* (Г. Микай) ‘**Нас двоих** (букв. **между нами двоими**) водой было не разлить’; *Азырен,* ***мемнан когыньнан ончылнак*** *ӱдырым шолышто вет!* (М. Шкетан) ‘Дьявол, ведь прямо **при нас двоих** (букв. **перед нами двоими**) украл девушку!’; ***Тендан когыньдан коклаште*** *марлан кайышаш ӱдыр уло, маныт* (А. Юзыкайн) ‘Говорят, что **среди вас двоих** есть девушка на выданье’.

К зависимым количественным словам в речи могут присоединяться усилительно-выделительные частицы *-ат* и (очень редко) *-ак* (что можно было видеть и в ряде иллюстраций, приведенных выше): *ме коктын****ат*** ‘мы оба (обе)’, *те коктын****ат*** ‘вы оба (обе)’, *нуно коктын****ат*** ‘они оба (обе)’, *ме коктын****ак*** ‘мы вдвоем же’, *те коктын****ак*** ‘вы вдвоем же’, *нуно коктын****ак*** ‘они вдвоем же’. Например: ***Ме коктынат*** *пуйто тидымак веле вученна* (Ю. Артамонов) ‘**Мы оба** как будто только этого и ждали’; ***Ме кумытынат*** *шӱлалтыде киена* (В. Сави) ‘**Мы (все) трое** лежим, не дыша’; ***Те коктынат*** *куштеда ыле* (А. Волков) ‘**Вы оба** плясали’; ***Нуно нылытынат*** *уто мутым ышт лук* (Г. Пирогов) ‘**Они (все) четверо** лишнего слова не сказали’*;* ***Тыланда когылянда****т нимом ыштен ом керт* (Н. Лекайн) ‘**Вам обоим** не смогу сделать ничего’; *Шытен лекше озым* ***мемнам кумыныната****т куандарыш* (А. Юзыкайн) ‘Всходы озими обрадовали **нас (всех) троих**’; ***Нуным кумыныштымат*** *ял илышын поэзийже уша* (В. Колумб) ‘**Их (всех) троих** объединяет поэзия сельской жизни’; ***Ме коктынак*** *коштынна да кайыквусым кучен пӧртылынна* (М.-Азмекей) ‘**Мы вдвоем же** ходили и вернулись с дичью’; *Кеч-могай погынымаштат* ***нуным когыныштымак*** *веле ойырат* (Ю. Артамонов) ‘На любом собрании выбирают только **их двоих**’.

Как правило, определяющие количественные слова следуют за личными местоимениями, однако в речи, особенно в субъектной форме, наблюдаются и случаи их препозиции. Например: ***Коктын ме*** *йокрокым поктен колтена* (М. Илибаева) ‘**Вдвоем мы** отгоним скуку’; ***Коктын те*** *иктаж лучко гана лӱйышдас!* (Г. Пирогов) ‘**Вдвоем вы** стреляли около пятнадцати раз’; *Педучилище деч вара* ***коктынат нуно*** *школыш пашам ышташ каят* (В. Сапаев) ‘После педучилища **оба они** идут работать в школу’.

После изложения особенностей словосочетаний описываемой модели следует отдельно остановиться на частеречном статусе их зависимых компонентов. Так, относительно лексико-грамматической отнесенности слов типа *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ взгляды современных марийских лингвистов расходятся. Подобные лексические единицы рассматриваются то как определительные количественные наречия (судя по примерам) [Совр. мар. яз., 1961, с. 273], наречия, выражающие совместное значение [Галкин, 1964, с. 26], и количественные обстоятельственные наречия («действийым пырля ыштыме признак дене палдарат», «действийым пырля ыштымым ончыктышо») [Учаев, 1985, с. 115–116, 120–121], то как имя числительное совместное – при глагольных связках *улаш, лияш* ‘быть’ [Учаев, 1982, с. 151]) и имя числительное собирательное [Игнаева, 1999, 153–154; Bereczki, 2002, с. 240]). Слова же с суффиксом *-ынь* (типа *когыньнан* ‘у нас двоих, у нас у двоих’, *когылянна* ‘нам двоим’, *когыньнам* ‘нас двоих’), которые «употребляются лишь в формах трех косвенных падежей: родительного, дательного и винительного» и «только с притяжательными суффиксами», в современных грамматиках относят к «совместным числительным» [Совр. мар. яз., 1961, с. 129; Учаев, 1982, 152–153; также Галкин, 1964, с. 109]. На наш взгляд, весь вышеприведенный материал и его описание свидетельствуют о том, что слова типа *коктын* ‘вдвоем’, *когыньнан* ‘у нас двоих, у нас

у двоих’, *когылянна / когыньналан* ‘нам двоим’, *когыньнам* ‘нас двоих’ (во всяком случае, в рассматриваемом нами контексте) стоят в одном и том же лексико-грамматическом ряду, являются разными падежными формами одного и того же слова – совместных числительных. Поэтому нельзя относить их не только к разным частям речи (*коктын* – наречие, а остальные формы – совместные имена числительные), но и к разным группам имен числительных. При личных местоимениях они представляют собой субъектную (исторически комитативно-инструктивную) и объектные формы слов, образованных от первых количественных числительных: им. п. *ме коктын (каена)* ‘мы вдвоем (пойдем)’ – род. п. *мемнан когыньнан уло* ‘у нас двоих (есть)’ – дат. п. *мыланна когылянна (пуат)* ‘нам двоим (дадут)’ – вин. п. *мемнам когыньнам (колтат)* ‘нас двоих (отправят) и др. Тем более, рассматривая историю форм *кумылянна* ‘нам троим’ и *кумыням* ‘нас троих’, И.С. Галкин писал: «Происхождение обеих форм – общее с происхождением наречий *коктын* ‘двое’, *кумытын* ‘трое’, *нылытын* ‘четверо’ и т.д. – это форма древнего комитатива-инструктива (совместного падежа)» [Галкин, 1964, с. 109; 1966, с. 138; 1986, с. 53].

3. Местоимение личное + «наречие» совместное *шкет(ын)* ‘один’ ($М_{личн.} + Н_{совм.\ шкет(ын)}$). Модель очень близка к предыдущей – с подчиненными компонентами *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ и т.д. Однако зависимое слово *шкет(ын)*, в отличие от *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’, а также от *кажне* ‘каждый’, может определять все личные местоимения: *мый шкет(ын)* ‘я один (одна)’, *тый шкет(ын)* ‘ты один (одна)’, *тудо шкет(ын)* ‘он(а) один (одна)’, *ме шкет(ын)* ‘мы одни’, *те шкет(ын)* ‘вы одни’, *нуно шкет(ын)* ‘они одни’. Правда, ввиду своего лексического значения, характерного для данного грамматического соединения («без других; в отдельности от других, в одиночестве» [см. Словарь мар. яз., 2004, т. 9, с. 157]), наиболее часто выступает при местоимениях единственного числа, с местоимениями множественного числа наблюдается достаточно редко. Смысловое отношение между компонентами, как видно, определительное. Подчиненная часть выражает признак лица (лиц) по количеству, подчеркивая его (их) ограниченность определяемым лицом (лицами). Нужно отметить, что совместное наречие («действийым пырля ыштымым ончыктышо») *шкетын* образовано от наречия *шкет* при помощи суффикса *-ын* [Учаев, 1985, с. 121], причем по подобию совместных числительных *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ и т.д. А относительно истории *шкет* И.С. Галкин писал: «В одном наречии образа действия, образованном от местоимения *шке* ‘сам’, выделяется суффикс *-т*: *шкет* ‘одиноко’. По происхождению он является тем же самым суффиксом, что и в числительных *иктыт* ‘один’, *коктыт* ‘два’ и т.д.» [Галкин, 1966, с. 139]. Таким образом, слово *шкетын* по своему образованию и грамматическим особенностям, во всяком случае в сочетании с личными местоимениями, в какой-то мере находится в одном лексико-грамматическом ряду с совместными числительными типа *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’.

То, что в описываемых синтаксических конструкциях главным компонентом являются личные местоимения, подтверждают, как и в предыдущих моделях, два момента. Во-первых, в рамках предложений сказуемое координируется именно с ними (понятно, что в их номинативном употреблении), т.е. принимает формы лица и числа согласно субъектным личным местоимениям. Например: *Кок ен ваштареш* ***мый шкетын*** *мом ыштен керт****ам****?* (В. Иванов) ‘Что **я один** смогу сделать против двоих человек?’; *Палем,* ***тый шкет*** *ил****ет*** (А. Ягельдин) ‘Знаю, **ты один** живешь’; ***Тудо шкетын*** *мом ыштен керт****еш****?* (В. Якимов) ‘Что **он один** может сделать?’ *Кугу кожлашке, эн покшеке,* ***Ме шкетын*** *лӱдын****на*** *пураш* (В. Горохов) ‘**Мы одни** боялись зайти в большой лес, в самую глубь’; ***Те шкетын*** (здесь *те* в значении 2 л. ед. ч. – *Сиб.*) *гына диктантым нылытанлан возен****да*** (А. Богданов) ‘Только **вы один** написали диктант на четверку’; *Ачамавам пеш жалке улыт. Ынде* ***нуно шкет*** *орланаш код****ыт*** (А. Александров) ‘Очень жалко родителей. Теперь **они одни** будут (букв. останутся) страдать’; Во-вторых, в объектных падежах последующее наречие *шкет* (а не суффиксальный вариант *шкетын*) обычно согласуется с определяемым личным местоиме-

нием, причем не только в падеже, но и в числе и лице: род. п. *мый**ын шкет**емын* ‘у меня одного, у меня у одного’, дат. п. *мы**ланем / мылам шкетланем / шкетемлан* ‘мне одному’, вин. п. *мый**ым шкетемым* ‘меня одного’ (нужно заметить, что показатель винительного падежа *-ым* после такого же согласного посессивного суффикса может быть опущен: *мыйым шкетем* ‘меня одного’); род. п. *тый**ын шкететын* ‘у тебя одного, у тебя у одного’, дат. п. *тыланет / тылат шкетланет / шкететлан* ‘тебе одному’, вин. п. *тый**ым шкететым* ‘тебя одного’; род. п. *тудын шкет**шын* ‘у него (нее) одного (одной), у него (нее) у одного (одной)’, дат. п. *тудлан шкетланже / шкетшылан* ‘ему (ей) одному (одной)’, вин. п. *тудым шкетшым* ‘его (ее) одного (одну)’; род. п. *мем**нан шкетнан* ‘у нас одних, у нас у одних’, дат. п. *мыланна шкетланна* ‘нам одним’, вин. п. *мем**нам шкетнам* ‘нас одних’; род. п. *тен**дан шкетдан* ‘у вас одних, у вас у одних’, дат. п. *тыланда шкетланда* ‘вам одним’, вин. п. *тен**дам шкетдам* ‘вас одних’; род. п. *нуны**н шкетыштын* ‘у них одних, у них у одних’, дат. п. *нуныланшкетланышт / шкетыштлан* ‘им одним’, вин. п. *нуным шкетыштым* ‘их одних’. Например: *Машинаже когыньнан, а оксаже – мыйын шкетемым* (1 л. ед. ч., род. п. – *Сиб.*) (Г. Гордеев) ‘Машина-то принадлежит нам двоим (букв. наша двоих), а деньги – только мои (букв. мои одного)’; ***Мыланем шкетланем*** (1 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) *300 теңге – ятыр окса* (М. Ятман) ‘**Мне одному** 300 рублей – (довольно) много денег ’; ***Мыланем шкетемлан*** (1 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) *ойла гын, йӧра ыле* (П. Корнилов) ‘Хорошо бы, если бы говорил **мне одному**’; ***Мыйым шкетемым*** (1 л. ед. ч., вин. п. – *Сиб.*) *тӱгӧ ӱжын лукто* (Ю. Галютин) ‘**Меня одного** позвал (а) на улицу’; *Тый **мыйым шкетем*** (1 л. ед. ч., вин. п. – *Сиб.*) *ит кодо, акай!* («Марий Эл») ‘Сестра, ты не оставляй **меня одного**’; ***Тыйын шкететын*** (2 л. ед. ч., род. п. – *Сиб.*) *нигузе пиалет уке* (М. Ушакова) ‘**У тебя одного** нет никакого счастья’; ***Тылат шкетланет*** (2 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) *неле, Осяндр* (А. Волков) ‘**Тебе одному,** Осяндр, тяжело’; *Чыте, Аля. Логалеш **тылат шкететлан*** (2 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) (Ю. Соловьев) ‘Терпи, Аля. Достается **тебе одной**’; *Мый **тыйым шкететым*** (2 л. ед. ч., вин. п. – *Сиб.*) *колтем, шонет?* (Ю. Артамонов) ‘Я **тебя одного** отпущу, думаешь?’; *Молыжо 15–17 сантиметр келгыт дене куралыт, **тудын шкетшын*** (3 л. ед. ч., род. п. – *Сиб.*) *гына кушто 10, кушто 8 сантиметр* (Г. Пирогов) ‘Остальные пашут на глубину 15–17 саниметров, только **у него одного** где 10, а где 8 сантиметров’; *Мом **тудлан шкетланже*** (3 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) *пароходышто шужен йӧсланаш* (В. Юксерн) ‘И что **ему одному** страдать от голода на пароходе’; *Пуйто уло тӱня **тудлан шкетшылан*** (3 л. ед. ч., дат. п. – *Сиб.*) *гына ышталтын* (Ю. Галютин) ‘Как будто весь мир создан лишь **для него одного** (букв. ему одному)’; *Направленийже ик йочалан гына лийын, сандене **тудым шкетшым*** (3 л. ед. ч., вин. п. – *Сиб.*) *гына колтеныт* («Марий Эл») ‘Направление было только на одного ребенка, поэтому отправили только **его одного**’; *Ынде **тендам шкетдам*** (2 л. мн. ч., вин. п. – *Сиб.*) *кодем* (А. Тимофеев) ‘Теперь оставляю **вас одних**’; *Ачашт кудалтен коден, **нунылан шкетланышт*** (3 л. мн. ч., дат. п. – *Сиб.*) *куштылго огыл* (Г. Пирогов) ‘Отец бросил их, **им одним** нелегко’; *Корныш **нуным шкетыштым*** (3 л. мн. ч., вин. п. – *Сиб.*) *луктын колташ лӱдмашан* (В. Косоротов) ‘Отправить в путь **их одних** боязно’.

При субъектных личных местоимениях наречие *шкетын* (реже *шкет*) употребляется, как норма, без притяжательных суффиксов. Однако фиксируются единичные примеры уподобления его препозитивному местоимению в числе и лице даже в именительном падеже: *Тушто **тудо шкетше** гына лиеш гын, кермыч йымач лектынжат ок керт ыле* (А. Юзыкайн) ‘Если бы **он** был там лишь **один**, не смог бы и выбраться из-под кирпичей’; *Вет **нуно шкетышт** гына эргыштым ужатен огытыл* (А. Юзыкайн) ‘Ведь не только **они одни** провожали своего сына’.

Изредка встречаются в речи случаи использования компонента *шкет(ын)* с усилительно-выделительными частицами *-ак, -ат,* причем главным образом при местоимениях субъектной функции: ***Мый шкетак*** *кузе турем?* (М. Шкетан) ‘Как же зайду **я один**?’; *Эргымже молан? **Мый шкетат** кертам* (И. Ломберский) ‘Зачем мой сын? **Я и один** могу’; ***Мый шкетынат**, Роза дене пырлят муралтышым* (А. Александров) ‘**Я и один,** и с Розой

спел’; ***Тый шкетак*** *чумыр колхозым намысыш пуртенат* (М. Шкетан) ‘**Ты один** опозорил весь колхоз’; *Ала-молан* ***тудо шкетынак*** *кыне аҥаш шоген кодо* (А. Юзыкайн) ‘Почему-то **он один** остался стоять на конопляном поле’; ***Тудо шкетынат*** *кӱтен сеҥа* (М. Илибаева) ‘**Он и один** может пасти’; *Фабрикына эн ончылно кая,* ***ме шкетынак*** *республикым муно дене темен сеҥена* («Ончыко») ‘Наша фабрика идет впереди всех, **мы одни** сможем обеспечить республику яйцами’; ***Те шкетак*** *пурыза* (В. Осипов-Ярча) ‘**Вы одни** заходите’; Но иногда имеет место подобное употребление частицы *-ак* и в косвенных падежах: ***Мыйын шкетемынак*** (кол. – *Сиб.*) *кок тынаре лиеш* (П. Апакаев) ‘Только **у меня одного** (рыбы) будет в два раза больше’; ***Тудлан шкетшыланак*** *ӱшанаш ок лий* (Г. Алексеев) ‘Только **ему одному** нельзя поверить’.

Заключение

Из рассмотренных трех моделей прономинальных словосочетаний в первых двух опорное личное местоимение употребляется только во множественном числе, поскольку лексическое значение зависимых слов (*кажне* ‘каждый’; *коктын* ‘вдвоем’, *кумытын* ‘втроем’ и др.) предполагает их использование при определении множества лиц. В третьей модели (с совместным «наречием» *шкет(ын)* ‘один’) личное местоимение оформляется чаще всего в единственном числе и лишь изредка – во множественном. Такая особенность последней модели тоже связана с семантикой определяющего наречия *шкет(ын)* ‘один’ («без других; в отдельности от других, в одиночестве»), предусматривающей предельную ограниченность круга, количества, лиц. Роль опорного компонента у личных местоимений в подобных словосочетаниях подтверждается тем, что в предложениях сказуемое координируется именно с ними, уподобляется им в лице и числе. Кроме того, в случаях употребления личных местоимений в речи в каком-либо объектном падеже эту же падежную форму, а также одновременно соответствующие показатели лица и числа принимают и вышеназванные зависимые слова, что дополнительно позволяет определять главный и зависимый компоненты. Понятно, между составляющими подобных синтаксических соединений устанавливается связь согласования. Стержневые местоимения в описываемых конструкциях чаще всего выражают лица, однако местоимения 3 лица обоих чисел могут указывать и на неживые предметы. В целом в словосочетаниях передается атрибутивное значение, т.е. признак лиц (только изредка неживых предметов), – любой (взятый без выбора) из лиц и количество лиц (более двух или одно). Определяющие слова при необходимости снабжаются в речи частицами *-же* (прежде всего местоимение *кажне* ‘каждый’), *-ат* и редко *-ак* (совместные числительные и реже наречие *шкет(ын)* ‘один’). Обращает на себя внимание еще одна особенность изложенных моделей прономинальных словосочетаний. Это то, что зависимые компоненты – местоимение *кажне* ‘каждый’, числительные типа *коктын* ‘вдвоем’, наречие *шкет(ын)* ‘один’ – как норма (за редкими случаями инверсии), следуют за личным местоимением, что явно противоречит традиционным общим правилам порядка слов в марийском языке «определение + определяемое слово» (см. [Коведяева, 1976, с. 91; Галкин, 1986, с. 104, 106; также Майтинская, 1974, с. 384–385]). Безусловно, такое «нарушение» обычного порядка слов в языке, прежде всего его причины, несмотря на то что здесь речь идет о синтаксически особых личных местоимениях, а не об обычных субстантивных словах, требуют дальнейшего, сравнительно-исторического, исследования. Судя по материалам источника, анализируемые словосочетания имеют несколько ограниченное использование в языке. Это объясняется в первую очередь широкими возможностями выражения лица и числа (и замещения личных местоимений) в марийском языке разными синтетическими средствами – личными окончаниями глаголов-сказуемых, притяжательными суффиксами в зависимых словах.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

вин. п. – винительный падеж
дат. п. – дательный падеж
ед. ч. – единственное число
им. п. – именительный падеж
л. – лицо
личн. – личное (местоимение)
мн. ч. – множественное число
опр. – определительное (местоимение)
род. п. – родительный падеж
совм. – совместное

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васикова Л.П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.

Васикова Л.П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология: в 2 ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 203 с.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология: в 2 ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Ч. 2. 168 с.

Галкин И.С. Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.

Игнаева Р.П. Классификация имен числительных в марийском языке: Проблема статуса и функции. Йошкар-Ола, 1999. 212 с.

Коведяева Е.И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 3–96.

Майтинская К.Е. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 383–396.

Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Т. 2: И, Й, К (Кабак – Коса). 464 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Т. 9: Ш, Щ. 520 с.

Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Тимофеева В.Т. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Учаев З.В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

Учаев З.В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

Bereczki Gábor. A cseremisz nyelv történeti alaktana. Debrecen: University of Debrecen Supplementum, 2002. 290 o.

Serafima Sibatrova

ABOUT SOME MODELS OF MARI PRONOMINAL PHRASES: WORD COMBINATIONS WITH PERSONAL PRONOUNS

Introduction. The work focuses on the identification and description of individual models of pronominal phrases with personal pronouns in the position of the core component, which have not been studied to date. **The objective of the article** is to present an extensive characteristic of the following pronominal word-combinations: with a determinative pronoun *кажне* ‘every’; with joint numerals of the type *коктын* ‘two together’, *кумытын* ‘the three of us’; with a joint «adverb» *шкет(ын)* ‘alone’. **Materials and methods.** The study was based on materials on the Meadow-Eastern Mari literary norm presented in the electronic collection of texts, mainly by writers and in periodicals, for the *Corpus of the Mari language* (about 20 million words). Word combinations for the study were discovered by searching and linguistic observations both on core personal pronouns and on dependent words. The study of the selected word combinations was carried out by such well-known linguistic methods and techniques as descriptive and structural, as well as contextual analysis. **Research results and discussions.** In the number of Mari pronominal word combinations a certain place is occupied by syntactic units consisting of a core personal pronoun and a subordinate component, expressed by a definite pronoun *кажне* ‘every’, numerals *коктын* ‘two together’ and «adverb» *шкет(ын)* ‘alone’. In the models with *кажне* and *коктын*, core personal pronouns are used only in the plural, and with the *шкет(ын)* – mainly in singular, which is directly related to the lexical meaning of dependent words. They generally convey attributive grammatical meanings - different features of a person or persons (any of the specified persons, the number of specified persons). In each of the models, the components of the word-combinations are grammatically connected by agreement. If the case of the core personal pronoun is changed, the determinative words become assimilated to them in the case, as well as in the number and person. The arti-

cle also considers the main features of the use (primarily changes) of phrases and their components in speech. **Conclusion.** In the models described in the article the main component is personal pronouns of all persons of both numbers, the dependent ones – the definite pronoun *кажне* ‘every’, joint numerals such as *кoктын* ‘two together’, the joint «adverb» *шкет(ын)* ‘alone’. This is confirmed by their grammatical relations with other words and the subordinate relationship peculiarities in the sentences. These word combinations express various attribute grammatical meanings (features of persons and occasionally non-living objects); their components are interconnected in a way of coordination (dependent words become assimilated to main personal pronouns in case, and in object cases – in number and person).

Keywords: Mari language; pronominal word-combinations; models; personal pronouns; definite pronoun; joint numerals; joint adverb; grammatical relation; grammatical meaning.

REFERENCES

Vasikova L.P. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher’s book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1987, 144 p. (In Mari).

Vasikova L.P. Sopostavitel’naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Sintaksis: posobie dlja uchitelja [Comparative grammar of the Russian and Mari Languages. Syntax: Teacher’s book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1990, 152 p. (In Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija: v 2 ch. [Historical grammar of the Mari language. Morphology: in 2 p.]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1964. P. 1. 203 p. (In Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija: v 2 ch. [Historical grammar of the Mari language. Morphology: in 2 p.]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1966. P. 2. 168 p. (In Russian).

Galkin I.S. Marij jylmyn istoricheskij grammatikyzhe. Morfologij da sintaksis: tunemme kniga [Historical grammar of the Mari language. Morphology and syntax: training manual]. Joshkar-Ola, 1986, 122 p. (In Mari).

Ignaeva R.P. Klassifikacija imen chislitel’nyh v marijskom jazyke: Problema statusa i funkcii [Classification of numerals in the Mari language: The problem of status and function]. Joshkar-Ola, 1999, 212 p. (In Russian).

Kovedjaeva E.I. Marijskij jazyk [The Mari language]. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Marijskij, permskie i ugorskie jazyki* [The basics of Finno-Ugric Linguistics: Mari, Permic and Ugric Languages]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 3-96. (In Russian).

Majtinskaja K.E. Voprosy sravnitel’nogo sintaksitsa finno-ugorskih jazykov [Questions of comparative syntax of Finno-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov* [The basics of Finno-Ugric Linguistics: Questions of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 383-396. (In Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka: v 10 t. [Dictionary of the Mari Language: in 10 vol.]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1992. Vol. 2: I, J, K (Kabak – Kosa). 464 p. (In Mari. In Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka: v 10 t. [Dictionary of the Mari Language: in 10 vol.]. Joshkar-Ola, Mari Research Institute, 2004. Vol. 9. Sh, Shh. 520 p. (In Mari. In Russian).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari language: Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Timofeeva V.T. Kyzytse marij jylme. Prostoj predlozhenij sintaksis: tunyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher’s book]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1989, 120 p. (In Mari).

Uchaev Z.V. Marij jylme: Tunyktysho-vlaklan. 1-she uzhash [Mari Language: for Teachers]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1982, 184 p. (In Mari).

Uchaev Z.V. Marij jylme: Tunyktysho-vlaklan. 2-sho uzhash [Mari Language: for Teachers. P. 2]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1985, 183 p. (In Mari).

Bereczki Gábor. A cseremisz nyelv történeti alaktana [Historical morphology of the Mari language]. Debrecen, University of Debrecen Supplementum, 2002, 290 p. (In Hungarian).

Сибатрова Серафима Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

УДК 811.511.131
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_08

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2022 г. А.А. Шибанов

Введение. Категория состояния как лингвистический феномен существует и в удмуртском, и в русском, и в других языках и выражает различные состояния субъекта или предмета. Она изучалась и анализировалась многими учеными-лингвистами, но единой трактовки ее статуса нет до сих пор, т.е. вопрос о выделении слов категории состояния в самостоятельную часть речи остается в лингвистике дискуссионным. **Цель статьи –** на основе сравнительного материала, представленного в работах русских и удмуртских языковедов, попытаться определить место слов категории состояния в системе частей речи удмуртского языка. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили труды по морфологии и синтаксису русского и удмуртского языков. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** В связи с отсутствием у слов категории состояния собственных форм словоизменения, они долгое время включались в разряд наречий, но при этом ряд ученых указывали на их связь с глаголами. Отличие слов данной категории от наречий, выражающееся в том, что первые не употребляются при глаголах, сначала привело к тому, что они были выделены в особую группу наречий; для их обозначения академик А.А. Шахматов ввел термин предикативные наречия. Подчеркивал их отличие от наречий и употребление в роли присвязочных безличных сказуемых А.М. Пешковский в своем труде «Русский синтаксис в научном освещении». По словам М.Р. Миндиашвили, примечателен тот факт, «что некоторые грамматисты рассматривают данную категорию не только по формальным, но и по семантическим признакам. Так, Б.М. Лейкина указывает, что речь идет не о грамматической категории, а о лексической, ввиду того что категория состояния может быть выражена разными частями речи». **Заключение.** Категория состояния в удмуртском языке – это самостоятельная часть речи, обозначающая состояние живых существ, природы, окружающей среды и отвечающая на вопросы *как*? *каково*? Слова категории состояния можно выделить по следующим признакам: 1) общее грамматическое значение (состояние); 2) морфологические признаки (наличие форм времени, наклонения, степеней сравнения); 3) синтаксическая функция (сказуемое в безличном предложении).

Ключевые слова: лингвистика; морфология; синтаксис; русский язык; удмуртский язык; наречия; предикативные слова; категория состояния.

Введение

Категория состояния как лингвистический феномен существует и в удмуртском, и в русском, и в других языках, она выражает различные состояния субъекта или предмета. Данное грамматическое явление изучалось и анализировалось многими учеными-лингвистами, но единой трактовки статуса рассматриваемой группы слов нет до сих пор, т.е. вопрос о выделении слов категории состояния в самостоятельную часть речи остается в лингвистике дискуссионным. В том числе отсутствует однозначное определение исследуемого класса слов, его дефинируют по-разному: слова категории состояния, категория состояния, предикативные наречия, безлично-предикативные

слова и т.д. Кроме того, не установлено точное количество лексико-семантических групп слов категории состояния, четко не обозначены морфологические и синтаксические особенности этих слов. Основными семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории является то, что они служат для выражения состояний (не процессов) и выступают в роли сказуемого в безличных предложениях; при этом, в отличие от глагола, они не располагают формами словоизменения.

Цель статьи – на основе сравнительного материала, представленного в работах русских и удмуртских языковедов, попытаться определить место слов категории состояния удмуртского языка в системе частей речи.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили труды по морфологии и синтаксису русского и удмуртского языков. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты исследования, обсуждения

В связи с отсутствием у слов категории состояния собственных форм словоизменения они долгое время включались в разряд наречий, но при этом ряд ученых указывали на их связь с глаголами. Отличие слов изучаемой категории от наречий, выражающееся в том, что первые не употребляются при глаголах, сначала привело к тому, что они были выделены в особую группу наречий; для их обозначения академик А.А. Шахматов [1952, с. 131] ввел термин предикативные наречия. Подчеркивал их отличие от наречий и использование в роли присвязочных безличных сказуемых А.М. Пешковский [1956, с. 112]. По словам М.Р. Миндиашвили, примечателен тот факт, «что некоторые грамматисты рассматривают данную категорию не только по формальным, но и по семантическим признакам. Так, Б.М. Лейкина указывает, что речь идет не о грамматической категории, а о лексической, ввиду того что категория состояния может быть выражена разными частями речи» (цит. по: [Миндиашвили: электронный ресурс]).

Впервые термин «категория состояния» был введен академиком Л.В. Щербой [1957, с. 74]. Он довольно широко понимал эту категорию, включив в нее не только некоторые предикативные наречия, но и краткие прилагательные и даже предложно-падежные формы существительных со значением состояния, выступающие в функции сказуемого. Детальный анализ категории состояния, процессов вовлечения в нее слов разных типов и ее отношения к другим частям речи дает академик В.В. Виноградов [1972, с. 319–336] в книге «Русский язык». В эту категорию слов автор включал не только безлично-предикативные слова, но и краткие прилагательные и некоторые другие слова и словосочетания и приписывал всем им наличие форм времени и наклонения, так как выступают они в роли сказуемого. По мнению авторов академической «Русской грамматики» [1980, с. 705], использующих термин «предикативные наречия», категория состояния не является особой частью речи, причем в силу ряда причин:

1) слова категории состояния могут обозначать не только состояние;

2) слова категории состояния соотносятся с разными частями речи, сохраняя ряд их свойств, например, имеют степени сравнения, как наречия;

3) синтаксически очень трудно определить тип предложения, содержащего слова категории состояния, – двусоставное или односоставное.

Таким образом, уже в середине XX века у русских ученых накопился солидный объем знаний о категории состояния, что сделало возможной попытку выделить эту категорию и в других языках.

В удмуртском языкознании категория состояния до настоящего времени не являлась предметом специального изучения и системного описания.

В «Грамматике современного удмуртского языка» данная категория названа «предикативными наречиями». Отмечено, что такие наречия отличаются от определительных и обстоятельственных отдельными семантическими и синтаксическими свойствами, при этом выделены следующие аспекты:

а) предикативные наречия не имеют своих особых грамматических форм. Они, взятые в отдельности, одинаковы с некоторыми существительными, прилагательными и наречиями и составляют с ними омонимы;

б) степени сравнения у рассматриваемых наречий образуются так же, как и у прилагательных и определительных наречий: сравнительная – при помощи суффикса *-гес* (*-гем*), а превосходная – чаще всего аналитически, посредством сочетания с наречиями меры и степени и сдвоением основ;

в) предикативные наречия отличаются от других наречий синтаксическими функциями. Если определительные и обстоятельственные наречия определяют глагол, то предикативные наречия ничего не определяют. Они употребляются в функции сказуемого в безличных предложениях;

г) в противоположность обстоятельственным и определительным наречиям, предикативные наречия выражают не признак действия или признак признака, а состояние [ГСУЯ, 1962, с. 313–314].

Впервые термин «категория состояния», примененный к удмуртскому языку, встречается в сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков [Ушаков, 1982, с. 126]. Безусловно, при его изложении автор максимально учел морфологические критерии русского языка.

В статье «Лексико-грамматические средства выражения состояния в удмуртском языке» Г.А. Тронина [1990, с. 37] утверждает, что особенность слов категории состояния заключается в том, что они не имеют специального морфологического оформления и не отличаются от прилагательных и существительных (*коркан* ***чалмыт*** ‘в доме **тихо**’ и ***чалмыт*** *адями* ‘**тихий** человек’; *потаны но* ***возьыт*** ‘выйти **стыдно**’ и ***возьытэз*** *но ӧвӧл* ‘нет **стыда**’). Понятийная категория состояния в удмуртском языке, как отмечает автор [Тронина, 1990, с. 39], выражается различными средствами. Наиболее распространенными являются прилагательные и существительные в предикативной функции, страдательные причастия, глаголы и словосочетания. Весь инвентарь этих средств образует функционально-семантическое поле состояния, которое в речи взаимодействует с полями перфектности и квалитативности. В наиболее чистом виде состояние выражается предикативными наречиями, которые составляют ядро этого поля, другие средства располагаются на его периферии.

В 2003 году А.А. Алашеевой был выпущен препринт, посвященный наречиям удмуртского языка. На последних страницах своей работы автор приводит материал по словам, относящимся к категории состояния, называя их предикативными наречиями. Выделены три группы состояний, которые можно передать с помощью таких наречий:

1) состояние окружающей среды: *Корка пушкын соку ик* ***пеймыт*** *луиз* ‘В доме сразу стало **темно**’; *Перронын нуназе кадь ик* ***югыт*** ‘На перроне **светло,** как днём’; [Алашеева, 2003, с. 27];

2) физическое и психическое состояние живых существ: *Гуртысь лыктэм адямилы городын* ***мӧзмыт*** ‘Из деревни перебравшемуся человеку в городе **скучно**’; *Али дыре* ***ӝожж*** *солы,* ***секыт*** ‘В настоящее время ему **грустно, тяжело**’;

3) состояние временных или пространственных характеристик: *Орловоысен татчыозь* ***кыдёкын*** *ӧвӧл ке но, со кусыпез вераськонкыл эшшо вакчиёмытӥз* ‘Хоть и от Орлово до сюда не **далеко**, разговор это расстояние еще уменьшил’; *Гуртэ кошконо,* ***бер*** *ни* ‘Домой нужно возвращаться, **поздно** уже’ [Алашеева, 2003, с. 27–29].

Спустя десять лет сотрудники факультета удмуртской филологии УдГУ выпустили научно-учебное издание по морфологии удмуртского языка «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)» («Морфология удмуртского языка») (2012), в котором попытались осветить некоторые вопросы морфологии с современной точки зрения. Отдельные их положения отличались от представленных в «Грамматике современного удмуртского языка» 1962 года выпуска. Категория состояния в научно-учебном издании описывается отдельно (авторы раздела А.А. Алашеева, Н.Н. Тимерханова). При детальном изучении становится ясно, что весь материал, ранее представленный как предикативные наречия [Алашеева, 2003], в данном труде рассматривается как категория состояния [УКК, 2012, с. 323–329].

На наш взгляд, выделять категорию состояния в удмуртском языке следует по семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам.

1. Семантические признаки. Слова категории состояния могут обозначать:

а) состояние окружающей среды: *чалмыт* ‘тихо’, *шуныт* ‘тепло’, *шыпыт* ‘тихо’, *югыт* ‘светло’ и др. Например: *Тӥни, укноязы уката* ***югыт*** *луиз – лампа тылзэс бадзӥыматӥллям* [Красильников, 1976, с. 226] ‘Вот, в их окне стало очень **светло** – лампу ярче включили’; *Садъёсын* ***чалмыт****, ӵуж гадё пислэгъёс гинэ, огзылы огзы шултылыса, улвайысь улвае тэтчало, коткуд писпуэз эскеро, одйг ке но улмо вуныса кыльымтэ меда шуыса кадь* [Красильников, 1965, с. 110] ‘В садах **тихо**, лишь желтогрудые синицы, пересвистываясь между собой, прыгают с ветки на ветку, обследуя каждое дерево, в надежде найти хотя бы одно яблоко’; *Мукет ужасьёс ваньмыз кошкемын ини, быдэс корпусын* ***шыпыт****, нокинэз ӧвӧл кожалод* [Красильников, 1965, с. 21] ‘Остальные работники уже ушли, во всем корпусе **тихо**, никого нет, подумаешь’; ***Пеймыт****, бусы шорын нокыӵе куара но, тыл но ӧвӧл, зор гинэ брезент выл-тӥ огпӧртэм ӵаштыртэ* [Красильников, 1965, с. 90] ‘**Темно**, в поле нет ни звуков, ни света, лишь слышен однотонный шум капающего по брезенту дождя’; *Жытазе бертэ – нош ик сиён дась, квартираын* ***югыт*** [Гаврилов, 1982, с. 229] ‘Вечером домой возвращается – снова ужин готов, в квартире **светло**’;

б) состояние человека и живых существ: *серем* ‘смешно’, *возьыт* ‘стыдно’, *кышкыт* ‘страшно’, *мӧзмыт* ‘скучно’, *шуныт* ‘тепло’ и др. Например: *«Асьмелы тани* ***серем****, – шуиз со, – нош Катя мырдэм гинэ быронлэсь мозмытскем»* [Гаврилов, 1982, с. 31] ‘«Нам вот **смешно**, – сказал он, – а Катя чудом осталась жива»’; *Фаиналы* ***возьыт*** *луиз: анаез вӧзаз дыръя атаез сярысь юаны но вунэтэм* [Красильников, 1965, с. 127] ‘Фаине стало **стыдно**: находясь рядом с матерью, и об отце спросить забыла’; *О-о, та литераторъёсын вераськыны ик* ***кышкыт****, возьытэ усемдэ уд вала* [Красильников, 1965, с. 105] ‘А-а, с этими литераторами даже разговаривать **страшно**, не поймешь, как окажешься в стыдном положении’; *Бордам кинэ ке эш сётэ вал, оген* ***мӧзмыт*** [Красильников, 1965, с. 20] ‘Дали бы мне кого-нибудь для компании, одному **скучно**’; *Тон но ӟеч сюлэмо. Озьы бере, туж кема мед улод. Тон вӧзын милемлы* ***шуныт*** [Архипов, 1984, с. 128] ‘Ты очень сердечный. Поэтому долго живи. Рядом с тобой нам **тепло**’.

2. Морфологические признаки:

а) наличие форм времени:

Я, кошким Заки. ***Пеймыт****, эн бекмыльты мара, сюрес гылыт…* [Красильников, 1965, с. 46] ‘Ладно, Заки, поехали. **Темно**, не перевернись, дорога скользкая…’ (настоящее время); *Гуртысь потыкузы ик куазь* ***пеймыт вал*** *ини, больницае воксё уйшор котырын гинэ вуизы: сюрес зуркыт, валзы чик уг ворты* [Красильников, 1965, с. 9] ‘Уже при выезде из дому **было темно**, а в больницу уже ближе к полуночи прибыли: дорога тряская, лошадь с трудом идёт’ (прошедшее время); *Кутсаськомы-а, ум-а, Матвей Иваныч? Тазьы сылытозямы* ***пеймыт луоз*** [Петров, 1983, с. 31] ‘Начнем молотить или нет, Матвей Иванович? Пока так стоим, **темно станет**’ (будущее время);

б) наличие форм наклонения:

Мон доры ке пырысал, мыным ***возьыт луысал*** [Архипов, 1985, с. 99] ‘Если бы ко мне зашел, мне **стыдно бы стало**’ (условное наклонение); *Союзникъёсмы кыкетӥ фронтсэс жоггес усьтысалзы ке, асьмелы* ***капчигес луысал****, оло* [Голубев, 1995, с. 121] ‘Если бы наши союзники поскорее открыли второй фронт, нам **легче бы стало**, возможно’ (условное наклонение); *Алёша пӧяськыны кутскысал ке, мыным, оло,* ***капчигес луысал****, нош со тӥни ӧз танйськы* [Панфилова, 2008, с. 45] ‘Если бы Алёша начал обманывать, мне, возможно, **легче бы стало**, но он ничего не скрыл’ (условное наклонение); *Аслам сюлмы висе ке, мукетъёслэн но* ***вӧсь мед луоз*** [Красильников, 1965, с. 136] ‘Если моё сердце болит, и другим **пусть будет больно**’ (повелительное наклонение);

в) наличие форм степеней сравнения:

Нылзэ малпанъяз солы ***шунытгес****,* ***капчигес*** *луэ, жадён пичи но уг шӧдйськы* [Гаврилов, 1964, с. 18] ‘При мыслях о своей девушке ему **теплее, легче** становится, усталость вообще не чувствуется’; *Катя капчияк лулскиз: иське, туннэ солы* ***капчигес*** [Гаврилов, 1982, с. 664] ‘Катя с лёгкостью вздохнула: ей сегодня **легче**’.

3. Синтаксические признаки. Слова категории состояния являются главным членом безличного предложения (сравните):

Нырысь-валысь марзэ но уг валаськы на ай, шӧдйсько гинэ, мыным сыӵе ***умой*** [Пукро-

ков, 1997, с.132] ‘Поначалу ничего не понимал, чувствую только, до чего же мне **хорошо**’. – *Институтын дышетскондэ* ***умой*** *йылпумъясал*, *начальстволы ярасал*, *погонад кизилиос йылысалзы* [Самсонов, 1989, с. 176] ‘Ты бы **хорошо** закончил учебу в институте, начальству бы понравился, на погонах бы звездочки добавились’; *«****Капчи*** *ӧвӧл тыныд*, *пие*, *мон валаcько тонэ»*, *– лулскиз Ефим* [Васильев, 1991, с. 73] ‘«Не **легко** тебе, сынок, понимаю тебя», – вздохнул Ефим’. – *Малпаськонъёс но сюлмаськонъёс пумтэм-йылтэм ке но, Фёдор Семёнович, та собраниысь потыса, егит мурт сямен,* ***капчи*** *вамышъяз* [Архипов, 1985, с. 45–46] ‘Хотя забот и переживаний бесчисленное множество, Фёдор Семёнович, выйдя с этого собрания, словно молодой, **с лёгкостью** зашагал’; ***Вазь*** *на кошкон сярысь вераськыны, муш вордыны вуоды али* [Красильников, 1965, с. 118] ‘**Рано** ещё о смерти говорить, ещё и пчёл успеете завести’. – *А вот мар*, *пиёке*, *давай-ка асьмеос тазьы лэсьтом*: *ӵукна* ***вазь*** *ик султом но выльёссэ кутыны кошком* [Белоногов, 1991, с. 267] ‘А вот что, паренек, давай мы с тобой **рано** утром встанем и пойдем новую [рыбу] ловить’; *Катялы туж* ***шулдыр****, быдэс дуннеез ӟыгыртысал* [Гаврилов, 1982, с. 604] ‘Кате очень **весело**, весь мир бы обняла’. – *«****Шулдыр*** *ик ветлӥськод тон*, *эке»*, *– Дангырлы шуиз Пужей* [Митрей, 1973, с. 54] ‘«**Весело** же ты ходишь, паренек», – сказал Пужей Дангыру’; *Зэм вераськод, – нялтас вераз Прохор, – валтэм крестьянлы* ***секыт*** [Гаврилов, 1982, с. 44] ‘«Правду говоришь, – между делом сказал Прохор, – без лошади крестьянину **тяжело**»’. *– Нылкышноос бӧрдо, викышъяло,* ***секыт*** *ӝушто* [Архипов, 2005, с. 237] ‘Женщины плачут, всхлипывают, **тяжело** вздыхают’.

При сравнении видно, что наряду со словами ***умой*****,** ***капчи*****,** ***вазь*****,** ***шулдыр*****,** ***секыт,*** относящимися к категории состояния (см. первые примеры), существуют тождественные в звуковом отношении слова с особенностями наречий. Но такие наречия по своим функциям резко отличны от безлично-предикативного употребления рассматриваемых слов: они обозначают не состояние, а признаки действий (см. вторые примеры).

Следует отметить, что категория состояния формируется за счет перехода в нее слов других частей речи. Этот процесс следовало бы назвать предикативацией (от лат. *praedicatum* – сказуемое). Сущность процесса предикативации заключается в том, что наречия, прилагательные и существительные, переходя в категорию состояния, меняют свои синтаксические функции (обстоятельства, определения или подлежащего) на функцию сказуемого в безличном предложении. Ср.: *Ботинкаосын кутчам пыдъёсыз кынмо, ымнырзэ* ***кезьыт*** *чепылля, мыдлань-азьлань ветлыса, чылкак жадиз* [Гаврилов, 1982, с. 100] ‘Обутые в ботинки ноги мерзнут, лицо **мороз** щиплет, очень устал, ходя взад-вперед’ (существительное). – *Куазь ӟар* ***кезьыт****, писпуос югюг гӧртэмын* [Гаврилов, 1982, с. 270] ‘Погода очень **холодная**, деревья покрыты белым-белым инеем’ (прилагательное). – *Сыӵе ини мынам шудэ-буре:* ***кезьыт*** *учко ке, сюлэмы кынме* ‘Таково уж мое счастье: если смотрят **холодно**, сердце стынет’ (наречие). – *Та юртын мыным* ***кезьыт*** [Ганькова, 2012, с. 17] ‘В этом доме мне **холодно**’ (категория состояния).

Заключение

Таким образом, категория состояния в удмуртском языке – это самостоятельная часть речи, обозначающая состояние живых существ, природы, окружающей среды и отвечающая на вопросы *как*? *каково*? Слова категории состояния можно выделить по следующим признакам: 1) общее грамматическое значение (состояние), 2) морфологические признаки (наличие форм времени, наклонения, степеней сравнения), 3) синтаксическая функция (сказуемое в безличном предложении).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алашеева А.А. Туала удмурт кыл: Сямкыл. Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Туала удмурт кылъя но сое дышетон амалъёсъя кафедра. Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2003. 31 б.

Архипов Т.А. Вормы астэ ачид. Ижевск: Удмуртия, 1984. 276 с.

Архипов Т.А. Лудӟи шур дурын. Устинов: Удмуртия, 1985. 524 с.

Архипов Т.А. Ортчеменыз пумиськон. Ижевск: Удмуртия, 2005. 280 с.

Белоногов Н.Е. Пус // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г.В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 262–280.

Васильев Н.В. Кин тон, атай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г.В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 70–89.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.

Гаврилов И.Г. Кыдёкысь бригадаын. Ижевск: Удмуртия, 1964. 147 б.

Гаврилов И.Г. Вордйськем палъёсын. Ижевск: Удмуртия, 1982. 744 с.

Ганькова Л.М. Ӟудэм сюлэм // Кенеш. 2012. № 1. С. 15–20

Голубев В.В. Солдат иськемъёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 248 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / под ред. П.Н. Перевощикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Кедра Митрей. Секыт зйбет. Ижевск: Удмуртия, 1973. 148 с.

Красильников Г.Д. Вуж юрт. Ижевск: Удмуртия, 1965. 192 с.

Красильников Г.Д. Арлэн кутсконэз. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 с.

Миндиашвили М.Р. Функциональная характеристика слов-предикативов в английском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bankrabot.com/work/work_37195.html (дата обращения: 06.08.2013).

Панфилова Е.В. Мумы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 64 с.

Петров М.П. Ӟардон азьын. Ижевск: Удмуртия, 1983. 260 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Наука, 1956. 420 с.

Пукроков Ф.П. Кизили ныл. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 с.

Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.

Самсонов С.А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

Тронина Г.А. Лексико-грамматические средства выражения состояния в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск, 1990. С. 37–40.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А.А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов, О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н.Н. Тимерханова. Ижевск: «Удм. ун-т» книгапоттонни, 2011. 408 б.

Ушаков Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982. 144 с.

Шахматов А.А. Из «Синтаксиса русского языка» // Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 29–138.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку / АН СССР. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 63–84.

Aleksey Shibanov

ON THE QUESTION OF THE CATEGORY OF STATE IN THE UDMURT LANGUAGE

Introduction. The category of the state, as a linguistic phenomenon, exists in the Udmurt, Russian, and other languages and expresses various states of the subject or the object. The grammatical phenomenon has been studied and analyzed by many linguists, but there is still no single interpretation of this category status, i.e. the question of its distinguishing into an independent part of speech is still debatable in linguistics. **The purpose of the article** is, on the basis of the materials by Russian and Udmurt linguists, to try to determine the place of the state words in the Udmurt system of parts of speech. **Materials and methods.** The material for the study was the works on the morphology and syntax of the Russian and Udmurt languages. The research is done on the basis of descriptive, comparative and comparative methods. **Research results, discussions.** Due to the absence of inflection forms in the state words, they have been included into the category of adverbs, but at the same time a number of researchers pointed to their connection with verbs. The fact that state words unlike adverbs are not used in the sentence depending on the verb, resulted in their singling out into a special group of adverbs; to designate them academician A. A. Shakhmatov introduced the term predicative adverbs. A.M. Peshkovsky emphasized their difference from adverbs and the use of impersonal predicates in his work

"Russian Syntax in Scientific Coverage". According to M. R. Mindiashvili, the fact that some grammarians consider this category not only according to formal, but also semantic features is noteworthy. So, B. M. Leikina points out that we are not talking about a grammatical category, but about a lexical category, due to the fact that the category of state can be expressed by different parts of speech. **Conclusion.** The category of state in the Udmurt language is an independent part of speech, denoting the state of living beings, nature, and environment and answering the questions how? what is it? The words of the state category can be distinguished according to the following features: 1) general grammatical meaning (state); 2) morphological features; 3) syntactic function: predicate in the impersonal sentence.

Key words: linguistics; morphology; syntax; the Russian language; the Udmurt language; adverbs; predicative words; state category.

REFERENCES

Alashejeva A.A. Tuala udmurt kyl: S'amkyl. Az'pechatlos [Modern Udmurt language: Adverb. Preprint] / Udmurt kun universitet. Tuala udmurt kylja no soje dysheton amaljosja kafedra. Izhkar, «Udmurt universitet» kniga potton korka, 2003, 31 p. (In Udmurt).

Arkhipov T.A. Vormy aste achid [Conquer yourself]. Izhevsk, Udmurtija, 1984, 276 p. (In Udmurt).

Arkhipov T.A. Ludzi shur duryn [By the Ludzi River]. Ustinov, Udmurtija, 1985, 524 p. (In Udmurt).

Arkhipov T.A. Ortchemenyz pumis'kon [Meeting with the past]. Izhevsk, Udmurtija, 2005, 280 p. (In Udmurt).

Belonogov N.E. Pus [Sign]. Izhevsk, Udmurtija, 1991, pp. 262–280. (In Udmurt).

Vasil'ev N.V. Kin ton, atai? [Who are you father]. Izhevsk, Udmurtija, 1991, pp. 70–89. (In Udmurt).

Vinogradov V.V. Russkij jazyk (grammaticheskoje uchenije o slove) [Russian language (grammatical teaching of the word)]. Moscow, Vysshaja shkola, 1972, 614 p. (In Russian).

Gavrilov I.G. Kydekys' brigadayn [In a distant brigade]. Izhevsk, Udmurtija, 1964, 147 p. (In Udmurt).

Gavrilov I.G. Vordis'kem paljosyn [In native lands]. Izhevsk, Udmurtija, 1982, 744 p. (In Udmurt).

Gan'kova L.M. Zudem s'ulem [Needy heart]. *Kenesh*, 2012, no. 1, pp. 15–20. (In Udmurt).

Golubev V.V. Soldat is'kemjos [Soldier's kilometers]. Izhevsk, Udmurtija, 1995, 248 p. (In Udmurt).

GSUJA – Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: Fonetika i morfologija [Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology] / Udmurtskij NII istorii, ekonomiki, literatury i jazyka; redkollegija.: Perevoschikov P.N. (otvetstvennyj redaktor), V.M. Vahrushev, V.I. Alatyrev i drugije. Izhevsk, Udmurtskoje knizhnoje izdatel'stvo, 1962. 376 p. (In Russian).

Kedra Mitrej. Sekyt zibet [Heavy yoke]. Izhevsk, Udmurtija, 1973, 148 p. (In Udmurt).

Krasil'nikov G.D. Vuzh jurt [Old house]. Izhevsk, Udmurtija, 1965, 192 p. (In Udmurt).

Krasil'nikov G.D. Arlen kutskonez [Beginning of the year]. Izhevsk, Udmurtija, 1976, 412 p. (In Udmurt).

Mindiashvili M.R. Funktsional'naja kharakteristika slov-predikativov v angliiskom jazyke [Functional characteristics of predicative words in English Functional characteristics of predicative words in English]. Available at: http://bankrabot.com/work/work_37195.html (accessed 08 June 2013). (In Russian).

Panfilova E.V. Mumy [Mother]. Izhevsk, Udmurtija, 2008, 64 p. (In Udmurt).

Petrov M.P. Zardon az'yn [Before dawn]. Izhevsk, Udmurtija, 1983, 260 p. (In Udmurt).

Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Nauka, 1956, 420 p. (In Russian).

Pukrokov F.P. Kizili nyl [Star girl]. Izhevsk, Udmurtija, 1997, 312 p. (In Udmurt).

Russkaja grammatika. Fonetika, fonologija, udarenije, intonatsija, slovoobrazovanije, morfologija [Russian grammar. Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology] / AN SSSR, Institut russkogo jazyka. Moscow, Nauka, 1980, 784 p. (In Russian).

Samsonov S.A. Vuzher: Povest'jos [Shadow. Tale]. Izhevsk, Udmurtija, 1989, 360 p. (In Udmurt).

Tronina G.A. Leksiko-grammaticheskije sredstva vyrazhenija sostoianija v udmurtskom jazyke [Lexical and grammatical means of expressing the state in the Udmurt language]. *Voprosy grammatiki i kontaktirovanija jazykov*. Izhevsk, 1990, pp. 37–40. (In Russian).

UKK – Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfologiez): todoslyko-dyshetskon izdanije [Morphology of the Udmurt language: educational and scientific publication] / A.A. Alasheeva, D.A. Efremov, T.M. Kibardina, N.V. Kondrat'eva, S.V. Sokolov, O.B. Strelkova, I.V. Tarakanov, N.N. Timerkhanova, A.F. Shutov; Kylkutis' red. N.N. Timerkhanova. Izhevsk, «Udmurt universitet» knigapottonni, 2011, 408 p. (In Udmurt).

Ushakov G.A. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i udmurtskogo jazykov [Comparative grammar of Russian and Udmurt languages]. Izhevsk, 1982, 144 p. (In Russian).

Shakhmatov A.A. Iz «Sintaksisa russkogo jazyka» [From the «syntax of the Russian language»]. *Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu jazyku (Uchenie o chastiakh rechi).* Moscow, Gosudarstvennoje uchebno-pedagogicheskoje izdatel'stvo Ministerstva prosveshchenija RSFSR, 1952, pp. 29–138. (In Russian).

Shcherba L.V. O chastiakh rechi v russkom jazyke [About parts of speech in Russian]. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku.* AN SSSR. Moscow, Gosudarstvennoje uchebno-pedagogicheskoje izdatel'stvo Ministerstva prosveshchenija RSFSR, 1957, pp. 63–84. (In Russian).

Шибанов Алексей Александрович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск
e-mail: jarik7979@mail.ru

Aleksey Shibanov
Candidate of Philological Sciences, Research Associate,
The Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Izhevsk
e-mail: jarik7979@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.131
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_09

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ АРХАИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УДМУРТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

© 2021 г. А.В. Камитова

Введение. Несмотря на то что удмуртская женская литература не раз становилась предметом научной рефлексии исследователей, нельзя сказать, что творчество удмуртских поэтесс на сегодняшний день полноценно осмыслено. В предлагаемой работе на примере поэзии отдельных авторов впервые рассматриваются зооморфные образы, реализация которых гипотетически объяснима особенностями формирования генетической ментальности и семантической связанностью с комплексом архаических представлений. **Цель статьи** – выявить в творчестве удмуртских поэтесс специфику воплощения архаических представлений, связанных с зооморфной образностью. **Материалы и методы.** Стихотворения удмуртских поэтесс, творчество которых в хронологическом срезе примыкает к разной поэтической волне. **Результаты исследования, обсуждения.** Проведенный анализ показал, что архаическое мышление в поэтической практике удмуртских поэтесс связано с изображением личности, основанном на зооморфной метафоризации, которая соотносится с древнейшими архетипическими представлениями, системой первобытной образности и натурфилософским взглядом авторов на мир. Выявлено, что посредством зооморфизации лирического субъекта реализуется представление о его психофизиологическом состоянии, внешней характеристике, определяются особенности его поведенческой модели. Акцент удмуртских поэтесс на описание личности посредством зооморфной образности обусловлен стремлением познать себя, реконструировать картину мира, в которой сохранено первородное единение человека с природой. Научная новизна представленного материала продиктована необходимостью осмысления творчества удмуртских поэтесс с новых теоретико-методологических подходов, отсутствием работ обобщающего характера, направленных на выявление специфических и типологических черт в их писательской манере. **Заключение.** Моделирование лирического персонажа посредством зооморфной метафоризации в творчестве удмуртских поэтесс связано с широким контекстом архаических представлений. Устойчивые традиционные сравнения человека с животным, обусловленные фольклорным мировидением, используют поэтессы, стоявшие у истоков формирования удмуртской женской литературы. Следующее поколение поэтесс, моделируя лирического персонажа через зооморфную образность, эксплуатирует фольклорный ресурс, при этом часто ориентируясь и на первозданные, порой эпатирующие, основы. Идентификация персонажа с образами животного или птичьего мира соотносится с древнейшими архетипическими, первобытно-мифологическими представлениями народа, натурфилософским взглядом поэтесс на мир, их само- и мироощущением, бытовым контекстом.

Ключевые слова: удмуртская литература; женская литература; поэзия; художественное мышление; зооморфная метафоризация.

Введение

Появление в мировой литературе уникального явления как «женская литература» продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей к научно-обоснованному его осмыслению [Пастухова, 2010; Пензина, 2009; Ровенская, 2001; Brown, 1993; Feminisms ... , 1996; Gheith, 1996; Heaton, 1997; Kelly, 1994].

Становление удмуртской женской поэзии принято связывать с именем Ашальчи Оки, завоевавшей известность в 1920-е годы. В 1960-е годы в поэтических кругах зазвучали новые имена: С. Иванова, Л. Чернова, А. Аникина, Ю. Байсарова и др. К поэтической волне 1970–1990-х годов примыкают Л. Кутянова, Т. Чернова, Г. Романова, А. Кузнецова, Л. Нянькина и др. В начале XXI века удмуртская литература пополняется новой плеядой молодых поэтесс: З. Рябинина, Н. Пчеловодова, Л. Марданова, Л. Орехова, Е. Панфилова, А. Шумилова и др. Более подробно о первых страницах женского письма в удмуртской литературе можно ознакомиться в трудах Л.П. Федоровой [2018], А.А. Арзамазова [2020].

Несмотря на качественное и количественное различие творческого наследия удмуртских поэтесс, одним из характерных явлений их художественного мышления является прием зооморфной метафоризации лирического субъекта. Это можно объяснить сопряженностью их поэтического сознания с архаическим мышлением, с древними мифолого-архетипическими традициями. На не случайное совпадение «волков, койотов, медведей и диковатых женщин», их схожести между собой и наличие общих инстинктуальных архетипов обратила внимание доктор философии Кларисса Пинкола Эстес в одной из своих работ [2002, с. 4]. Или, например, А. Блок в одном из своих трудов писал, что человек имеет «временные личины, маски, мелькание бесконечных личин»; человек – это животное; человек – это растение, в котором сквозят «животные черты» и «черты первобытной нежности» – растительные [1962, с. 114]. Таким образом, творческий опыт удмуртских поэтесс находится в органичном контексте общих духовно-интеллектуальных поисков гуманитарного знания.

Цель статьи – выявить в творчестве удмуртских поэтесс специфику воплощения архаических представлений, связанных с зооморфной образностью.

Материалы и методы

Рассмотрение форм воплощения архаического мышления предпринято на примере удмуртской женской поэзии.

Исследование обозначенной темы основано на междисциплинарном подходе с использованием мотивно-образного аспекта, сравнительного и системно-субъектного методов.

Результаты исследования, обсуждения

Реализуемый в художественной практике удмуртских поэтесс прием зооморфной метафоризации лирического субъекта мог быть предопределен и особенностями формирования генетической ментальности, уходящей своими корнями в глубокую древность. Обнаруженные археологами на территории Прикамья и Приуралья образцы изделий из кости и металла с изображением животных, различные культовые предметы с антропоморфными фигурами получили условное наименование «звериный стиль». Подобные изображения, основными сюжетами которых является зверь и человек, встречаются, как верно отметил Г.А. Хлопачев, во многих культурах [2018, с. 117]. Антропо-, зоо- и орнитоморфные элементы, по наблюдениям исследователей, олицетворяют женское начало в природе. В подобных археологических предметах воплощены представления древних людей, в которых человек и животное воспринимаются нераздельно. Все это предопределило в дальнейшем специфику мировосприятия удмуртского народа, что нашло отражение как в фольклоре, культуре в целом, так и в литературном творчестве. В практиках удмуртских поэтесс эта форма архаического мышления, пройдя долгий путь эволюции, реанимировалась через зооморфную метафоризацию, символизацию и т.п., черпаемую ими как из недр традиционной культуры, так и через бессознательный, интуитивный механизм. Наблюдаемое в их поэзии использование модели «человек – животное» (в широком понимании) является способом познания и объяснения окружающего мира и самого себя, обусловленного и мифологическим сознанием. Используемая национальными писателями и поэтами зооморфная

метафоризация, как отмечает ряд исследователей, тесно связана с ментальными кодами, она «раскрывает особенности национального видения мира и сакральных ценностей народа» [Абдырманова, 2018, с. 217; Калиева, Адисбекова, 2019, с. 146].

В фольклорных источниках посредством используемых зоо-, орнито-, ихтиообразов, параллелизмов, метафоризаций, символизаций передаются мотивы, связанные с архаическими гендерными представлениями, наблюдаемые и в творчестве удмуртских поэтесс. Также существовавшие у удмуртов традиция использования названий птиц и зверей в качестве воршудно-родовых и личных имен; обряд ритуального ряженья с переодеванием, в т.ч. и в различных зверей, птиц, трансформируется в практике поэтесс: лирические персонажи перевоплощаются в зооморфные образы. Так, удмуртские поэтессы изображают героя/героиню, которые имеют несколько сущностей и обладают чертами, присущими уподобляемым образам из животного и птичьего мира. Особенно заметно это проявлено в творчестве удмуртских авторов, примыкающих к поэтической волне 1970–1990-х годов. Так, героиня стихотворения А. Кузнецовой «Кобла мон…» («Кобыла я…») существует в разных зооморфных сущностях. В воображении героини предстает «первобытный» мир, развивается мысль о «системе первобытной образности», предполагающей тождество человека с животным. Зооморфное уподобление построено на жесткой самооценке героини – своеобразной философии мимикрии, привлекаемой в целях более яркой передачи само- и мироосмысления:

Кобла мон:
Вылам бадзым воз тыремын <...>
Ыж йыр мон:
Монэ такаос котырто <...>
Озьы ик мон скал но:
Кунян ваисько <...>
Куштэм пал кышно мон <...>
Пӧртэм кыйкайлы укшасько чиданэн
[Кузнецова, 1995, с. 76].

Кобыла я:
На мне большой воз <…>
Я овца:
Меня окружают бараны <…>
Также я корова:
Телюсь <…>
Я брошенная вдова/одинокая женщина <…>
Обладая терпением, я уподобляюсь разным диким птицам и зверям.

Нарочитое отступление поэтессы от изображения персонажа в границах эстетически прекрасного позволило представить образ героини с эпатирующей моделью поведения, противопоставленной «обыденному» окружающему миру.

В нарочитом отступлении поэтессы от эстетически прекрасного изображения персонажа проявлена эпатирующая позиция героини по отношению к окружающему миру. Мотив пробуждения «звериного», «первобытного» связан с женским началом и культом плодородия.

Посредством зооморфных преображений – устойчивых в удмуртской фразеологической картине мира сравнений и определений – Т. Чернова обыгрывает характерные для лирической героини черты двойственности и многоликости:

Мон – сьӧд кый, кескич ӟичы но
Шубаме вошъясь кеч лул,
Мон ик – тигр, ӟольгыри но…
[Орехова, 2007, с. 88].

Я – черная змея, хитрая лиса и
Меняющая шубу заячья душа,
Я же – тигр(ица), и воробей …

Через аналогичные традиционные уподобления представлена парадигма образа человек – животное Л. Ганьковой: *Луы кужмо кион кадь, / Луы пуштрес коӵыш кадь, / Луы кескич ӟичы кадь…* [2017, с. 33] ‘Будь сильным, как волк, / Будь пушистым, как кот, / Будь хитрым, как лис’.

Несмотря на то что молодая плеяда удмуртских поэтесс обращена к моделированию новой поэтической парадигмы, контрастирующей с традиционной, в их творчестве также наблюдается прием зооморфной метафоризации лирического субъекта. Всевозможные зоо- и орнитоморфные сравнения служат для идентификации лирической героини А. Шумиловой: *кинлэн ке ку вылаз тэтчась пыӵ <…> / ву пушкын мон зымем мумы ӵӧж <…> / мон ӵушъял – бус пӧлы ышемын* [2018, с. 8] ‘у одних [я] на коже прыгающая блоха <…> / я, под воду нырнувшая утка <…> / я ёж – потерявшийся в тумане’. Новое поколение поэтесс свободно контаминирует традиционные устойчивые выражения и интертекстуальные переклички

с современными сюжетами, связанные с зооморфной тематикой.

Через зоологическую метафорику передается многоликость внутреннего мира лирической героини Н. Кирилловой: *Кин мон сыӵе? <…> / Музъем пушкын улйсь нумыр <…> / Мон тыл, мон жаг, мон лек ошпи <…>* [Ингож, 2016, с. 45] ‘Кто я такая? <…> / Под землей живущий червь <…> / Я огонь, я сорняк, я злой бычок <…> ’.

В зооморфных перевоплощениях лирических субъектов зачастую проступает ведовское начало. Например, героиня Л. Нянькиной в одном из стихотворений сравнивает себя с кошкой, ведьмой и черной змеей [2004, с. 73]. Эту линию развивают героини и других поэтесс, обращающиеся к зооморфным трансформациям ради достижения внимания со стороны противоположного пола: *Тон понна мон луо / Вож садысь ӵуж уӵы* [Хрулёва, 2003, с. 9] ‘Для тебя я стану / Желтым соловьем в зеленом саду’; *Тодад öд вай ни ке монэ <…> / Кырӟась уӵы луо вӧзад* [Самсонова, 2018, с. 13] ‘Если меня не вспомнишь <…> / Буду певчим соловьем рядом с тобой’. В приведенных примерах прослеживаются отголоски заговорных формул, сформированных мифологическим мировоззрением, зооморфные образы в которых играют особую роль магического заклинания [Владыкина 1997, с. 80].

Архаическое мышление Э. Чачабей проявлено в изображении личности на основе зооморфной метафоризации по «женской» линии в противопоставлении с «мужской»: *Анае – кочыш, / Атае – тыпы, / Мон ачим – лудӵӧж* [Чачабей, 2008, с. 12] ‘Моя мать – кошка, / Отец мой – дуб, / Я сама – дикая утка’. В мифологическом контексте удмуртов утка соотносится с созидательным началом и этимологически связана с обозначением родственных отношений по материнской линии.

Бадретдинова Л. в одном из стихотворений с помощью инсектоморфного переноса создает гендерно подчеркнутый образ – образ «пчеломатки» *(Муш-кышномурт мон)* [2008, с. 34]. В сравнении лирического персонажа с пчелой воссоздается и традиционная ассоциация с трудолюбием, прослеживаемая в удмуртских ритуальных песнях календарных и семейных обрядов, и образ «матки-невесты», встречающийся в свадебных напевах.

В творчестве удмуртских поэтесс моделирование индивидуальных черт характера и поведенческих моделей лирических субъектов также репрезентируются посредством зооморфных образов. С помощью приема отрицания Т. Пантелеевой демонстрируется визуальная безóбразность лирического субъекта, отреченность его от окружающего мира: *Тури. / Йыртэм. / Бурдтэм. / Бурдтэм но… / Мугортэм. / Тури. / Шып лобисько / Уллё вӧзтӥ* [2003, с. 23] ‘Цапля. / Безголовая. / Бескрылая. / Бестелесная. / Цапля. / Бесшумно лечу / Рядом со стаей’.

Модель поведения лирического субъекта посредством зооморфных сравнений ярко спроецирована в любовной лирике. При этом персонаж «облачен» отрицательной тональностью описания. Так, лирическая героиня Л. Черновой сравнивает нелюбимого мужчину с ярко выраженной навязчивостью, с собакой, которая досаждает привычкой ластиться: *Пыриськись пуны кадь / Тон <…>* [2000, с. 53] ‘Как ластящаяся собака / Ты <…>’.

Поведенческая позиция лирической героини расценивается в одном из стихотворений В. Пахомовой противоположным субъектом также с оценочной точки зрения благодаря применению стереотипных зооморфных сравнений: *Я кочыш кадь лякыт, / Кылъёсыд – туж ческыт* [2017, с. 13] ‘То словно кошка, льстивая, / Слова твои – очень сладки ’.

Через зооморфные метафоры поэтессами транслируются кинематические особенности движений лирического субъекта. Подобные отождествления согласуются с традициями фольклорных представлений. Так, движения героинь Т. Черновой и Л. Софроновой в танце сравнимы с физикой бабочки: *Эктӥськод туж капчи, / Кожалод бубыли* [Чернова, 2000, с. 92] ‘Танцуешь с легкостью, / Спутаешь с бабочкой’; *Арган шудыны кутскиз / Эктыны монэ ӧтиз, / Бубыли кадь поръясько* [Софронова, 2016, с. 36] ‘Гармонь начала играть / Меня танцевать поманила, / Словно бабочка порхаю’. На поведенческом уровне в импровизационных жестах героини конструируется кинестетическое ощущение легкости и невесомости. А в воссоздаваемом образе героини Т. Черно-

вой посредством сравнения с бабочкой моделируется динамическое поведение и архаическое воззрение о душе-бабочке: *Тӥнь соин ик, дыр, мугоры / Бубыли сямен жугиськe* [1991, с. 97] ‘Наверное, поэтому мое тело, / Словно бабочка, бьется’.

В сравнении героини с лебедем воплощен образ женщины с красивой, плавной, изящно-величественной походкой: *Тӧдьы юсь кадь вамышъяскоды* [Васильева, 2011, с. 33] ‘Идете, словно лебедь белая плывет’. Или так передается образ статной женщины, ее изящные и грациозные движения в танце: *Веськырес мугорeныз / Тӧдьы юсь сямен, оло, / Эктыны ке потэ, / Вань калыкез кенӝытэ* [Софронова, 2016, с. 85] ‘Стройная, / Словно лебедь белая, / Если выйдет танцевать, / Всех зажигает’.

Орнитологическая и зооморфная метафора в творчестве удмуртских поэтесс является способом образного представления особенностей речевого поведения лирического субъекта: *Паймоно кадь куараез – / Учӥпи, оло* [Хрулёва, 2003, с. 55] ‘У него удивительный голос – / Как у соловья’; *Ми – кильтрес ныл-кышноос, / Кыллы усто учӥыос* [Ганькова, 2016, с. 17] ‘Мы – красивые девушки, / На слова искусны, словно соловьи’. Сравнение девушки с соловьем построено на аналогии красивого пения птицы, в удмуртской традиции связанной с образом искусного певца. Опосредованно в сравнении птичьего и человеческого пения передано представление о тембральных особенностях речи субъекта: *Куке но мон луо бурдо <…> / Чипсо, шулто, кылын бӧрдо* [Марданова, 2007, с. 117] ‘Когда-нибудь я стану птицей <…> / Буду щебетать, свистеть, рыдать’.

Издаваемые персонажем звуки сравниваются и с голосами животных. Например, рыдание лирической героини подобно вою волка, которое дополнительно транслируется в удмуртском тексте с помощью игры звуков: *Ӧй, ӧй бӧрды – кион кадь вузӥ* [Нянькина, 2004, с. 88] ‘Нет, не плакала – выла, как волк’. Депрессивное состояние лирического субъекта Л. Нянькина передает через глаголы, обозначающие звуки, издаваемые волками – выть, лаять (*утыны, вузыны*).

Психофизическое состояние лирического субъекта удмуртские поэтессы часто обыгрывают посредством зооморфной метафоризации. К такому методу передачи эмоции обращалась как Ашальчи Оки, стоявшая у истоков становления женской поэзии (*Лулы мынам / Возь выл бубли ке но – / Марлы меда / Бурдыз сӧсыр-мылэм?* [1978, с. 22] ‘Моя душа, / Хоть и полевая бабочка – / Почему / Крылья покалечены?’), так и современное поколение поэтесс. К примеру, В.Д. Пахомова сравнивает состояние влюбленности с порханием бабочки: *Яратон ке улэ сюлмад, <…> / Бубыли сямен ик лобаськод* [2017, с. 35] ‘Если на душе любовь, <…> / Словно мотылек летаешь’.

Чувство физической и духовной скованности героя А. Кузнецовой передается через образ «побитого, скулящего щенка»: *Жугем куча музэн, / Нискетыса нюжтӟькисько бӧрсяд* [2000, с. 132] ‘Словно побитый щенок, / Скуля, волочусь за тобой’. Идентификация лирического персонажа у Л. Тихоновой – способ обыгрывания глубокого переживания своей никчемности: *Ой, кулэ ке ӧй лу калыклы, / Пуныез кадь, вылды, куштозы* [2002, с. 70] ‘Ой, если не буду нужна народу, / Словно собаку, наверное, выгонят’.

Тема взаимоотношений противоположных полов, обыгрываемая через тему материнства, оригинально раскрыта Е. Васильевой: *Мон пиано. / Мынам чорыг вордӥськоно* [2014, с. 28] ‘Я беременна. / Я должна родить малька’. Зооморфные сравнения гармонично перекликаются с традиционными представлениями о беременности и рождении как сакральном событии.

Удмуртские поэтессы в своей практике продуктивно эксплуатируют фразеологизмы с зооморфными образами. Например, испытываемые героиней А. Шумиловой эмоции и ощущения от острого на язык избранника переданы через фразеологический оборот: *лэчыт шиен монэ трос пол лексид, / <…> янгыш ачим. Тодӥ ук мон, шузи, / кутсконысен: кин муш, кин дуринчи* [2018, с. 12] ‘острым жалом ты меня не раз укалывал, <…> / сама виновата. Я же знала, дурёха, / с самого начала: кто пчела, а кто оса’. Маркировку с положительной семантикой образа пчелы и осы с отрицательной можно соотнести с представлениями о насекомых как медоносных и не вырабатывающих мёд, или трудолюбивых и ленивых.

В поэтической практике удмуртских поэтесс, как стоявших у истоков становления женской поэзии, так и у современных поэтов, развернут широкий диапазон образно-смысловых коннотаций, базирующихся на образе птицы. Драматично переживаемое состояние героини разрыва с любимым Т. Чернова передает посредством орнитологической метафоры – ‘выпавшего из своего гнезда птенца ласточки’ «*ас карысьтыз усьылэм пöськыпи»* [1986, с. 48]. Через образ ‘ласточки, упавшей из материнского дома’ *«анай коркась усем пöськы* З. Рябининой представлен сюжет ухода невесты из родительского дома [2006, с. 13]. Подобные образные параллели вписываются в семантическое поле рекрутских песен, в которых рекрут ощущает себя одиноким и оторванным от семьи, подобно «птице, отбившейся от стаи».

Образ вдовы / одинокой женщины, осмысливаемый Л.И. Тихоновой посредством орнитологического сравнения – ‘одинокого журавля’ («*пал тури»* [Тихонова, 2002, с. 142; Васильева, 2014, с. 22]), напрямую связан с фольклорной традицией. Этот образ в удмуртской культуре и в практике удмуртских поэтесс передает чувство травмированной души.

Маркировка удмуртских поэтесс гендерного статуса персонажа орнитологическими метафорами восходит к архаической мифологии. Например, героиня А. Кузнецовой выбирает себе возлюбленного, которого отождествляет с журавлем: *Туриме бырйи / Нимыдья, Гири* [1995, с. 23] ‘Выбрала своего журавля / По имени Гриша’. В удмуртском фольклоре также встречаются подобные примеры метафорических сравнений жениха с журавлем [Владыкина, 1997, с. 115]. Используемые удмуртскими поэтессами сравнения девушки с лебедью «*юсь кадь потйськод»* [Васильева, 2011, с. 32] ‘Ты словно лебедушка’, возлюбленного – с ‘желтым соловьем’ «*мынам ӵуж уӵые»* [Софронова, 2016, с. 41] являются приметами удмуртских свадебных песен с архаической основой, в которых птица либо зверь являются символом невесты или жениха [Владыкина, 1997, с. 115].

Изображая мужчину в орнитоморфном облике, поэтессы часто эксплуатируют образы орла, сокола, беркута (*дано örзи* [Кутянова, 2010, с. 46] ‘славный орел’, *örзие* [Чернова, 2000, с. 81] ‘мой орел’), смысловое значение которых также связано с древнейшими архаическими, мифологическими воззрениями народа. Образ сокола также символически связан со свадебной семантикой.

Сравнение противоположного пола с птицей с отрицательной семантической нагрузкой транслирует настоящую его сущность: *Уралтэм уй кырныж кадь, лушкем / Лулпушкез, кужымез сюпсиськод* [Ганькова, 2016, с. 15] ‘Словно голодный ночной ворон, исподтишка / Душу, силу высасываешь’. По поверьям удмуртов, ворон – птица потустороннего мира.

Посредством аналогии «человек – птица» Л. Софронова обыгрывает традиционный мотив свободы и свободного человека. Ее персонаж – *«эркын тылобурдо»* [Софронова, 2016, с. 52] ‘свободная птица’.

Передача внешних характеристик лирического субъекта через хроматические признаки птиц маркирует его неповторимый образ. Например, внешняя красота невесты транслируется через традиционный для фольклорного контекста образ белой лебедушки / голубки. Как правило, через цвет передается свадебный убор невесты, ее красота: *Юг дыдык кадь дйсязы* [Тихонова, 2002, с. 15] ‘Нарядили меня как белую голубку’; *<...> ах, юсь кадь чебер мон!* [Нянькина, 2004, с. 78] ‘<…> ах, словно лебедь я красива!’; *Тöдьы юсьёс выллем / <...> Пöрмемын тöдьы дйсен. / Сюанмы туннэ* [Софронова, 2016, с. 90] ‘Словно белые лебеди / <…> Мы в белом наряде. / Сегодня наша свадьба’. «Птичья» символика в данных примерах передает и половозрастной статус персонажей.

Часто встречающийся в практике удмуртских поэтесс мотив полета также связан с образом птицы / крыла. Прерогатива героинь Е. Панфиловой и А. Бурдиной иметь крылья позволяет им достичь иных миров, недостижимых для человека: *Тон сёт мыным бурдъёстэ, / Лобӟо инсьöр шаере* [Панфилова, 2010, с. 68] ‘Ты дай мне крылья, / Полечу в мир космоса’; *Тыбырам кык мамык тöдь бурдъёс, / Льöль ӟардон пала мон лобӟисько* [Бурдина, 2016, с. 12] ‘На спине два пушистых белых крыла, / К розовому рассвету я лечу’.

Образное сравнение «окрыления» персонажа демонстрирует связанное с фольклорными

основами представление о достижении зрелости (совершеннолетия): *Кыкетїез анай вешаз монэ, / <...> бурдъяз* [Кузнецова, 2000, с. 9] ‘Вторая мать меня приласкала, / <…> окрылила’; *Дыр вуэ ке лобӟо / Будэтэм ныпиос* [Софронова, 2016, с. 49] ‘Если время подходит, улетают / Повзрослевшие дети’*; Ныпилы ке потэ тылы-бурд, / Чик кулэ ни уг лу солы гурт* [Чернова, 2000, с. 9] ‘Когда у детей вырастают перья-крылья, / Совсем не нужным становится им дом’; *Бурдъясько но кошко ныпиос* [Тихонова, 2002, с. 136] ‘Окрыляются и уходят / улетают дети’.

Заключение

Моделирование лирического персонажа посредством зооморфной метафоризации в творчестве удмуртских поэтесс связано с широким контекстом архаических представлений. Устойчивые традиционные сравнения человека с животным, обусловленные фольклорным мировидением, используют поэтессы, стоявшие у истоков формирования удмуртской женской литературы. Следующее поколение поэтесс, моделируя лирического персонажа через зооморфную образность, эксплуатирует фольклорный ресурс, при этом часто ориентируясь и на первозданные, порой эпатирующие, основы. Идентификация персонажа с образами животного или птичьего мира соотносится с древнейшими архетипическими, первобытно-мифологическими представлениями народа, натурфилософским взглядом поэтесс на мир, их само- и мироощущением, бытовым контекстом. Внимание удмуртских поэтесс на описание личности посредством зооморфной образности обусловлено стремлением познать себя, реконструировать картину мира, в которой сохранено первородное единение человека с природой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдыраманова А.Ш. Анималистические средства в поэтике кыргызских романов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 7. С. 214–217.

Арзамазов А.А. Женские стратегии письма в удмуртской литературе: поэзия Анастасии Шумиловой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–16.

Ашальчи Оки. Тон юад мынэсьтым: Кылбуръёс, веросъёс, гожтэтъёс. = Ты спросил у меня: Стихи, рассказы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1978. 140 с.

Бадретдинова Л.Г. Сюресэ – сюлэме. = Дорога моя – сердце мое. Таллин: Kirjastuskeskus, 2008. 64 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1962. Т. 6. Проза: 1918–1921. 556 с.

Бурдина А.А. Гочатыса: Кылбуръёс. = Раздразнивая: Стихи. Ижевск: [б. и.], 2016. 40 б.

Васильева Е. Бурдъёсы вордйсько = На крыльях вдохновения. Кылбуръёс. Ижевск: Буква, 2011. 40 с.

Васильева Е. Малпанлэн шыпыртэмез. Кылбуръёс. = Шёпот мыслей. Стихи. Ижевск: Сарапульская типография, 2014. 48 б.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.

Ганькова Л.Л. Малпанъёсам уло аръёс: Кылбуръёс, веросъёс, мадёсъёс, визькылъёс. = В моих мыслях проживают годы: Стихи, рассказы, побасенки, пословицы. Ижевск: Удмуртия, 2016. 200 б.

Ганькова Л.Л. Кышномурт мылкыд: Кылбуръёс, веросъёс, визькылъёс, дунъетъёс. = Женское настроение: Стихи, рассказы, пословицы, рецензии. Ижевск: Удмуртия, 2017. 136 б.

Ингож: егит авторъёслэн произведениосынызы бичет. = Горизонт: сборник произведений молодых авторов. Ижкар: Известия Удмуртской Республики, 2016. 112 с.

Калиева К.А., Адисбекова Ж.А. Архетип лебедя в образе героини эпоса Семетей Айчурок // Известия вузов Кыргызстана. 2019. № 1. С. 146–149.

Кузнецова А. Лушкем яратон. Интим: Кылбуръёс. = Тайная любовь. Интим: Стихи. На удмуртском и русском языках. Ижевск: Удмуртия, 1995. 160 б.

Кузнецова А.А. Улонысь но… уйвӧтысь но..: Кылбуръёс. = И из жизни и… из снов..: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2000. 288 б.

Кутянова Л.Д. Тон-а со? Кылбуръёс. = Ты ли это? Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2010. 176 б.

Марданова Л. Куке но мон луо бурдо… = Когда у меня появятся крылья… // Инвожо. 2007. № 5–6. С. 117.

Нянькина Л.С. Синучкон: Кылбуръёс. = Зеркало: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2004. 160 с.

Орехова Л. Ярдуртэм нюлэс = Безбрежный лес. (на удм., рус., эст., англ. яз.). Таллин: Kirjastuskeskus, 2007. 95 с.

Пантелеева Т. Йыртэм тури = Глупый журавль // Вуюись = Радуга: Альманах. Ижкар: Типография УдГУ, 2003. 112 б.

Панфилова Е. Мон – улйсько! Кылбур бичет. Ижкар: Инвожо. = Я – живу! Сборник стихотворений. Ижевск: Инвожо, 2010. 84 б.

Пастухова Е.Е. Русская «женская проза» рубежа XX–XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2010. 147 с. URL: https://www.dissercat.com/content/russkaya-zhenskaya-proza-rubezha-xx-xxi-vekov-v-osmyslenii-otechestvennoi-i-zarubezhnoi-lite (дата обращения: 25.06.2020)

Пахомова В.Д. Шудо нылкышно: Кылбуръёс. = Счастливая женщина: Стихи. Ижевск: ИРиС, 2017. 68 б.

Пензина О.В. Женская проза второй половины XIX века: тендерный аспект авторства. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Москва, 2009. 18 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003464294/ (дата обращения 18.09.2021).

Ровенская Т.А. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов. (Проблематика, ментальность, идентификация). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Москва, 2001. 28 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_293245/ (дата обращения: 25.05.2021)

Рябинина З.К. Синмаськем тӧлъёс: Кылбуръёс. = Влюбленные ветра: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2006. 80 с.

Самсонова Г.Н. Вуисьсэ возьмало тулысэз: Кылбуръёс. = Буду ждать новую весну: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2018. 48 б.

Софронова Л.П. Сюлэмам котьку сяськаяське льӧмпу: Кылбуръёс. = На душе всегда цветет черемуха: Стихи. Ижевск: Инвожо, 2016. 148 с.

Тихонова Л.И. Лул-сюлэм: Кылбуръёс, кырӟанъёс. = Душа: Стихи, песни. Ижевск: Удмуртия, 2002. 160 с.

Федорова Л.П. Первые страницы женского письма в удмуртской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 2. С. 43–53.

Хлопачев Г.А. Образы зверя и человека в искусстве верхнего палеолита русской равнины: культурно-хронологический контекст и особенности трактовки // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (60). С. 116–135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zverya-i-cheloveka-v-iskusstve-verhnego-paleolita-russkoy-ravniny-kulturno-hronologicheskiy-kontekst-i-osobennosti-traktovki (дата обращения: 25.05.2021)

Хрулёва Л.Я. Вождэ эн вай, гуртэ..: Кылбуръёс. = Не злись, мой дом..: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 2003. 96 с.

Чачабей Э. Гӧгӧрсин: Кылбуръёс. = Голубь: Стихи. Ижкар: Инвожо, 2008. 64 б.

Чернова Л.Д. Улон – йыромон: Кылбуръёс. = Жизнь – блуждание: Стихотворение. Ижевск: Удмуртия, 2000. 104 с.

Чернова Т.Н. Та шундыё дуннеямы: Кылбуръёс. = В нашем солнечном мире: Стихи. Устинов: Удмуртия, 1986. 104 с.

Чернова Т.Н. Тӥ ӧй тодысалды..: Кылбуръёс. = Вы бы не знали..: Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1991. 112 с.

Шумилова А. Ку: Кылбуръёс. = Когда: Стихи. Ижкар: Маршак, 2018. 144 б.

Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: Гелиос, 2002. 535 с.

Brown D. The Last Years of Soviet Russian Literature. Prose Fiction 1975–1991. Cambridge University Press, 1993. 208 p.

Feminisms. An Anthology of Literary Theory and Criticism / Ed. by R. R. Warhol, D. P. Herndl. New Brunswick, New Jersey, 1996. 1232 p.

Gheith J. The Superfluous Man and the Necessary Woman: A «Revision» // The Russian Review. Vol. 55. № 2. 1996. P. 226–244.

Heaton J. Russian Women's Writing – Problems of a Feminist Approach, with Particular Reference to the Writing of Marina Palei // The Slavic and east European Review. Vol. 75. 1997. 1. January. P. 68–72.

Kelly C. A History of Russian Women's Writing. 1820–1992. Oxford: Clarendon press, 1994. 497 p.

Alevtina Kamitova

IMPLEMENTATION FORMS OF ARCHAIC THINKING IN UDMURT WOMEN'S POETRY

Introduction. Udmurt women's literature has more than once become the subject of researchers' reflection; nevertheless, we cannot say that the creativity of Udmurt poetesses has been fully comprehended. In the article, on the example of individual authors' poetry we are the first to consider zoomorphic images in the poems, the implementation of which is hypothetically explained by the genetic mentality formation peculiarities and semantic connection with the complex of archaic ideas. **The purpose of the article.** The article is aimed to reveal specific features of the archaic ideas embodiment, associated with zoomorphic imagery in the Udmurt poetesses' works. **Materials and methods**.

The Udmurt poetesses' poems whose works chronologically belong to different poetic waves form the material of the research. Методы исследования не указаны. **Research results and discussion**. Our analysis shows that the archaic thinking in the poetic practice of Udmurt poetesses is connected with the image of the personality based on the zoomorphic metaphor, which corresponds to the oldest archetypal ideas, the system of primitive imagery and the authors' natural philosophical view on the world. The research revealed that by means of lyrical subject zoomorphization the idea of its psychophysiological condition, external characteristic is realized and its behavioral model peculiarities are defined. The emphasis of Udmurt poetesses on the personality description through zoomorphic imagery is conditioned by their desire to know themselves and reconstruct a picture of the world in which the original unity of man and nature is preserved. The scientific novelty of our material is dictated by the need to comprehend the creativity of Udmurt poets with new theoretical and methodological approaches, and lack of works of general nature aimed at identifying specific and typological features in their writing manner. **Conclusion**. In the works of Udmurt poetesses, the modeling of a lyrical character through the zoomorphic metaphor is related to the broad context of archaic ideas. The poetesses, who had laid the foundations for Udmurt women's literature, used the established traditional comparisons of man and animal, conditioned by folklore world ideology. The next generation of poetesses, modeling the lyrical character through zoomorphic imagery, exploits the folklore resource, often focusing on the primitive, sometimes startling bases. The character identification with the world of animals or birds images corresponds to the ancient archetypal, primitive mythological ideas of the people, the poetess's natural philosophical view of the world, their self-perception and everyday context.

Key words: Udmurt literature; women's literature; poetry; artistic thinking; zoomorphic metaphorization.

REFERENCES

Abdyramanova A.Sh. Animalisticheskie sredstva v poetike kyrgyzskikh romanov [Animalistic means in the poetics of Kyrgyz novels]. *Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana*, 2018, no. 7, pp. 214-217. (In Russ).

Arzamazov A.A. Zhenskie strategii pis'ma v udmurtskoy literature: poeziya Anastasii Shumilovoy [Women's writing strategies in Udmurt literature: the poetry of Anastasia Shumilova]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 7-16. (In Russ).

Ashal'chi Oki. Ton iuad mynes'tym: Kylbur"es, veros"es, gozhtet"es [You asked me: Poems, stories, letters]. Izhevsk, Udmurtija, 1978. 140 p. (In Udmurt).

Badretdinova L.G. Siurese – siuleme [Heart – the road]. Tallin: Kirjastuskeskus, 2008. 64 p. (In Udmurt).

Blok A.A. Sobranie sochinenii: V 8 t. [Collected works: in 8 volumes]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo khudozh. literatury, 1962, vol. 6, 556 p. (In Russ).

Burdina A.A. Gochatysa: Kylbur"es [Teasing: Poems]. Izhevsk, 2016. 40 p. (In Udmurt).

Vasil'eva E. Burd"esy vordis'ko = Na kryl'iakh vdokhnoveniia. Kylbur"es [On the wings of inspiration. The poems]. Izhevsk: Bukva, 2011, 40 p. (In Udmurt).

Vasil'eva E. Malpanlen shypyrtemez. Kylbur"es [Whisper thoughts. Poems]. Izhevsk: Sarapul'skaya tipografiya, 2014, 48 p. (In Udmurt).

Vladykina T.G. Udmurtskii fol'klor: problemy zhanrovoi evoliutsii i sistematiki [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN, 1997, 356 p. (In Russ).

Gan'kova L.L. Malpan"esam ulo ar"es: Kylbur"es, veros"es, mades"es, viz'kyl"es [In my thoughts – years: poems, stories, proverbs]. Izhevsk: Udmurtija, 2016, 200 p. (In Udmurt).

Gan'kova L.L. Kyshnomurt mylkyd: Kylbur"es, veros"es, viz'kyl"es, dun"et"es [Female mood: poems, stories, proverbs]. Izhevsk: Udmurtija, 2017, 136 p. (In Udmurt).

Ingozh: egit avtor"eslen proizvedeniosynyzy bichet [Horizon: collection of young authors]. Izevsk: Izvestiya Udmurtskoj Respubliki, 2016, 112 p. (In Udmurt).

Kalieva K.A., Adisbekova Zh.A. Arkhetip lebedya v obraze geroini eposa Semetey Aychurok [Archetype of the swan in the image of the heroine of the epic Semetei Aichurok]. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*, 2019, no. 1, pp. 146-149. (In Russ., In English).

Kuznetsova A. Lushkem iaraton. Intim: Kylbur"es. Stikhi. Na udmurtskom i russkom iazykakh [Intim: poems]. Izhevsk: Udmurtija, 1995, 160 p. (In Udmurt, In Russ).

Kuznetsova A.A. Ulonys' no… uivetys' no..: Kylbur"es [And from life... and from dreams..: poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2000, 288 p. (In Udmurt).

Kutianova L.D. Ton-a so? Kylbur”es [It’s you? Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2010, 176 p. (In Udmurt).

Mardanova L. Kuke no mon luo burdo… [Someday I’ll fly…]. *Invozho,* 2007, no. 5-6, p. 117. (In Udmurt).

Nian’kina L.S. Sinuchkon: Kylbur”es [Mirror: poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2004, 160 p. (In Udmurt).

Orekhova L. Iardurtem niules = Bezbrezhnyi les [Endless forest]. Tallin: Kirjastuskeskus, 2007, 95 p. (In Udmurt, In Russ., in Estonian, in English).

Panteleeva T. Iyrtem turi [Desperate heron]. *Vuiuis’: Al’manakh*. Izhkar: Tipografiya UdGU, 2003, 112 p. (In Udmurt).

Panfilova E. Mon – ulis’ko! Kylbur bichet [I live! Collection of poems]. Izhkar: Invozho, 2010, 84 p. (In Udmurt).

Pastukhova E.E. Russkaya «zhenskaya proza» rubezha XX–XXI vekov v osmyslenii otechestvennoy i zarubezhnoy literaturnoy kritiki [Russian «Women’s Prose» of the turn of the 20–21centuries in the understanding of domestic and foreign literary criticism]. Saratov, 2010, 147 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/russkaya-zhenskaya-proza-rubezha-xx-xxi-vekov-v-osmyslenii-otechestvennoi-i-zarubezhnoi-lite (accessed 25 June 2020). (In Russ).

Pakhomova V.D. Shudo nylkyshno: Kylbur”es [Happy woman: Poems]. Izhevsk: IRiS, 2017, 68 p. (In Udmurt).

Penzina O.V. Zhenskaya proza vtoroy poloviny XIX veka: tendernyy aspekt avtorstva [Women’s prose of the second half of the 19 century: the tender aspect of authorship]. Moscow, 2009, 18 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003464294/ (accessed 18 September 2021). (In Russ).

Rovenskaya T.A. Zhenskaya proza kontsa 1980-kh nachala 1990-kh godov. (Problematika, mental’nost’, identifikatsiya) [Women’s prose of the late 1980s and early 1990s. (Problems, mentality, identification)]. Moscow, 2001, 28 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_293245/ (accessed 25 May 2021). (In Russ).

Riabinina Z.K. Sinmas’kem töl”es: Kylbur”es [Wind lovers: Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2006, 80 p. (In Udmurt).

Samsonova G.N. Vuis’se voz’malo tulysez: Kylbur”es [I will wait for the next spring: Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2018, 48 p. (In Udmurt).

Sofronova L.P. Siulemam kot’ku sias’kaias’ke l’empu: Kylbur”es [On the soul is always blooming bird cherry: Poems]. Izhevsk: Invozho, 2016, 148 p. (In Udmurt).

Tikhonova L.I. Lul-siulem: Kylbur”es, kyrdzan”es [Soul: Poems, songs]. Izhevsk: Udmurtija, 2002, 160 p. (In Udmurt).

Fedorova L.P. Pervye stranitsy zhenskogo pis’ma v udmurtskoy literature [The first pages of women’s writing in the Udmurt literature]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 43-53. (In Russ).

Khlopachev G.A. Obrazy zverya i cheloveka v iskusstve verkhnego paleolita russkoy ravniny: kul’turno-khronologicheskiy kontekst i osobennosti traktovki [Images of the beast and man in the art of the Upper Paleolithic of the Russian plain: cultural and chronological context and features of interpretation]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury*, 2018, no. 2 (60), pp. 116-135. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zverya-i-cheloveka-v-iskusstve-verhnego-paleolita-russkoy-ravniny-kulturno-hronologicheskiy-kontekst-i-osobennosti-traktovki (accessed 25 May 2021). (In Russ).

Khruleva L.Ia. Vozhde en vai, gurte..: Kylbur”es [No offense, homeland..: Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2003, 96 p. (In Udmurt).

Chachabei E. Gegersin: Kylbur”es [Dove: Poems]. Izhkar: Invozho, 2008, 64 p. (In Udmurt).

Chernova L.D. Ulon – iyromon: Kylbur”es [Life is a journey: Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 2000, 104 p. (In Udmurt).

Chernova T.N. Ta shundye dunneiamy: Kylbur”es [On this sunny land: Poems]. Ustinov: Udmurtija, 1986, 104 p. (In Udmurt).

Chernova T.N. Ti ei todysaldy...: Kylbur”es [You wouldn’t know: Poems]. Izhevsk: Udmurtija, 1991, 112 p. (In Udmurt).

Shumilova A.Ku: Kylbur”es [When: Poems]. Izhkar: Marshak, 2018, 144 p. (In Udmurt).

Estes K. Begushchaia s volkami. Zhenskii arkhetip v mifakh i skazaniiakh [Running with wolves. Female archetype in myths and tales]. Moscow: Gelios, 2002, 535 p. (In Russ).

Brown D. The Last Years of Soviet Russian Literature. Prose Fiction 1975–1991. Cambridge University Press, 1993. 208 p. (In English).

Feminisms. An Anthology of Literary Theory and Criticism / Ed. by R. R. Warhol, D. P. Herndl. New Brunswick, New Jersey, 1996. (in English).

Gheith J. The Superfluous Man and the Necessary Woman: A «Revision». The Russian Review, 1996, vol. 55, no. 2, p. 226-244. (In English).

Heaton J. Russian Women’s Writing – Problems of a Feminist Approach, with Particular Reference to the Writing of Marina Palei. The Slavic and east European Review, vol. 75, 1997, no. 1, January, p. 68-72. (In English).

Kelly C.A History of Russian Women’s Writing. 1820-1992. Oxford: Clarendon press, 1994, 497 p. (In English).

Камитова Алевтина Васильевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник УдмФИЦ УрО РАН,
Ижевск
e-mail: akamitova@mail.ru

Alevtina Kamitova
Candidate of sciences (Philology), senior researcher
of UdmFRC UB RAS,
Izhevsk
e-mail: akamitova@mail.ru

УДК 784.4:398.8
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_10

ВКЛАД К.А. СМИРНОВА В МАРИЙСКУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ (К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2022 г. Н.В. Мушкина

Введение. Кузьма Алексеевич Смирнов (1917–1963) – композитор, фольклорист, заслуженный деятель искусств МАССР, всегда опирался в своем творчестве на богатое музыкальное наследие марийского народа. Он был, по словам А.Я. Эшпая, «подлинно народным выдающимся талантом». **Цель статьи –** осветить деятельность К.А. Смирнова в области марийского этномузыкознания, обозначить его роль в истории музыкальной фольклористики. **Материалы и методы.** В статье использованы материалы опубликованных сборников народных песен К. Смирнова, его архивные рукописные записи. Для исследования избраны музыкально-исторический, музыкально-этнографический, музыкально-аналитический методы. **Результаты исследования, обсуждения.** В период с 1933 по 1958 год в различных регионах проживания марийцев (Башкирия, Татарстан, Кировская область, Пермский край, Свердловская область, Марий Эл) К.А. Смирнов собрал около 600 образцов народных песен и инструментальных наигрышей. Благодаря большому музыкальному таланту, абсолютному слуху и хорошей памяти он мог быстро и точно записать звучащую песню или инструментальный наигрыш. Заслуга К. Смирнова в области этномузыковедения заключается, прежде всего, в том, что впервые в истории марийской фольклористики он предпринял издание народных песен по отдельным этнографическим группам – восточные, луговые, горные мари, каждую из которых представил отдельной книгой. Во время работы в МарНИИ К. Смирнов подготовил к изданию сборники «Эрвел марий муро. Песни восточных мари (100 номеров)» (1951) и «Олык марий муро. Песни луговых мари (120 номеров)» (1955). В предисловиях к сборникам даны характеристики основных музыкальных особенностей песен восточных и луговых мари. Позже, в 1961 году, увидели свет песни горных мари в обработке для хора («Кырык мары мырывлä»). **Заключение.** К.А. Смирнов провел огромную работу в области собирания и публикации марийского песенно-музыкального фольклора. Песни в его записях имеют большую ценность, в них представлены песенные традиции всех основных групп марийцев. Используя народные мелодии в своем композиторском творчестве, он вывел марийскую музыку на новый, более высокий профессиональный уровень.

Ключевые слова: Кузьма Смирнов; народная песня; исследовательская деятельность; композиторское творчество.

Введение

Кузьма Алексеевич Смирнов (1917–1963) принадлежит к плеяде первых марийских композиторов, выведших марийскую музыку на профессиональный уровень. Первый из марийских музыкантов, получивших высшее образование как композитор, заслуженный деятель искусств МАССР, награжденный орденом «Знак Почёта», К. Смирнов вошел в историю музыкальной культуры, прежде всего, как автор первой марийской симфонии и симфонической поэмы. Он писал музыку к спектаклям Мардрамтеатра, создал множество хоров, песен, камерно-инструментальных сочинений. Большой вклад внес в музыкальную фольклористику. 23 октября 2022 года исполнилось 105 лет со дня его рождения.

В своем творчестве К.А. Смирнов всегда опирался на богатое фольклорное наследие народа. В статье «Моё творчество и мои мечты» он писал: «Фольклор является самым ценным источником для творчества» [Смирнов, 1940], а Христофор Кушнарёв, его педагог в Ленинградской консерватории, где К. Смирнов учился с перерывами с 1938 по 1946 год, отзывался о композиторе так: «Смирнов является отличным знатоком марийской народной музыки и преломляет ее в своем творчестве совершенно своеобразно. Творчество композитора Смирнова представляет интерес не только в республиканском масштабе, но и в значительно более широком» [Личное дело младшего научного сотрудника, л. 11]. Андрей Эшпай назвал его «подлинно народным выдающимся талантом» [Анциферов, 1991, с. 18].

Цель статьи – осветить деятельность К.А. Смирнова в области марийского этномузыкознания, обозначить его роль в истории музыкальной фольклористики.

Материалы и методы

В статье использованы материалы опубликованных сборников народных песен К. Смирнова, а также его архивные рукописные записи. Для исследования избраны музыкально-исторический, музыкально-этнографический, музыкально-аналитический методы.

Результаты исследования, обсуждения

В период с 1933 по 1958 год в различных регионах проживания марийцев К.А. Смирнов собрал около 600 образцов народных песен и инструментальных наигрышей. Первые записи относятся к периоду обучения в Марийском техникуме искусств (МТИ) (1931–1936). Они были сделаны в его родной деревне Шихмамат Медведевского района Марийской АССР. Первый директор техникума К.А. Четкарёв, преподававший марийский язык и литературу, завуч А.И. Искандаров, преподаватель хоровых и теоретических дисциплин, приобщали студентов к изучению родного фольклора, организовывали экспедиции. В 1933–1934 годах от матери Марии Егоровны Смирновой, соседей – Шабдаровой Веры Семеновны, Смирновой Александры Андреевны, Кудрявцевой Аксиньи Степановны, Хитровой Татьяны, Ласточкиной Евдокии и др. – К. Смирнов записал народные песни, позже вошедшие в сборник «Олык марий муро» [1955]. Информантами были также его однокурсники по МТИ – Эликбаев Эликай из д. Уял (Староваськино) Мишкинского р-на Башкирии, Сидушкина А.Р. (из Важъял–Сарлатово), Савельев Сергей Иванович из Горномарийского района.

Активному сбору фольклорного материала способствовала и сама обстановка марийской деревни в те годы: с установлением советской власти происходит подъем культурной жизни, создаются многочисленные кружки художественной самодеятельности, развивается музыкальное творчество, появляются новые песни.

В техникуме искусств были написаны первые композиторские сочинения К. Смирнова. Кузьма Алексеевич обладал большим музыкальным талантом, абсолютным слухом, хорошей музыкальной памятью, сам про себя говорил: «Весь мир представляю в звуках» [Емельянова, 1997, с. 5]. Поэтому он мог быстро и точно записать звучащую песню или инструментальный наигрыш.

После техникума искусств К. Смирнов начал учиться в музыкальном училище при Московской консерватории, однако из-за смерти отца в 1937 году вернулся в Йошкар-Олу, где устроился на работу в МарНИИ в сектор искусств. Следует отметить, что с 1937 по 1954 год К.А. Смирнов с перерывами работал в МарНИИ, многократно выезжал в экспедиции для сбора музыкально-песенного фольклора. В статье «Моё творчество и мои мечты» он пишет: «В 1935–1939 годах участвовал в комплексных экспедициях института социалистической культуры по записи марийского музыкального фольклора в Горномарийском, Еласовском, Сернурском, Новоторъяльском, Косолаповском районах Марийской АССР, Шурминском, Уржумском районах Кировской области и Мишкинском, Калтасинском районах Башкирской АССР. Всего записано на слух 250 народных мелодий с текстами, более 200–250 песен и инструментальной музыки на звукозаписывающем аппарате – фонографе» [Смирнов, 1940 – нет в списке лит-ры].

Заслуга К. Смирнова в области этномузыковедения заключается, прежде всего, в том, что впервые в истории марийской фольклористики он издает народные песни по этнографическим

группам – восточные, луговые, горные мари, каждую из которых представил отдельной книгой. До него собрания марийских песен выходили под общим названием «Марий муро» (В.М. Васильев, И. Осмин). В целом он продолжает традицию, начатую В.М. Васильевым, который также в своих работах, в частности в двухтомнике 1937 года, классифицировал песни по жанрам и районам. При записи К. Смирнов старался сохранять стиль песен, точно передавал метроритмическую, мелодическую структуру напевов, их форму.

Работая в МарНИИ с 1950 по 1954 год, К. Смирнов подготовил к печати сборники народных песен восточных и луговых мари [1951; 1955]. Большой интерес представляет первый из них – «Эрвел марий муро», включающий 100 номеров – 86 песен и 14 инструментальных наигрышей. (Редактор марийского текста и переводчик на русский язык Сергей Ибатов, муз. редактор Лев Сахаров.)

Сборнику предшествует предисловие, написанное Львом Сахаровым, единственным в то время теоретиком в республике. Он отмечал: «Материал сборника в основном отражает музыкальное народное творчество восточных мари до конца 1930-х годов, так как большинство мелодий было собрано до 1939 года и только несколько отдельных номеров записаны в 1947–1950 годах. Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало систематическую экспедиционную работу по сбору фольклорного материала» [Смирнов, 1951, с. 4].

Из 100 номеров 67 – это песни и наигрыши башкирских мари Мишкинского, Калтасинского, Дюртюлинского, Шаранского, Красноборского районов, записанные летом 1935 года и позже, в 1947–1950 годах. Другие песни представляют диалекты татарских, кировских, свердловских и пермских мари.

В предисловии указано: «Из числа мелодий, помещенных в настоящем сборнике (так же, как и в ранее изданных сборниках В.М. Васильева, произведенных до 1934 года), большая часть записана у марийцев, проживающих в Башкирской АССР» [Смирнов, 1951, с. 5]. Можно полагать, что эталоном в этой работе для К. Смирнова служили сборники В.М. Васильева, пионера в области марийского этномузыкознания; издания К. Смирнова продолжили дело В.М. Васильева.

В предисловии к сборнику даётся краткое описание восточномарийских песен и инструментальных наигрышей, отмечаются их поэтические и музыкальные особенности; анализируется метро-ритмика, мелодика, ладо-звукорядный состав, форма песен. Так, относительно формы песен указывается, что «тексты песен очень коротки, преобладает размер в 1–2 куплета. Строение куплета чаще всего выражается схемой АББ, т.е. период из двух предложений с повторением второго предложения» [Смирнов, 1951, с. 5].

Исследователем замечена также одна из характерных черт в целом марийских народных песен – текстовая и мелодическая универсальность: «Иногда встречаются на один и тот же текст несколько различных мелодий и наоборот: нередко на одну и ту же мелодию, широко распространенную в народе, можно встретить несколько различных текстов» [Смирнов, 1951, с. 5].

Относительно метроритмического строя автор указывает, что оно «довольно разнообразно. В старинных песнях встречаются смены метра… В мелодиях позднейшего времени заметно тяготение к единой, выдержанной от начала до конца, метрической структуре» [Смирнов, 1951, с. 5].

Ладозвукорядное строение песен и наигрышей «представляют большое разнообразие: по звуковому составу они имеют от 5 до 7 звуков диатонической гаммы, а по строению звукоряда – более 10 различных видов» [Смирнов, 1951, с. 5–6]. Перечисляются звукоряды, встречающиеся в восточномарийских песнях. Из мажорных звукорядов наиболее часто встречающийся тип – *до–ре–ми–соль–ля*, из минорных – *ля–до–ре–ми–соль.* В песне «Йылдыр-йылдыр», записанной в д. Мишкино от Сайлишевой Айвики, встречаем полный семизвучный диатонический звукоряд натурального минора:



[Смирнов, 1951, с. 73].

Мелодическое строение восточномарийских песен имеет свою специфику: «У луговых и горных мари песни одночастной куплетной схемы обычно излагаются в одной из тональностей лада пентатоники без модуляций и отклонений, а песни двухчастной схемы строятся таким образом, что вторая часть имеет весь мелодический материал первой части, транспонированный в тональность, лежащую чистой квинтой ниже или квартой выше. В песнях восточных мари иногда можно встретить в пределах одной части (периода) как бы модуляцию в новую тональность пентатоники» [Смирнов, 1951, с. 7]. Пример лирической песни в исполнении Касиевой Менглиамал из д. Байгильдино Дюртюлинского р-на:



[Смирнов, 1951, с. 59].

Сборник «Эрвел марий муро» состоит из трех разделов: 1) «Песни советского периода», 2) «Песни дореволюционного периода», 3) «Инструментальные мелодии и наигрыши».

В первый раздел вошли песни о Ленине и Сталине, советской власти, Красной армии, комсомоле, колхозах, Октябрьской революции, ударном труде, а также молодежные, любовные песни. Во втором разделе – песни о тяжелой жизни, несчастной судьбе, печали, скоротечности жизни, о семье, тоске по детям и родным, рекрутские, свадебные, праздничные и др.

В третьем разделе – инструментальные наигрыши: 7 скрипичных и 7 гармошечных. Следует отметить, что К. Смирнов был первым из музыкантов, записавших гармошечные наигрыши в полной фактуре.

В записи К. Смирнова 24 образца песен было опубликовано в книге «Марий калык муро» [1951] (составитель В.Ф. Коукаль). Большинство из них собрано в 1939 году в экспедиции по Башкирии совместно с А.Р. Сидушкиной, будущей женой (поженились в 1942 году).

Второй из сборников, составленных К. Смирновым, – «Олык марий муро. Песни луговых мари (120 номеров)» (1955). Он включает записи 1933–1952 годов, сделанные преимущественно в Медведевском, Оршанском, Моркинском районах МАССР и в г. Йошкар-Оле. По подсчетам Леонида Тайгильдина, изучавшего этот сборник, песни записаны в 28 населенных пунктах от 51 исполнителя [1956, с. 103]. Л. Тайгильдин справедливо замечает, что песенно-музыкальный фольклор луговых мари представлен недостаточно полно: много песен Медведевского и Моркинского районов, мало – Волжского, нет песен Советского, Звениговского и других районов [1956, с. 104].

В отличие от песен восточных мари, здесь представлена более подробная и точная жанровая классификация. Так, песни Советского периода делятся на следующие разделы: 1) о Родине и партии, 2) о советской власти, Конституции и Советской армии, 3) о колхозной жизни, 4) комсомольско-молодежные, 5) о Великой Отечественной войне, 6) лирические (любовные), 7) шуточные.

Вторая большая группа – песни дореволюционного периода: 1) о тяжелой доле, 2) сиротские, 3) бытовые, 4) лирико-бытовые, 5) о семье, 6) празднично-гостевые песни, 7) свадебные песни.

Большую ценность представляют инструментальные наигрыши (36 номеров) этого сборника. Если в сборнике песен восточных мари были только скрипичные и гармошечные наигрыши, то здесь видим наигрыши почти на всех музыкальных инструментах: 16 гармошечных, 5 гусельных, 2 флейтовых, 1 волыночная, 2 на *шун шӱшпыке* (окарина), 2 скрипичных, 1 балалаечная, 8 других (кларнетный, свистом). Впервые в истории марийского этномузыкознания К. Смирнов представил звучание многих инструментов (гусли, волынка, гармонь) в их полной фактуре.

К сборнику К. Смирнов написал предисловие, где отметил характерные особенности луговомарийских песен – их форму, ладозвукорядное строение, мелодику. Он пишет: «Луговые мари составляют большинство населения МАССР. Все разнообразие песенных напевов не может быть охвачено в одном сборнике, поэтому помещены только записи йошкар-олинских мелодий (69 номеров) и моркинских (51 номер). Сернурские мелодии, резко отличающиеся по ладу, метру и ритмике, предположено издать отдельным сборником» [Смирнов, 1955, с. 3]. Некоторые записи сернурских песен, сделанных в 1952 году в деревнях Большая Мушка, Мустаево, Андрей починга, Большая Коклала, Султанаенки, Орехово, Тумерсола, Низовка, находим в личном деле К. Смирнова, хранящемся в Госархиве Марий Эл [Личное дело К.А. Смирнова]. Известно, что последним крупным композиторским сочинением К. Смирнова была «Сернурская сюита» (1960), основанная на подлинных народных сернурских мелодиях.

Исследователь установил, что для формы песен луговых мари «характерно строение куплета из двух периодов, причем второй период повторяет весь материал первого квинтой ниже или квартой выше. Такое строение куплета значительно расширяет диапазон песни, почти всегда доводя его до децимы, а в отдельных случаях до терцдецимы» [Смирнов, 1955, с. 4].

Ладо-мелодическое строение имеет свою специфику: «Основной лад йошкар-олинских и моркинских мелодий 5-звучный (мажор без 4-й и 7-й ступеней) с каденцией на доминанте *(ми-ре-до-ля-соль)*. При транспозиции на квинту ниже прибавляется 4-я ступень, за счет выпадения 3-й ступени, и каденция, естественно, приводит к тонике *ля-соль-фа-ре-до.* Первый период всегда начинается тоникой, второй период субдоминантой» [Смирнов, 1955, с. 4].

Метро-ритмика луговомарийских песен достаточно разнообразна, на что обратил внимание К. Смирнов: «Встречаются различные сочетания восьмых и шестнадцатых, синкопы, триоли… Одной из особенностей исполнения протяжных песен являются частые остановки на заключительных звуках предложений, что отражается на смене метра» [Смирнов, 1955, с. 5].

Смирно К. отметил сходство и отличие йошкар-олинских и моркинских мелодий: «Йошкар-олинские и моркинские мелодии сходны по форме и ладу, но резко отличаются по ритму. Для моркинских мелодий, и протяжных, и скорых, типичен трехдольный и шестидольный метр, напоминающий вальсообразное движение» [Смирнов, 1955, с. 5].

В сборнике «Песни луговых мари» много образцов старинных обрядовых (праздничных, свадебных) и необрядовых (лирических, протяжных) песен, представляющих большую ценность для музыкальной фольклористики. Они составляют золотой фонд марийской культуры и продолжают жить и в настоящее время.

Третьим изданием по марийской фольклористике явился сборник горномарийских песен «Кырык мары мырывлä» [Смирнов, 1961]. 75 образцов песен горных мари представлены в аранжировке для двухголосного, четырехголосного или мужского хора. В сборник вошли песни, собранные в период с 1934 по 1958 год в Еласовском и Горномарийском районах МАССР.

Впервые в истории музыкальной фольклористики песни горных мари вышли отдельным изданием и в виде хоровых обработок. Здесь наиболее полно представлена горномарийская песенная традиция.

Большая часть песен была записана летом 1943 года (в период работы в МарНИИ в третий раз) в деревнях Сарлатово, Нуженалы, Яшмолкино, Кулаково. Много песен записано от А.Р. Сидушкиной, первой жены композитора.

Песни разделены на 15 жанровых подразделов: о колхозах, современные любовные, об учебе, молодежные, песня гражданской войны, песни периода Великой Отечественной войны, современные бытовые, семейно-бытовые, о тяжелой жизни, солдатские, старинные бытовые, сиротские, старинные любовные, свадебные, колыбельные.

Каждая песня представляет собой яркое художественное произведение. Хоровые обработки горномарийских песен, сделанные К. Смирновым, продолжают традиции, заложенные И.С. Палантаем в его хоровых произведениях. Как пишет Герасимов, сборник «Кырык мары мырывлä» – это «целая творческая лаборатория композитора, его практическая композиторская «кухня», где отбирались, проверялись и отшлифовывались разнообразнейшие приемы обработок» [1979, с. 36–37].

Отличие от предыдущих сборников в том, что не все песни снабжены паспортизацией (27 номеров из 75), не имеют перевода на русский язык и даны в художественной обработке, т.е. данный сборник является не научным, а творческим изданием.

Смирнов К.А. занимался не только сбором музыкально-песенного фольклора. В период работы в МарНИИ в 1946–1947 годах им записаны материалы по свадебной обрядности мари – горномарийской и медведевской свадьбе [Смирнов, 1946].

Заключение

Смирнов К.А. провел огромную работу в области собирания и публикации марийского песенно-музыкального фольклора. Песни в его записях имеют большую ценность, в них представлены песенные традиции всех основных групп марийцев. Используя народные мелодии в своем композиторском творчестве, он вывел марийскую музыку на новый, более высокий профессиональный уровень, использовал приемы симфонизма, обогатил культуру марийского народа. Песни, записанные К.А. Смирновым, продолжают жить: их исполняют артисты и коллективы художественной самодеятельности, композиторы используют в своем творчестве для создания новых ярких сочинений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анциферов В. Андрей Жданов и Кузьма Смирнов: сплетение судеб // Ориентир. 1991. № 1. С. 14–18.

Герасимов О.М. Народная песня в хоровом творчестве марийских композиторов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 92 с.

Емельянова И.В. Кузьма Алексеевич Смирнов. Очерк жизни и творчества. Йошкар-Ола, 1997. 40 с.

Личное дело К.А. Смирнова // Государственный архив Республики Марий Эл. Фонд Р-112. Оп. 1. Ед. хр. 8.

Личное дело младшего научного сотрудника сектора искусств композитора Смирнова Кузьмы Алексеевича // Архив МарНИИЯЛИ. Д. 65. Август 1946 – апрель 1947. 122 л.

Марий калык муро. Марийские народные песни / сост. В.Ф. Коукаль. Ред. и вст. ст. К.А. Четкарева. М.-Л.: Музгиз, 1951. 340 с.

Смирнов К.А. Кырык мары сӱан. Йошкар-Ола калыкын сӱанже // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 330. 1946. 58 л.

Смирнов К. Кырык мары мырывлä. Йошкар-Ола: Книгам лыкшы мары издательство, 1961. 144 с.

Смирнов К. Мое творчество и мои мечты // Марийская правда. 1940. 12 февр. С. 3.

Смирнов К. Олык марий муро. Песни луговых мари (120 номеров). Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1955. 228 с.

Смирнов К. Эрвел марий муро. Песни восточных марий (100 номеров). Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1951. 184 с.

Тайгильдин Л. 120 муро // Ончыко. 1956. № 3. С. 103–104.

Natalia Mushkina

K.A. SMIRNOV'S CONTRIBUTION TO MARI FOLKLORE STUDIES (TO THE 105th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Introduction. Kuzma Alekseevich Smirnov (1917-1963) – a composer, folklorist, and honored artist of the MASSR, always relied on the rich musical heritage of the Mari people. According to A.Ya. Eshpay, K.A. Smirnov was 'a truly outstanding national talent'. **The objective of the article** is to describe K.A. Smirnov's activities in Mari ethnic musical studies and his role in the history of musical folklore. **Materials and methods**. The article uses materials of K.A. Smirnov's published collections of folk songs, and his archive manuscript records. Musical-historical, musical-ethnographic, musical-analytical methods were chosen for the study. **Research results and discussions**. From 1933 to 1958, K.A. Smirnov collected about 600 samples of folk songs and instrumental plays in the regions of Bashkiria, Tatarstan, Kirov region, Perm region, Sverdlovsk region, and Mari El where the Mari lived. Thanks to his great musical talent, perfect hearing and good memory, he could quickly and accurately record the song or instrumental play. For the first time in the history of Mari folklore studies, K.A. Smirnov compiled folk songs on the basis of ethnographic groups – of the Eastern, Meadow, and Mountain Mari which he published in separate collections. During his work at the Mari Research Institute, K.A. Smirnov prepared collections of «Ervel Mari muro. *Songs of the Eastern Mari* (100 songs)», (1951) and «Olyk Mari Muro. *Songs of the Meadow Mari* (120 songs)», (1955). In the forewords to the collections, K.A. Smirnov characterized the main musical features of the songs of the Eastern and Meadow Mari. Later, in 1961, he published the collection of songs of Mountain Mari for the choir («Кырык мары мырывлä»). **Conclusion.** K.A. Smirnov carried out a huge work in the field of collecting and publishing Mari songs and musical folklore. The songs in his recordings are of great value, representing the traditions of all major groups of the Mari. Using folk melodies in his composing, he brought Mari music to a new, a higher professional level.

Key words: Kuzma Smirnov; folk song; research; composing.

REFERENCES

Anciferov V. Andrei Zhdanov i Kus'ma Smirnov: spletenie sudeb [Andrey Zhdanov and Kuzma Smirnov: the interweaving of destinies]. *Orientir*, 1991, no. 1, p. 14-18. (In Russian).

Gerasimov O.M. Narodnaia pesnja v horovom tvorchestve mariiskikh kompositorov [Folk song in the choral works of Mari composers], Yoshkar-Ola, 1979, 92 p. (In Russian).

Emelianova I.V. Kus'ma Smirnov. Ocherk zhizni i tvorchestva [Kuzma Alekseevich Smirnov: Life and creativity]. Yoshkar-Ola, 1997, 40 p. (In Russian).

Lichnoie delo K.A. Smirnova [Personal file of K.A. Smirnov]. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fund R-1123, inv. 1, cas. 8. (In Russian).

Lichnoie delo mladshego nauchnogo sotrudnika sektora iskusstv kompositora Smirnova Kus'mi Alekseevicha [Personal file of a junior researcher in the arts sector composer Smirnov Kuzma Alekseevich]. *Arkhiv MarNIIJALI.* Case 65. August 1946 – April 1947, 122 p. (In Russian).

Marii kalyk muro. Mariiskiie narodnyie pesni [Mari folk songs]. The compiler V.F. Koukal. Moskow and Saint Petersburg, 1951, 340 p. (In Mari and in Russian)

Smirnov K.A. Kyryk mary suan. Ioshkar-Ola kalykyn suanzhe [The wedding of the mountain Mari. The wedding of the Yoshkar-Ola Mari]. *Nauchno-rukopisnyi fond MarNIIJALI.* Inv. 1, cas. 330, 1946, 58 p. (In Mari).

Smirnov K. Kyryk mary myryvla [Songs of the mountain Mari], Ioshkar-Ola, 1961. 144 p. (In Mari).

Smirnov K. Moie tvorchestvo i moi mechty [My creativity and my dreams]. *Mariiskaia Pravda*, 1940, February 12, p. 3.

Smirnov K. Olyk mari muro. Pesni lugovykh Mari (120 nomerov) [Songs of the Meadow Mari (120 songs)]. Ioskar-Ola, 1955, 228 p. (In Mari and in Russian).

Smirnov K. Ervel marii muro. Pesni vostochnykh mari (100 nomerov) [Songs of the Eastern Mari (100 songs)]. Yoskar-Ola, 1951, 184 p. (In Mari and Russian).

Taigildin L. 120 muro [120 songs]. *Onchyko,* 1956, no. 3, p. 103-104. (In Mari).

Мушкина Наталья Валерьевна
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

Natalia Mushkina
researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: mushkinanatalya@mail.ru

УДК 821.511.151.0:792
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_11

1930-ШО ИЙЛАШТЕ МАРИЙ ДРАМАТУРГИЙЫН ДА ТЕАТРЫН ВИЯНГМЕ ОЙЫРТЕМЫШТ

© 2022 г. Н.А. Федосеева

Введение. Вопрос о марийской драматургии в контексте истории театрального искусства не был предметом специального исследования, хотя имеется немало работ, посвященных отдельным проблемам марийской драмы и истории театра. В этом отношении настоящая статья является первой попыткой восполнить данный пробел. **Цель статьи** – изучение особенностей развития марийской драматургии и театра 1930-х годов в хронологическом аспекте, обращается внимание на логику художественного процесса. **Материалы и методы.** Материалами послужили произведения марийских драматургов и критические публикации о постановках марийского театра 1930-х годов. В статье использовались культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** В первой половине XX века в жанре драматургии плодотворно работали несколько марийских писателей: А. Конаков, С. Чавайн, М. Шкетан, Н. Игнатьев, И. Борисов, И. Беляев, С. Николаев, Г. Ефруш, Н. Арбан, А. Волков. В 1930-х годах развивались как комедия – М. Шкетан «Кышал» («Кисель», 1931), «Кок сӱанат пеле» («Две с половиной свадьбы», 1935), «Лапчык Каритон» («Лапчык Харитон», 1935); С. Чавайн «Шурно погымо кампаний» («Кампания хлебозаготовок», 1931), «Окса тул» («Блеск монет», 1936); С. Николаев «Салика» (1937–1938), так и драма – М. Шкетан «Кодшо румбык» («Муть прошлого», 1931), «Шурно» («Урожай», 1932–1933); С. Чавайн «Илыше вӱд» («Живая вода», 1930), «Акпатыр» (1935); С. Николаев «18-ше ий» («Восемнадцатый год», 1930), «Вӱдшӧ йога» («Воды текут», 1939). Свое место нашли небольшие по объему пьесы: И. Беляев «Тылык ыдыр» («Сиротка», 1930); К. Смирнов «Тулык Верий» («Сиротка Вера», 1932); Н. Мухин «Кок тул коклаште» («Меж двух огней», 1930); С. Николаев «Ош когарш» («Белая моль», 1930), «Тревого» («Тревога», 1931); И. Олык «Шӧртньӧ ӱжара» («Золотая заря», 1935); Н. Иванов «Ӱчӧ» («Месть», 1939); Г. Ефруш «Ешем» («Моя семья», 1935), «Тайра» («Дарья», 1936), «Энырем-мышвот» («Паутина», 1939) и др. В репертуаре марийского театра были произведения как национальные, так и переводные с русского языка. За десять лет было поставлено 28 пьес, более десяти из них – произведения марийских писателей. Такая же картина наблюдается и в других национальных литературах, например, в мордовской и чувашской. **Заключение.** Марийская драматургия и театральное искусство исследуемого периода достигли определенных успехов. Писатели уделяли внимание социально-бытовым проблемам и исторически значимым событиям. В жанровом отношении были созданы историко-героическая драма («Акпатыр» С. Чавайна) и музыкальная комедия («Салика» С. Николаева), которые завоевали успех на сцене марийского театра и стали любимыми произведениями зрителей. В других национальных литературах и театрах наблюдалась в основном схожая картина: переводные с русского языка пьесы вошли в репертуар театров, определенное место занимали спектакли, посвященные темам революции и коллективизации, драма и комедия стали ведущими жанрами, авторы опирались на фольклорное богатство.

Ключевые слова: марийская драматургия; театральное искусство; постановка; писатель; жанр; драма; комедия; пьеса; спектакль.

Ончылмут

1930-шо ийласе марий драматургий да театр сымыктышын ойыртемышт нерген шагал огыл паша ош тӱням ужын [Черных, 1963; Иванов, 1969; Георгина, 1979; История, 1989; Иванов, 1993; Кульбаева, 1996; Зайниев, 2019 да т.м.], но нунын вашкылышт, кузе пырля виянгмышт нерген але марте келге шымлымаш лийын огыл, садлан тиде статьяште тыгай йодышым икымше гана нӧлталме.

Статьян цельже – 1930-шо ийласе марий драматургий ден театрын виянгме ойыртемыштым хронологий аспект-влакым да сылнымут процессын закономерностышым шотыш налын рашемдымаш.

Материал ден йӧн-влак

Шымлымашым марий драматург-влакын 1930-шо ийлаште возымо произведенийышт да Марий театрын ты жапысе постановкыж-влак нерген критический статья-влак негызеш эртарыме. Пашаште культурно-исторический ден танастарыме йӧн-влакым кучылтмо.

Шымлымашын лектышыже, канашымаш

Колымшо курымын икымше пелыштыже марий драматургий жанрыште икмыняр писатель суаплын пашам ыштен: Александр Конаков (1877–1922), Сергей Чавайн (1888–1937), М. Шкетан (Яков Майоров, 1898–1937), Никон Игнатьев (1895–1941), Тыныш Осып (Иосиф Борисов, 1893–1971), Иосиф Беляев (1899–1991), Сергей Николаев (1908–1993), Георгий Ефруш (1916–1941), Николай Арбан (1912–1995), Арсий Волков (1923–1994) да молат.

Жанр шот дене ончалаш гын, 1930-шо ийлаште кузе комедий – М. Шкетан «Кышал» (1931), «Кок сӱанат пеле» (1935), «Лапчык Каритон» (1935); С. Чавайн «Шурно погымо кампаний» (1931), «Окса тул» (1936); С. Николаев «Салика» (1937–1938), тыгак драме – М. Шкетан «Кодшо румбык» (1931), «Шурно» (1932–1933); С. Чавайн «Илыше вӱд» (1930); «Акпатыр» (1935); С. Николаев «18-ше ий» (1930), «Вӱдшӧ йога» (1939), виянгыт. Ты шотышто изирак пьесе-влакат шке верыштым муыныт: И. Беляев «Тылык ыдыр» (1930); К. Смирнов «Тулык Вери» (1932); Н. Мухин «Кок тул коклаште» (1930); С. Николаев «Ош когарш» (1930), «Тревого» (1931); И. Олык «Шӧртньӧ ӱжара» (1935); Н. Иванов «Ӱчӧ» (1939); Г. Ефруш «Ешем» (1935), «Тайра» (1936), «Энгыремышвот» (1939) да молат. Палемдаш кӱлеш, тиде жапыште изирак пьесе-влак родо да пошкудо калык-влакынат (мутлан, мордва, чуваш) сылнымутан литературыштышт изи огыл верым айлат [Антонов, 2012; История, 2015]. Марий сылнымутышто тӱн шотышто историко-революционный, коллективизаций жап да граждан сар пагыт нерген пьесе-влак вашлиялтыт, мутлан: С. Чавайнын «Кӧн верч?» (1929–1930), «Чодыра лӱшка» (1931), «Чодыра» (1931), «Чодыра завод» (1932), «Марий рото» (1934); Олык Ипайын «Шӧртньӧ ӱжара», Г. Ефрушын «Энгыремышвот» да молат. Танастарен ончалаш гын, мутлан, чуваш драматургийыштат агитаций сынан пьесе-влак лийыныт. Тиде жанрыште Степан Лашман ден Иоаким Максимов-Кошкинский утларак тыршеныт [Никифорова, 2018, с. 48–49]. Мордва литературышто историко-революционный да социально-бытовой произведений-влак ончыл верышке лектыныт, мутлан, К. Петрован, Ф. Чесноковын, М. Безбородовын [Антонов, 2012, с. 99–100].

Марий театрын репертуарыштыже кузе национальный, тыгак руш йылме гыч кусарыме произведений-влак лийыныт. Лу ий жапыште чылаже 28 пьесым модын ончыктымо, нунын коклаште лу утлаже – марий серызе-влакын возымышт [Кульбаева, 2005, с. 261–263]. Тыгодым 1920-шо ийласе произведений-влакымат репертуарыш пуртымо, тиде С. Чавайнын «Мӱкш отар» (1926–1927) драмыже да М. Шкетанын «Важык вуян йыдал» (1923) комедийже.

1930-шо ийласе марий драматургий С. Чавайнын, М. Шкетанын да С. Николаевын лӱмышт дене чак кылдалтын. Тачысе кечынат нунын тыгай произведенийышт кумдан палыме улыт: М. Шкетанын «Кодшо румбык» да С. Чавайнын «Акпатыр» драмышт-влак, С. Николаевын «Салика» комедийже. Нине пьесе-влак театр сценыштат шуко гана ончыкталтыныт.

Палемдыман, 1935-ше ий 15 февраль гыч 1937-ше ий 17 январь марте Марий театрыште Сергей Чавайн сылнымут пӧлкам вуйлатен. Тиде жапыште тудо руш классик-влакын произведенийлаштым (А. Островский «Кӱдырчан йӱр», Н. Гоголь «Ӱдырым налмаш», А. Пушкин «Дубровский») марий йылмышке кусарен,

нуным Марий театр шке сценыштыже шынден. Тыгак С. Чавайн А. Пушкинын «Дубровский» повестьше негызеш инсценировкым возен. Тудын премьерже 1937-ше ий 24 февральыште лийын. Театрын режиссержо А. Маюк-Егоров спектакльым кузе ямдылыме, произведенийым сценылан келыштарыме годым А. Пушкинын ойыртемалтше тўсшым молан аралeн кодаш тыршыме нерген премьер кечыште лекше «Марий коммун» газетеш умылтарен. Тудо куд амалым палемден: «Первояк… Пушкинын образше гыч ик койышымат ойыраш ок лий, иктаж койышым йомдарыме дене Пушкинын пўтынь образше локтылалт кертеш. Кокымшылан, образын могай улмыжым почын ончыктымо годым ме образын характержым ушыш нална. Кумшылан, сценыште ончыктымына годым ме Пушкинын ойыртемжым почын пуаш тыршышна. Нылымшылан, илышым чын ончыктымаш, шижмашым, айдеме чоным чын ончыктымаш, характерым чынлан келыштарен почын пуымаш. Визымшылан, Пушкинын творчествыже реалистичный, тидлан лийын спектакльымат реалистично шындыман. Кудымшылан, ме «Дубровскийым» марлаш кусарымаштат Пушкинын лывырге, поян, шыма йылмыжым, кўчыкын раш умылтарен моштымыжым саклен кодаш тыршышна» [Маюк, 1937].

Руш классик-влак деч посна совет элысе писатель-влакынат пьесыштым театрын сценыште модын ончыктымо: Е. Яновский «Шыде» («Ярость», 1930), А. Корнейчук «Платон Кречет» (1935), В. Гусев «Чап» («Слава», 1936), Н. Островский «Кузе вурс шуаралтын» («Как закалялась сталь», 1937), В. Катаев «Шкет парус» («Белеет парус одинокий», 1938), В. Билль-Белоцерковский «Пограничник-влак» («Пограничники», 1938). Палемдаш кўлеш, тиде произведений-влак савыкталтмышт деч вара вигак театрын репертуарышкыже пуренып. Руш произведенийласе модын ончыктымо геройышт нерген артист-влак шке шонымашыштым чўчкыдын савыктенып, тыгак ончышо-влакат шке ойыштым каласеныт. Мутлан, В. Гусевын «Чап» пьесыжым да тудым театрын сценыште кузе шындымым поэт Георгий Ефруш [1936] аклен. Тыгодым «Чап» спектакльым весе дене танастарен, артист-влакын модмышт кузе кушмо нергенат шонымыжым луктын каласен: «Театрыште шуко артист тыге шонен: мастарлыкым улыжат классик пьесе-влак дене гына нолталаш лиеш. «Чап» пьесе тиде шонымашым йоршеш шалатыш. «Платон Кречетеш» артист-влак у советский образым модаш тунемаш тўнгалынып гын, «Чап» пьесе тиде тунемме пашам адакат чот келгемдыш. Сандене тиде пьесе артист-влакын модмо техникыштым, культурыштым нолталаш кугун полшен» [Семенов, 1936].

1935-ше ийыште Марий театрын директоржо И.П. Ибраев палемден: «Руш классик гыч А.Н. Островскийын «Кўдырчан йўр» («Гроза»), Н.В. Гогольын «Ўдыр налмаш» («Женитьба»), С.Г. Чавайнын марлаш кусарыме да тудынак шке возымо «Акпатыр» пьесым шындыме. Тидын дене театр шке кушмыжым, пенгыдеммыжым рашак ончыктыш» [Ибраев, 1935].

С. Чавайнын «Акпатыр» драмыже писательын творчествыштыже гына огыл, а 1930-шо ийласе марий драматургийыште ик эн кугу кўкшытлан шотлалтеш. Пьесым театр икымше гана 1935-ше ий 21 мартыште шынден. Премьер деч вара 23 мартысе «Марий коммуна» газетыште тудын лўмеш савыктыме статья сай аклыме мут дене тўнгалеш, «Кугу сенгымаш» манме вуймутат тидын нергенак ойла: «С.Г. Чавайнын у пьесыже «Акпатыр» мемнан культур фронтышто у сенгымашым ончыкта» [Кугу, 1935]. Умбакыже автор палемда: «…илышым чын ончыктен возымо «Акпатыр» пьесе – ончыко кайымаш. Вес шот дене – марий калыкын мутшо, патыр нерген ойжо, мурыжо (фольклоржо) тиде пьесыште кугу верым налын [историй шот дене чын почын пуалтыт]. Кумшо шот – тиде пьесыште марий литературышто историй жанр йол ўмбак шогалеш. Нылымше шот – тўнг йодыш: вара молан ожнысо вўр йўшö класс ваштареш кучедалмаш неле илыш толмо дене веле пытен?» [Кугу, 1935].

1930-шо ийлаште возышо критик-влакат палемденыт: «Акпатыр» марий литературышто чынак кугу сенгымаш улеш: тыште С.Г. ожно лийше экшык ден ситыдымаш-влакым тўнг шотышто шўгарыш тоя да идей ден формо шотышто ўшанлык ончыко тошкалеш. XVIII курымысо Пугачев тарванымаш дене кылдалтше акпаторовец-влакым правительстве ваштареш кучедалмашкышт да ялысе кулакын (Савийын) йорло кресаньык-влакым чондымын пызыры-

мыжым сӱретлымашке писательын пенгыде класс корно могырым историй илышыш конкретнын мияш тыршымыже раш коеш. Посна сценым (кулак Сави, Акпатыр, Эвика, Пашай) ончыктымаште Чавайн социалист методын посна элементшым кучылтмашке шуэш. Тудланак вет «Акпатыр» пьесе революцион трагедий маналтеш. Образ-влак чынын лукталтыт. Ты марте Чавайн герой-влакым утларакше пел могырым, ораташ пуртен (ходульно) сӱретлыш гын, пытартыш пьесыште ты шот гыч коранғын, образын общественный пашаж ден шке (личный) илышыжым (индивидуальностьым) иктешлен луктын пуаш пижме ыле» [Казанцев, 1935].

Драмыште марий калыкын Емельян Пугачев вуйлатыме кресаньык сарыште участоватлымыже сӱретлалтеш. С. Чавайнын шуко произведенийже семынак пьесе фольклор материал негызеш чоҥалтын. Тӱҥ герой – калык преданий ден легендылысе тӱшкале образ, тудо – патырлыкын символжо. Пашайын рольжым модшо артист Т. Соколов палемден: «Акпатыр» пьесым шындыме дене мемнан марий театр адак ик гана ончык тошкале» [Соколов, 1935]. Мордва литературышто, мутлан, П.С. Кирилловын тыгаяк калык эпос шотан, историй факт-влак негызеш возалтше «Литова» драмыжым палемдаш лиеш [Антонов, 2012, с. 80]. Пьесыште Степан Разин годсо жап сӱретлалтеш. Чуваш литературышто гын П. Осиповын «Айдар» исторический драмыже ойыртемалтеш. Произведенийын кок вариантше уло: икымше вариантыште тӱҥ герой калык верч кредалеш гын, кокымшо вариантыште – кугызалан служитлаш тӱҥалеш [Никифорова, 2015, с. 294].

«Акпатыр» драме семынак Сергей Николаевын «Салика» комедийже XX курымын икымше пелыштыже возымо ик эн сай произведенийлан шотлалтеш. 1935-ше ийыште автор марий радион йодмыж дене «Кӱрӹлтшӧ сӱан» лӱман инсценировкым ямдылен [Николаев, 1981, с. 24]. Вара тудо сӱан темылан пьесым возаш кумыланғын. Тыге «Полатовын сӱанже» шочын. 1937-ше ий 31 майыште театр произведенийым мер калык ончылно модын ончыктен [Николаев, 1981, с. 25; Айзенворт, 1937]. Тунамак А. Айзенворт «Марий коммуна» газетеш тиде постановко нерген «Осалым кондышо пьесе» вуймут дене критический статьям савыктен. Автор самырык драматургым вурсен: фольклор материалым кучылт моштен огыл, сюжет кышкар лушкыдо, герой-влак пенгыдын огыт кой [Айзенворт, 1937]. Критик-влакын ойыштым шотыш налын, С. Николаев пьесым тӧрлаташ пижын, образ-влакым келгемден да ӱдырамашын шке эрыкше верч кучедалмыжым сӱретлен, тӱҥ героиньын лӱмжымат вашталтен. «Полатовын сӱанже» пьесыште Оляналан кугу тӱткыш ойыралтын гын, ынде Салика ончыл верыш лектын. Палемдыман, тиде теме марий драматургийыште у лийын огыл, тудым эн ончыч А. Конаков «Тулык ӱдыр» (1919) пьесыштыже нӧлталын. Тыгай шотанрак улыт Ошламучаш Йыванын «Тупела илыш» (1919), А. Конаковынак «Кунавий» пьесышт, тидлан С. Николаев шке шарнымашыштыжат тӱткышым ойыра [1981, с. 27]. Тыгай йодыш-влакым, мутлан, мордва драматург К.С. Петрова «По-старинке» драмыште [Антонов, 2012, с. 83], чуваш писатель А. Калган «Аниса» драмыште [История, 2015, с. 316] нӧлталыныт. Нине произведенийлаште тӱҥ героине шкенжым пытара гын, «Салика» – волгыдо мучашан музыкальный комедий.

1938-ше ий 5 апрельыште «Салика» спектакльын премьерже лийын. Драматург С. Николаев ден режиссер А. Маюк-Егоров ончыч тиде произведенийын жанржым музыкальный драме семын палемденыт («Салика» пьесе нерген икмыняр статьяште драме манме, мутлан, [Козырев, 1939; Петрович, 1938]). У постановко нерген «Марий коммуна» газетеш аклыммут савыкталтын. Тушто пьесе нерген шуко сай мутым каласыме, тыгак ситыдымашыжымат ончыктымо: «Икманаш, тиде пьесым музыкальный драме огыл, а комедий манаш гын, путырак келшышаш. Вет комедийыштат драме лийын кертеш, тыште нимат утыжо уке… Эчуклан полшышо-шамыч, Чопай ден Марина, Саликам утараш тыршат, поян-шамыч вашташ кучедалыт. Но тидыже пеш лушкыдын коеш. Нуно изишак вашташ лийыт, но вара тыпланат… кокымшо актыште вес ситыдымаш уло: пеш кужу жап йӱыт-кочкыт да веселитлат. Тыште ӱдыр темлымашлан вер шагал пуалтын». Автор мучаште тыгай канашым пуа: «пьесым, тӧрлатен, адакат сайынрак шындаш кӱлеш» [Петрович, 1938]. Палемдыман, сӱан

йўлам ончыктышо пьесе-влак, мутлан, одо литературышто вашлиялтыт (А. Сугатов «Удмуртская свадьба», М. Тимашев «Настьок») [Арекеева, 2015б].

Иктешлымаш

Шымлыме пагытысе марий драматургий ден театр шкешотан сеҥымашышке шуыныт, тўткыш социально-бытовой йодышлан да историйыште лийше событийлан ойыралтеш. Жанр шот дене ончалаш гын, историко-героический драме (С. Чавайнын «Акпатыр») да музыкальный комедий (С. Николаевын «Салика») шочыныт. Нуно Марий театрын сценыштыже сеҥымашым налыныт да калыкын йӧратыме произведенийышкышт савырненыт. Вес калык-влакын драматургийышт кузе виянгмым таҥастарен ончалмеке [История, 1980, с. 262; Иванов, 1993, с. 161–164; Антонов, 2012, с. 100; Арекеева, 2015а, с. 40; История, 2015, с. 316–320], тўҥ шотышто иктайрак сўретым ончыкташ лиеш: руш йылме гыч кусарыме пьесе-влак шке верыштым муыныт да театр-влакын репертуарышкышт пуренып, революций да коллективизаций темылан пӧлеклалтше спектакль-влак изи огыл верым налыныт, драме ден комедий виянгыныт, автор-влак фольклор материал дене пайдаланеныт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айзенворт А. Осалым кондышо пьесе // Марий коммуна. 1937. 4 июнь.

Антонов Ю.Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 260 с.

Арекеева С.Т. Удмуртская драматургия 1920–1950-х годов: поиски жанра // С.Т. Арекеева, Т.И. Зайцева. Удмуртская драматургия XX – начала XXI века: Учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2015а. С. 36–41.

Арекеева С.Т. Свадьба в сюжете удмуртских пьес 1920–1930-х годов: функции, поэтика // С.Т. Арекеева, Т.И. Зайцева. Удмуртская драматургия XX – начала XXI века: Учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2015б. С. 41–47.

Георгина М.А. Марийский драматический театр: страницы истории (1917–1978). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 187 с.

Ефруш Г. «Чапын» чапше // Марий коммуна. 1936. 17 сент.

Зайниев Г.З. Шӱм-чон воштончыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-ве, 2019. 287 с.

Ибраев И.П. «Мӱкш отар» гыч «Отеллошко» // Марий коммуна. 1935. 20 июнь.

Иванов А.Е. Марийская драматургия: основные этапы развития. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 276 с.

Иванов А.Е. Марий литератур: Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. 280 с.

История коми литературы: в 3-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. 328 с.

История марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 431 с.

История чувашской литературы XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. Часть I: 1900–1955. 431 с.

Казанцев Ф.К. Чавайн – драматург // Марий коммуна. 1935. 30 дек.

Козырев В. Самырык драматург // Марий коммуна. 1939. 14 дек.

Кугу сеҥымаш // Марий коммуна. 1935. 23 март.

Кульбаева Н.И. Становление марийского театрального искусства // Историко-культурный комплекс Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. С. 110–127.

Кульбаева Н.И. Артисты Марийского театра: биобиблиогр. справ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 288 с.

Маюк А. Пушкин – марий сценыште // Марий коммуна. 1937. 24 февр.

Никифорова В. Петр Осипов // История чувашской литературы XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. Часть I: 1900–1955. С. 291–296.

Никифорова В. Агитационная драматургия и чувашский театр 1920–1930-х годов // Явление Театра народу. Сб. ст. и материалов: к 100-летию Чуваш. гос. акад. драмат. театра им. К.В. Иванова. Чебоксары, 2018. С. 45–51.

Николаев С.Н. Илышем да сылнымут корнем. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 79 с.

Петрович «Салика» // Марий коммуна. 1938. 12 апр.

Семенов Ф. «Чап» – Марий театрыште // Марий коммуна. 1936. 17 сент.

Соколов Т.И. Театр дене пырля кушкынам // Марий коммуна. 1935. 20 июнь.

Черных С.Я. Марийская литература 30-х годов // Очерки истории марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. Ч. 1. С. 101–181.

Nadezhda Fedoseeva

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE MARI DRAMATURGY AND THEATER IN THE 1930S

Introduction. The issue of Mari drama in the context of the history of theatrical art has not been the subject of any special study, although there are many works, dedicated to Mari drama and the history of theatre. In this regard, this article is the first attempt to fill this gap. **The objective of the article** is to study the peculiarities of the Mari drama and theater development in the 1930s in the chronological aspect, paying attention to the logic of the artistic process. **Materials and methods**. The works of Mari playwrights and critical publications on the performances of Mari Theater in the 1930s form the materials for the study. The article used cultural-historical and comparative methods. **Research results and discussion.** In the first half of the 20th century, several Mari writers worked fruitfully in the genre of dramaturgy: A. Konakov, S. Chavain, M. Shketan, N. Ignatiev, I. Borisov, I. Belyaev, S. Nikolaev, G. Efrush, N. Arban and A. Volkov. Both comedy (M. Shketan *Кышал* (*Jelly,* 1931), *Кок сӱанат пеле* (*Two And a Half Weddings,* 1935), *Лапчык Каритон* (*Lapchyk Khariton*, 1935); S. Chavain *Шурно погымо кампаний (Grain Procurement Campaign,* 1931*), Окса тул (Shine of Coins,* 1936*);* S. Nikolayev *Salika (Salika,* 1937–1938*)*) and drama developed in that period (M. Shketan *Кодшо румбык* (*Past Mess,* 1931), *Шурно* (*Harvest,* 1932–1933); S. Chavain *Илыше вӱд* (*Living Water,* 1930); *Akpatyr (Akpatyr,* 1935*)*; S. Nikolayev *1918* (*The Year of 1918,* 1930), *Вӱдшӧ йога* (*Waters Are Flowing*, 1939)). Small plays in volume had also found their place in the history of Mari drama (I. Belyaev *Тылык ыдӹр* (*An Orphan Girl*, 1930); K. Smirnov *Тулык Верий* (*Vera the Orphan,* 1932); N. Mukhin *Кок тул коклаште* (*Between Two Fires,* 1930); S. Nikolaev *Ош когарш* (*White Moth,* 1930); *Тревого* (*Alarm,* 1931); I. Olyk *Шӧртньӧ ӱжара* (*Golden Dawn,* 1935); N. Ivanov *Ӱчӧ* (*Revenge,* 1939); G. Efrush *Ешем* (*My Family,* 1935), *Тайра* (*Darya*), 1936), *Энгыремышвот* (*Spider Web*, 1939) and some other works). The repertoire of the Mari Theatre included both national and translated works from Russian. In ten years, 28 plays were staged, more than ten of them - works by Mari writers [Kulbaeva, 2005, pp. 261-263]. The same picture is observed in other national literature, for example, Mordovian and Chuvash [Antonov, 2012; History, 2015]. **Conclusion**. Mari drama and theatrical art of the studied period have achieved certain success; writers pay attention to social and everyday moments and historically significant events. In terms of the genre, the historical and heroic drama (*Akpatyr* by S. Chavain) and the musical comedy (*Salika* by S. Nikolaev) were created, which won success on the stage of the Mari Theatre and became favorite works of the audience. In other national literature there is basically a similar picture: the plays translated from the Russian language have entered the repertoire of the theater, a certain place is occupied by performances devoted to the theme of revolution and collectivization, drama and comedy have become leading genres, and the authors relied on folklore wealth [History, 1980, p. 262; Antonov, 2012, p. 100; Arekeeva, 2015, p. 40; History, 2015, pp. 316–320].

Keywords: Mari drama; theatrical art; production; writer; genre; drama; comedy; play; performance.

REFERENCES

Ajzenvort A. Osalym kondysho p'esa [Пьеса, приносящая зло. Evil play]. *Marij kommuna*, 1937, 4 ijun'. (In Mari).

Antonov Yu.G. Zarozhdenie i puti razvitiya mordovskoj dramaturgii [Origin and ways of development of Mordovian drama]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2012, 260 p. (In Russian).

Arekeeva S.T. Udmurtskaya dramaturgiya 1920–1950-h godov: poiski zhanra [The 1920–1950 Udmurt drama: genre determination]. *Arekeeva S.T., Zajceva T.I. Udmurtskaya dramaturgiya XX – nachala XXI veka: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Izhevsk, FGBOU VPO «Udmurtskij gosudarstvennyj universitet», 2015a, pp. 36–41. (In Russian).

Arekeeva S.T. Svad'ba v syuzhete udmurtskih p'es 1920–1930-h godov: funkcii, poetika [Wedding in the plots of the 1920–1930 Udmurt plays; functions and poetics]. *Arekeeva S.T., Zajceva T.I. Udmurtskaya dramaturgiya XX – nachala XXI veka: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Izhevsk, FGBOU VPO «Udmurtskij gosudarstvennyj universitet», 2015b, pp. 41–47. (In Russian).

Georgina M.A. Marijskij dramaticheskij teatr: stranicy istorii (1917–1978) [Mari drama: pages of history (1917–1978)]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 187 p. (In Russian).

Efrush G. «Chapyn» chapshe [Слава «Славы». Fame of *Glory*]. *Marij kommuna,* 1936, 17 sentyabr'. (In Mari).

Zajniev G.Z. Shÿm-chon voshtonchysh [Зеркало души. Mirror of the heart]. Joshkar-Ola: Marij kniga izdatel'stve, 2019, 287 p. (In Mari).

Ibraev I.P. «Mÿksh otar» gych «Otelloshko» [от «Пасеки» до «Отелло». From *Apiary* to *Othello*]. *Marij kommuna,* 1935, 20 iyun'. (In Mari).

Ivanov A.E. Marijskaya dramaturgiya: osnovnye etapy razvitiya [Mari Drama: main development stages]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, 276 p. (In Russian).

Ivanov A.E. Marij literatur: Tunyktyshylan polish [Mari Literature: Teacher's Book]. Joshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 1993, 280 p. (In Mari).

Istoriya komi literatury: v 3 t. [History of Komi Literature]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1980, t. 2, 328 p. (In Russian).

Istoriya marijskoj literatury [History of Mari Literature]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 431 p. (In Russian).

Istoriya chuvashskoj literatury XX veka. Chast' I (1900–1955) [History of Chuvash Literature. Part 1 (1900–1955)]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015, 431 p. (In Russian).

Kazancev F.K. Chavajn – dramaturg [S. Chavain – the playwright]. *Marij kommuna,* 1935, 30 dekabr'. (In Mari).

Kozyrev V. Samyryk dramaturg [Молодой драматург. A young playwright]. *Marij kommuna,* 1939, 14 dekabr'. (In Mari).

Kugu sengymash [Большое достижение. Great achievement] // Marij kommuna. 1935. 23 mart. (In Mari).

Kul'baeva N.I. Stanovlenie marijskogo teatral'nogo iskusstva [Development of Mari theatrical art]. *Istoriko-kul'turnyj kompleks Respubliki Marij El*. Joshkar-Ola, MarNII, 1996, pp. 110–127. (In Russian).

Kul'baeva N.I. Artisty Marijskogo teatra: biobibliograficheskij spravochnik [Actors of Mari theatre: bibliography]. Joshkar-Ola, MarNIIYALI, 2005, 288 p. (In Russian).

Majuk A. Pushkin – marij scenyshte [Пушкин на марийской сцене. A.S. Pushkin on the Mari stage]. *Marij kommuna,* 1937, 24 fevral'. (In Mari).

Nikiforova V. Petr Osipov. *Istoriya chuvashskoj literatury XX veka*. Chast' I (1900–1955) [History of the 20th century Chuvash literature. Part 1 (1900–1955)]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015, pp. 291–296. (In Russian).

Nikiforova V. Agitacionnaya dramaturgiya i chuvashskij teatr 1920–1930-h godov [Agitation drama and Chuvash theatre in 1920–1930] // The appearance of theatre to people. Collection of articles and materials: To the centennial anniversary of K.V. Ivanov Chuvash State Academic Drama Theatre. Cheboksary, 2018, pp. 45–51. (In Russian).

Nikolaev S.N. Ilyshem da sylnymut kornem [Годы творческих поисков. Years of creative research]. Joshkar-Ola, Marij kniga izdatel'stvo, 1981, 79 p. (In Mari).

Petrovich «Salika» [*Salika*]. *Marij kommuna,* 1938, 12 aprel'. (In Mari).

Semenov F. «Chap» – Marij teatryshte [«Слава» – в Марийском театре. *Glory* in the Mari theatre]. *Marij kommuna,* 1936, 17 sentyabr'. (In Mari).

Sokolov T.I. Teatr dene pyrlya kushkynam [Я вырос вместе с театром. I have grown up together with the theatre]. *Marij kommuna,* 1935, 20 ijun'. (In Mari).

Chernyh S.Ya. Marijskaya literatura 30-h godov [The 1930s Mari literature]. *Ocherki istorii marijkoj literatury*. Ch. 1. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, pp. 101–181. (In Russian).

Федосеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Nadezhda Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: fedna74@mail.ru

УДК 821.511. 131.0
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_12

ОБРАЗ ТЕАТРА В ТРИЛОГИИ ИГНАТИЯ ГАВРИЛОВА «В РОДНЫХ КРАЯХ»

2022 г. В.Л. Шибанов

Введение. Творчество удмуртского писателя Игнатия Гаврилова (1912–1973) оценивается крайне противоречиво. В центре его романа-трилогии «Вордйськем палъёсын» («В родных краях», 1958–1963) социально-культурные события в Удмуртии в 1927–1943 годов, но многие ситуации идут в разрез с действительностью. По словам П. Домокоша, в трилогии история показана неверно. Шесть персонажей могут претендовать на роль главного героя, а это практически означает, что в трилогии нет центрального главного героя. **Цель статьи** – объяснить причины противоречивой рецепции романа и предложить собственное прочтение этого произведения. **Материалы и методы**. В основе исследования лежит системный подход с актуализацией герменевтического метода. **Результаты исследования, обсуждения.** Многие критики увидели в трилогии исторический документ, а не плод художественного вымысла. Однако Гаврилов не стремится к исторической достоверности, все герои, как положительные, так и отрицательные, сконцентрированы вокруг идеи Театра. Первая книга трилогии – это рождение театра, 2-я книга – его становление, 3-я книга – испытание на прочность. Все центральные персонажи трилогии (кроме Кати Сергеевой) уходят из жизни, но театр остается как символ развития удмуртской культуры. **Заключение.** Игнатий Гаврилов сознательно создает художественный мир, отличающийся от реальности 1930-х годов. Отсюда различия во взглядах на эту трилогию. Очевидно, что образ театра является ключевым для понимания текста.

Ключевые слова: удмуртская литература; Игнатий Гаврилов; роман-трилогия «В родных краях»; рецептивная поэтика, образ театра.

Введение

В творчестве удмуртского драматурга, поэта и прозаика Игнатия Гаврилова (1912–1973) особое место занимает роман-трилогия «*Вордйськем палъёсын*» («В родных краях»; в русском переводе – «Корни твои»). Три книги произведения вышли соответственно в 1958, 1959 и 1963 году. Работу над романом И. Гаврилов начал в годы Великой Отечественной войны и в образе Сергея Климова хотел показать собственный боевой опыт и свои переживания. Но планы постепенно изменились, фронтовой жизни Сергея посвящена лишь вторая половина третьей книги (главы 6–10), основные же действия разворачиваются в 1927–1937 годах, на первый план выходят другие герои. Основной упор делается на формирование удмуртской театральной интеллигенции в столице республики Ижевске, организацию артелей в деревнях, изображение классовой борьбы в национальной писательской среде. Из более чем сотни персонажей ключевыми являются шестеро: молодые литераторы Сергей Климов и Василий Камашев, молодые актрисы Катя Сергеева и Варвара Камашева, их идейные наставники Спиридон Богатырёв и Никита Бакин. Критик А.А. Ермолаев, один из немногих, высоко оценивших трилогию, в послесловии к третьему роману просит читателя обратить внимание и на другие значимые имена, доводя этот ряд до 8–10 центральных героев [Ермолаев, 1963, с. 264].

Тем не менее большинство удмуртских литературоведов отнеслось к трилогии «Вордйськем палъёсын» скептически и противоречиво. От произведения, появившегося в годы оттепе-

ли, читатель второй половины XX века ждал другого содержания, прежде всего, правдивого изображения периода трагических репрессий. До сих пор произведение И. Гаврилова недооценено и ждет новых исследований, опирающихся не на отдельно взятые литературоведческие методы, а на комплексный подход к произведению. При этом важно обратить внимание на сложную взаимосвязь понятий «читатель» и «автор», что может пролить новый свет на проблематику романа.

Цель статьи – объяснить причины противоречивой рецепции романа-трилогии Игнатия Гаврилова «Вордйськем палъёсын» («В родных краях») и предложить новый вариант прочтения данного произведения, выдвигая на первый план не героев-персонажей, а образ «театра» как сюжето- и смыслообразующего элемента произведения.

Материалы и методы

В основе исследования лежит системный подход с актуализацией герменевтического метода. Анализируя произведение в социально-историческом и национально-культурном контексте, постоянно необходимо иметь в виду следующее: «Произведение – нечто большее, чем его написанный текст, потому что текст обретает жизнь только в процессе чтения, чтение зависит от индивидуальности читателя» [Изер, 2004, с. 202].

Результаты исследования, обсуждения

При исследовании трилогии И. Гаврилова поневоле приходится задумываться, в какой мере могут быть важными ожидания читателя для последующей оценки произведения и насколько актуален термин «горизонт ожиданий», разработанный представителями рецептивной поэтики. На индивидуальные вкусы читателя накладывает отпечаток и общественно-культурная среда. «То, как литературное произведение при своем появлении удовлетворяет, превосходит, обманывает или разочаровывает ожидания его первых читателей, дает критерий для определения его эстетической ценности» [Яусс, 2004, с. 196].

В образах вымышленных персонажей Игнатия Гаврилова многие критики стремились увидеть реальных прототипов и были разочарованы, что Гаврилов оказался далёким от исторической действительности. Удмуртский литературовед Ф.К. Ермаков пишет: «Если образы работников театрального искусства нарисованы более или менее удачно, то образы удмуртских литераторов и литературная жизнь республики в описываемый период показаны односторонне. Он находит только одного положительного героя, Сергея Климова, <…> а все остальные деятели литературы – или явные враги народа, или подпевалы врагов» [Ермаков, 1975, с. 123]. Критик осознает, что в трилогии основное внимание уделяется театральной жизни, но «односторонний» показ литературной среды его явно не устраивает. В произведении дают о себе знать герои-персонажи, прототипами которых можно назвать Кузебая Герда, Ашальчи Оки, Кедра Митрея и ряд других, т.е. цвет и гордость удмуртской литературы. Но в романе И. Гаврилова эти персонажи изображены таким образом, что симпатии читателя оказываются не на их стороне.

Неудачу удмуртской трилогии объяснил и венгерский исследователь Петер Домокош: «Гаврилов, который пережил, борясь и ошибаясь, удмуртскую историю с 20-х годов, кому XX съезд партии открыл возможность ясно видеть, исправить и начать все снова, мог бы всё это раскрыть достоверно и изобразить точно» [Домокош, 1993, с. 321]. Другими словами, после разоблачения культа личности Сталина Гаврилов должен был задуматься о том, чтобы переписать свой роман перед его изданием в 1958 году. Отсюда вывод исследователя: «Он дал, по существу, неполную и потому неверную картину 15 лет истории удмуртской культуры, умалчивая о трагических фактах» [Домокош, 1993, с. 321].

Справедливости ради скажем, что в трилогии И. Гаврилова репрессивная машина показана довольно пространно, особенно во второй части. Претензии Петера Домокоша в том, что в романе этот драматизм не поднимается до уровня трагизма: И. Гаврилов пишет, «умалчивая о трагических фактах». Для венгерского исследователя, как и для Ф. Ермакова, принципиально важно, что без верной оценки литературной жизни сложно рассуждать об особенностях национального театра.

Когда начались печально знаменитые события (особенно «дело СОФИН» в 1932 г., в результате которого удмуртская литература

лишилась доброй своей половины), Игнатию Гаврилову исполнилось 20 лет. Его авторская позиция в произведении действительно показана крайне противоречиво. Рупором идей и умонастроений писателя является молодой Сергей Климов, и то требуется уточнение: «К Сергею Климову автор поначалу относится с мягкой добродушной иронией. <…> Он (Климов. – *В.Ш.*) мнит себя чуть ли не знаменитым поэтом… И в городе, думает он, его знают и ждут» [История удмуртской … , 1987, с. 237]. Вымысел и достоверность у И. Гаврилова почти не отделимы друг от друга, исследователь биографического жанра в русской и мировой литературе Л. Гинзбург о таком явлении пишет следующее: «Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа» [1977, с. 133]. Игнатий Гаврилов, переживший события 1930-х годов в молодом возрасте, не претендует на роль судьи и «прячется» за своим простовато-наивным героем, которому предстоит найти свое место как в чуждой городской среде, так и в бурно кипящем литературном мире. Заметим, что свои достоверные впечатления об истории 1920–1930-х годов Игнатий Гаврилов решил все-таки написать в другом произведении, автобиографической повести «Тодам ваисько» («Я вспоминаю», 1978), напечатанном уже после смерти автора. Примечательно, что события в этом произведении завершаются 1931 годом; автор поставил точку до того, как начнется «дело СОФИН», сфабрикованное сталинскими властями.

Критические замечания в адрес трилогии обусловлены и другими неоправданными ожиданиями удмуртских читателей. По мысли Р.И. Яшиной, в трилогии зачастую отрицательные персонажи (например, Варвара Камашева) оказываются более привлекательными, чем положительные герои. «Если обратиться к образу мышления героев, их внутренней культуре, то и Климов, и Катя, и Варвара, и Богатырев выглядят довольно убого. В ряде случаев своими разговорами они напоминают учащихся седьмых классов» [Яшина, 1968, с. 53]. Из слов Р. И. Яшиной явствует, что И. Гаврилов не должен был показывать повседневные хлопоты театральных работников широкой публике, которая призвана видеть в образе национального театра идеалы нравственных устоев, тем более что многие из героев учились в Москве (Климов, Камашев, Сергеева, Волин и др.).

Зуева А.С. в своем капитальном исследовании «Поэтика удмуртского романа» (1984) оценку трилогии И. Гаврилова дает весьма специфично: в монографии о данном романе не говорится ни слова, тем не менее во введении отмечается следующее: «На первый план выдвигаются только те произведения, которые стали заметным явлением в национальном искусстве слова» [Зуева, 1984, с. 21]. То, что трилогия И. Гаврилова осталась вне поля зрения, негласно объясняется якобы его низким качеством и отсутствием в нем оригинальных художественных решений.

Если обратиться к литературе народов СССР, данный «неудачный» опыт удмурта Игнатия Гаврилова не оказывается каким-то исключительным случаем. Так, например, в чувашском советском литературоведении противоречивым было отношение к роману С. Аслана «Ахрат», задуманному как тетралогия. Современные ученые не соглашаются с доводами чувашских критиков середины XX века и верно отмечают: «С. Аслан пишет не исторический документ, а художественное произведение, основой которого является художественный вымысел писателя» [История чувашской … , 2015, с. 403], в связи с чем «…выдвинутые замечания являются весьма спорными и субъективными» [История чувашской … , 2015, с. 403]. Из этих и других примеров явствует, что отношение к художественному тексту с течением времени может меняться. Ожидание читателя (горизонт ожиданий), не оправданное в 1960–1980-е годы, не должно наложить крест на ценность того или иного художественного произведения. Последующие эпохи, новые прочтения открывают новые стороны текста.

Вписывание романа-трилогии И. Гаврилова «Вордйськем палъёсын» в широкий литературный контекст наталкивает на мысль, что за большим сонмом ведущих персонажей должен обнаруживаться еще один герой, обобщающий их и создающий некое единство. Один из самых показательных примеров в мировой литературе – это многогеройный роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». Таким же образом, как

у английского романиста, на первый план выходит «ярмарка», по-своему раскрывающая характеры Ребекки Шарп и Эмилии Седли, Питта Кроули и Родона Кроули, Джозефа Седли и Джорджа Осборна. У удмуртского автора ключевую роль играет «театр», объединяющий вокруг себя Сергея Климова, Василия Камашева, Катю Сергееву, Варю Камашеву, Спиридона Богатырева и Никиту Бакина [Шибанов, 2022, с. 91].

Если абстрагироваться от героев-персонажей трилогии «Вордйськем палъёсын» и вывести на первый план собирательный образ театра, то выстраивается такая сюжетно-композиционная последовательность: первая книга – это рождение национального театра, вторая – его становление, третья – проверка на прочность. В призме сценического, режиссерского угла зрения изображены многие панорамные картины в романе: деревенская свадьба, сходки крестьян в период организации артелей, сцены из фольклорных экспедиций, бурные собрания писателей. Каждый из эпизодов и изображаемых персонажей работает на раскрытие и «оживление» образа театра. Более того, даже природная гроза вписывается в этот ряд: Катя Сергеева, укрываясь от сильного дождя, случайно попадает в здание, в котором шла репетиция национальной пьесы [Гаврилов, 1959, с. 48]. Если не началась бы гроза, то не ясно, как сложилось бы будущее Кати, вернее, романисту пришлось бы искать другие сюжетные ходы, чтобы вывести свою героиню на театральную сцену.

Итак, первая часть трилогии – это процесс рождения национального театра, формирование труппы, поиск помещения и сцены, назначение администраторов, работа с драматургами и актерами, поиск достойной для премьеры пьесы. Игнатий Гаврилов подробно описывает, каким образом решаются эти и другие проблемы. Отсюда множество персонажей, соперничающих друг с другом. Особую роль играет поиск помещения и сцены (в действительности Удмуртский государственный драмтеатр собственное здание получил лишь в 1960 году). Но, как ни странно, отсутствие помещения в сюжетном плане оказывается интригующим фактором. В первых главах романа здание, в котором работает драмкружок, ничем не напоминает культурную постройку: *лапег гинэ кузь сарай кадь ук* [Гаврилов, 1958, с. 21] ‘Низенький, словно длинный сарай’. Затем драматическая студия находит пристанище в КОР-е (Клубе Октябрьской революции), после этого театру предоставляют бывшее служебное помещение, требующее капитального ремонта: *Берат ини мырдэм НКВД-лэн клубаз интыяны луиз* [Гаврилов, 1963, с. 14] ‘В конце концов, удалось устроить в бывший клуб НКВД’. Официальное же открытие Удмуртского театра происходит в 1931 году вне территории Удмуртии – в Нижнем Новгороде, под строгим присмотром известного идеолога А.А. Жданова. Сравнение текстов романа и автобиографической повести «Я вспоминаю» наводит на мысль, что Игнатий Гаврилов стремится быть максимально документальным при изображении городских зданий и помещений.

В пространственной организации трилогии важное место занимают удмуртская деревня Бадзымшур и город Ижевск. Но И. Гаврилов не противопоставляет город и деревню, цивилизацию и природу. Мир села – это почва, основа для формирования национального театра в широком значении этого слова: почти все работники зарождающегося театра вышли родом из деревни, деревенская тема является ключевой в театральных постановках. Примечательно, что самое начало романа – это изображение пассажирского поезда, едущего в Ижевск: молодые Сергей Климов и Катя Сергеева в поисках благополучия и счастья покинули родную деревню, они на пути между городом и деревней, молодые еще не догадываются, что их судьба будет связана с национальным театром.

Следующая книга трилогии И. Гаврилова – становление театра, упрочение его устоев. Особое внимание уделяется, во-первых, повышению квалификации и профессионализма актеров и других специалистов; во-вторых, росту политического и идеологического сознания; в-третьих, скрупулезному и осторожному изучению фольклора, чтобы не угодить в ряды националистов. Остановимся на этих моментах подробнее.

Наиболее талантливых ребят отправляют на учебу в столицу страны – МГУ и ЦЕТЕТИС (Центральный техникум театральных искусств). Молодые удмурты не только прилежно учатся,

но и погружаются в культурный мир столицы. Литературный контекст этих частей трилогии пестрит именами известных писателей, актеров, театральных ролей и амплуа: «Дом Фамусова», привлекающий многих студентов, рассуждения о том, может ли колхозник сыграть роль Труффальдино из известной пьесы Гольдони, посещение спектакля «Доходное место» А. Островского, в котором играет знаменитая Бабанова [Гаврилов, 1959, с. 105] и др. Для повышения профессиональных навыков некоторые специалисты приглашаются в Удмуртию, более подробно показана работа в Ижевске балетмейстера Канина и интерес к нему Варвары Камашевой.

Важен не только высокий профессионализм культурных работников, но и прочная их политическая сознательность. А.А. Жданов дал наказ удмуртскому коллективу в Нижнем Новгороде: *Зэмос театр луон понна, тӥледлы мастерстволы дышетсконо, политической но огъя культурадэс жутоно* [Гаврилов, 1958, с. 80] ‘Чтобы стать настоящим театром, вам надо учиться мастерству, поднять политическую и общекультурную подготовку’. В автобиографической повести эта фраза смягчена: «Чтобы стать хорошим артистом, вы должны трудиться ежедневно без устали» [Гаврилов, 1978, с. 149]. Культурный работник 1930-х годов должен видеть врагов и вредителей не только на сцене, но и в повседневной обыденной жизни. В целях разоблачения врагов Игнатий Гаврилов не идет на карикатурное их осмеяние, зачастую эти отрицательные персонажи оказываются даже более живыми и привлекательными, чем их разоблачители [Яшина, 1968, с. 53]. Эти скрытые враги прямо говорят о том, что индустриализация тяжелым бременем ложится на плечи крестьян (Прохор), что идея диктатуры пролетариата не должна распространяться на художественное творчество (Зангари Илья), что репертуар национального театра должен быть намного шире, чем идущие на сцене однообразные пьесы (Бакин). Чтобы у читателя не возникло сочувствия к этим героям, И. Гаврилов использует стандартный для своего времени прием: несколькими штрихами он «разоблачает» скрытых врагов, прежде всего показывая теневые стороны их натуры. Вот, например, молодой драматург Василий Камашев задумал пьесу, отличную от стандартных сюжетов 1930-х годов, получил добро от театральной администрации: *Вань ужан дырзэ квартираяз нимаз комнатаын «Бал-маскарад» феериез бордын пуке но егит кузё кышноен кильтыръяське* [Гаврилов, 1963, с. 48] ‘Все свое рабочее время сидит над своей феерией «Бал-маскарад» в отдельной комнате и кокетничает с молодой хозяйкой квартиры’. Игнатий Гаврилов дает знать своему читателю: раз герой кокетничает («*кильтыръяське*») с хозяйкой, то и его пьеса не должна получиться добротной. В конечном счете феерия Камашева была засчитана «балаганной» и не дошла до постановки.

Национальному театру, чтобы поистине стать «национальным», а не «националистическим», нужно было проводить отельную работу со своими работниками. Дело в том, что фольклорная тематика, древние мифы удмуртов привлекают и других драматургов, объявленных в дальнейшем врагами народа. Грань между «национальным» и «националистическим» весьма тонка и условна, чтобы осознать эти нюансы, театральной труппе приходится участвовать в научных фольклорных экспедициях, сочетая эту работу с гастролями. Руководят экспедициями признанные ученые, имеющие прямых прототипов.

Остановимся подробнее на примере обряда ряженья (*пӧртмаськон*), о котором размышляют некоторые эпизодические герои трилогии. Один из старых рабочих так оценивает работу удмуртского драмкружка (на его основе затем будет сформирован профессиональный театр): *Юнме гинэ ысъяллямды сое курсэ. Драмколлективлэсь ужзэ Порехин пӧртмаськонлы пӧрмытэ* [Гаврилов, 1958, с. 102] ‘Напрасно отправляли его на курсы. Работу драмколлектива Порехин превращает в обряд ряженья’. Это сравнение призвано показать, насколько некомпетентен Порехин в деле постановки спектаклей. Но в действительности этот рабочий, сам того не осознавая, обозначает главную особенность национального театра: городских удмуртов спектакль привлекает к себе тем, что в нем они видят нечто знакомое, фольклорное, близкое. Именно этим и спекулирует Яшка Порехин.

Отец Кати Сергеевой тоже сравнивает театр с ряженьем. На реплику дочери о том, что

он еще не видел настоящих спектаклей, тот отвечает: *Тодйсько, адземе вань. Вавожын возьматйзы. Асьме гуртын соослэсь устогес пёртмасько* [Гаврилов, 1959, с. 110] ‘Знаю, видел. В селе Вавож показывали. У нас в деревне ряженья устраивают лучше’. В романе Гаврилова нет пространных размышлений о национальных обрядах, но мысль Кати о том, что нельзя путать ряженье в традиционной культуре и элементы ряженья в профессиональном театре, наводят на интересные размышления. Современные фольклористы убедительно показывают, что ряженые, например, при обходе дворов выводятся «за рамки профанного времени и пространства. Пёртмаськись – ряженый (шире – лицедей), позволял себе то, чего не мог позволить человек в обыденной ситуации» [Владыкина, 1998, с. 321–322]. Удмуртский зритель в 1920-е годы еще не был готов к восприятию сложных сценических действий, его надо было воспитывать, и из множества таких приемов наиболее действенным оказывается путь, приближающий друг к другу обряд и театральное действо.

Реплики о традициях ряженья примечательны еще и тем, что они звучат из уст второстепенных героев, никак не влияющих на сюжетную канву. Но эти реплики раскрывают суть национального театра намного глубже и неожиданней, чем произносимые режиссерами и актерами известные избитые истины.

Третий том трилогии «Корни твои» – это проверка национального театра на прочность. Репрессии 1937 года и Великая Отечественная война ломают судьбы героев, тяжелым бременем ложатся на плечи деятелей культуры. Несмотря на большие потери, удмуртский театр выживает и возобновляет свою деятельность.

Примечателен финал трилогии. Несмотря на тяжелые военные условия, Игнатий Гаврилов всех своих героев сводит в один пространственный локус – в удмуртскую деревню Бадзымшур. Ижевская театральная труппа приезжает туда с плановыми гастролями. В то же время в близлежащих лесах скрываются дезертиры и бандиты, среди них сбежавший из фронта Василий Камашев. Сергей Климов получает краткосрочный отпуск и приезжает в родные края, с собой у него новоиспеченная пьеса. А санитарку Катю Сергееву демобилизовали по приказу высшего командования с целью возобновления деятельности национального драмтеатра: *Приказ Москваысь. Тй понна правительстводы курем…* [Гаврилов, 1963, с. 256] ‘Приказ из Москвы. О вас хлопочет ваше правительство’. Перед нами невообразимая череда случайностей, не характерная для реальности военного времени. Но если вернуться к идее, что главным героем романа «Вордйськем палъёсын» является театр, то смысл заключительной сцены становится очевидным. Разрешается главный конфликт произведения, бандиты и дезертиры попадают в руки властей, бесславно гибнут Василий и Варвара. Театр очищается от ненужных элементов, проходит проверку на прочность.

Предложенная нами интерпретация трилогии «Вордйськем палъёсын», можно надеяться, подтолкнет литературоведов к новым прочтениям этого интересного произведения. Еще в советские годы критик А. Ермолаев предложил свой оригинальный ключ к его пониманию, но, к сожалению, так и не развернул свои идеи. По его мысли, противоположные по характерам антиподы Сергей Климов и Василий Камашев, Катя Сергеева и Варя Камашева на самом деле являются своеобразными двойниками одного и того же героя (мотив раздвоения); при этом удмуртский критик ссылается на слова К.К. Гавриловой-Фанталовой, супруги писателя: «Некоторые черты моего характера, сказала она, приписаны Кате, а другие – Варе» [Ермолаев, 1986, с. 17]. Очевидно, А.А. Ермолаев вплотную подошел к психоаналитической основе трилогии, но не решился раскрыть эту ее сторону.

Распространенные в литературоведении положения, суждения о том или ином произведении, как пишет В. Изер, часто «затемняют наш личный опыт», а нужно добиваться того, чтобы в процессе чтения «происходил искусственный передел личности читателя, потому что нашей темой становится нечто, чем мы не являемся. Поэтому в процессе чтения мы действуем на разных уровнях» [Изер, 2004, с. 223]. Роман-трилогия И. Гаврилова «Вордйськем палъёсын» является в удмуртской прозе одним из показательных примеров, способных породить различные суждения читателя. И писатель сознательно работает на это, будучи по

профессии связанным с театром и хорошо знающим зрительскую, читательскую аудиторию.

Заключение

С течением времени роман-трилогия Игнатия Гаврилова «Вордйськем палъёсын» открывается все новыми гранями. Удмуртский писатель не ставил перед собой задачи исторически правдиво изобразить трагические события 1930-х годов, поэтому жесткие критические замечания по этому поводу [см. подробнее: Ермаков, 1975; Домокош, 1993; Яшина, 1968 и др.] весьма спорны. Основа трилогии – художественный вымысел, и образ «театра» является ключевым для понимания текста. Композиционно произведение делится на три части: рождение театра, его становление и испытание на прочность. Все центральные персонажи трилогии (кроме Кати Сергеевой) уходят из жизни, но театр остается как символ развития удмуртской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 356 с.

Гаврилов И.Г. Вордйськем палъёсын. Нырысетӥ книга (В родных краях. Книга первая). Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1958. 268 с.

Гаврилов И.Г. Вордйськем палъёсын. Кыкетӥ книга (В родных краях. Книга вторая). Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1959. 286 с.

Гаврилов И.Г. Вордйськем палъёсын. Куинетӥ книга (В родных краях. Книга третья). Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1963. 264 с.

Гаврилов И.Г. Тодам ваисько (Я вспоминаю). Ижевск: Удмуртия, 1978. 172 с.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 448 с.

Домокош П. История удмуртской литературы / перевод с венгерского В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

Ермаков Ф.К. Путь удмуртской прозы. Ижевск: Удмуртия, 1975. 140 с.

Ермолаев А.А. «Вордйськем палъёсын» роман но солэн авторез (Роман «В родных краях» и его автор) // И. Гаврилов. Вордйськем палъёсын. Куинетӥ книга. Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1963. С. 260–264.

Ермолаев А.А. Игнатий Гавриловлэн зарни крезез (Золотые гусли Игнатия Гаврилова) // И.Г. Гаврилов. Люкам сочинениос: 3 томен. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 1986. С. 5–18.

Зуева А.С. Поэтика удмуртского романа. Ижевск: Удмуртия, 1984. 192 с.

Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 201–224.

История удмуртской советской литературы: в 2-х т. Т. 1. Устинов: Удмуртия, 1987. 252 с.

История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1955): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.

Шибанов В.Л. Валтйсь героез – удмурт театр (Удмуртский театр как главный герой) // Кенеш. 2022. № 3. С. 89–100.

Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 193–200.

Яшина Р.И. Сӥземын интеллигенцилы (Посвящен интеллигенции) // Молот. 1968. № 5. С. 51–54.

Victor Shibanov

THE IMAGE OF THE THEATER IN IGNATIY GAVRILOV'S TRILOGY "IN NATIVE LANDS"

Introduction. The work of the Udmurt writer Ignatiy Gavrilov (1912–1973) is evaluated inconsistently. His novel-trilogy "In native lands" (1958–1963) shows the socio-cultural events in Udmurtia in the 1928s–1943s, but history is shown incorrectly (P. Domokos). Six characters claim to be the protagonist of the novel, but it is difficult to call them the main characters. **The purpose** of the article is to explain the reasons for the contradictory reception of the novel and offer one's own reading of this work. **Materials and methods**. The study is based on a systematic approach with the actualization of the hermeneutic method. **The Research results, discussions**. Many critics saw in the trilogy a histori-

cal document, and not the fruit of fiction. However, Gavrilov does not strive for historical authenticity. All heroes, both positive and negative, are centered around the idea of *Theatre*. The 1st book is the birth of the theater, the 2nd book is the formation of the theater, and the 3rd book is a test of strength. All the main characters of the trilogy (except for K. Sergeeva) pass away, but the theater remains. **Conclusion.** I. Gavrilov deliberately creates an artistic world that differs from the reality of the 1930s, although the heroes may have prototypes. It is obvious that the image of the theater is the key in the trilogy.

Keywords: Udmurt literature; Ignatiy Gavrilov; novel-trilogy “In native lands”; receptive poetics, the image of the theater.

REFERENSES

Vladykina T.G. Udmurtskii fol’klor: problemy zhanrovoi evol’utsii i sistematiki [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury Ural’skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 1998, 356 p. (In Russian).

Gavrilov I. Vordiskem paliosyn. Nyryseti kniga. [In native lands, book 1]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1958, 268 p. (In Udmurt).

Gavrilov I. Vordiskem paliosyn. Kyketi kniga. [In native lands, book 2]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1959, 286 p. (In Udmurt).

Gavrilov I. Vordiskem paliosyn. Kuineti kniga. [In native lands, book 3]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1963, 264 p. (In Udmurt).

Gavrilov I. Todam vaisko [I remember]. Izhevsk, Udmurtia, 1978, 172 p. (in Udmurt).

Ginzburg L. O psihologicheskoi proze [About psychological prose]. Leningrad, Hudozhestvennaia literatura, 1979, 448 p. (In Russian).

Domokos P. Istoriia udmurtskoi literatury [History of Udmurt literature]. Perevod s vengerskogo V.Vasovchik. Izhevsk, Udmurtia, 1993, 448 p. (In Russian).

Jermakov F. Put’ udmurtskoi prozy [The path of Udmurt prose]. Izhevsk, Udmurtiia, 1975, 140 p. (In Russian).

Jermolaev A.A. “Vordiskem paliosyn” poman no solen avtorez [The novel “In native lands” and its author]. *I. Gavrilov. Vordiskem paljosyn. Kuineti kniga. [In native lands, book 3].* Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1963, pp. 260-264. (In Udmurt).

Jermolaev A.A. Ignatiy Gavrilovlen zarni krezez [Golden harp of I. Gavrilov]. *I.G. Gavrilov. L’ukam sochinenios: 3 tomen [Collected works].* Izhevsk, Udmurtia, 1986, pp. 5-18. (In Udmurt).

Izer W. Protsess chteniia: fenomenologicheskii podkhod [The reading process: a phenomenological approach]. *Sovremennaia literaturnaia teoria. Antologia*. Moscow, Flinta, Nauka, 2004, pp. 201-224. (In Russian).

Istoriia chuvashskoi literatury XX veka. Chast’ 1 (1900–1955): koll’ektivnaya monografia [History of Chuvash literature of the XX century, part 1 (1900–1955): collective monograph]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2015, 431 p. (In Russian).

Istoriia udmurtskoi sovetskoi literatuty [History of the Udmurt Soviet literature]. Ustinov, Udmurtia, 1987, 252 p. (In Russian).

Zuyeva A.S. Poetika udmurtskogo romana [Poetics of the Udmurt novel]. Izhevsk, Udmurtia, 1984, 192 p. (In Russian).

Shibanov V.L. Valtis’ geroez – udmurt teatr [Udmurt theater as the main character]. *Kenesh*, 2022, no. 3, pp. 89-100. (In Udmurt).

Jauss H. Istoriia literatuty kak vyzov teorii literatuty [Literary history as a challenge to literary theory]. *Sovremennaia literaturnaia teoria. Antologia*. Moscow, Flinta: Nauka, 2004, pp. 193-200. (In Russian).

Jashina R.I. Sizemyn intelligentsily [Is devoted to the intelligentsia]. *Molot*, 1968, no. 5, pp. 51-54. (In Udmurt).

Шибанов Виктор Леонидович
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: shibvik@rambler.ru

Victor Shibanov
Candidate of Philological Sciences, Research Associate,
The Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: shibvik@rambler.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 929.55(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_13

КАМЕННЫЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ МАРИЙЦЕВ

© 2022 г. А.Г. Акшиков

Введение. Увеличение количества обнаруженных марийских каменных надгробий вызывает необходимость их типологизации. **Цель статьи** – предложить и обосновать типологизицию марийских каменных надгробий, исходящую из присущих им различных признаков. **Материалы и методы.** Анализируются марийские памятники, выявленные на ряде кладбищ Республики Марий Эл. Применены методы типологизации и сравнительно-описательный. **Результаты исследования, обсуждения.** Памятники типологизируются по конфессиональной принадлежности, внешней форме, языку эпиграфической надписи и ее сложности. Их следует разделять на православные и языческие. По внешней форме встречаются следующие типы надгробий – камни, стелы, надгробные плиты, обелиски, распятия, престолы. Тексты надписей бывают русскоязычными и марийскоязычными. И те, и другие могут быть написаны на православных и языческих надгробиях. С течением времени увеличивается сложность эпитафий. **Заключение.** Анализ марийских каменных надгробных памятников позволил разработать и обосновать их типологизацию по конфессиональной принадлежности, внешней форме, языку текста на памятнике и его сложности. Типология и видовое разнообразие форм надгробий объясняется прежде всего культурным межэтническим взаимодействием между марийцами и соседними народами. Появление эпиграфических текстов на марийском языке фиксируется с 20–30-х годов XX века. С течением времени отмечается рост информационной содержательности эпитафий.

Ключевые слова: марийские каменные памятники; марийская эпиграфика; типология марийских каменных надгробий; типология марийских эпиграфических надписей; этнолингвистическая антиномия.

Введение

Марийские каменные надгробия представляют собой уникальный объект исследования. Они являются наглядным свидетельством существовании у марийцев развитого каменотесного мастерства и камнерезного искусства в течение длительного времени. Самый старый датированный памятник относится к 1801 году [Акшиков, 2011б, с. 144]. В памятниках комплексно сосредоточены элементы марийской культуры и письменности. Они дают возможность расширить познания о представлениях марийцев о загробной жизни, марийской символике и эстетике, отразить общее и различное в языческой и христианской стилистике их оформления, зафиксировать представление о марийской эпиграфике и увидеть новые аспекты в истории развития письменности у марийцев. Все это демонстрирует значительный исследовательский потенциал любой из указанных тематик. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что каменные надгробия являются сложным объектом для изучения, к которому применимы исследовательские методики различных научных дисциплин (истории, этнологии, культурологии, лингвистики и др.), поэтому, как мы полагаем, при их изучении необходимо обратиться к междисциплинарному подходу.

Исследованию марийских каменных надгробий нами был посвящен ряд публикаций, в которых анализировались памятники, обна-

руженные на кладбищах у п. Горняк, д. Куприяново, п. Сернур Сернурского района и с. Юледур Куженерского района Республики Марий Эл (см. Список использованных источников и литературы). При их изучении встала проблема их типологизации, проистекающая из сложности марийских каменных надгробий как объекта исследования. Нами была предпринята проблема ее решения [Акшиков, 2011б], но в настоящее время назрела необходимость ее переработки и дополнения, вследствие расширения географических рамок исследования, увеличения количества обнаруженных марийских каменных памятников и выявления в них новых уникальных особенностей.

Цель статьи – предложить и обосновать типологизицию марийских каменных надгробий, исходящую из присущих им различных признаков: по конфессиональной принадлежности усопшего, внешней форме, языку эпиграфической надписи и ее сложности. Продемонстрировать некоторые особенности, выявляемые у марийских памятников при их типологизации.

Материалы и методы

При написании статьи в качестве объекта исследования выступают марийские надгробные памятники, выявленные во время полевых экспедиций на кладбищах у п. Горняк, д. Куприяново, п. Сернур Сернурского района и с. Юледур Куженерского района Республики Марий Эл. В частности, особое внимание при их изучении уделялось их внешнему виду и эпиграфике. Применены методы типологизации и сравнительно-описательный.

Результаты исследования, обсуждения

Типологизация марийских каменных надгробий возможна по различным критериям. В данной статье памятники типологизируются по конфессиональной принадлежности похороненного усопшего, их внешней форме, языку эпиграфической надписи и ее сложности.

По конфессиональной принадлежности надгробия подразделяются на языческие и православные. Такая типологизация является оправданной для дореволюционного периода (до 1917 года), однако для советского периода времени этот принцип, хотя и не теряет актуальности, но становится уже не бесспорным. С этого времени у марийцев под влиянием коммунистической идеологии, одной из основ которой являлась антирелигиозная пропаганда, появляется некоторое количество атеистов. Возможно, ряд каменных надгробий, не отмеченных признаками конфессиональной принадлежности, установлен на местах их упокоения.

На марийских православных памятниках, как правило, изображено православное распятие. Вместе с ним может быть также высечен текст молитвы. Иногда распятие отсутствует, но есть молитва. Если надпись на памятниках высечена на русском языке, то отличить их от русских православных надгробий становится весьма затруднительно. Однако есть признаки, позволяющие отличать марийские христианские памятники от русских, по крайней мере, значительную их часть. Это может быть наличие тисте или неканоническое изображение православного распятия. На русских надгробиях православный крест обычно соответствует правилам его изображения, а на марийских возможны некоторые искажения канона. Например, или неправильный наклон нижней косой перекладины распятия, или наличие двух косых перекладин и т.п.

На фото 3 и 4 представлены два православных надгробия с необычными изображениями распятия. В первом случае косая перекладина, место которой, согласно канону, в нижней части распятия, находится посередине между двумя горизонтальными перекладинами. Кроме того, на поверхности памятника вырезано тисте. Это надгробие находится на кладбище с. Юледур и изображение на нем не случайно. Оно зафиксировало традицию устанавливать на могилах распятия, сделанные из дерева, именно такой формы. И в настоящее время на Юледурском кладбище можно увидеть такие надмогильные кресты. На других кладбищах, надгробия которых рассматриваются в настоящей статье, распятия такого типа не наблюдаются. Во втором случае распятие на надгробии увенчано кругом, отчего оно напоминает человеческий силуэт. Этот памятник обнаружен на кладбище п. Сернур. Кроме него здесь найдены еще два надгробия с антропоморфными распятиями. На других кладбищах подобные распятия не выявлены. Причины появления традиции изображать распятия подобным образом в настоящее время остаются неизвестными.

Отсутствие распятия и (или) текста православной молитвы на надгробии – признак того, что памятник является языческим или, возможно, не несущим в себе религиозной окраски, если речь идет о советском периоде. Наличие православного имени на памятнике не является признаком конфессиональной принадлежности усопшего, так как у марийцев, исповедующих свою традиционную религию, не имелось ограничений на выбор имени.

По внешней форме марийские каменные надгробные памятники можно разделить на следующие типы: необработанные или слабо обработанные камни, стелы, надгробные плиты, обелиски, распятия, престолы. Впрочем, предложенная типологизация может быть расширена.

Что касается необработанных или слабо обработанных камней, употребляемых как надгробия, то к данному типу следует относить только лежачие камни, обычно отличающиеся небольшими размерами (см., например, фото 1). Вертикально установленные камни мы рассматриваем как стелу.

Стела является самым распространенным типом марийских памятников. Она представляет собой вертикально установленную плиту, причем любой толщины и формы, или параллелепипед. Довольно часто стела ставится на цоколь – каменное основание, употребляемое для устойчивости памятника. По форме марийские стелы отличаются широким разнообразием. Например, встречаются надгробия прямоугольной формы или с закругленным верхом, антропоморфные, т.е. очертание памятника напоминает силуэт человеческой фигуры, в форме домика, т.е. силуэт памятника имеет схожесть с очертанием избы с двускатной крышей, и др. Примеры марийских стел представлены на фото 5, 7, 9, 10, 14, 18, 19.

Ту или иную форму стел, как, впрочем, и любой из перечисленных нами типов памятников, встречающихся на могилах марийцев, можно обнаружить также у русских, татар и чувашей. Этот факт свидетельствует об активном межэтническом взаимовлиянии в монументальной мемориальной практике [Акшиков, 2017; 2018]. Лишь форма стелы в виде «домика», насколько нам известно, не встречается ни у одного из народов, соседствующих с марийцами. По-видимому, эту форму можно назвать подлинно марийской. То, что силуэты надгробий изображают именно дома, подтверждают рисунки, нанесенные на памятниках иных форм. Наиболее натуралистично дом в форме избы представлен на рисунке надгробия 1875 года [Акшиков, 2011 а, с. 45, 46; 2011 б, с. 144]. Изображены даже два окна с рамами. Именно с таким количеством окон были избы у большинства марийских крестьян в XIX веке. Изображение домика в виде надгробия и рисунков на памятниках, несомненно, имеет сакральный смысл и, возможно, символизирует собой в узком смысле – загробный дом, а в широком – загробный мир.

Следует сказать несколько слов о стелах, представляющих собой необработанные или слабо обработанные камни. При их осмотре можно заметить некоторые особенности. Ряд памятников обработан и выровнен лишь с лицевой стороны. Задняя же сторона и боковые грани, как правило, предстают необработанными. Есть надгробия, выполненные из необработанного камня, на поверхности которого вытесана лишь небольшая гладкая площадка для нанесения надписи. Все это вызывает удивление, так как известно, что жители деревень, хоронившие усопших на рассматриваемых кладбищах, умели работать с камнем и производили надгробия разных форм для продажи. Возможно, это связано с бедностью каменотесов. Не каждая семья могла позволить поставить своему усопшему родственнику качественный памятник на могилу. Для поддержания скромного семейного достатка правильным считалось товарные надгробия продавать. А в качестве надгробия для усопшего использовались необработанные камни или отходы, оставшиеся от изготовления изделий из камня: осколки, забракованные надгробия, отпилы, остававшиеся при распилке камня на заготовки и т.п.

Другим распространенным типом марийских каменных памятников является надгробная плита (фото 2, 3, 4, 13, 16, 17). Она, как правило, представляет собой лежащую на могиле четырехугольную вытянутую плиту, либо прямоугольной, либо трапециевидной формы. Подобный тип надгробия распространен у рус-

ских и, скорее всего, позаимствован марийцами именно у них. Наиболее часто встречается на могилах крещенных марийцев.

Распространение у марийцев получил такой тип надгробия, как обелиск, т.е. сужающийся кверху четырехгранный памятник (фото 11, 12, 15). Как и в случае со стелами, обелиски довольно часто устанавливались на цоколи. Обелиски как надгробия, несомненно, были позаимствованы марийцами у русских. В свою очередь, по-видимому, в Россию обычай устанавливать на могилах обелиски пришел из Европы и поначалу распространился в дворянской среде. В XIX веке устанавливать такие надгробия стали и крестьяне. Во второй половине XIX – начале XX века обелиски на кладбищах уже стали массовым явлением.

Редко встречаются у марийцев каменные надгробия в виде распятия, которые выпиливались из цельного камня и могли устанавливаться для устойчивости на цоколь (фото 6).

Чрезвычайно редко на могилах крещенных марийцев можно увидеть памятник, похожий на церковный престол, т.е. стол, находящийся в центре алтаря, на котором совершаются евхаристии (фото 8).

Важное значение для понимания культуры марийского народа, развития его письменного языка представляют надписи, попадающиеся на надгробиях, т.е. речь идет о предмете исследования, относящемся к такой научной дисциплине, как эпиграфика. По нашим наблюдениям, до начала XX века марийцы выполняли на надгробиях тексты на русском языке. Только с 20–30-х годов XX века в массовом порядке начинают появляться надписи на марийском языке. На татарском языке текстов на марийских памятниках не выявлено, однако на одном из надгробий год смерти усопшего – 1898, начертан восточноарабскими цифрами, т.е. цифрами, которыми в то время пользовались татары [Акшиков, 2011б, с. 146]. Этот факт позволяет предполагать возможность обнаружения впоследствии арабографических текстов, написанных или на татарском языке, или, возможно, на марийском.

Надписи можно типологизировать, исходя из наличия в них одного или сочетания двух или нескольких следующих элементов: тисте, год и дата смерти, год и дата рождения, имя (фамилия, отчество) усопшего, возраст усопшего, наименование деревни, в которой жил усопший и др. Довольно массовыми являются следующие типы надписей: 1) тисте; 2) год смерти; 3) год и дата смерти; 4) год смерти, год рождения, имя усопшего; 5) год смерти, возраст усопшего; 6) год и дата смерти, имя усопшего; 7) год и дата смерти, возраст усопшего, имя усопшего; 8) год и дата смерти, имя усопшего, название деревни; 9) год и дата смерти, год и дата рождения, имя усопшего, название деревни.

Приведем примеры надгробий с некоторыми типами комбинации элементов надписи. Памятник с тамгой можно увидеть на фото 1, 2. Год смерти – 1888 – указан на надгробии в виде прямоугольной стелы (фото. 7). Любопытно, что на верхней грани плиты прочерчены восемь насечек. По нашему мнению, они указывают на возраст усопшего. В таком случае, данный тип надписи состоит из двух элементов – года смерти и возраста усопшего.

Впрочем, представленная выше типологизация, хотя и охватывает значительную часть надписей, все же не является универсальной. Кроме того, встречаются эпитафии, указывающие место жительства усопшего (например, одновременно упоминается название района, сельского совета и населенного пункта), его талант (например, зафиксированы две надписи, в которых указывается, что усопший был хорошим волынщиком) и даже школа, которую окончил похороненный. Следует также заметить, что тисте может встречаться и в других типах надписей, а не только само по себе.

Русскоязычные надписи условно можно разделить на тексты марийцев-христиан и тексты марийцев-язычников. Приведем три примера православных русскоязычных текстов, зафиксированных на кладбище у с. Юледур. Здесь следует сказать несколько слов о способе передачи эпиграфических текстов в статье. Косые черточки отделяют строки текста. Расшифровка сокращений выделяется квадратными скобками, а также, при переводе, заключают в себе слова, отсутствующие в эпитафии, но позволяющие связно изложить переводимый текст. На одном из надгробий (фото 8) текст выполнен на двух противоположных гранях. На одной стороне выбито следующее:

«1912 года / померъ Өедр Өедото / въ Якимовъ деревни / Иван Солу родил / ся 1906 года», а на другой стороне воспроизведены слова молитвы: «Святый Боже, Святый / Крѣпкій, Святый Без / смертный, помилуй / насъ». На втором памятнике (фото 11) написано: «Подъ симъ па - / матьникъ поко - / идся крестянин / деревни Иванъ / Солу Иванъ Реаси / мовъ померъ 1915 г / жил 64 летъ». В приведенном тексте отчество (или фамилия) «Реасимов» написано именно так. На третьем – памятник (фото 13) со следующим текстом: «Прокопій. / Еөремов. / К. д. Ста[рого]. / Юледура. / Умер / 1919 г. / 18 нояб[ря]. / пров. 57». На данном надгробии в перекрестье распятия начертано тисте. Текст написан после 1918 года, т.е. после принятия советской властью новых правил орфографии. Тем не менее автор надписи придерживается правил дореволюционной орфографии, но при этом не ставит Ъ (буквы ер) в конце слов, заканчивающихся буквой, обозначающей согласный звук. Буква «К», стоящая перед названием деревни, может обозначать сокращение или фамилии, если слово «Ефремов.» является отчеством, или слова «крестьянин». Сокращение «пров.» перед цифрой «57», указывающей на возраст усопшего, скорее всего написано неправильно. По-видимому, должно было быть написано «прож[ил].».

Приведем ряд примеров русскоязычных надписей на языческих марийских надгробиях кладбища у п. Горняк. На одном из памятников написано: «1895. года. / аюль. 25. Яку. / дер[евня]. Пинжер / юма». Яку – это имя усопшего. В этой эпитафии интересно то, как марийцы использовали буквы русского алфавита для передачи звуков марийской речи. Сравните название деревни с его современным написанием – Пӱнчерйымал. На другом надгробии начертан текст следующего содержания: «1914 / 17 ию / нъ / пом[ерла] / Кугу / юдръ». В современном марийском языке имя, указанное в надписи, пишется как Кугуӱдыр. Текст на третьем надгробии сообщает следующее: «1914 г. / 9 янва[ря] умер[ла]. / Иван Изиб[аев]. / Салтана» (фото 9). Здесь можно наблюдать марийскую традицию ставить имя отца перед именем ребенка, т.е. Салтана является дочерью Ивана Изибаева. Рядом с указанным надгробием находится памятник отца Салтаны, на котором написано: «1915 год. 26 май / он прожил 53 г. / умер Ивачи Изибаев» (фото 10).

При сравнении русскоязычных надписей, выполненных марийцами, с текстами на надгробиях русских, отличия между ними почти не заметны, если не считать возможные ошибки в орфографии, управлении и согласовании слов, которые, впрочем, могут встречаться и в русских эпиграфических памятниках. Например, если бы не было известно, что в той части кладбища, где находится надгробие, изображенное на фото 8, хоронят марийцы из д. Ивансола и что многие марийцы этой деревни носят фамилию Якимов, эпиграфист мог бы сделать следующие весьма правдоподобные выводы: это русское надгробие, надпись сделана православным, а в могиле покоится русский крестьянин. Впрочем, по некоторым элементам оформления надгробия можно определить, что это марийская могила, а русскоязычный текст интерпретировать как созданный марийцем. Основным признаком этого является наличие тисте (тамги). Другим показателем может служить неправильное изображение распятия.

На языческих надгробиях признаки, позволяющие характеризовать русскоязычные тексты как созданные марийцами, более очевидны. Это может быть отсутствие распятия, наличие тисте, марийское имя усопшего. Из перечисленных признаков только первый встречается на всех языческих надгробиях. Тисте же может и не встречаться, если на памятнике имеется имя усопшего, а имя упокоенного под надгробием язычника, как было указано выше, могло быть и православным.

В текстах марийцев может встречаться еще одна особенность, свидетельствующая об этнической принадлежности их создателя. Это написание буквы «к» вместо буквы «х», что объясняется характерным для марийского языка фонетическим освоением иноязычного звука.

Таким образом, на примере марийской русскоязычной эпиграфики наблюдается явление, которое можно назвать лингвоэтнической антиномией. Ее суть заключается в противоречии между языком текста и этнической принадлежностью лица, которое написало его и для которого язык письма не является родным. Такое явление возможно при отсутствии пись-

менности на родном языке или при ее слабой распространенности [Акшиков, 2014].

Далее рассмотрим несколько надгробных надписей на марийском языке. В данном контексте интерес представляет памятник кладбища у п. Горняк, датируемый 1919 годом, на котором имеется надпись «мар». Возможно, это первый случай употребления в марийской эпиграфике самоназвания марийцев, т.е. надпись говорит читающему, что под надгробием лежит мариец.

В 20-е годы XX века происходил постепенный переход к употреблению в эпиграфике марийского языка. Поначалу марийские слова перемежались с русскими. Например, на кладбище у с. Юледур имеется памятник, на котором написано: «Евсей / Николаев / д. Иван-Сола / умер 1927 г. / илэн 70 и[й]» (фото 15). Только последняя строка, указывающая на то, что Евсей Николаев прожил 70 лет, написана по-марийски. На другом памятнике, находящемся у п. Горняк, текст гласит: «1929 год 28 маи / колен Кугу иал / Петшан Миклай». Перевод: «[В] 1929 году 28 мая / умер [деревни] Кугуял / Миклай, [сын] Петшана». В первой строке слово года написано по-русски. Деревня Кугуял в настоящее время носит официальное название Большая Коклала.

С 30-х годов XX века марийскоязычные эпитафии уже редко содержат в себе русские слова. На одном из надгробий кладбища у п. Горняк, представляющем собой прямоугольную стелу, написано: «Пӱнчэр-Йымал / Мамаев – Токпай / Шумат / 1876. шо[чын] – 1936. ко[лен] / 26 майшты». Перевод: «[Деревня] Пӱнчерйымал Мамаев – Шумат [сын] Токпая в 1876 [году] родился – в 1936 [году] 26 мая умер».

На Сернурском кладбище на надгробии в виде плиты выбит следующий текст: «Иньу / тыйм иора / тышы Плато- / нэт дэч ӱмыр- / мӱчкы монды- / дымы пытар- / тыш пӧлӧк / 1907– 1939 4/XII» (фото 17). Перевод: «Инью, от любящего тебя Платона, [который] всю жизнь [тебя] не забудет, последний подарок. 1907–1939 4/XII». «Инью» – это одна из марийских форм имени Анна.

На этом же кладбище имеется не датированная годом смерти надгробная плита, относящаяся, скорее всего, к 30-м годам XX века, на которой написано: «Тамка лиэш / ушэштарэн илаш / тыиым / Васли / Матран». Перевод: «Памятник будет напоминанием о тебе, Матрона дочь Васли». В данном тексте интерес представляет семантика слова «тамка» (современное написание «тамга»). Насколько нам известно, в подобном значении данное слово лингвистами не фиксировалось (Словарь марийского языка, 2002, т. 7, с. 33, 34).

Интерес представляет надгробие, находящееся на кладбище у п. Горняк. Памятник представляет собой стелу в виде параллелепипеда, установленную на каменное основание (фото 18). На всех его гранях, кроме задней, имеется текст. На лицевой стороне написано следующее: «Березина / Асылбий Такташевн[а] / Шочын 1901 ийыште / Колен 1946 ий 28^{ше} фе / вральыште тойымо / 1^{ше} мартыште». Перевод: «Березина Асылбий Токташевна родилась в 1901 году, умерла в 1946 году 28 февраля, похоронена 1 марта». На левой грани (относительно лицевой стороны) надпись следующего содержания: «Курымеш / шарнаш / шындыме /1951 ийын / 12^{шо} ию- / лыышто». Перевод: «[Памятник] поставлен на вечную память 12 июля 1951 года». На правой грани памятника написано: «Шернур р-н / Кугу- Кок- / лала с/с / Пӱнчер-Йы- / мал ял / Березина / А.Т.». Перевод: «Сернурского района Больше-Коклалинского сельского совета деревни Пӱнчерйымал Березина А.Т.». На верхнем основании большими цифрами выбиты годы жизни усопшей: «1901–1946». Это единственный памятник, на котором указаны даты жизни усопшего, дата его похорон и даже дата установки надгробия. Довольно подробно записан адрес проживания усопшей. На верхней грани видны два круглых просверленных углубления. Возможно, в них вставлялись свечи.

На этом же кладбище имеется надгробие в виде стелы сложной формы, установленной на каменное основание (фото 19). На ее лицевой стороне написано: «1892–72 г. / Макматов / Мартин. Пет. / Нольык-Мари / шӱврзе тале». Перевод: 1899 – [19]72 г. / Макматов Мартин Пет[рович] / [из деревни] Нольыкмарий / искусный волынщик». «Нольыкмарий» – одно из названий д. Большая Коклала. Слово «шӱврзе»

в современной марийской орфографии пишется как «шӱвырзӧ». На верхней части памятника выбита точная дата смерти усопшего «72. IX-7». Удалось выяснить, что Макматов еще при жизни изготовил этот памятник для установки на своей могиле. Дату смерти выбивал уже кто-то другой. Этим объясняется другая стилистика начертания цифр, обозначающих кончину усопшего.

Заключение

Анализ марийских каменных надгробных памятников четырех кладбищ Сернурского и Куженерского районов РМЭ позволил разработать и обосновать их типологизацию по конфессиональной принадлежности, внешней форме, языку текста на памятнике и его сложности.

По конфессиональной принадлежности надгробия делятся на языческие и православные. В советский период появляется некоторое количество памятников неверующих марийцев, но их очень трудно отличить от надгробий приверженцев традиционной религии, так как ни у тех, ни у других нет явных признаков, свидетельствующих о вере или атеизме усопшего.

По внешней форме марийские памятники можно разделить на следующие типы: необработанные или слабо обработанные камни, стелы, надгробные плиты, обелиски, распятия, престолы. Наиболее распространенными типами надгробий являются стелы и надгробные плиты. Они отличаются видовым разнообразием форм. Многообразие типов и форм марийских памятников свидетельствует о межэтническом культурном взаимодействии между марийцами, русскими, татарами и, возможно, чувашами. Для марийцев характерна лишь одна разновидность надгробия, не встречающаяся ни у одного из окружающих их народов в рассматриваемой местности. Имеется в виду стела в виде «домика».

Особенностью марийской эпиграфики, представленной на марийских памятниках, является ее двуязычность. Тексты марийцев на надгробиях бывают двух типов – русскоязычные и марийскоязычные. В дореволюционный период надписи выполнялись на русском языке. Только с 20-х годов XX века появляются эпитафии на марийском языке. В свою очередь, тексты марийцев как русскоязычные, так и марийскоязычные можно разделить на тексты православных и язычников. Употребление марийцами русского языка в эпиграфических текстах доказывает существование у них такого явления, как этнолингвистическая антиномия. На одном из марийских памятников отмечено употребление восточноарабских цифр, что косвенно свидетельствует о возможном существовании надгробий с текстами, написанными с использованием арабского алфавита.

При изучении надписей на марийских памятниках можно сделать вывод, что с течением времени возрастала информационная насыщенность текстов, проявляющаяся в увеличении числа элементов, их составляющих. Более того, появляются эпитафии с яркой эмоциональной окраской.

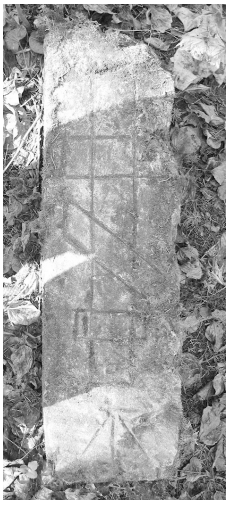
ПРИЛОЖЕНИЯ
(см. фото)



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



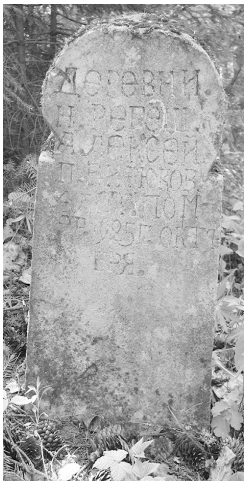
11



12



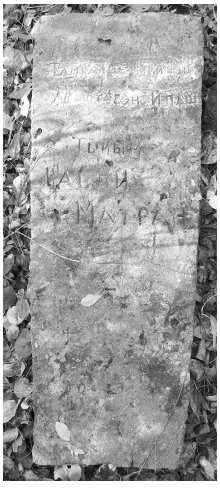
13



14



15



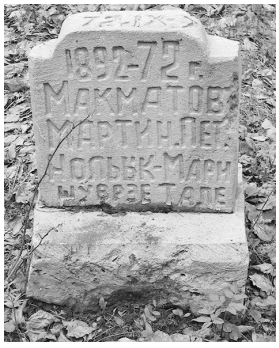
16



17



18



19

Каменные надгробные памятники марийцев с кладбищ:
1, 12 – у д. Куприяново Сернурского района Республики Марий Эл
2, 4, 16, 17 – у п. Сернур Сернурского района Республики Марий Эл
3, 5, 6, 8, 11, 13, 14, 15 – у д. Юледур Куженерского района Республики Марий Эл
7, 9, 10, 18, 19 – у п. Горняк Сернурского района Республики Марий Эл

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акшиков А.Г. Каменные надгробные памятники марийцев // Развитие регионоведческих исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конфер. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. С. 75–80.

Акшиков А.Г. Марийская эпиграфика: опыт исследования // Финно-угроведение. 2011а. № 1. С. 43–50.

Акшиков А.Г. Марийские каменные надгробные памятники // Чувашский национальный музей: люди, события, факты (2016–2017). Сб. ст. Вып. 12. Чебоксары: Чувашский национальный музей, 2017. С. 85–87.

Акшиков А.Г. Марийские эпиграфические памятники (некоторые наблюдения) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. Казань: Издательство «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011б. С. 144–146.

Акшиков А.Г. Марийские эпиграфические памятники кладбища у поселка Горняк Сернурского района Республики Марий Эл // Языки, литература и культура полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011 в. С. 399–401.

Акшиков А.Г. Этнокультурное влияние в марийских каменных надгробиях // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.; Ижевск: Институт этнологии и антропологии РАН, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2017. С. 359.

Акшиков А.Г. Этнолингвистическая антиномия марийских эпиграфических памятников XIX–XX веков // Финно-угроведение. 2014. № 1. С. 52–56.

Словарь марийского языка. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Aleksandr Akshikov

STONE GRAVESTONES OF THE MARI

Introduction. The increase in the discovery of Mari stone gravestones makes it possible to typologize them. **The purpose of the article.** The article is aimed at proposing and justifying a typology of Mari stone tombstones due to various features inherent to them. **Materials and methods**. The Mari monuments, identified in a number of cemeteries of the Republic of Mari El, form the research material. Methods of typologization and comparative-descriptive methods are used in the research. **Research results and discussion.** The monuments are typologized according to their confessional affiliation, external form, the language of epigraphic inscription and its complexity. They are divided into Orthodox and pagan. The following types of tombstones - stones, steles, gravestones, obelisks, crucifixes, and thrones - are found on their external forms. The inscriptions texts are in Russian and Mari. Both can be written on the Orthodox and pagan gravestones. Over time, the complexity of the epitaphs is increasing. **Conclusion.** The analysis of Mari stone monuments allowed developing and justifying their typologization due to their confessional affiliation, external form, the language of the text on the monument and its complexity. The typology and diversity of the gravestones is primarily due to the cultural inter-ethnic interaction between the Mari and neighbouring peoples. The appearance of epigraphic texts in Mari has been recorded since the 1920s and 1930s. Over time, an increase in the informational content of the epitaphs has been observed.

Key words: Mari stone monuments; Mari epigraphy; typology of Mari stone gravestones; typology of Mari epigraphic inscriptions; ethno-linguistic antinomy.

REFERENCES

Akshikov A.G. Kamennye nadgrobnye pamyatniki marijcev [Stone gravestones of the Mari] *Razvitie regionovedcheskih issledovanij v Rossijskoj Federacii: osobennosti i osnovnye napravleniya* = Kazan', 2018, pp. 75-80. (In Russian).

Akshikov A.G. Marijskaya epigrafika: opyt issledovaniya [Mari epigraphy: research experience] *Finno-ugrovedenie* = Finn 2011, no. 1, pp. 43-50. (In Russian).

Akshikov A.G. Marijskie kamennye nadgrobnye pamyatniki [Mari stone gravestones] *Chuvashskij nacional'nyj muzej: lyudi, sobytiya, fakty (2016-2017). Vyp. 12.* = Cheboksary, 2017, pp. 85-87. (In Russian).

Akshikov A.G. Marijskie epigraficheskie pamyatniki (nekotorye nablyudeniya) [Mari epigraphic monuments (some observations)] *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Sbornik statej. Vyp. 2.* = Kazan', 2011, pp. 144-146. (In Russian).

Akshikov A.G. Marijskie epigraficheskie pamyatniki kladbishcha u poselka Gornyak Sernurskogo rajona Respubliki Marij Ei [Mari epigraphic monuments in the cemetery of Gornyak village in Sernur region of Mari El] *Yazyki, literature i kul'tura polietnicheskogo Uralo-Povolzh'ya (sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya)* = Joshkar-Ola, 2011, pp. 399-401. (In Russian).

Akshikov A.G. Etnokul'turnoe vliyanie v marijskih kamennyh nadgrobiyah [Ethno-cultural influence in Mari stone gravestones] *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov* = Moskow; Izhevsk, 2017, p. 359. (In Russian).

Akshikov A.G. Etnolingvisticheskaya antinomy marijskih epigraficheskih pamyatnikov XIX–XX vekov [Ethnolinguistic antinomy of the 19th-20th centuries Mari epigraphic monuments]. *Finno-ugrovedenie* = 2011, no. 1, pp. 52-56. (In Russian).

Slovar' marijskogo jazeka [[Dictionary of the Mari Language]. Joshkar-Ola, 2002, vol. 7, 432 p.

Акшиков Александр Геннадьевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Aleksandr Akshikov
Candidate of History, Senior researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

УДК 94(470.4)
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_14

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАРИ И ТАТАРАМИ В XV–XVI ВЕКАХ

© 2022 г. С.К. Свечников

Введение. Вопрос о взаимоотношениях мари и татар в XV–XVI веках относится к спорным и малоизученным проблемам. **Цель статьи** – выявить и проанализировать особенности этнических контактов между мари и татарами в XV–XVI веках. **Материалы и методы.** Статья написана на основе широкого круга письменных источников, материалов фольклора, результатов археологических, лингвистических, этнографических исследований, данных антропонимики и топонимики. **Методы исследования:** конкретно-исторический, сравнительно-исторический, ретроспективный. **Результаты исследования, обсуждения.** В XV–XVI веках между мари и татарами развивались тесные взаимоотношения на фундаменте полунезависимого (конфедеративного) статуса мари в составе Казанского ханства, государствообразующим этносом которого были татары. Наиболее интенсивные контакты с татарами поддерживали луговые мари, прочно втянутые в социально-политическую систему ханства; горные мари были отделены от центра ханства большой рекой Волгой, вместе с тем они наряду со свияжскими татарами, а также чувашами и восточной мордвой входили в достаточно сплоченную метаэтническую общность «горных людей»; северо-западные (ветлужские и кокшайские) мари были крайне слабо втянуты в орбиту ханской власти из-за удаленности от центра и относительно низкого экономического развития, поэтому испытывали на себе минимальное татарское влияние. В контактных зонах происходила ассимиляция мари татарами. **Заключение.** На основе комплексного использования широкого круга источников удалось выяснить, что, марийско-татарские отношения в XV–XVI веках в основном были добрососедскими, с крайне редкими конфликтными случаями.

Ключевые слова: мари; черемисы; татары; чуваши; социально-политический симбиоз; ассимиляция; ислам.

Введение

В XV–XVI веках мари входили в состав Казанского ханства, государствообразующим этносом которого были татары. Представители дореволюционной и советской историографии в основном следовали постулату, согласно которому нетатарские народы ханства находились под тяжким гнётом. Навязанная идеологема «татарского ига» сказывалась и на марийском историческом фольклоре, где преобладали образы народных героев, боровшихся против татар (Акпарс, Йыланда, Мелекш, Пашкан, Рознега, Тотар и др.). В современной исторической науке преобладает иная точка зрения, в соответствии с которой между марийским населением и Казанью сложились отношения, близкие к союзническим, конфедеративным [Бахтин, 2012, с. 144, 165, 173; История … , 2020, с. 57; Свечников, 2014, с. 70; Хамидуллин, 2002, с. 212–214]. В то же время вопрос о марийско-татарских отношениях относится к малоизученным проблемам.

Возникновение Казанского ханства во второй четверти XV века как самостоятельного государственного образования представляло собой политическое объединение народов Среднего Поволжья (татар, мари, чувашей, мордвы, удмуртов, башкир) вокруг Улуг-Мухаммеда и его сына Махмуда. Благосклонно восприняли воцарение представителей династии Джучидов в Казани и «черемисы». В той части Казанской истории, где описывается приход Улуг-Мухамеда в Казань, указано: «И мало во граде живущих, и начя збиратися

в Казань срачини и черемиса, развие по улусам казанским. И ради ему бысть изо оставшихся от плена худыя болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и бытии царьству строителя, да не до конца запустеют и повинишася ему» [Казанская история, 1954, с. 53]. Марийское население не было покорено насильственным путем; данническая зависимость от Казани возникла в силу стремления предотвратить вооруженную борьбу с целью совместного противостояния вторжениям русских князей, набегам ушкуйников и отдельных отрядов степных воинов; конечно, немалую роль сыграла давно устоявшаяся практика выплаты дани булгарским, а затем золотоордынским представителям власти.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности этнических контактов между мари и татарами в XV–XVI веках.

Материалы и методы

В работе использован широкий круг опубликованных источников, в первую очередь, русские летописи, сочинения иностранцев, произведения оригинальной древнерусской литературы, актовая документация, результаты археологических, лингвистических, этнографических исследований, фольклорные сведения, данные антропонимики и топонимики. Применены методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов, ретроспективный в целях восполнения недостающей информации в имеющихся источниках.

Результаты исследования, обсуждения

По отношению к Казанскому ханству представители марийской знати были мелкими служилыми вассалами. Они участвовали в присвоении прибавочного продукта у менее родовитых соплеменников, получая часть ясака за услуги татарским сюзеренам. Одновременно марийская знать, вставая под руку казанских правителей, постепенно утверждала собственную деспотическую власть над рядовыми соплеменниками [Козлова, 1978, с. 87–88]. Основная часть марийского населения была представлена лично свободными общинниками, объединенными в патриархальные сельские, или соседские, общины. В «Казанской истории» «черемиса» отождествлена с «чернью» [Казанская история, 1954, с. 92], причем, похоже, к «черни» в этом источнике отнесена и местная знать. По отношению к Казанскому ханству марийские общинники выступали в качестве зависимого населения, выплачивая ему феодальную ренту-налог ясак, а также другие натуральные и денежные подати, оброки, пошлины, разовые поборы, неся некоторые повинности (воинскую, постойную, строительную и ряд других) [Козлова, 1978, с. 66–67].

У различных групп марийского населения в силу объективных причин выработались свои характерные особенности взаимодействия с казанскими правителями.

Северо-западные (ветлужские и кокшайские) мари были слабо втянуты в орбиту ханской власти из-за удаленности от центра и из-за относительно низкого хозяйственного развития; для этой части марийских земель не было характерно землевладение татарских феодалов, не получила здесь развития сотенная система, распространенная среди других групп марийского населения. В то же время казанское правительство, опасаясь русских воинских походов с северо-запада (со стороны Галича и Устюга), стремилось к союзническим отношениям с местными марийскими предводителями, также видевшими выгоду в поддержке захватнических действий татар по отношению к окраинным русским землям [Бахтин, 2012, с. 166–167; Козлова, 1978, с. 88, 91].

Луговые мари, жившие в относительной близости от столицы ханства, находились в более сильной зависимости от центра. Они были включены в состав трех даруг – Алатской, Арской, Галицкой (Якийской) [Галлямов, 2002]. Местная знать была представлена сотниками и подотчетным им десятниками, шел процесс их феодализации в силу включенности в фискально-административную систему Казанского ханства. Они были прочной опорой казанских ханов, не случайно именно они возглавили упорное и длительное сопротивление русскому владычеству, начавшемуся после падения Казани. Возможно, марийская знать в сопровождении подчиненных им воинов привлекалась к сбору налогов и в государственном

масштабе. По крайней мере, среди удмуртов ходили предания о том, что мари вместе с татарами «объезжали вотский край для сбора дани мехами, медом и серебряною монетою» [Кузнецов, 2009, с. 139]. Согласно одному из преданий, собранных М.Г. Худяковым, марийский князь Болтуш на правах «кормления» собирал дань с удмуртов «по левой стороне Вятки вплоть до самой р. Валы и до р. Люги» [2003, с. 136].

Вероятно, марийское происхождение имели отдельные представители низших слоёв феодальной знати Казанского ханства – казаки, нёсшие постоянную военную службу, и тарханы, владевшие землей по ханским грамотам и освобожденные от налогов. Известно, что часть тарханов и казаков была из чувашей [Димитриев, 1986, с. 26], следовательно, можно предположить, что некоторые из них были и из мари. Тем не менее во всех случаях казаки и тарханы указаны отдельно от черемис и чувашей как особые социальные группы [ПСРЛ, 2000, с. 164–165, 167, 247, 282 и др.]. Можно также выделить нередко упоминаемых на страницах русских летописей «богатырей» (тат. *батыр*, мар. *патыр*) [ПСРЛ, 2000, с. 156–157, 239, 282]. В преданиях и легендах батыры (чура-воины) выступают по отношению к местному тюркскому населению как чужеродные и становятся военачальниками, завоевав особое доверие ханов [Татары … , 1967, с. 191]. В Ногайской Орде батыры занимались боевой подготовкой воинов, осуществляли руководство военными отрядами и находились в непосредственном подчинении предводителя улуса – мурзы [Ялбулганов, 1998, с. 13]. В Казанском ханстве богатыри тоже возглавляли военные отряды, руководили военными походами. В условиях Казанского ханства именно марийские витязи могли быть основным источником пополнения этой категории военной знати. Вероятно, их следует отождествлять с упоминаемыми в «Казанской истории» «воеводами черемисскими» [Казанская история, 1954, с. 132].

По словам М.Г. Худякова, все марийские знатные люди умели говорить по-татарски, а такие крупные предводители, как Акпарс и Болтуш, умели по-татарски писать; вероятно, сыновья таких влиятельных людей воспитывались в Казани при ханском дворе. По парадному костюму, оружию, сбруе коня, по внутреннему убранству жилища и по внешнему виду княжеской усадьбы представителей марийской знати, как полагал известный ученый, «едва ли можно было отличить от татарских» [Худяков, 2003, с. 125].

Марийская феодализирующаяся знать, по всей видимости, была продуктом татаро-марийского симбиоза. Другим проявлением этого симбиоза явились марийские беляки, возникшие, скорее всего, благодаря проникновению татарской (казанской и крымской) военно-ленной системы в марийскую среду по типу мордовских беляков. Довольно часто встречающийся в Марийском крае топоформант *-беляк* (более 20 названий) [Свечников, 2014, с. 119–120] можно вывести из татарского слова *бүләк* ‘подарок, пожалование’ или *бүлек* ‘отдел, подразделение, часть’. Не исключено, что какое-то отношение к марийским белякам имеют и крымские бейлики (*beilic* ‘имущество’) – уделы знатных родов [Федоров-Давыдов, 1973, с. 168–169]. Скорее всего, марийские беляки, подобно мордовским, являлись административными единицами, аналогичными по статусу волостям, но находящимися под управлением татарских князей [Акчурин, Беляков, 2017; Напольникова, 2017]. В источниках XVI века лишь однажды упоминается беляк на территории расселения мари – волость Василуков Беляк в районе Большой и Малой Кокшаг [ПСРЛ, 2000, с. 246]. Василук (варианты: Вайсук, Васикей, Василей, Васкил) [Черных, 1995, с. 101] – имя скорее марийское, нежели татарское. Отсюда следует, что марийские беляки могли быть и под управлением марийской же знати.

Беляки, равно как и верстание местной социальной верхушки в военно-иерархическую систему Казанского ханства, свидетельствуют о сложном татаро-марийском социально-политическом симбиозе, стремлении центра наладить тесные связи с марийской знатью. В более широком плане упрочение феодальных отношений в марийской периферии ускоряло втягивание мари, прежде всего луговых, в государственное образование казанских татар.

Кроме того, согласно выводам Ю.А. Кизилова, соседская община луговых мари со сле-

дами родственной организации, частной собственностью на орудия производства и скот, с нераздельным пользованием лесами, пастбищами, угодьями, индивидуальным владением пахотными участками под наблюдением общины, с отчетливо выраженными чертами имущественного неравенства, с использованием общинных институтов в интересах узкого круга общинных князьков по своим особенностям была очень близка к джиенному округу ясачных татар. В целом сопоставление социально-политических структур луговых мари и татар-кыпчаков дает основание говорить о социальной, этнокультурной и языковой совместимости этих народов [Кизилов, 1984, с. 76–77].

Большую роль в укреплении марийско-татарских взаимоотношений играл город Казань – центр притяжения для всего населения ханства. Можно сказать, в Казань вели все дороги Волго-Камья, включая главную артерию – реку Волгу, которую мари называют *Юл*, что в переводе с татарского означает «дорога, путь, трасса»; отсюда осуществлялось управление всеми землями страны; в ханскую казну стекались со всех улусов налоги; мари принимали активное участие в защите столицы ханства от иноземных вторжений и сооружении ее фортификационных сооружений; также Казань была крупным экономическим, прежде всего, торговым центром. На проходивших в Казани ярмарках луговые мари реализовывали свой главный экспортный товар – пушнину. В «Казанской истории» так описано прибытие марийских торговцев на ярмарку, проходившую у стен Казани: «На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1000 шатров на празники своя, и велможи его в них же кормьчествоваше, и пьюще, и веселящеся и всякими потехами царьскими веселящеся, честь празднику своему творяще; тако же и гражане вси, мужи и з женами, гуляюще, по них пьюще в корчемницах царевых, покупающе на цены, прохлажахуся. Много же народу збирающеся, черемисы на празники тыя с рухлом своим из далных улусов и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще» [Казанская история, 1954, с. 61]. Во многом благодаря черемисским охотникам-промысловикам Казань стала одним из главных в Европе поставщиков пушнины. Венецианский купец и путешественник Иосафат Барбаро в XV веке писал, что Казань – «торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию» [Барбаро, 1971, с. 159].

Правда, нельзя полагать, что взаимоотношения между луговыми мари и казанскими татарами в XV–XVI веках были всегда дружественными и бесконфликтными. В условиях беспрерывных войн, происходивших в этот период в Среднем Поволжье, а также внутренних политических противоречий, имевших место в Казанском ханстве, столкновения были неизбежны. В качестве примера можно привести инцидент, произошедший в разгар Первой черемисской войны 1552–1557 годов. В феврале 1555 года луговомарийские повстанцы «приходили на Арскую сторону войною». Однако прежние союзники оказали им мощное сопротивление: «Арьские люди, остроги поделав, от них отбилися, а с ними в острозех были стрелцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многих луговых; а луговые воевали села татарские и пошли на Луговую» [ПСРЛ, 2000, с. 246]. Очевидно, такая реакция татар была вызвана, прежде всего, тем, что они находились под неусыпным контролем стрельцов – наиболее боеспособной части русских войск. К тому же накануне описанных событий на Арской стороне войска Ивана IV (в их числе были и татары во главе с князьями Еналеем Чигасовым и Еналеем Моматовым) провели крупную карательную операцию [Бахтин, 2012, с. 354–355; Свечников, 2014, с. 243]. Но в целом, надо сказать, такие случаи были единичными.

Горные мари по сравнению с луговыми находились в несколько иных отношениях с казанской администрацией, но резко противопоставлять положение Горной и Луговой сторон в составе ханства, пожалуй, нельзя. Действительно, Горная сторона была отделена от остальной территории ханства, прежде всего от самой столицы, крупной рекой Волгой, и влияние России здесь было наиболее мощным. Соответственно, население Горной стороны было слабее втянуто в социально-политическую систему Казанского ханства, находясь при этом под достаточно жестким военно-

полицейским контролем. Обоюдоострое примучивание населения Горной стороны в ходе русско-казанского противостояния в соединении с указанными выше факторами привело в конечном итоге к их отпадению от Казанского ханства и переходу в русское подданство в 1551 году, то есть еще до падения Казани.

И все же горные мари поддерживали достаточно тесные контакты с татарами, поскольку по соседству с ними в бассейне Свияги проживало многочисленное татарское население. Горномарийские торговцы ездили в Казань, а татарские купцы – к горным мари на ярмарку «Торгоца» [Иванов, 1994]. Горномарийские воины вместе с татарами, чувашами и другими народами Казанского ханства участвовали в войнах с Русским государством. Более того, народы Горной стороны Казанского ханства, именуемые в русских летописях «горными людьми» (к ним относились горные мари, чуваши, восточная мордва, свияжские татары, можары (мишари или потомки венгров (мадьяр), представляли собой метаэтническую общность. Горные люди в XVI веке действовали согласованно и сплоченно, в целом они выглядели достаточно организованной силой: в 1546 году они попытались заключить военный союз с московским государем Иваном IV против казанского хана Сафа-Гирея; в 1551 году они вошли в состав Русского государства, практически не оказав никакого сопротивления; весной 1552 года восстали за воссоединение с Казанским ханством, но потерпели поражение; принимали активное участие во взятии Иваном IV Казани и в подавлении восстания левобережного населения бывшего Казанского ханства в рамках Первой черемисской войны 1552–1557 годов; затем сами присоединились к повстанческому движению в ходе Второй и Третьей черемисских войн (1571–1574, 1581–1585) [Свечников, 2014, с. 70–257].

Вместе с тем этнические границы горных мари и свияжских татар не соприкасались, между ними простиралась большая территория, сплошь населенная чувашами. Примечательно, что горные мари называют чуваш *суасламары* («отатарившиеся мари»), татар – *тадар* или (реже) *суас*, но чувашский язык («по-чувашски») – *суасла* [Саваткова, 2008, с. 254, 261]. Данное противоречие можно объяснить особенностями этногенеза чувашского народа: он сформировался в результате длительных и тесных контактов горных мари с булгарами и их потомками. Булгар мари называли *суас* (этимология этого названия остается предметом дискуссий), затем это наименование закрепилось за казанскими татарами. Луговые мари и в наши дни для обозначения татар применяют данный этноним (в свою очередь, чувашей они называют *кукмари* («горные мари»). Из-за того, что чувашский этнос (в особенности этническая группа верховых чуваш (виръял) сформировался на основе населения, в языке которого доминировала тюркская (чувашская) основа, но в этносе (материальной и духовной культуре) долгое время сохранялись марийские этнические субстраты [Никитина, 1992, с. 88–93], горные мари дифференцированно относятся к чувашскому народу («суасламары») и его языку («суасла»).

В источниках XVI–XVII веков часто упоминаются и «чуваши» (нередко также «ясачные чуваши», реже – «арские чуваши») в левобережной части Среднего Поволжья – в основном в Заказанье. Не касаясь обширной историографии по весьма спорному вопросу о религии, языке, культуре этого населения [см: Охотникова, 2014], необходимо отметить, что в восприятии местных мари они были теми же «суас», то есть потомками булгар. Однако здесь контакты луговых мари с суасами не привели к взаимоассимиляции наподобие горномарийско-тюркского симбиоза, в результате которой сформировался современный чувашский этнос. На территории Приказанья и Заказанья происходила ассимиляция тюркским населением местных финно-угров – луговых мари, а также южных удмуртов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся генеалогические легенды некоторых татарских семей, указывающие черемисских предков («чирмеш населе»), а также марийские названия многих сел Казанского ханства – Бимер, Илнет, Каймар, Карамас, Киндер, Кинер, Кукмор, Мамер, Менгер, Пимер и др. Характерно, что в районе многих современных татарских сел Заказанья население указывает древние черемисские кладбища – «чирмеш зираты» [Халиков, 1989, с. 162]. По сведениям М.Г. Худякова, относящимся к началу XX века, татарское население

бассейна реки Бурец «представляет собою в настоящее время черемис, некогда принявших ислам. Деревни этой местности имеют черемисские названия (Маскара, Адаево, Сардык и др.). Даже по внешнему виду бурецкие татары отличаются от казанских и более походят на черемис. То же самое явление наблюдается и в бассейне Шошмы» [Худяков, 2003, с. 129–130]. Исследования «черемисских кладбищ» на территории Арского, Балтасинского, Кукморского, Мамадышского районов Республики Татарстан показали, что на данной территории до XVII–XVIII веков действительно проживало марийское население, ассимилированное или вытесненное татарами [Никитина, 1992, с. 82–83]. Участие мари в этногенезе казанских татар подтверждается исследованиями в области антропологии [Трофимова, 1949, с. 235–241; Алексеев, 1971] и генетики [Балановская, Агджоян, Жабагин, Юсупов, Схаляхо, Долинина, Падюкова, Кузнецова, Маркина, Атраментова, Лавряшина, Балановский, 2006].

Процессу татаризации марийцев периода Казанского ханства немало способствовало проникновение в их среду ислама. Сигизмунд Герберштейн и Петр Петрей не случайно указывали, что «черемисы следуют магометанскому учению» [Герберштейн, 1988, с. 134; Петрей, 1997, с. 177]. Правда, ближе к истине был Александр Гваньини, согласно которому черемисы «исповедуют магометанскую религию, а некоторые являются язычниками» [Гваньини, 1997, с. 55]. Мари на самом деле в основном являлись язычниками, но испытывали на себе сильное и многостороннее влияние татар-мусульман. В первую очередь, мусульманскую веру принимала марийская знать, стремившаяся таким образом упрочить свое положение в ханстве. Скорее всего, основная масса марийского населения номинально считалась мусульманской – по крайней мере, это ей позволяло избавиться от уплаты налога джизья, взимаемого с немусульман. Однако мари переняли лишь некоторые элементы ислама – терминологию из арабского и персидского языков (например, возглас «Бисмилла!» в начале молитвы, понятия *авыз, керемет, киямат, молла, пиямбар, пӱрышӧ, суан* и др.), некоторые традиции и обряды (празднование пятницы, ограничения на употребление свинины и др.). Во многом под влиянием мусульманской традиции почитания могил святых у бурецких мари возник культ Акпатыра, которого считали сводным братом татар Казаклара и Шиквава, отождествляемых с мусульманскими святыми Бейрашем (ум. 1569) и Иш-Мухаммедом (ум. 1589) [Кузнецов, 2009, с. 333–341; см. также: Легенды, 2003, с. 377–384]. Все эти отдельные компоненты ислама приспосабливались к сложному комплексу традиционной религии мари, в итоге происходило формирование своеобразного языческо-мусульманского синкретизма.

Те мари, которые переходили в мусульманскую веру, полностью отказавшись от язычества, как показывают позднейшие этнографические наблюдения, постепенно утрачивали марийскую идентичность, переходили на татарский язык, перенимали татарские традиции и обычаи, то есть становились татарами [Молотова, 2011, с. 38]. К слову, переход на татарский язык не представлял для марийцев большой проблемы, несмотря на то что языки этих народов относятся к совершенно разным языковым семьям (марийский – к уральской, татарский – к алтайской). Длительные марийско-тюркские контакты (по крайней мере, со второй половины I тыс. н.э.) привели к тому, что доля татарских заимствований в лексике отдельных диалектов марийского языка достигала 25–30 % [Исанбаев, 1989, с. 163–164]. Предрасположенность к татаризации марийского населения Казанского ханства создавалась и марийской антропонимией, в которой в период средневековья возник огромный пласт имен тюркского, тюрко-монгольского и арабо-персидского происхождения [Черных, 1995, с. 18–20]. Даже в XVII веке подавляющее большинство марийских личных имен имело тюркские корни [см.: Айплатов, 1965; Пустяков, 2018; Черных, 1995, с. 34–613].

Заключение

На основе комплексного использования широкого круга источников и имеющейся специальной литературы удалось выявить, что в XV–XVI веках между мари и татарами развивались тесные взаимоотношения на фундаменте полунезависимого (конфедеративного) статуса мари в составе Казанского ханства, государствообразующим этносом которого были

татары. Наиболее интенсивные контакты с татарами поддерживали луговые мари, прочно втянутые в социально-политическую систему ханства; горные мари были отделены от центра ханства большой рекой Волгой, вместе с тем они наряду со свияжскими татарами, а также чувашами и восточной мордвой входили в достаточно сплоченную метаэтническую общность «горных людей»; северо-западные (ветлужские и кокшайские) мари были крайне слабо втянуты в орбиту ханской власти, поэтому испытывали на себе минимальное татарское влияние. Марийско-татарские отношения в основном были добрососедскими, с крайне редкими конфликтными случаями. В контактных зонах происходила ассимиляция мари татарами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айплатов Г.Н. О марийских собственных именах XVII века // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 89–93.

Акчурин М.М., Беляков А.В. Мордовские беляки и татарские князья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 94–101.

Алексеев В.П. Очерк о происхождении тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 232–271.

Балановская Е.В., Агджоян А.Т., Жабагин М.К., Юсупов Ю.М., Схаляхо Р.А., Долинина Д.О., Падюкова А.Д., Кузнецова М.А., Маркина Н.В., Атраментова Л.А., Лавряшина М.Б., Балановский О.П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXII. Антропология. 2006. № 3. С. 75–85.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей XV в. Л.: Наука, 1971. 273 с.

Бахтин А.Г. Марийский край в XIII−XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С. 280–316.

Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 176 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI − начало XIX вв.). Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1986. 456 с.

Иванов А.Г. «Торгоца» − страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. С. 214–221.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 176 с.

История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 543 с.

Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 196 с.

Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М.: Высш. шк., 1984. 160 с.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 344 с.

Кузнецов С.К. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2009. 702 с.

Легенды Малмыжского края // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. Йошкар-Ола, 2003. С. 373–388.

Молотова Т.Л. Из истории исламизации восточных марийцев (конец XIX – начало XX веков) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 2. Казань, 2011. С. 35–40.

Напольникова П.К. К вопросу о мордовском беляке // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 22, вып. 2. С. 82–88.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.

Охотникова С.В. «Ясачные чуваши»: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 38 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151–464.

Пустяков А.Л. Языковые контакты волжских мари в свете антропонимии // Языковые контакты народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 154–158.

Саваткова А.А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. 538 с.

Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 254 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 180 с.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 220 с.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 335 с.

Худяков М.Г. Из истории взаимоотношений татарских и марийских феодалов в XVI веке // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край. Йошкар-Ола, 2003. С. 89–138.

Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Ялбулганов А.А. Очерки военной истории ногайцев. М., 1998. 140 с.

Sergey Svechnikov

RELATIONSHIPS BETWEEN THE MARI AND THE TATARS IN THE 15th–16th CENTURIES

Introduction. The question of the relationship between the Mari and the Tatars in the 15th-16th centuries is one of the controversial and little-studied issues. **The purpose of the article** is to identify and analyze the features of ethnic contacts between the Mari and Tatars in the 15th-16th centuries. **Materials and methods.** The article is written on the basis of a wide range of written sources, folklore materials, the results of archaeological, linguistic, and ethnographic research, folklore information, anthroponymic and toponymic data. Research methods: concrete historical, comparative historical, and retrospective methods.

Research results, discussion. In the 15th-16th centuries, close relations developed between the Mari and the Tatars on the basis of the semi-independent (confederal) status of the Mari as part of the Kazan Khanate, the state-forming ethnic group of which was the Tatars. The most intensive contacts with the Tatars were maintained by the Meadow Mari, who were firmly drawn into the socio-political system of the Khanate; the Hill Mari were separated from the center of the khanate by the large river Volga, at the same time, along with the Sviyaga Tatars, as well as the Chuvashs and the Eastern Mordovians, they were part of a fairly close-knit meta-ethnic community of the "mountain people"; the northwestern (Vetluga and Kokshaga) Mari were extremely weakly drawn into the orbit of the khan's power due to their remoteness from the center and relatively low economic development, therefore they experienced minimal Tatar influence. Assimilation by the Mari Tatars took place in the contact zones. **Conclusion.** Based on the complex use of a wide range of sources, it was found out that the Mari-Tatar relations in the 15th-16th centuries were mostly good-neighborly, with extremely rare conflict cases.

Keywords: Mari; Cheremis; Tatars; Suas; Chuvash; socio-political symbiosis; assimilation; Islam.

REFERENCES

Ajplatov G.N. O marijskih sobstvennyh imenah XVII veka [About the Mari proper names of the 17th century]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie = Soviet Finno-Ugric studies*, 1965, no. 2, pp. 89-93. (In Russian).

Akchurin M.M., Belyakov A.V. Mordovskie belyaki i tatarskie knyaz'ya [Mordovian belyaks and Tatar princes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University,* 2017, no. 1, pp. 94-101. (In Russian).

Alekseev V.P. Ocherk o proiskhozhdenii tyurkskih narodov Vostochnoj Evropy v svete dannyh kraniologii [Essay on the origin of the Turkic peoples of Eastern Europe in the light of craniology data]. *Arheologiya i etnografiya Tatarii. Vyp. 1: Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnyh narodov Srednego Povolzh'ya = Archeology and Ethnography of Tataria. Iss. 1. Questions of the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region,* Kazan, 1971, pp. 232-271. (In Russian).

Balanovskaya E.V., Agdzhoyan A.T., Zhabagin M.K., Yusupov Yu.M., Skhalyaho R.A., Dolinina D.O., Padyukova A.D., Kuznecova M.A., Markina N.V., Atramentova L.A., Lavryashina M.B., Balanovskij O.P. Tatary Evrazii: svoeobrazie genofondov krymskih, povolzhskih i sibirskih tatar [Tatars of Eurasia: the originality of the gene pools of the Crimean, Volga and Siberian Tatars]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXII. Antropologiya = Bulletin of Moscow University. Series XXII. Anthropology*, 2006, no. 3, pp. 75-85. (In Russian).

Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkih svyazej XV v. [Barbaro and Contarini about Russia: On the history of Italian-Russian relations in the 15th century]. Leningrad, Nauka, 1971, 273 p. (In Russian).

Bakhtin A.G. Mariyskiy kray v 13–16 vekakh: ocherki po istorii [Mari Territory in the 13-16 centuries: essays on history]. Yoshkar-Ola, MarGU, 2012, 660 p. (In Russian).

Gallyamov R.F. Administrativnye darugi Kazanskogo hanstva: opyt rekonstrukcii [Administrative darugs of the Kazan Khanate: experience of reconstruction]. *Kazanskoe hanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya = Kazan Khanate: actual research problem*. Kazan, Fen Publ., 2002, pp. 280-316. (In Russian).

Gvagnini A. Opisaniye Moskovii [Description of Muscovy]. Moscow, Greko-latinskiy cabinet Yu.A. Shichalina, 1997, 176 p. (In Russian).

Herberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988, 430 p. (In Russian).

Dimitriyev V.D. Chuvashiya v epohu feodalizma (16 − nachalo 19 vv.) [Chuvashia in the era of feudalism (16th – early 19th centuries)]. Cheboksary, Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986, 456 p. (In Russian).

Ivanov A.G. «Torgotsa» − stranica srednevekovoj yarmarochnoj torgovli Marijskogo Povolzh'ya ["Torgotsa" – a page of the medieval fair trade of the Mari Volga region]. *Arheologiya i etnografiya Marijskogo kraya. Vyp. 23. Problemy srednevekovoj arheologii volzhskih finnov = Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Iss. 23. Problems of medieval archeology of the Volga Finns.* Joshkar-Ola, 1994, pp. 214-221. (In Russian).

Isanbaev N.I. Marijsko-tyurkskie yazykovye kontakty. Ch. 1: Tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya [Mari-Turkic language contacts. Part 1. Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 176 p. (In Russian).

Istoriya Marij El s drevnejshih vremen do nashih dnej. T. 1. Istoriya Marij El s drevnejshih vremen do nachala XX veka [History of Mari El from ancient times to the present day. Vol. 1. History of Mari El from ancient times to the beginning of the 20th century]. Yoshkar-Ola, MarNIIYaLI, 2020, 543 p. (In Russian).

Kazanskaya istoriya [Kazan history]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1954, 194 p. (In Russian).

Kizilov Yu.A. Zemli i narody Rossii v XIII–XV vv. [Lands and peoples of Russia in the 13-15 centuries]. Moscow, Vysshaya shkola, 1984, 160 p. (In Russian).

Kozlova K.I. Ocherki etnicheskoj istorii marijskogo naroda [Essays on the ethnic history of the Mari people]. Moscow, Moscow University Publ., 1978, 344 p. (In Russian).

Kuznecov S.K. Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoriya [Shrines. The cult of ancestors. Ancient history]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, 704 p. (In Russian).

Legendy Malmyzhskogo kraya [Legends of the Malmyzh region]. *Poltysh – knyaz' cheremisskij. Malmyzhskij kraj = Poltysh – Prince of Cheremis. Malmyzh region*. Yoshkar-Ola, 2003, pp. 373-389. (In Russian).

Molotova T.L. Iz istorii islamizacii vostochnyh marijcev (konec XIX – nachalo XX vekov) [From the history of the Islamization of the Eastern Mari (the end of the 19th - the beginning of the 20th centuries)]. *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Vyp. 2 = Historical destinies of the peoples of the Volga and Ural regions. Iss. 2.* Kazan, 2011, pp. 35-40. (In Russian).

Napol'nikova P.K. K voprosu o mordovskom belyake [To the question of the Mordovian belyak]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» = Bulletin of Tambov University. Series "Humanities"*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 82-88. (In Russian).

Nikitina T.B. Marijcy (konec XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov [The Mari (late 16th - early 18th centuries) based on materials from burial grounds]. Joshkar-Ola, MarNIIYaLI, 1992, 160 p. (In Russian).

Okhotnikova S.V. «Yasachnye chuvashi»: nekotorye itogi i zadachi izucheniya ["Yasak Chuvash": some results and objectives of the study]. Cheboksary, ChGIGN, 2014, 38 p. (In Russian).

Petrey P. Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom [History of the Grand Duchy of Moscow]. *O nachale voyn i smut v Moskovii = On the beginning of wars and unrest in Muscovy*. Moscow, 1997, pp. 151-464. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 13. Pervaya polovina. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoj letopis'yu. [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. The chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's chronicle]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, 544 p. (In Russian).

Pustyakov A.L. Yazykovye kontakty volzhskih mari v svete antroponimii [Language contacts of the Volga Mari in the light of anthroponymy]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Priural'ya = Language contacts of the peoples of the Volga and Ural regions*. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2018, pp. 154-158. (In Russian).

Savatkova A.A. Slovar’ gornomarijskogo yazyka [Dictionary of the Hill Mari language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2008, 404 p. (In Russian).

Svechnikov S.K. Prisoedinenie Marijskogo kraya k Russkomu gosudarstvu [Annexation of the Mari Territory to the Russian state]. Kazan, YaZ Publ., 2014, 268 p. (In Russian).

Tatary Srednego Povolzh’ya i Priural’ya [Tatars of the Middle Volga and Urals]. Moscow, Nauka, 1967, 538 p. (In Russian).

Trofimova T.A. Etnogenez tatar Povolzh’ya v svete dannyh antropologii [Ethnogenesis of the Volga Tatars in the light of anthropological data]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949, 254 p. (In Russian).

Fyodorov-Davydov G.A. Obshchestvennyj stroj Zolotoj Ordy [Social structure of the Golden Horde]. Moscow, Moscow University Publ., 1973, 180 p. (In Russian).

Halikov A.H. Tatarskij narod i ego predki [Tatar people and their ancestors]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1989, 220 p. (In Russian).

Hamidullin B.L. Narody Kazanskogo hanstva: etnosociologicheskoe issledovanie [The peoples of the Kazan Khanate: an ethno-sociological study]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2002, 335 p. (In Russian).

Hudyakov M.G. Iz istorii vzaimootnoshenij tatarskih i marijskih feodalov v XVI veke [From the history of relations between the Tatar and Mari feudal lords in the 16th century]. *Poltysh – knyaz’ cheremisskij. Malmyzhskij kraj = Poltysh - Prince of Cheremis. Malmyzh region*. Joshkar-Ola, 2003, pp. 89-138. (In Russian).

Chernykh S.YA. Slovar’ marijskih lichnyh imen [Dictionary of Mari personal names]. Yoshkar-Ola, MarGU, 1995, 626 p. (In Russian).

Yalbulganov A.A. Ocherki voennoj istorii nogajcev [Essays on the military history of the Nogais.]. Moscow, 1998, 140 p. (In Russian).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of History, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language,
Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

УДК 94(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312_2022_63_15

ВКЛАД Г.Н. АЙПЛАТОВА В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ (К 85-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

© 2022 г. С.К. Свечников

Введение. Геннадий Николаевич Айплатов относится к одним из самых выдающихся ученых-историков Республики Марий Эл. **Цель статьи** – выявить вклад Г.Н. Айплатова в развитие исторической науки. **Материалы и методы.** Статья написана на основе работ ученого и литературы о нем. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-биографический. **Результаты исследования, обсуждения.** Наибольшее значение для исторической науки имеют работы Г.Н. Айплатова по истории Марийского края и Среднего Поволжья первой половины XVI – начала XVIII века, истории исторической науки Марийской республики, источниковедению, палеографии, публикации исторических источников XVII–XVIII веков. Они отличаются новизной постановки проблемы, широтой источниковой базы, стройностью и последовательностью авторской концепции. В статье впервые проанализированы рукописные научные работы ученого, хранящиеся в фондах МарНИИЯЛИ. **Заключение.** Г.Н. Айплатов внес огромный вклад в развитие исторической науки Марийской республики, Среднего Поволжья и России в целом.

Ключевые слова: Геннадий Николаевич Айплатов; Марийский край; Среднее Поволжье; историография; источниковедение; археография; палеография.

Введение. Геннадий Николаевич Айплатов относится к одним из самых выдающихся ученых-историков Республики Марий Эл, к признанным классикам марийской исторической науки. Его многочисленные труды изучают и цитируют многие исследователи, занимающиеся проблемами истории Марийского края, Среднего Поволжья и России в целом. Практически все работы уважаемого ученого, включая и те, что были написаны в 1960–1980-х годах, до сих пор не утратили своей актуальности и научной ценности.

Цель статьи – выявить вклад, который внес Геннадий Николаевич Айплатов своей научно-исследовательской деятельностью в развитие исторической науки.

Материалы и методы: основным материалом статьи служат работы Г.Н. Айплатова – монографии, сборники, учебные пособия, научные рукописи, статьи, а также литература о нем. В данной работе нашли применение следующие методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов, историко-биографический для определения влияния жизненного пути на научно-исследовательскую деятельность.

Результаты исследования, обсуждения

Становление Геннадия Николаевича как ученого началось с ранних лет. Он родился 16 апреля 1937 года в деревне Нижние Шактенважи Еласовского (ныне Горномарийского) района – в тех краях, где все пропитано историей: связующая эпохи могучая река Волга, остатки древней марийской крепости Аламнер, славный старинный город Козьмодемьянск, переходящие из уст в уста предания об Акпарсе, легендарный Московский тракт («Владимирка»), расположенные по соседству селения братского чувашского народа и многое другое. В 1955 году Г.Н. Айплатов поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Марийского государственного

педагогического института им. Н.К. Крупской. В период учебы (1955–1960) он активно занимался общественной деятельностью: был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ пединститута, депутатом Йошкар-Олинского горсовета, ездил в Казахскую ССР и Новосибирскую область для участия в кампании по освоению целинных и залежных земель, переписывался с иностранными студентами и т.д. За безупречную учебу получал именную стипендию, окончил институт с «красным дипломом» [Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 5, 10].

Однако, не ограничиваясь отличной учебой и бурной общественной деятельностью, Г.Н. Айплатов в то же время с большим увлечением занимался наукой. Он, будучи студентом, был в числе самых первых участников созданной в 1956 году Марийской археологической экспедиции, которую возглавлял знаменитый казанский ученый А.Х. Халиков (1929–1994). Чтобы успеть к началу экспедиции, студент Геннадий Айплатов каждый раз по согласованию с деканатом досрочно сдавал летнюю сессию. Во время первого полевого сезона (14 мая – 15 сентября 1956 года) Марийской археологической экспедицией было обследовано 167 памятников (из них 140 открыто впервые) и стационарно исследовано 20 памятников в восточных, юго-восточных районах Марийской АССР и сопредельной территории Кировской области. Второй полевой сезон (10 мая – 1 октября 1957 года) охватил центральные, северные и северо-восточные районы Марийской АССР, юго-западные районы Кировской области и Ветлужский район Горьковской области (обследовано 96 памятников (70 обнаружено впервые), раскопано и исследовано 18 памятников). В рамках полевых сезонов 1958 и 1959 годов Г.Н. Айплатов как уже опытный археолог проводил самостоятельные археологические разведки [Халиков, 1960, с. 8–10]. Им были открыты такие археологические памятники, как стоянка эпохи мезолита Полянки I, стоянки эпохи энеолита Майдан I, Полянки III, Удельный Шумец I и IV, поселение эпохи бронзы Галанкина Гора I, древнемарийское селище Сутыри IV (все – Юринский район) [Археологическая … , 2009, с. 351, 357, 361, 365, 367]. На основе материалов археологических раскопок студент IV курса Г.Н. Айплатов написал свой первый научный доклад (о неолитических памятниках Марийского Поволжья), с которым он выступил на V Всесоюзной студенческой археологической конференции, проходившей 30 марта – 4 апреля 1959 года на базе Московского государственного университета [Виноградов, Хазанов, 1959, с. 269]. В 1962 году доклад в виде статьи был опубликован в сборнике студенческих научных работ [Айплатов, 1962в].

Однако с тех пор Г.Н. Айплатов в своих работах больше не обращался к проблемам археологии, хотя, несомненно, у него имелись все предпосылки, чтобы стать со временем одним из ведущих ученых-археологов Поволжья. Направление научных исследований ему пришлось полностью поменять. Все началось с того, что вскоре после окончания пединститута 1 декабря 1960 года он стал младшим научным сотрудником сектора истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Тогда в МарНИИЯЛИ велась работа над «Очерками истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)», и молодому ученому поручили сбор материала по одному из самых малоизученных в то время периодов истории Марийского края – XVII веку [Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 5–6; Марийский … , 2010, с. 62–63, 142]. Так Геннадий Николаевич приступил к исследованию проблематики, ставшей для него основной на все последующие годы научно-исследовательской деятельности – вопросов истории Марийского края второй половины XVI – начала XVIII века.

При поддержке и содействии руководства МарНИИЯЛИ Г.Н. Айплатов получил возможность выезжать в научные командировки в Москву для поиска архивных материалов в ЦГАДА (ныне РГАДА). Ему удалось выявить огромный массив новых архивных документов, скрупулезно их изучить, проанализировать. В 1962 году была издана первая его статья по новой исследовательской теме – «Из истории развития ремесла и торговли в Марийском крае в XVII в.». В ней он впервые обратился к вопросу о втягивании Марийского края в систему складывающегося всероссийского рын-

ка в XVII веке. Были сделаны ценные выводы о превращении в Марийском крае ремесла в мелкое товарное производство уже в XVII веке, о расширении в этот период торговых связей «одного из отсталых районов многонационального Среднего Поволжья» с другими областями Русского государства. Статья была опубликована после ее успешной апробации в виде сообщения на Учредительном съезде Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете 19 апреля 1962 года [Айплатов, 1962 а]. Своеобразным итогом работы Г.Н. Айплатова в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории стала его большая статья «Хозяйственное развитие Марийского края в первой половине XVII века», хранящаяся ныне в Научном рукописном фонде МарНИИЯЛИ [1963].

Кроме того, за 3 года работы в МарНИИЯЛИ (до октября 1963 года) Г.Н. Айплатовым было написано 30 газетных статей по самым разнообразным вопросам истории марийцев и Марийского края в хронологическом диапазоне от XVI до XX века. Все они базируются на новых или малоизвестных источниках, отличаются новизной, обоснованностью и доступным для широкой читательской аудитории языком. Особо хотелось бы выделить вышедшую в ноябре 1961 года его статью о «барских черемисах» XVI–XVII веков [Айплатов, 1961] – по теме, ставшей актуальной лишь в начале XXI века. Общее количество таких газетных публикаций Геннадия Николаевича на данный момент составляет более 330. К этой группе работ ученого можно отнести также десятки его статей, опубликованных в таких идеолого-просветительских, научно-популярных и художественно-публицистических периодических изданиях, как «Ончыко», «Ориентир», «Политическая агитация», «Политическая информация», «У сем», «Марий Эл: вчера, сегодня, завтра», «Чудеса и приключения». Во многом благодаря этим публикациям Г.Н. Айплатов еще в 1960-е годы заслуженно заработал репутацию одного из самых эрудированных и компетентных марийских историков.

В октябре 1963 – апреле 1966 года Г.Н. Айплатов обучался в очной аспирантуре при кафедре истории СССР Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Его научным руководителем был крупный специалист по истории России XVII века, источниковедению и архивоведению А.А. Новосельский (1891–1967). Для его исследовательского почерка были характерны высокая требовательность к результатам своего труда, превосходное знание огромного фактического материала в сочетании с тонким источниковедческим анализом документов, глубиной обобщения изучаемых явлений, ясностью, четкостью и лаконичностью в изложении сложнейших проблем. Он не спешил с публикацией своих работ, стремясь, чтобы созданное было доведено до совершенства [Троицкий, 1968]. Эти качества передались его многочисленным ученикам, в том числе и Г.Н. Айплатову, признавшемуся в одном из своих статей: «…все, что делается и сделано мной, основывается на знаниях, вызванных к жизни учебой в аспирантуре под его руководством, ежедневным общением с ним» [Айплатов, 1966 а].

Работу над своей кандидатской диссертацией «Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII веке» Г.Н. Айплатов завершил в еще в 1965 году. Многие положения диссертации были успешно апробированы в докладах и статьях, часть из которых опубликована в центральных научных журналах [См. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 37–38, 66]. Также Г.Н. Айплатов написал параграфы по истории Марийского края XVII века для учебного пособия по истории Марийской АССР [История … , 1964]. Вместе с тем автором соответствующей главы в изданных в 1965 году «Очерках истории Марийской АССР» является известный казанский ученый Е.И. Чернышёв (1894–1979), в то время как Г.Н. Айплатов принимал участие в подготовке разделов по истории Марийского края XVIII и рубежа XVIII–XIX веков, карт-схем, библиографического списка, хронологической таблицы [Очерки … , 1965, с. 7–8, 140–174, 178–183, 342–357].

Защита кандидатской диссертации состоялась в апреле 1966 года. Исследование Г.Н. Айплатова было высоко оценено официальными оппонентами докторами исторических наук В.И. Лебедевым (1894–1966), Н.П. Милоновым (1896–1975) и Г.А. Новицким (1896–1981); члены диссертационного совета единогласно

проголосовали за присвоение молодому ученому степени кандидата исторических наук [Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 6; Михайлов, 1966].

Кандидатская диссертация Г.Н. Айплатова – первый научный труд по истории Марийского края XVII века, основанный на богатом архивном материале. Он написан в соответствии с традициями советской марксистской исторической науки на основе формационной концепции, классового подхода, концепта «Дружба народов». Определяющее влияние в методологическом отношении на исследователя оказал, в первую очередь, профессор А.А. Новосельский; также многие выводы сделаны с учетом достижений крупного и авторитетного чувашского ученого в исследовании истории Среднего Поволжья и Чувашии XVI–XVIII веков В.Д. Димитриева (1924–2013). [см. Служение … , 2005, с. 131–141].

Методологически полностью соответствуя уровню развития советской исторической науки того времени, диссертация Г.Н. Айплатова, тем не менее, содержит в себе материалы и выводы, поныне не утратившие свою научную ценность. Непреходящее значение имеют следующие научные положения и результаты исследования, общей чертой которых является глубокая обоснованность на базе широкого круга достоверных опубликованных и неопубликованных (архивных) источников:

- последовательно и убедительно показана историчность марийского народа в противовес к практике исследователей прежних времен изучать нерусские народы Поволжья не как субъекты, а неполноценные объекты истории;

- определена территория расселения марийцев в XVII веке, а также их численность в рассматриваемый период;

- показано административное устройство края в XVII веке, доказано, что оно сохранило многое от Казанского ханства;

- выявлены особенности положения марийских ясачных людей в системе государственного феодализма Русского государства, на материале Марийского края подтвержден вывод о том, что марийские ясачники были не собственниками, а держателями земли;

- рассмотрен процесс заселения Марийского края русским тягловым населением, представленным в основном дворцовыми, монастырскими крестьянами и посадскими людьми, доказано, что Марийский край в XVII веке был той областью Среднего Поволжья, куда направлялся поток беглых русских крестьян и посадских людей из северных уездов;

- показано, как русские уездные города на территории Марийского края, являвшиеся изначально лишь военно-административными центрами, все больше приобретали торгово-промышленное значение;

- отмечено, что хозяйство марийских ясачных людей было комплексным при укреплении приоритетного положения земледелия;

- определены сходные черты в системе и технике земледелия, составе возделываемых культур Марийского края и других районов Среднего Поволжья и Центральной России;

- выявлены особенности, роль и значение марийских «знамен» («тамга», «тисте»);

- рассмотрены особенности развития ремесел в марийских и русских деревнях в XVII веке, доказано, что металлургия у марийцев в это время не получила развития в силу введенных правительством ограничительно-запретительных мер;

- показано, что натуральное хозяйство местных крестьян было вынуждено втягиваться в товарно-денежные отношения, прежде всего из-за необходимости выплаты налогов, оброка, пошлин;

- проанализирован процесс интеграции Марийского края в складывающийся всероссийский рынок;

- доказано, что система местного управления и состав повинностей местного населения, существовавшие в XVII веке, в своих основных чертах сложились еще во II половине XVI веке, рассмотрены особенности управления в Марийском крае на уровне волостей, сотен, десяток;

- отражены причины, особенности и масштабы злоупотреблений местной воеводской власти;

- прослежен процесс изменений в системе налогообложения в Марийском крае в XVII веке;

- рассмотрен процесс роста церковно-монастырского землевладения в Марийском крае в XVII веке за счет захвата и расхищения зе-

мель ясачных людей, при этом доказано, что в указанном столетии массовая насильственная христианизация марийцев не осуществлялась;

- подробно описано и проанализировано участие населения Марийского края в Разинском восстании (Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина);

- проанализированы последствия участия населения Марийского края в Разинском восстании [Айплатов, 1965 а; 1965 б; 1966 б].

Думается, что благодаря своей мощной доказательной документальной базе указанные выводы Г.Н. Айплатова не будут отвергнуты другими исследователями, а лишь получат дальнейшее развитие по мере выявления ими новых источников. Остается только сожалеть, что на основе данной великолепной кандидатской диссертации до сих пор не издана монография. С другой стороны, почти все ее содержание (с дополнениями и некоторыми изменениями) отражено в многочисленных статьях и публикациях ученого [См. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 37–88].

Одной из главных тем научных исследований Г.Н. Айплатова является вопрос о присоединении Марийского края к Русскому государству. Свою первую статью об этом он написал в октябре 1962 года для газеты «Марийская правда», приурочив ее к 410-летнему юбилею данного события [Айплатов, 1962 б]. В 1963 году произошло знакомство марийского ученого с русским писателем А.С. Крупняковым (1919–1994), работавшим в это время над романом «Марш Акпарса» об эпохе присоединении Марийского края к Русскому государству. Вместе они совершили экспедицию по «акпарсовским местам». Геннадий Николаевич стал не только научным консультантом знаменитого писателя, но и его большим другом. Роман «Марш Акпарса» был издан в 1965 году, затем многократно переиздавался, а в 1976 году вышел в составе трилогии «Гусляры». Как известно, это произведение завоевало любовь огромного круга читателей во всей стране. Г.Н. Айплатов оказал большую помощь Аркадию Крупнякову также при его работе над романами «Есть на Волге утёс» (о Разинском восстании), «Царёв город» (об основании Царевококшайска), вместе они вынашивали идею о совместном сборнике рассказов для детей об истории Марийского края, которую, к сожалению, не удалось воплотить из-за смерти Аркадия Степановича [Айплатов, 1994б].

В 1967 году вышла научно-популярная книга Г.Н. Айплатова «Навеки с тобой, Россия». Издание было приурочено к 70-летию Великой Октябрьской революции. Это была первая книга, специально посвященная проблеме присоединения Марийского края к Русскому государству, и оставалась единственной по этой теме вплоть до конца 1990-х годов. Следует отметить, что автор не вышел за рамки постулатов советской историографии и ведущей идеей данного исследования является тезис о давней дружбе между марийскими и русскими трудовыми массами, которые, по его мнению, в XV–XVI веках совместно боролись против гнета реакционных татарских и марийских феодалов и угрозы турецкого порабощения. По убеждению Г.Н. Айплатова, горные марийцы вошли в состав Русского государства добровольно, а восстания в Поволжье после падения Казани охарактеризованы как антифеодальное движение против царизма, безуспешно пытавшиеся использовать в своих корыстных целях остатки казанских и марийских феодалов. Говоря о прогрессивном значении присоединения Марийского края к Русскому государству, автор, тем не менее, отметил, что «в этом историческом событии следует видеть и другую сторону: наличие элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием по отношению к местному населению, грабительскую национально-колониальную политику царизма». Г.Н. Айплатов использовал широкий круг письменных источников, а также фольклорный материал. Им убедительно доказано, что легендарный горномарийский князь Акпарс был реальной исторической личностью. Текст написан простым языком, доступным массовому читателю [Айплатов, 1967 б]. Поэтому, например, автор в своей книге цитирует не академическое издание «Казанской истории», а ее современное переложение в стихотворной форме [ср. Сказание … , 1959, с. 211–512].

В 1990 году Г.Н. Айплатов одним из первых возобновил использование в научном обороте термина «черемисские войны» применительно

к восстаниям народов Среднего Поволжья во II половине XVI века. При этом он не отказался от своей прежней точки зрения по вопросу о характере этого массового народного движения. Вместе с тем относительно новым было выделение в «черемисских войнах» элементов гражданской войны [Айплатов, 1990].

Айплатов Г.Н. сохранил приверженность методологическим принципам, сложившимся еще в 1960-х годах и до сих пор следует им в своих исследованиях. Несмотря на кардинальные изменения в обществе, произошедшие в конце XX – начале XXI века, ученый отказался пересматривать свои взгляды. Результаты своих научных поисков он обобщил в своей докторской диссертации в виде научного доклада «Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI – начала XVIII веков: проблемы социально-экономической и политической истории», защищенной в 2002 году в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова [Айплатов, 2002]. Диссертация глубоко и досконально проанализирована в статье В.Д. Димитриева. Можно полностью согласиться с выводом выдающегося чувашского ученого-историка, что «научные труды Г.Н. Айплатова представляют собой большой вклад в российскую историческую науку, в познание истории федеративной, многонациональной России» [Димитриев, 2007].

Кроме вопросов истории Марийского края и Среднего Поволжья второй половины XVI – XVIII века Г.Н. Айплатов исследовал также такие проблемы, как гербы городов Среднего Поволжья [1969 б; 1970 а], история Марийского общества краеведения [1993; Айплатов, Фищенко, 2012].

Свою концепцию истории Марийского края с древнейших времен до конца XIX века с учетом достижений исторической науки Г.Н. Айплатов представил в учебном пособии для учащихся 7–8 классов «История Марийской АССР», выдержавшем с 1968 по 1994 год семь изданий, причем без существенных изменений и дополнений [См. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 33–35]. На нем выросло не одно поколение историков Марийской республики.

Важное место в научных поисках Г.Н. Айплатова занимают его многочисленные работы, посвященные жизни и творчеству исторических личностей, деятелей науки, культуры Марийского края, Среднего Поволжья, России и зарубежья. Необходимо подчеркнуть, что все они снабжены обширными библиографическими списками [см. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 33–122]. Он является одним из основных авторов (с 1994 по 2016 год – научным редактором) издаваемого Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна серии календарей знаменательных и памятных дат «Марий Эл: время, события люди».

Айплатов Г.Н. – автор множества справочно-энциклопедических статей. В 1974 году его статья «Черемисы» появилась в «Советской исторической энциклопедии» [Советская … , 1974, стб. 839], в 1981 году – «Марийский университет» в «Украинской советской энциклопедии» [Украинская … , 1981, с. 291], в 2012 году (в соавторстве) – «Марий Эл» в «Большой Российской энциклопедии» [Большая … , 2012, с. 118–119]. Он является одним из составителей биобиблиографического справочника «Ученые Марийского государственного университета» [Ученые … , 2002], входит в число авторов «Энциклопедии Марий Эл» [Энциклопедия … , 2009]. В «Марийскую биографическую энциклопедию» включены 200 его статей [Марийская … , 2017].

Особо следует подчеркнуть огромную роль Г.Н. Айплатова в развитии историографии истории Марийского края и Среднего Поволжья. Первые его историографические статьи были посвящены трудам В.Д. Димитриева и К. Маркса. Автор оценивает работы В.Д. Димитриева как исследования, имеющие большое значение для развития исторической науки не только Чувашии, но и других регионов Среднего Поволжья, в том числе и для Марийской АССР, а наследие Карла Маркса рассматривает в качестве основы теории исторического познания [Айплатов, 1968 в; 1969 а]. Содержательные историографические обзоры входят в кандидатскую диссертацию и тематические научные статьи ученого.

В 1970 году Геннадий Николаевич завершил работу над 521-страничной научной рукописью «История исторической науки Марийской АССР 1917–1970 гг.». В это время Г.Н. Айплатов работал на кафедре истории

МГПИ им. Н.К. Крупской, но саму рукопись он передал на хранение в фонды МарНИИЯЛИ. В исследовании глубоко проанализированы практически все научные труды историков, в той или иной мере рассматривавших вопросы истории Марийского края в указанный период: монографические исследования, учебные пособия, коллективные труды, очерки, статьи, рецензии, сборники документов и материалов. В фокусе внимания Г.Н. Айплатова также оказалась история возникновения и развития научно-исследовательских учреждений, имевших отношение к развитию исторической науки в Марийской АССР. В работе проанализирована история зарождения и развития историко-краеведческого движения, затронуты вопросы подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, раскрыта деятельность музеев (в том числе даже школьных) и Марийского отделения ВООПИК. Не обойдены вниманием достижения ученых Марийской АССР в изучении проблем всеобщей и отечественной истории. Археологические и этнографические исследования рассмотрены в источниковедческом плане в процессе характеристики источниковедческой основы исторических исследований. Особый интерес представляет параграф, посвященный развитию вспомогательных исторических дисциплин, исторической географии, ономастики. Ученым дана четкая и продуманная периодизация истории исторической науки Марийской АССР: 1917–1936 годы (становление советской исторической науки); 1937–1956 годы (ослабление научно-исследовательской работы, когда «догматизм и начетничество в годы культа личности мешали творческой разработке актуальных научных проблем»); 1957–1970-е годы (подъем научно-исследовательской работы, совпавший «с началом строительства коммунизма в нашей стране» и вызванный «решениями XX и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза, Постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»). Намечены перспективы развития исторической науки Марийской АССР, приведен достаточно длинный перечень малоизученных и неисследованных тем. Выделены типичные ошибки, которые допускают некоторые исследователи: излишняя фактографичность без качественного анализа, перегруженность цифровым материалом, недостаточная обоснованность выводов и обобщений, неряшливые формулировки, сухость изложения, статистические погрешности и др. Автор вполне в духе работ того времени резюмирует: «…историки Марийской АССР видят свою главную задачу в тщательном и всестороннем изучении с марксистско-ленинских позиций исторического пути марийского народа с тем, чтобы использовать накопленное богатство знаний для воспитания трудящихся в коммунистическом духе» [Айплатов, 1970 в].

Рукописный труд Г.Н. Айплатова по историографии, конечно, несет на себе идеологическую печать эпохи, но данное обстоятельство нисколько не умаляет его научной ценности. Для своего времени – это вершина развития марийской историографии. Думается, если когда-либо его издадут в виде монографии, что, к сожалению, не было сделано в 1970-е годы, он непременно будет востребован в научном мире. Тем более, что до сих пор у нас в республике нет другого обобщающего и фундаментального историографического исследования.

Некоторые части данной научной рукописи Г.Н. Айплатовым опубликованы в виде статей. Одна из них [1974 а] была весьма высоко оценена известным швейцарским ученым, крупнейшим специалистом по истории народов России Андреасом Каппелером (род. 1943): «За подробный, полный и в целом сбалансированный обзор литературы по истории мари с XVI по XVIII век мы благодарны Г.Н. Айплатову. Он обсуждает не только дореволюционные и советские специальные исследования, но и привлекает общие сочинения и другие фундаментальные работы московских историков» (“Eine ausführliche, vollständige und im ganzen ausgewogene Übersicht über die Literatur zur Geschichte der Mari vom 16. bis zum 18. Jahrhundert verdanken wir G.N. Ajplatov. Er bespricht nicht nur die vorrevolutionären und sowjetischen Spezialuntersuchungen, sondern zieht auch die Gesamtdarstellungen der russischen Geschichte und andere grundlegende Arbeiten der Moskauer Historiker heran”) [1978, pp. 88–89].

Айплатов Г.Н. в последующем, не ограничиваясь использованием своих наработок из научной рукописи 1970 года, продолжил

исследование дальнейшего развития исторической науки Марийской АССР (Республики Марий Эл). Особо следует выделить множество его статей, посвященных жизни и деятельности исследователей из Марийской республики, Среднего Поволжья, России и зарубежья, внесших заметный вклад в изучение истории Марийского края и марийского народа: В.Ф. Абрамову, А.А. Андреянову, А.Я. Антипину, А.И. Артемьеву, Г.А. Архипову, А.Г. Бахтину, С.В. Большову, К.К. Васину, М.А. Георгиной, И.Т. Грищуку, К.П. Гусеву, О.В. Данилову, В.Д. Димитриеву, Л.А. Дубровиной, Ф.Е. Егорову, И.П. Ермолаеву, В.А. Ерошкину, Г.З. Зайниеву, С.П. Захаровой, Ю.А. Зеленееву, А.А. Зенкину, А.Г. Иванову, М.И. Исиметову, А.С. Казимову, Н.П. Калистратову, А. Каппелеру, Г.И. Кириллову, К.И. Козловой, С.А. Коробову, Г.Н. Крайнову, А.В. Краснову, М.Н. Кропотовой, Т.А. Крюковой, В.Е. Кутасовой, О.Г. Левенштейну, Д.М. Макарову, С.М. Михайлову, Т.Л. Молотовой, И.Я. Молярову, В.А. Морозову, А.В. Муравьёву, Ш.Ф. Мухамедьярову, В.В. Никитину, Т.Б. Никитиной, Н.В. Никольскому, Г.В. Палутову, А.С. и В.С. Патрушевым, Н.С. Попову, В.Ф. Пашукову, Н.Н. Садову, К.Н. Санукову, Г.А. Сепееву, М.Т. Сергееву, А.Р. Смиренскому, И.Н. Смирнову, Б.С. Соловьёву, И.М. Соловьёву, С.В. Старикову, В.И. Сухину, В.М. Тарасовой, М.И. Терёшкиной, А.М. Удалову, Н.Н. Фирсову, А.Х. Халикову, А.В. Хлебникову, М.Г. Худякову, А.Н. Чимаеву, В.Д. Шарову, В.И. Швыдченко, В.П. Яковлевой, И.Ф. Ялтаеву, В.М. Янтемиру, А.Ф. Ярыгину и многим другим [см. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 33–88].

К историографическим работам Г.Н. Айплатова следует также отнести его бесчисленные рецензии и отзывы на труды по истории Марийского края, Среднего Поволжья, России. Опубликована лишь незначительная их часть [см. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 123–129].

Большое значение для науки имеют труды Г.Н. Айплатова по библиографии, в особенности тематические и именные библиографические указатели. Работы по научной библиографии известных ученых Н.В. Никольского, К.Н. Санукова, Г.А. Сепеева, М.Т. Сергеева опубликованы в виде отдельных изданий [см. Геннадий Николаевич Айплатов, 2019, с. 34–36].

Айплатов Г.Н. является признанным специалистом по источниковедению и археографии. Среди марийских историков ему принадлежит первенство в публикации и изучении источников. По оценке В.Д. Димитриева, Геннадий Николаевич Айплатов «выявил и собрал все важнейшие документы по истории Марийского края XVI – начала XVIII века, впервые использовал их в своих исследованиях и опубликовал значительную часть выявленных им документов» [2007, с. 244]. В период работы в МарНИИЯЛИ и учебы в аспирантуре (в первой половине 1960-х годов) он выявил и исследовал огромное количество архивных документов по истории Марийского края и Среднего Поволжья XVII века, в меньшей степени – XVIII–XIX веков. В 1967–1968 годах Г.Н. Айплатов подготовил титанический труд – три сборника документов «Марийский край в XVII веке» общим объемом 155 п.л. В них вошли преимущественно архивные письменные источники, большей частью писцовые и переписные книги, использованные ученым при написании кандидатской диссертации. Машинописные рукописи этих неизданных сборников хранятся в Научном рукописном фонде МарНИИЯЛИ [1967 а; 1968 а; 1968 б].

Первая научная публикация исторического источника Г.Н. Айплатовым осуществлена в 1967 году – это «Список с переписной книги митрополичьих, монастырских и ясашных сел, деревень и дворов по Галецкой дороге». Автором сделан глубокий и тщательный научно-критический анализ источника, документ издан грамотно, в соответствии с археографическими правилами [1967 в]. На таком же высоком научном уровне опубликованы и проанализированы Геннадием Николаевичем в 1970–1974 годах ценные документы по истории Царевококшайска и Царевококшайского уезда XVII–XVIII веков, а также по сыску беглых крестьян в Среднем Поволжье в XVII веке [1970 б; 1971; 1974 б].

В 1974–1988 годах Г.Н. Айплатов вынужденно снизил свою научно-исследовательскую активность, так как в это время работал проректором Марийского государственного

университета, занимал ряд других руководящих должностей. В 1988 году он стал доцентом кафедры отечественной истории МарГУ (с 2003 года – профессор), где, освободившись от обременительных административно-управленческих обязанностей, вместе с заведующим данной кафедрой А.Г. Ивановым (род. 1954) он образовал самый плодотворный и эффективный творческий тандем в истории исторической науки Марийской республики.

Айплатов Г.Н. и Иванов А.Г. являются основными инициаторами и вдохновителями основания научно-практического ежегодника «Марийский археографический вестник» в мае 1991 года. Они возглавили редколлегию (А.Г. Иванов – главный редактор, Г.Н. Айплатов – заместитель главного редактора) и вот уже более 30 лет успешно добиваются, чтобы на страницах этого издания публиковались новые документы по истории Марийского края, Поволжья и Приуралья, объективно освещался исторический путь, пройденный марийским и другими народами. «Марийский археографический вестник» пользуется заслуженным авторитетом в научном мире, он востребован не только в России, но и за рубежом. Особое место в ежегоднике занимает раздел «Публикации документов и материалов», где регулярно появляются новые архивные источники, выявленные и исследованные учеными из многих российских городов и ряда зарубежных стран, в том числе и Г.Н. Айплатовым [Иванов, Иванов, 2020, с. 190–198].

В 1992 году Г.Н. Айплатов и А.Г. Иванов составили и издали сборник «История Марийского края в документах и материалах» [История … , 1992], куда вошли фрагменты письменных источников по истории марийского народа и Марийского края XII – первой половины XIX века. Издание было задумано как пособие для студентов, изучающих курс истории Республики Марий Эл, но им активно пользуются и профессиональные историки для своих исследований, поскольку значительная часть приведенных источников (особенно по периоду XVII–XVIII веков) нигде не опубликована.

В 2000 году вышел составленный Г.Н. Айплатовым и А.Г. Ивановым сборник документов о Спасо-Юнгинском монастыре – первом монастыре, основанном на территории Марийского края. Почти все материалы извлечены из фонда 252 Государственного архива Республики Марий Эл, за исключением двух документов из РГАДА. В предисловии раскрыта история указанного фонда, дана историография публикаций некоторых документов этого фонда и истории самого монастыря, тщательно охарактеризованы единицы хранения данного фонда, приведены археографические замечания и указания на характер и цели публикации. В специальном исследовании представлена история монастыря, роста его землевладения, взаимоотношений с местным марийским и русским населением, подробно проанализированы особенности монастырского хозяйства, положения монастырских крестьян, системы управления монастырем. В сборнике опубликовано всего 313 документов, к ним даны обстоятельные научные комментарии. Книга снабжена словарем устаревших слов, географическим и именным указателем, приложениями (картосхемой вотчины монастыря в конце XVII века, списком архимандритов монастыря, а также списком воевод Козьмодемьянского уезда). Приведенные материалы имеют большую ценность для исследования не только истории монастырской колонизации Среднего Поволжья, но и широкого круга вопросов истории региона и России в целом периода второй половины XVI–XVIII веков. [Монастырская … , 2000]. Книга является великолепным образцом издания русских письменных источников XVII–XVIII веков, отличающимся как своим глубоким научным содержанием, так и безупречным археографическим исполнением. Совершенно не удивительно, что Г.Н. Айплатов и А.Г. Иванов получили за нее в 2001 году Государственную премию Республики Марий Эл в области научной публикации естественных и гуманитарных наук им. М.Н. Янтемира [Геннадий Николаевич Айплатов, с. 15].

Айплатов Г.Н. и Иванов А.Г. также подготовили учебное пособие по русской палеографии для студентов исторической специальности. Оно было выпущено в 2003 году под грифом Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию России московским издательством [2003]. До сих пор по этому учебному пособию изучают один из самых сложных учебных предме-

тов студенты-историки многих вузов страны, оно служит настольной книгой для исследователей, работающих с русскими рукописными источниками XI–XVIII веков. Специалистами высоко оценен труд марийских ученых, написанный в лучших традициях отечественной палеографии. Как следствие, в 2004 году Г.Н. Айплатов и А.Г. Иванов получили диплом Фонда развития отечественного образования за лучшую научную книгу 2003 года среди преподавателей высших учебных заведений России [Геннадий Николаевич Айплатов, с. 16].

В 2007 году Г.Н. Айплатов вместе с А.Г. Ивановым составил и выпустил уникальный сборник «Акпарс: исследования и материалы». В него вошли различные материалы, связанные с личностью легендарного горномарийского сотника и его эпохой: фрагменты исследований и статьи (в т.ч. статья Г.Н. Айплатова «Акпарс: сквозь призму веков»), источники (летописные сведения о временах жизни Акпарса и предания о самом Акпарсе), отрывки из художественных произведений, репродукции картин, иллюстрации из «Лицевого летописного свода», нотная запись «Марша Акпарса» и составленная Г.Н. Айплатовым обширная библиография [Акпарс, 2007].

Многие годы Г.Н. Айплатов работает над исследованием о сочинениях иностранцев, написанных в XVI–XIX веках, где содержится информация о марийцах и Марийском крае [1994 а]. Накоплен большой материал, в рамках апробации вышло несколько статей по этой теме. Но Геннадий Николаевич не спешит. Он, как в свое время его наставник А.А. Новосельский, стремится, чтобы созданное было доведено до совершенства.

Заключение

Геннадий Николаевич Айплатов внес огромный вклад в развитие исторической науки Марийской республики, Среднего Поволжья и России в целом. Особо значимы его работы по истории Марийского края и Среднего Поволжья первой половины XVI – начала XVIII века, истории исторической науки Марийской республики, источниковедению, палеографии, публикации исторических источников XVII–XVIII веков. Они отличаются новизной постановки проблемы, широтой источниковой базы, стройностью и последовательностью авторской концепции. Кроме того, высокой научной ценностью обладают неизданные труды ученого, хранящиеся в фондах МарНИИЯЛИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айплатов Г.Н. Историйын страницыж гыч [Из истории] // Марий коммуна. 1961. 19 нояб.

Айплатов Г.Н. Из истории развития ремесла и торговли в Марийском крае в XVII в. // Труды МарНИИ. Вып. XVII: Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1962а. С. 113–131.

Айплатов Г.Н. Навеки вместе // Марийская правда. 1962б. 10 окт.

Айплатов Г.Н. Неолитические памятники Марийской АССР: краткая характеристика археологических исследований 1956–1958 гг. // Сборник студенческих научных работ. Вып. 2. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 1962в. С. 12–24.

Айплатов Г.Н. Хозяйственное развитие Марийского края в первой половине XVII века. 12 октября 1963 г. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 127.

Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае XVII в.: дисс. … канд. ист. наук. М., 1965а. 446 с.

Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII веке: дисс. … канд. ист. наук. М., 1965б. 415 л. (черновой вариант) // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 524.

Айплатов Г.Н. Верен всю жизнь // Марийская правда. 1966а. 16 окт.

Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в.: автореф. … дисс. канд. ист. наук. М., 1966б. 16 с.

Айплатов Г.Н. Марийский край в XVII веке. Сборник документов. Йошкар-Ола, 1967а // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 395.

Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия: О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967б. 130 с.

Айплатов Г.Н. Новый архивный документ о ясачном обложении и ясачной политике царизма в Марийском крае в XVII веке // Труды МарНИИ. Вып. XXII: История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967в. С. 130–147.

Айплатов Г.Н. Марийский край в XVII веке. Сборник документов. Т. 1: Писцовые и переписные книги. Йошкар-Ола, 1968а // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 346.

Айплатов Г.Н. Марийский край в XVII веке. Сборник документов. Т. 2: Писцовая книга 1678 г. Йошкар-Ола, 1968б // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 346.

Айплатов Г.Н. Труды В.Д. Димитриева по истории феодальной Чувашии // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР. Вып. XL: История, этнография, социология. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968в. С. 309–316.

Айплатов Г.Н. Некоторые вопросы истории Марийского края в трудах Карла Маркса // Из истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1969а. С. 3–34.

Айплатов Г.Н. Эмблемы городов Поволжья // Волга. 1969б. № 2. С. 96–99.

Айплатов Г.Н. Гербы городов Среднего Поволжья // Страницы истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970а. С. 32–44.

Айплатов Г.Н. Город Царевококшайск и его уезд в XVII–XVIII вв. // Страницы истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970б. С. 9–32.

Айплатов Г.Н. История исторической науки Марийской АССР 1917–1970 гг. Йошкар-Ола, 1970в // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1131.

Айплатов Г.Н. Переписная книга города Царевококшайска и его уезда 1646 года // Труды МарНИИ. Вып. XXIII: Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. С. 260–269.

Айплатов Г.Н. Вопросы истории Марийского края середины XVI–XVIII вв. в дореволюционной и советской историографии // Вопросы историографии истории Марийской АССР. Киров; Йошкар-Ола, 1974а. С. 3–48.

Айплатов Г.Н. Новый документ о сыске беглых в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1974б. № 12. С. 194–195.

Айплатов Г.Н. Общественно-политическое движение и классовая борьба в Марийском крае во второй половине XVI века (к вопросу о характере «черемисских войн») // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1990. С. 3–10.

Айплатов Г.Н. Роль Марийского общества краеведения в изучении материальной и духовной культуры марийцев // Вопросы истории культуры народов Среднего Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1993. С. 93–106.

Айплатов Г.Н. Историйым от шемемде, от чеверте [Историю не очернить и не приукрасить] // Марий Эл. 1994а. 5 июль.

Айплатов Г.Н. «Мой друг Аркадий…» // Марийская правда. 1994б. 24 мая.

Айплатов Г.Н. Марийский край в составе Российского государства второй половины XVI – начала XVIII веков: проблемы социально-экономической и политической истории. Дисс. в виде науч. докл. … д-ра ист. наук. Чебоксары, 2002. 74 с.

Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография: Учебн. пособие. М.: Логос, 2003. 344 с.

Айплатов Г.Н., Фищенко Н.Е. У истоков марийского краеведения // Марийский археографический вестник. Вып. 22. Йошкар-Ола, 2012. С. 217–223.

Акпарс: исследования и материалы / авт.-сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. 215 с.

Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2009. 415 с.

Большая Российская энциклопедия. Т. 19. Маниковский – Меотида. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2012. 766 с.

Виноградов В., Хазанов А. V Всесоюзная студенческая археологическая конференция // Советская археология. 1959. № 3. С. 269–270.

Геннадий Николаевич Айплатов: материалы к биобиблиографии. Йошкар-Ола: Нац. б-ка им. С.Г. Чавайна, 2019. 184 с.

Димитриев В.Д. О трудах Г.Н. Айплатова по истории Марийского края XVI – начала XVIII в. // Марийский археографический вестник. Вып. 17. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 243–250.

Иванов А.Г., Иванов А.А. «Марийскому археографическому вестнику» – 30 лет // Марийский археографический вестник. Вып. 30. Йошкар-Ола, 2000. С. 177–214.

История Марийского края в документах и материалах. Вып. 1: Эпоха феодализма / сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 564 с.

История Марийской АССР: учеб. пособие для учащихся 7–8 классов / под ред. В.Ф. Пашукова, Д.М. Макарова, С.П. Мосуновой. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 95 с.

Марийская биографическая энциклопедия / авт.-сост. В.А. Мочаев. Йошкар-Ола: Марийский биографический центр, 2017. 606 с.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 80 лет. 1930–2010. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2010. 176 с.

Михайлов И. Диссертация защищена // Марийская правда. 1966. 23 апреля.

Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг: Исследование. Тексты документов / сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. 464 с.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / под ред. А.В. Хлебникова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 364 с.

Сказание о царстве Казанском / Вступ. ст., перелож. и примеч. Н.В. Водовозова. М.: Гослитиздат, 1959. 526 с.

Советская историческая энциклопедия. Т. 15: Феллахи – Чжалайнор. М.: Сов. энцикл., 1974. 1006 стб.

Служение истории. Сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2005. 198 с.

Троицкий С.М. Памяти А.А. Новосельского (1891–1967) // Исторические записки. Т. 81. М.: Наука, 1968. С. 278–281.

Украинская советская энциклопедия. Т. 6: Лахтак – молдовеняска. Киев: УСЭ, 1981. 552 с.

Ученые Марийского государственного университета / сост. Г.Н. Айплатов, А.А. Иванов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. 291 с.

Халиков А.Х. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 1: Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.

Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 872 с.

Kappeler A. Die Geschichte der Völker der Mittleren Wolga (vom 10. Jh. bis in die zweite Hälfte des 19. Jh.) in der sowjetischen Forschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 26, H. 1 (1978), pp. 70-104.

Sergey Svechnikov

G.N. AIPLATOV'S CONTRIBUTION TO HISTORICAL SCIENCE (TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)

Introduction. Gennady Nikolaevich Aiplatov belongs to one of the most prominent historians of the Republic of Mari El. **The purpose of the article** is to reveal the contribution of G.N. Aiplatov to the development of historical science. **Materials and methods.** The article is written on the basis of the works of the scientist and materials about him. **Research methods** are concrete-historical, comparative-historical and historical-biographical ones. **Research results, discussion.** G.N. Aiplatov's works on the history of the Mari Territory and the Middle Volga Region of the first half of the 16th to the early 18th century, historical science history of the Mari Republic, sources study, paleography, and his publication of the 17th century historical sources are of great importance for historical science. They are characterized by the problem novelty, a broad source base, harmony and consistency of the author's concept. For the first time, the scientist's manuscripts of scientific works, being stored in the funds of the Mari Research Institute, have been analysed in the article. **Conclusion.** G.N. Aiplatov made a huge contribution to the development of the historical science of the Mari Republic, the Middle Volga region and Russia as a whole.

Keywords: Gennady Nikolaevich Aiplatov; Mari region; Middle Volga region; historiography; source study; archeography; paleography.

REFERENCES

Aiplatov G.N. Istorijyn stranicyzh gych (Iz stranits istorii) [From the pages of history]. *Marij kommuna = Mari commune,* 19 November 1961. (In Mari).

Aiplatov G.N. Iz istorii razvitiya remesla i torgovli v Marijskom krae v XVII v. [From the history of the development of crafts and trade in the Mari region in the 17th century.]. *Trudy MarNII. Vyp. XVII. Voprosy istorii i arheologii Marijskoj ASSR = Proceedings of the Mari Research Institute. Iss. 17. Issues of history and archeology of the Mari ASSR*. Joshkar-Ola, 1962a, pp. 113-131. (In Russian).

Aiplatov G.N. Naveki vmeste [Together forever]. *Marijskaya pravda = Mari Truth,* 10 October 1962b. (In Russian).

Aiplatov G.N. Neoliticheskie pamyatniki Marijskoj ASSR: kratkaya harakteristika arheologicheskih issledovanij 1956–1958 gg. [Neolithic monuments of the Mari ASSR: a brief description of archaeological research in 1956-1958.] *Sbornik studencheskih nauchnyh rabot. Vyp. 2 = Collection of student scientific papers. Iss. 2.* Joshkar-Ola, Krupskaja Mari State Pedagogical Institute Publ., 1962c, pp. 12-24. (In Russian).

Aiplatov G.N. Hozyajstvennoe razvitie Marijskogo kraya v pervoj polovine XVII veka. 12 oktyabrya 1963 g. [Economic development of the Mari region in the first half of the 17th century, October 12, 1963] *NRF MarNII. Op. 1 D. 127 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 127.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Social'no-ekonomicheskoe razvitie i klassovaya bor'ba v Marijskom krae XVII v. [Socio-economic development and class struggle in the Mari region of the 17th century], Cand. histor. sci. diss. Moscow, 1965a, 446 p. (In Russian).

Aiplatov G.N. Socialno-ekonomicheskoe razvitie i klassovaya borba v Marijskom krae v XVII veke [Socio-economic development and class struggle in the Mari region of the 17th century], Cand. histor. sci. diss. Moscow, 1965b. *NRF MarNII. Op. 1. D. 524 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 524.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Veren vsyu zhizn' [Being faithful during all his life] *Marijskaya pravda = Mari Truth,* 16 October 1966a. (In Russian).

Aiplatov G.N. Social'no-ekonomicheskoe razvitie i klassovaya bor'ba v Marijskom krae v XVII v. [Socio-economic development and class struggle in the Mari region of the 17th century], Cand. histor. sci. diss. Abstr. Moscow, 1966b, 16 p. (In Russian).

Aiplatov G.N. Marijskij kraj v XVII veke. Sbornik dokumentov [Mari region in the 17th century. Collection of documents]. Joshkar-Ola, 1967a. *NRF MarNII. Op. 1. D. 395. = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 395.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Naveki s toboj, Rossiya. O prisoedinenii Marijskogo kraya k Russkomu gosudarstvu [Forever with you, Russia. On the accession of the Mari region to the Russian state]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967b, 130 p. (In Russian).

Aiplatov G.N. Novyj arhivnyj dokument o yasachnom oblozhenii i yasachnoj politike carizma v Marijskom krae v XVII veke [New archival document on yasak taxation and yasak policy of tsarism in the Mari region in the 17th century]. *Trudy MarNII. Vyp. XXII. Istoriya, arheologiya, etnografiya mari. = Proceedings of the Mari Research Institute. Iss. 22. History, archeology, ethnography of the Mari*. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967c, pp. 130-147. (In Russian).

Aiplatov G.N. Marijskij kraj v XVII veke. Sbornik dokumentov. T. 1: Piscovye i perepisnye knigi [Mari region in the 17th century. Collection of documents. Vol. 1. Scribal and census books]. Joshkar-Ola, 1968a. *NRF MarNII. Op. 1. D. 346 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 346.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Marijskij kraj v XVII veke. Sbornik dokumentov. T. 2: Piscovaya kniga 1678 g. [Mari region in the 17th century. Collection of documents. Vol. 1. Scribal books 1678]. Joshkar-Ola, 1968b. *NRF MarNII. Op. 1. D. 346 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 346.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Trudy V.D. Dimitrieva po istorii feodal'noj Chuvashii [Proceedings of V.D. Dimitriev on the history of feudal Chuvashia]. *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete Ministrov CHASSR. Vyp. XL. Istoriya, etnografiya, sociologiya = Scientific notes of the Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the CHASSR. Iss. 40. History, ethnography, sociology.* Cheboksary, Chuvashknigoizdat Publ., 1968c, pp. 309-316. (In Russian).

Aiplatov G.N. Nekotorye voprosy istorii Marijskogo kraya v trudah Karla Marksa [Some questions of the history of the Mari region in the writings of Karl Marx]. *Iz istorii Marijskoj ASSR = From the history of the Mari ASSR.* Joshkar-Ola, 1969a, pp. 3-34. (In Russian).

Aiplatov G.N. Emblemy gorodov Povolzh'ya [Emblems of the cities of the Volga region]. *Volga*, 1969b, no. 2, pp. 96-99. (In Russian).

Aiplatov G.N. Gerby gorodov Srednego Povolzh'ya [Coats of arms of the cities of the Middle Volga region]. *Stranicy istorii Marijskogo kraya = Pages of the history of the Mari region.* Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1970a, pp. 32-44. (In Russian).

Aiplatov G.N. Gorod Carevokokshajsk i ego uezd v XVII-XVIII vv. [The city of Tsarevokokshaysk and its county in the 17th - 18th centuries]. *Stranicy istorii Marijskogo kraya = Pages of the history of the Mari region.* Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1970b, pp. 9-32. (In Russian).

Aiplatov G.N. Istoriya istoricheskoj nauki Marijskoj ASSR 1917-1970 gg. [History of historical science of the Mari ASSR in 1917-1970]. Yoshkar-Ola, 1970c. *NRF MarNII. Op. 1. D. 1131 = Scientific and manuscript Fund of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 1131.* (In Russian).

Aiplatov G.N. Perepisnaya kniga goroda Carevokokshajska i ego uezda 1646 goda [Census book of the city of Tsarevokokshaysk and its district of 1646] *Trudy MarNII. Vyp. XXIII. Novye stranicy v istorii marijskogo kraya = Proceedings of the Mari Research Institute. Iss. 23. New pages in the history of the Mari region.* Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971, pp. 260-269. (In Russian).

Aiplatov G.N. Voprosy istorii Marijskogo kraya serediny XVI-XVIII vv. v dorevolyucionnoj i sovetskoj istoriografii [Issues of the history of the Mari region in the middle of the 15th - 18th centuries in pre-revolutionary and soviet historiography]. *Voprosy istoriografii istorii Marijskoj ASSR = Questions of historiography of the history of the Mari ASSR.* Kirov; Joshkar-Ola, 1974a, pp. 3-48. (In Russian).

Aiplatov G.N. Novyj dokument o syske beglyh v Srednem Povolzh'e [A new document on the search for fugitives in the Middle Volga region]. *Voprosy istorii = Questions of history.* 1974b, no. 12, pp. 194-195. (In Russian).

Aiplatov G.N. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie i klassovaya bor'ba v Marijskom krae vo vtoroj polovine XVI veka (k voprosu o haraktere «cheremisskih vojn») [Socio-political movement and class struggle in the Mari region in the second half of the 16th century (on the question of the nature of the "Cheremis wars")]. *Krest'yanskoe hozyajstvo i kul'tura derevni Srednego Povolzh'ya = Peasant economy and culture of the village of the Middle Volga region.* Joshkar-Ola, Mari Research Institute Publ., 1990, pp. 3-10. (In Russian).

Aiplatov G.N. Rol' Marijskogo obshchestva kraevedeniya v izuchenii material'noj i duhovnoj kul'tury marijcev [The role of the Mari Society of Local History in the study of the material and spiritual culture of the Mari]. *Voprosy istorii kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya = Questions of the history of culture of the peoples of the Middle Volga region.* CHeboksary, CHuvash University Publ., 1993, pp. 93-106. (In Russian).

Aiplatov G.N. Istorijym ot shememde, ot cheverte [History cannot be tarnished or embellished] // *Marij El,* 5 July1994a. (In Mari).

Aiplatov G.N. «Moj drug Arkadij…» ["My friend Arkady..."]. *Marijskaya Pravda = Mari Truth,* 24 May 1994b. (In Russian).

Aiplatov G.N. Marijskij kraj v sostave Rossijskogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI - nachala XVIII vekov: problemy social'no-ekonomicheskoj i politicheskoj istorii. [The Mari Territory as part of the Russian state in the second half of the 16th - early 18th centuries: problems of socio-economic and political history], Dr. histor. sci. diss. in the form of a scientific report. Cheboksary, 2002, 74 p. (In Russian).

Aiplatov G.N., Ivanov A.G. Russkaya paleografiya [Russian paleography]. Moscow, Logos Publ., 2003, 344 p. (In Russian).

Aiplatov G.N., Fishchenko N.E. U istokov marijskogo kraevedeniya [At the origins of Mari local history]. *Marijskij arheograficheskij vestnik. Vyp. 22 = Mari Archaeographic Bulletin. Iss. 22.* Joshkar-Ola, 2012, pp. 217-223. (In Russian).

Akpars: issledovaniya i materialy / avt.-sost. G.N. Aiplatov, A.G. Ivanov [Aiplatov G.N., Ivanov A.G. (ed.). Akpars: research and materials]. Joshkar-Ola, Mari State University Publ., 2007, 215 p. (In Russian).

Arheologicheskaya karta Respubliki Marij El [Archaeological map of the Republic of Mari El]. Joshkar-Ola, Mari Research Institute Publ., 2009, 415 p. (In Russian).

Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. T. 19. Manikovskij - Meotida [Great Russian Encyclopedia. Vol. 19. Manikovsky - Meotida]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2012, 766 p. (In Russian).

Vinogradov V., Hazanov A. V Vsesoyuznaya studencheskaya arheologicheskaya konferenciya [5th All-Union Student Archaeological Conference]. *Sovetskaya arheologiya = Soviet archeology.* 1959, no. 3, pp. 269-270. (In Russian).

Gennadiy Nikolaevich Aiplatov: materialy k biobibliografii [Gennady Nikolaevich Aiplatov: materials for biobibliography]. Yoshkar-Ola, Chavain National Library Publ., 2019, 184 p. (In Russian).

Dimitriev V.D. O trudah G.N. Aiplatova po istorii Marijskogo kraya XVI - nachala XVIII v. [About the works of G.N. Aiplatov on the history of the Mari region of the 16th - early 18th centuries]. *Marijskij arheograficheskij vestnik. Vyp. 17 = Mari Archaeographic Bulletin. Iss. 17*. Yoshkar-Ola, 2007, pp. 243-250. (In Russian).

Ivanov A.G., Ivanov A.A. «Marijskomu arheograficheskomu vestniku» - 30 let ["Mari Archaeographic Bulletin" is 30]. *Marijskij arheograficheskij vestnik. Vyp. 30. = Mari Archaeographic Bulletin. Iss. 30.* Yoshkar-Ola, 2000, pp. 177-214. (In Russian).

Istoriya Marijskogo kraya v dokumentah i materialah. Vyp. 1: Epoha feodalizma / sost. G.N. Aiplatov, A.G. Ivanov [Aiplatov G.N., Ivanov A.G. (ed.). [History of the Mari region in documents and materials. Iss. 1. The Age of Feudalism]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatelstvo publ., 1992, 564 p. (In Russian).

Istoriya Mariyskoy ASSR / pod red. V.F. Pashukova, D.M. Makarova, S.P. Mosunovoy. [Pashukov V.F., Makarov D.M., Mosunova S.P. (ed.). History of the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatelstvo publ., 1964, 95 p. (In Russian).

Marijskaya biograficheskaya enciklopediya / avt.-sost. V.A. Mochaev [Mochaev V.A. (ed.). Mari Biographical Encyclopedia]. Yoshkar-Ola, Mari Biographical Center Publ., 2017, 606 p. (In Russian).

Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva. 80 let. 1930-2010 [Mari Research Institute is 80 years old. 1930-2010]. Yoshkar-Ola, Mari Research Institute Publ., 2010, 176 p. (In Russian).

Mihajlov I. Dissertaciya zashchishchena [The dissertation is defended]. *Marijskaya pravda = Mari Truth,* 23 April 1966. (In Russian).

Monastyrskaya kolonizaciya Marijskogo Povolzh'ya. Po materialam Spaso-YUnginskogo monastyrya Koz'modem'yanskogo uezda 1625-1764 gg: Issledovanie. Teksty dokumentov / sost. G.N. Aiplatov, A.G. Ivanov [Aiplatov G.N., Ivanov A.G. (ed.). Monastic colonization of the Mari Volga region. Based on the materials of the Spaso-Yunginsky Monastery of the Kozmodemyansky District 1625-1764: Research. Texts of documents]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2000, 464 p. (In Russian).

Ocherki istorii Marijskoj ASSR (s drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii) / pod red. A.V. Hlebnikova [Khlebnikov A.V. (ed.). Essays on the history of the Mari ASSR (from ancient times to the Great October Socialist Revolution)]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965, 364 p. (In Russian).

Skazanie o tsarstve Kazanskom [The legend of the kingdom of Kazan]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, 526 p. (In Russian).

Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 15: Fellahi - Chzhalajnor [Soviet historical encyclopedia. Vol. 15. Fellahi - Zhalaynor]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1974, 1006 col. (In Russian).

Sluzhenie istorii [Serving History]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2005, 198 p. (In Russian).

Troickij S.M. Pamyati A.A. Novosel'skogo (1891-1967) [In memory of A.A. Novoselsky (1891–1967)]. *Istoricheskie zapiski. T. 81 = Historical notes. Vol. 81.* Moscow, Nauka, 1968, pp. 278-281. (In Russian).

Ukrainskaya sovetskaya enciklopediya. T. 6: Lahtak - moldovenyaska [Ukrainian Soviet Encyclopedia. Vol. 6. Lakhtak - moldovenească]. Kiev, Ukrainskaya sovetskaya enciklopediya Publ., 1981, 552 p. (In Russian).

Uchenye Marijskogo gosudarstvennogo universiteta / sost. G.N. Aiplatov, A.A. Ivanov [Aiplatov G.N., Ivanov A.A. (ed.). Scientists of the Mari State University]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2002, 291 p. (In Russian).

Khalikov A.H. Trudy Marijskoj arheologicheskoj ekspedicii. T. 1: Materialy k izucheniyu istorii naseleniya Srednego Povolzh'ya i Nizhnego Prikam'ya v epohu neolita i bronzy [Proceedings of the Mari archaeological expedition. Vol. 1. Materials for the study of the history of the population of the Middle Volga and Lower Kama region in the Neolithic and Bronze Ages]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 187 p. (In Russian).

Enciklopediya Respubliki Marij El [Encyclopedia of the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola, 2009, 872 p. (In Russian).

Kappeler A. Die Geschichte der Völker der Mittleren Wolga (vom 10. Jh. bis in die zweite Hälfte des 19. Jh.) in der sowjetischen Forschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 26, H. 1 (1978), pp. 70-104. (In German).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov
Candidate of History, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 94(470.343)

А.Н. ЧИМАЕВУ – 80 ЛЕТ

© 2022 г. А.Г. Акшиков



В этом году исполняется 80 лет известному ученому-историку Республики Марий Эл, кандидату исторических наук Аркадию Николаевичу Чимаеву.

Он родился 11 марта 1942 года в д. Лавра-Энер Сернурского района Марийской АССР. С 1959 по 1963 год учился на историческом отделении историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, по окончании которого получил квалификацию «Учитель истории, марийского языка и литературы». Некоторое время работал учителем истории и географии в Пуяльской восьмилетней школе Медведевского района МарАССР. Затем, с декабря 1963 по 1966 год, с перерывом на срочную службу в рядах Советской армии, был ассистентом кафедры истории КПСС Марийского пединститута.

В декабре 1966 года Аркадий Николаевич был принят на должность младшего научного сотрудника в сектор истории Марийского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Можно сказать, что с этого времени начинает раскрываться его потенциал как историка-исследователя. В институте он занялся изучением истории развития промышленности в Марийском крае в период капитализма. Эта тема в то время оставалась практически неразработанной. Активная работа с литературой, источниками в центральных и местных архивах принесла свои плоды. В 1968 году он представил доклад «К истории развития кожевенно-рукавичного производства в Юринской волости» на итоговой научной сессии. В 1971 году выходит его первая крупная научная публикация «К истории возникновения и развития кожевенной промышленности в Юринской волости» (Труды МарНИИ. Вып. 23. Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971. С. 121–178).

В 1969–1972 годах А.Н. Чимаев обучался в аспирантуре при Институте истории СССР АН СССР по специальности «История СССР (период капитализма)». Затем вновь продолжил работать в МарНИИ. В 1974 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие промышленности в Марийском крае в конце XIX – начале XX вв.». Его научными руководителями были доктора исторических наук Л.М. Иванов и К.Ф. Шацилло. С 1975 года Аркадий Николаевич переведен на должность старшего научного сотрудника.

С октября 1975 года А.Н. Чимаев работал в Марийском государственном университет, вначале старшим преподавателем, а затем доцентом (с 1979 года кафедры всеобщей истории, а с 1983 года кафедры отечественной истории). В 1977–1979 годах исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории. В 1988–2003 годах был деканом историко-филологического факультета.

В университете в полной мере раскрылся талант А.Н. Чимаева как ученого, педагога и общественного деятеля. Коллеги и ученики отмечают его эрудированность, высокое лекторское мастерство и замечательные организаторские способности.

Круг научных интересов Аркадия Николаевича охватывает историю России, Среднего Поволжья и Марийского края периода капитализма. Он является автором более чем 45 научных трудов, в большинстве из которых разрабатываются проблемы истории развития промышленности Марийского края в конце XIX – начале XX века. По мнению коллег, его работы характеризуются объективностью и взвешенностью, научностью и историзмом при изложении и анализе исторических фактов и событий, отрицанием политической конъюнктуры.

Кадровые и административные решения, принимаемые при непосредственном участии декана историко-филологического факультета А.Н. Чимаева в значительной мере способствовали развитию исторической науки, марийской филологии и финно-угроведения в Республике Марий Эл.

Заслуги А.Н. Чимаева в научной, преподавательской и общественной сферах деятельности не остались незамеченными. В 2002 году за многолетний и плодотворный труд в системе высшего профессионального образования и заслуги в подготовке специалистов он был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В этом же году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл».

Редколлегия журнала «Финно-угроведение» и коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева искренне поздравляют с юбилеем уважаемого ученого Аркадия Николаевича Чимаева.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ученые земли Сернурской. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. С. 58–59.

Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Чимаев Аркадий Николаевич (К 60-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. 2002. № 12. С. 218–222.

Айплатов Г.Н., Соловьев А.А. Чимаев Аркадий Николаевич (К 70-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. 2012. № 22. С. 278–283.

Иванов А.А., Иванов А.Г. Историки Марий Эл XX – начала XXI века: биобиблиографический справочник. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. С. 182, 183.

Марийская биографическая энциклопедия. Йошкар-Ола: Марийский биографический центр, 2017. С. 485.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиографический сборник. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 148, 149.

Акшиков Александр Геннадьевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

Aleksandr Akshikov
Candidate of History, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: akshikov.ag@mail.ru

УДК 811.511.151

«ТРУДИСЬ ОТ ДУШИ» (К ЮБИЛЕЮ А.А. ИЛИЕВОЙ)

© 2022 г. М.Т. Ипакова



Марийский лингвист Алена Андреевна Илиева 6 ноября 2022 года отметила свой пятидесятилетний юбилей. На протяжении 27 лет она работает в Бирском филиале Уфимского университета науки и технологии, преподает марийский язык и литературу. Ее имя широко известно не только среди общественности Республики Башкортостан, но и за ее пределами. Она внесла значительный вклад в развитие марийского языкознания, будучи автором монографии, словаря, учебных пособий и более 90 научных статей. Основные направления научной деятельности ученого – диалектология, этимология, фонетика, морфология, лексикология, лексикография и методика преподавания марийского языка.

Родилась А.А. Илиева в деревне Иликово Мишкинского района Республики Башкортостан. В начальной школе училась в своей родной деревне. Учителя отзывались о ней как о целеустремленной ученице. В 1983–1988 годах А.А. Илиева училась в Ишимовской восьмилетней школе, которая находится в трех километрах от ее родной деревни. По словам юбиляра, и в дождь, и в стужу ей приходилось преодолевать это расстояние. В школе она была активисткой: председателем совета дружины и комсоргом. Особенно любила такие предметы, как биология и родной язык. По биологии не раз занимала призовые места на районных олимпиадах.

В 1990 году после окончания средней школы А.А. Илиева поступила в Марийский государственный университет. В 1995 году окончила отделение марийского языка и литературы, русского языка и литературы историко-филологического факультета и получила квалификацию «Филолог. Преподаватель марийского языка и литературы. Преподаватель русского языка и литературы». В годы студенчества она получила знания не только в области языкознания, но и культуры марийского народа. Посещение театров, выставок, музеев, участие в народном танцевальном ансамбле «Эрвел марий» оставили неизгладимое впечатление в ее душе.

Педагогическую деятельность А.А. Илиева начала в 1995 году в Бирском педагогическом институте Республики Башкортостан на кафедре литературы, которую в то время возглавлял доктор филологических наук, профессор Петишев Анатолий Андреевич. Он был одним из тех ученых, который воодушевил ее на дальнейшую учебу в аспирантуре.

В 1998 году Алена Андреевна поступила в очную аспирантуру при Марийском государственном университете. Научным руководителем был назначен исследователь с большим опытом доктор филологических наук, профессор Исанбаев Николай Исанбаевич. Высокий теоретический уровень научных знаний

А.А. Илиевой был подтвержден положениями ее кандидатской диссертации на тему «Лексическая и фонетическая характеристики балтачевского говора марийского языка», досрочно защищенной в 2001 году. Работа является первым опытом синхронного монографического изучения лексики и фонетики балтачевского говора. В ней впервые исследовано лексико-тематическое содержание словарного состава балтачевского говора, выявлен ряд новых звуковых процессов. Материалом для диссертационного исследования послужила живая разговорная речь жителей марийских населенных пунктов Балтачевского, Бураевского, Аскинского, Татышлинского, Караидельского районов Республики Башкортостан, образцы которой были собраны самим автором в научных экспедициях, а также хранятся в научно-рукописном фонде МарНИИ.

После защиты кандидатской диссертации А.А. Илиева стала работать преподавателем на кафедре филологии Бирского педагогического института. Но в 2017 году был приостановлен набор абитуриентов на марийское отделение института. Чтобы не потерять любимую работу, Алене Андреевне пришлось поступить в магистратуру по направлению 49.04.02. «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)» при Башкирском институте физической культуры. В 2019 году она закончила магистратуру с отличием и стала преподавателем кафедры физической культуры и спорта, где работает и по сегодняшний день.

В 2021 году вновь состоялся набор абитуриентов на марийское отделение Бирского филиала Уфимского университета науки и технологии. В настоящее время А.А. Илиева совмещает работу филолога и преподавателя физкультуры. Несмотря на все перипетии жизни, ее любовь к марийскому языку, к родному народу остается неизменной. Она является соучредителем Марийской национально-культурной автономии «Виче мари» Бирского района, активным общественным деятелем и преподавателем. Непреклонная требовательность в сочетании с доверием и уважением, формирование у студентов положительных черт характера – это главные принципы педагогической деятельности Алены Андреевны. А один из главных жизненных принципов – трудись от души.

Научные интересы юбиляра весьма многогранны. Исследовательские работы А.А. Илиевой представлены в различных изданиях международного, всероссийского, республиканского и местного уровней. Значительный вклад языковед внес в изучение марийской диалектологии. Заметным явлением в марийском языкознании стала ее монография «Лексико-семантическая и фонетическая характеристики балтачевского говора марийского языка» (2009). В ней предпринята попытка подробного анализа собранного материала с привлечением традиционных методов, используемых финно-угорскими диалектологами. Работа способствовала более четкому определению места балтачевского говора в системе говоров восточного диалекта и по отношению к современному марийскому литературному языку. Примечательно, что автор подробно описал словарный состав лексики балтачевского говора, определил пути его становления и развития, выявил лексико-семантические группы слов исконно марийской и заимствованной лексики. В исследовании охарактеризованы и уточнены состав и природа звуков, осуществлена их классификация, найдены сходства и различия фонем балтачевского говора и соответствующих фонем марийского литературного языка, проанализированы фонетические процессы, описано словесное ударение.

Из-за отсутствия тесных экономических и культурных контактов с марийцами других этнографических групп, а также в связи с интенсивным влиянием тюркских народов в речи балтачевских марийцев выработались диалектные черты, которые в настоящее время значительно отличают ее от лугового и других диалектов марийского языка. В связи с этим А.А. Илиевой составлен «Словарь балтачевского говора марийского языка» (2009), куда включены не все слова, употребляемые носителями балтачевского говора, а лишь те, которые не имеют места в литературном марийском языке. Заимствованные слова из тюркских языков подкреплены словами языка-источника, в словарь вошли

также заимствования из русского языка. В необходимых случаях словарные статьи содержат иллюстративные примеры, а также названия населенных пунктов, где данное слово было зафиксировано. В словарь включено более 3000 диалектных слов.

Безусловно, вся профессиональная деятельность Алены Андреевны связана с преподаванием марийского языка. А.А. Илиева является специалистом по диалектологии. Ею опубликованы пособия в помощь учителям марийского языка для практических занятий студентов национального (марийского) отделения филологического факультета: «Марий диалектологий: упражнений сборник» / «Марийская диалектология: сборник упражнений» (в соавторстве с И.Ш. Александровой, 2011) и «Внеклассная работа по марийскому языку» (2013).

Следующая не менее значимая работа А.А. Илиевой – учебное пособие «Проверочные работы по марийскому языку» (2015). Необходимость данного издания продиктована современными технологиями обучения, которые активно внедряются и в процесс преподавания марийского языка в рамках учебной программы. Эта книга имеет высокую практическую значимость в изучении разделов словообразования, лексикологии и морфологии марийского языка. Тестовые материалы могут быть использованы не только в вузовском, но и в школьном обучении, а также на курсах по повышению квалификации учителей марийского языка. Данное пособие оказывает немалую помощь преподавателям в организации познавательной деятельности студентов, в проведении практических работ, направленных на углубление и систематизацию знаний и умений.

Кроме вышеназванных трудов, Аленой Андреевной Илиевой опубликовано более 90 научных статей. В работах марийского исследователя заслуживает внимания постановка и решение таких вопросов, как проблема марийско-тюркских взаимовлияний [Александрова, Илиева, 1998, с. 257–259; Илиева, 2006, с. 132–437; 2007, с. 288–291; 2009, с. 94–99], русских заимствований [Илиева, 2007, с. 147–153; 2014, с. 129–133; 2020, с. 57–60]. В поле зрения ученого – финно-угорская лексика балтачевского говора восточного диалекта марийского языка [Илиева, 2007, с. 87–91], сопоставительное изучение марийских и русских фразеологизмов [Илиева, 2020, с. 53–60], орфографические нормы правописания русских заимствований в марийском языке [Галямшина, Илиева, 2014, с. 41–43] и др. Особо надо отметить исследование «Поздние тюркские заимствования в марийских говорах Башкортостана» [Вахитова, Илиева: электронный ресурс], являющееся результатом собственных наблюдений авторов взаимовлияния башкирского, татарского и марийского языков.

Алена Андреевна является куратором учебных групп, часто проводит открытые занятия, воспитательные внеклассные мероприятия, большое внимание уделяет научной работе студентов. Постоянно работает над повышением своей профессиональной квалификации и преподавательского мастерства. Принимала участие в VI открытой олимпиаде по родным языкам в Уфимском филиале МГГУ им. М.А. Шолохова (апрель 2012 г.), участвовала в научно-практическом семинаре «Исследовательская работа в школе» (Калтасы, д. Калмаш, март 2012 г.), научно-практическом семинаре, посвященном творчеству марийской писательницы М.К. Илибаевой (Балтачевский район, д. Нижнеиванаево, февраль 2012 г.) и др. Ежегодно работает в составе жюри республиканской олимпиады по марийскому языку и литературе, проводит курсы повышения квалификации учителей, публикует свои статьи в марийских периодических изданиях «Чолман», «Кугарня», «Келшымаш», «Марийский мир».

Заслуги Алены Андревны Илиевой в педагогической, научной и общественной деятельности отмечены благодарственными письмами Министерства культуры Республики Башкортостан (2021), Министерства образования и науки Республики Башкортостан (2022).

Поздравляем Алену Андреевну с юбилеем! Желаем крепкого здоровья и неиссякаемого оптимизма. Пусть профессиональные успехи и достижения всегда рождают новые силы, энергию и стремление добиваться желаемого!

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ А.А. ИЛИЕВОЙ

История формирования балтачевского говора // Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в школе: материалы VI респ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2000. С. 56–59.

Терминология родства тюркского происхождения в балтачевском говоре восточного диалекта марийского языка // Финно-угристика: межвуз. сб. науч. тр. / МГУ им. Н.П. Огарёва. Саранск, 2000. С. 77–80.

Вокализм балтачевского говора марийского языка // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 70-летию проф. Галкина И.С. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. С. 79–92.

История формирования балтачевского говора // Язык и культура в поликультурном пространстве: материалы регион. науч.-практ. конфер., посвящ. 70-летию Хабирова А.Х. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. С. 206–209.

Архивные данные о балтачевских марийцах // Материалы науч. конфер., посвящ. Дню марийской письменности и 80-летию со дня рождения заслуж. работника культуры РСФСР М.Т. Сергеева. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 32–35.

Лексико-семантические особенности русских заимствований в балтачевском говоре марийского языка // Материалы Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. 150-летию В.А. Богородицкого. Казань: Школа, 2007. С. 138–142.

Лексическая и фонетические характеристики балтачевского говора марийского языка: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. 144 с.

Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. 160 с.

Марийские говоры Башкортостана // Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения: материалы Всерос. науч. конфер. (Йошкар-Ола, 16 сентября 2010 г.) / Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2011. С. 116–120.

Марий мутвундын виянгме корныжо // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. (3–4 декабря 2011 г.). Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. Вып. 7. С. 45–49.

Марий диалектологий: упражнений сб. / авт.-сост. А.А. Илиева. Бирск.: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. 50 с.

Заметки по этимологии // III Грузовские чтения: новации и традиции филологической науки: материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Л.П. Грузова. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. С. 39–41.

Марий да руш йылмын икгайлыкышт да ойыртемышт // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. (13–14 декабря 2012 г.). Бирск: Бирск. фил. БашГУ, 2012. Вып. 8. С. 40–43.

Изучение восточного диалекта марийского языка (дореволюционный период) [Электронный ресурс] // URL: http://www.science-education.ru/116-12289 (дата обращения: 06.03.2014).

Внеклассная работа по марийскому языку: учеб. пособие / сост.: И.Ш. Александрова, А.А. Илиева. Бирск: Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2013. 56 с.

Проверочные работы по марийскому языку: учеб. пособие / авт.-сост. А.А. Илиева. Бирск: Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2015. 81 с.

Тюркские заимствования в восточном диалекте марийского языка // Башкортостан – территория роста: предпринимательство, экология, язык и культура (проблемы, поиски, перспективы): материалы Всерос. науч.-практ. конфер. (16–17 марта 2017 г.). Сибай: Сибай. гор. тип.-фил. ГУП РБ Издат. дом «Республика Башкортостан», 2017. С. 45–50.

Человек и природа в драме Н. Рыбакова «Лесной мед» // Творческое наследие Хадии Давлетшиной и актуальные проблемы современной филологии: материалы Междунар. науч.-практ. конфер., посвящ. 115-летию со дня рождения Х. Давлетшиной (Республика Башкортостан, г. Бирск, 5 марта 2020 г.). Бирск: Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2020. Вып. 4. С. 137–141.

Антропонимы в пословицах и поговорках // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации: материалы VII науч.-практ. конф. (г. Уфа, 27–28 февраля 2020 г.). № 2 (26). Уфа, 2020. С. 31–34.

Особенности поэтики сборника С. Николаева «Жизнь одна» // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. Бирск: Бирск. фил. БашГУ, 2021. Вып. 15. С. 35–42.

К вопросу о калькировании фразеологизмов на материале русского, эстонского и марийского языков // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. Бирск: Бирск. фил. БашГУ, 2021. Вып. 15. С. 42–57.

Современное состояние вероисповедания марийцев Республики Башкортостан // Марийская традиционная религия: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. Году культур. наследия народов России (Йошкар-Ола, 9–10 июня 2022 г). Йошкар-Ола, 2022. С. 366–372.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова И.Ш., Илиева А.А. К проблеме марийско-тюркских взаимовлияний // Лингвокультурологические проблемы подготовки педагогических кадров для башкирских школ: материалы респ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р.В. Альмухаметов. Уфа, 1998. С. 257–259.

Вахитова А.Г., Илиева А.А. Поздние тюркские заимствования в марийских говорах Башкортостана [Электронный ресурс] // URL: http://www.science-education.ru/113-10851 (дата обращения: 22.11.2013).

Галямшина Р.В., Илиева А.А. Орфографические нормы правописания русских заимствований в марийском языке // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конфер. (г. Махачкала, 17 января 2014 г.). Махачкала: Апробация, 2014. С. 41–43.

Илиева А.А. О тюркских заимствованиях в балтачевском говоре // Актуальные проблемы башкирской филологии: материалы регион. науч.-практ. конфер., посвящ. 10-летию башк. отд-ния БирГСПА. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. С.132–437.

Илиева А.А. Тюркские заимствования в балтачевском говоре марийского языка // Языковые и культурные контакты народов Республики Башкортостан в условиях двуязычия: материалы Всерос. науч. конфер. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 288–291.

Илиева А.А. Слова финно-угорского происхождения, встречающиеся в балтачевском говоре // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы регион. науч.-практ. конф. (14–15 декабря 2007 г.). Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. Вып. 4. С. 87–91.

Илиева А.А. Русские заимствования в балтачевском говоре марийского языка // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы регион. науч. конфер., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. Л.П. Грузова. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 147–153.

Илиева А.А. Тюркские заимствования в речи балтачевских марийцев // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. (18–19 февраля 2009 г.). Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2009. Вып. 5. С. 94–99.

Илиева А.А. Тюркские заимствования в калтасинском говоре марийского языка // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Междунар. симп. «Языковые контакты Поволжья» (18–20 августа 2011 г.). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. С. 114–118.

Илиева А.А. Изучение русских заимствований в восточном диалекте марийского языка // Научный поиск в современном мире: материалы V науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 31 января 2014 г.). Ч. 2. Махачкала: Апробация, 2014. С. 129–133.

Илиева А.А. Фразеологизмы в марийском и русском языках // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. Бирск: Бирск. фил. БашГУ, 2020. Вып. 14. С. 53–60.

Ипакова Марина Тимерьяновна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

Marina Ipakova
Candidate of Philological Sciences, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

УДК 811.511.151

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л.Ш. АРСЛАНОВА (1932–2020)

© 2021 г. В.Н. Максимов



Леонид Шайсултанович Арсланов – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации, специалист по тюркским и финно-угорским языкам, переводчик. Один из первых и крупнейших исследователей этноязыкового разнообразия Нижнего Поволжья и в особенности Астраханской области, родился 11 декабря 1932 года в деревне Мари-Ямалы Актанышского района Татарской АССР, жители которой владели не только родным марийским, но и татарским языком. В отечественной лингвистике его имя занимает особое место. Будучи марийцем по национальности, он большую часть жизни посвятил изучению тюркских языков, диалектов татарского языка, а также родному языку. Учился в педагогическом училище в Мензелинске, затем работал учителем в селе Татарские Ямалы. С 1952 по 1954 год служил в рядах Советской Армии. После службы в армии некоторое время работал на шахте. С 1955 по 1960 год Л.Ш. Арсланов – студент татарско-русского отделения филологического факультета Елабужского педагогического института. В 1960 году его, увлеченного наукой выпускника, приняли ассистентом на кафедру татарского языка и литературы. Здесь он проработал большую часть жизни.

Уже в первый год работы в институте молодой преподаватель сумел определить главное направление своих научных интересов – история татарского и марийского языков. В 1961–1964 годах Л.Ш. Арсланов учился в аспирантуре Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова в Казанском филиале АН СССР. Здесь под руководством кандидата филологических наук Л.Т. Махмутовой он написал кандидатскую диссертацию на тему «Татарские говоры Правобережных районов Татарской и Чувашской АССР». В 1966 году успешно защитил ее в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина. После окончания аспирантуры Л.Ш. Арсланов возвращается в родной Елабужский педагогический институт, на кафедру татарского языка и литературы, где сначала работает старшим преподавателем, затем – доцентом, профессором, заведующим кафедрой.

В октябре 1968 года получил ученое звание доцента. 8 июля 1983 года в Институте языкознания АН Казахской ССР (г. Алма-Ата) ученый успешно защитил докторскую диссертацию «Формирование и развитие островных языков и диалектов на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР». В 1985 году Л.Ш. Арсланову было присвоено звание профессора.

Его имя широко известно в тюрко-татарском и финно-угорском мире, ведь он внес значительный вклад в историю лингвистики Волго-Камского региона. Результатом серьезных научных изысканий Леонида Шайсултановича Арсланова стали более 300 научных работ по разным вопросам тюркологии и финно-угорского языкознания.

Леонид Шайсултанович Арсланов – участник четырех международных конгрессов финно-угроведов: Сыктывкар (1985), Будапешт (1990), Тарту (2000), Йошкар-Ола (2005), международных тюркологических конгрессов и конференций в Алма-Ате, Ташкенте, Бишкеке, Казани, Уфе.

Ученый часто выступал в качестве официального оппонента, регулярно участвовал в работе специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в Институте языкознания АН Казахской ССР (Алма-Ата), ИЯЛИ АН Татарстана (Казань), Казанского педагогического университета, Удмуртского, Чувашского и Марийского университетов. Он являлся членом диссертационного Совета Казанского государственного педагогического университета, диссертационного Совета по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Удмуртском государственном университете. Оппонировал 13 докторских и 5 кандидатских диссертаций. Был членом редколлегии журнала «Finno-Ugrica» Института истории АН Татарстана.

Профессор Л.Ш. Арсланов читал студентам курсы «Татарская диалектология», «Историческая грамматика татарского языка», «Ономастика и краеведение», спецкурсы. С 1987 по 1991 год был заведующим кафедрой татарского языка и литературы Елабужского педагогического института.

Научные интересы Л.Ш. Арсланова не ограничивались областью тюркологии. Он успешно работал и в области финно-угороведения, в частности марийского языкознания. Основные идеи ученого нашли отражение в таких работах, как «Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья Татарской АССР» (1987), «О связи прапермской топонимии и археологических памятников эпохи железа Восточного Закамья» (1990), «Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах Татарской АССР» (1991), «Угро-самодийские элементы в топонимии и археологии восточного Предкамья» (1992), «Финно-угорский пласт в топонимии Агрызского района Татарстана» (1993), «Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.)» (1993), «Ugro-samoyedic elements in the toponymy of the Eastern Front-Kama basin (Угро-самодийские элементы в топонимии восточного Предкамья)» (1995), «Финно-угорские элементы в топонимии Рыбно-Слободского района Республики Татарстан» (1995), «Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районе Западного Закамья Республики Татарстан» (1996), «Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье» (1997), «Топонимы с формантом *-ныш*, *-неш* (*-нәш*) на территории Актанышского района Республики Татарстан» (2002), «Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в устье Белой (на территории Башкортостана, Удмуртии и Татарстана)» (2004), «Гидронимия финно-угро-самодийского происхождения Елабужского района Республики Татарстан» (2005), «Финно-угорские элементы в топонимии Альметьевского района Республики Татарстан» (2006) и др.

Ученый последовательно доказывал, что географические названия отражают исторические, экономические, лингвистические условия формирования народа и его культуры. Среди географических названий особое место занимают топонимы (гидронимы, ойконимы, оронимы и др.). Так, к примеру, изучив топонимическую систему Елабужского района Татарстана, Л.Ш. Арсланов сделал заключение о том, что она формировалась в течение длительного времени в сложных историко-географических и лингвистических условиях. Исследователь в топонимике Елабужского района выделил следующие лингвистические пласты: славянский (русский), тюркский (булгаро-татарский), финно-угорский (марийский, удмуртский, мордовские), причем среди финно-угорского пласта были выявлены угро-самодийские элементы, сохранившиеся в основном в гидронимах и отнонимах.

Значительное место в научном творчестве лингвиста занимают статьи, посвященные марийскому языкознанию, среди них: «Некоторые особенности татарской речи марийцев Актанышского района Татарской АССР» (1967),

«Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР» (1987), «Марийский пласт в топонимии Кукморского района ТАССР» (1987), «Следы пребывания марийцев в Камско-Вятском междуречье (по данным топонимии) (1990)», «Следы пребывания марийцев в Актанышском районе Республики Татарстан» (1996), «Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье» (1997).

Арсланов Л.Ш. также посвятил ряд своих трудов марийско-тюркским языковым контактам, об этом свидетельствуют такие работы, как «О влиянии марийского языка на речь татар деревни Тореш-Кӱвар Сернурского района Марийской АССР» (1969), «К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке» (1984), «Роль тюркизмов в марийском языке» (2002), «Роль тюркизмов в образовании новых слов в марийском языке» (2005), «О наречии *чалт* и *чылт* в татарском и марийском языках» (2008) и др.

В его научных трудах нашли отражение вопросы удмуртского языка в сопоставлении с татарским языком, например, «Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах ТАССР» (1991), «Удмуртские элементы топонимии Мамадышского района Татарстана» (1993), «Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в устье Белой (на территории Башкортостана, Удмуртии и Татарстана)» (2004), а также мордовских языков с татарским языком: «Некоторые особенности говора мордвы-каратаев» (1965), «О татарских населенных пунктах Мордовской Республики» (2007) и др.

Профессор Л.Ш. Арсланов был награжден медалью «За доблестный труд» (1970), Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР (1977), нагрудным значком Министерства высшего образования СССР «За отличные успехи в области высшего образования СССР» (1983), медалью «Ветеран труда» (1985), Почетной грамотой Республики Татарстан (1993).

Даже будучи на заслуженном отдыхе Леонид Шайсултанович Арсланов не спешил покидать стены Елабужского института филиала Казанского федерального университета, ставшие ему родными, и у студентов была возможность общаться с человеком-легендой, участвовать в конференциях, посвященных его личности и трудам. В институтском Музее татарского языка и литературы бережно хранится библиотека Леонида Шайсултановича Арсланова, почтенного и неутомимого профессора, любимого учителя и воспитателя многих поколений студентов, настоящего эрудита, доброго, порядочного и заботливого человека с крепким характером и сильной волей.

Скончался Л.Ш. Арсланов 27 июля 2020 года на восемьдесят восьмом году жизни.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Монографии

Исследования по финно-угристике. Елабуга, 2001. 224 с.

Исследования по финно-угорской и тюркской ономастике. Елабуга, 2005. 112 с.

Научные и научно-популярные статьи

Некоторые особенности говора мордвы-каратаев // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 396–401.

Некоторые особенности татарской речи марийцев Актанышского района Татарской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 258–261.

О влиянии марийского языка на речь татар деревни Тореш-Кӱвар Сернурского района Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1969. С. 3–5.

К вопросу о происхождении заднеязычных к, г у татароязычных марийцев д. Нарат-Чукур Бакалинского района Башкирской АССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974. С. 133–135.

Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1997. С. 33–49.

К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке // Советское финно-угроведение. 1984. № 2. С. 104–114.

Spuren marischer siedlungsgebiete zwischen Kama und Vjatka: Nach forschungsernissen der toponomastik (Следы пребывания марийцев в Камско-Вятском междуречье: по данным топонимии) // VI Междунар. конгр. финно-угроведов. Сыктывкар, 1985. С. 151–152.

Марийский пласт в топонимии Кукморского района ТАССР // Тезисы XII Всесоюзной финно-угорской конференции. Устинов, 1987. С. 24–25.

Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья Татарской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. 1987. С. 78–88.

Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР // Советское финно-угроведение. 1987. № 2. С. 101–104.

Марийский пласт в топонимии Кукморского района ТАССР // Советское финно-угроведение. 1989. № 3. С. 178–181.

On the conections of old-permian toponyms with the iron age arcmafologigal antiquities of the easterm Trans Kama // Congressus septimus internationalis Fenno-ugristarum. 2 A. Summeria dissertationum. Debrecen, 1990. С. 18.

Ugro-samoyedic elements in the toponymy of the Estern Front-Kama basin (Угро-самодийские элементы в топонимии восточного Предкамья) // Congressus octavus internationalis Fenno-ugristarum. Jyväskylä. 10–15.8. 1995. Pars 2. Summaria acroasium in sectionibus et Simposiis factarum. С. 19.

Следы пребывания марийцев в Камско-Вятском междуречье (по данным топонимии) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 14–16.

Этнолингвистические пласты в топонимии Малмыжского уезда // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1990. С. 8–10.

Топонимия удмуртского происхождения в Елабужском и Менделеевском районах ТАССР // Пермистика. Т. 2. Ижевск, 1991. С. 144–149.

Угро-самодийские элементы в топонимии и археологии восточного Предкамья // Тезисы докладов и сообщений науч.-краеведческой конфер., посвящ. 25-летию г. Менделеевска. Менделеевск, 1992. С. 3–5.

Рецензия на книгу Н.И. Исанбаева «Марийско-тюркские языковые контакты. Часть 1 (татарские и башкирские заимствования)» // Лингвистика Уралика. 1992. № 1. С. 59–62. (соавт. Ахметьянов Р.Г.).

Удмуртские элементы топонимии Мамадышского района Татарстана // Вестник удмуртского университета. Ижевск, 1993. № 6. С. 91.

Финно-угорский пласт в топонимии Агрызского района Татарстана // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 8. С. 31–43.

Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье. Елабуга, 1993. 140 с. (соавт.: Казаков Е.П., Корепанов К.И.).

Тюркские элементы в топонимии Малмыжского района Кировской области // История и культура Волго-Вятского края. Тезисы докладов и сообщений межрегион. науч. конфер. Киров, 1994. С. 284–286.

О происхождении топонима Шуләнгер Мамадышского района Республики Татарстан // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Тезисы. Глазов, 1995. С. 42–44.

О происхождении топонима Кенәр // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 281–282.

Угро-самодийские элементы в топонимии Восточного Предкамья // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 279–281.

К этимологии топонима Шунь Вятско-Полянского района Кировской области и Кукмурского района Республики Татарстан // Ономастика Поволжья. Материалы VII конфер. ономатологов. Волгоград, 1995. С. 45–47.

Финно-угорские элементы в топонимии Рыбно-Слободского района Республики Татарстан // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары, 1995. С. 55–60.

Следы пребывания марийцев в Актанышском районе Республики Татарстан // Филолого-краеведческий сборник. Материалы III науч. конфер. Набережные Челны, 1996. С. 12–16.

Ugro-samojedische elemente in der toponymie bezirke Menselinski und Tukajewski Tatarstan // Тезисы докладов Междунар. науч. конфер. «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996. С. 18–21.

Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районе Западного Закамья Республики Татарстан // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 3–20.

К этимологии топонима Шунь Вятско-Полянского района Кировской области и Кукморского района Республики Татарстан // Ономастика Поволжья. М., 1997. С. 46–49.

Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье // Финно-угроведение. 1997. № l. С. 164–170.

Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья и их параллели в других регионах // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. 7–13.8.2000. Tartu, 2000. С. 369–370.

Что является более древним: наименование сел или рек? Из истории гидронимии Азнакаевского района // Татар филологиясе мәсьәләләре. Алабуга, 2001. С. 3–5.

Топонимические заметки // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Материалы регион. науч.-практ. конфер. Глазов, 2001. С. 41–42.

О происхождении топонима Кенэр // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 2001. Вып. 9. С. 111–118.

Топонимические заметки // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 2002. С. 125–131.

Топонимия финно-угро-самодийского происхождения Восточного Закамья Республики Татарстан // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всерос. науч. конфер. финно-угроведов. Саранск, 2002. С. 42–45.

Топонимы с формантом -ныш, -неш (-нәш) на территории Актанышского района Республики Татарстан // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов IX Междунар. конфер. Волгоград, 2002. С. 156–159.

Роль тюркизмов в марийском языке // Проблемы словообразования в тюркских языках. Казань, 2002. С. 42–46.

О тюркизмах в «Словаре горного наречия марийского языка» А.А. Саватковой // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: Материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 70-летию проф. И.С. Галкина. Йошкар-Ола, 2003. С. 168–171.

Топонимические заметки // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2003. № 1. С. 98–105.

Топонимические заметки // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы регион. науч.-практ. конфер. Бирск, 2003. С. 105–108.

Топонимы с формантом -ныш, -неш на территории Актанышского района Республики Татарстан // Ономастика Поволжья. М., 2004. С. 127–131.

Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в устье Белой (на территории Башкортостана, Удмуртии и Татарстана) // Татар теле һәм әдәбиятының актуаль проблемалары. Стерлитамак, 2004. С. 77–81.

Тюркская ономастика и история Золотой Орды // Актуальные проблемы финно-угроведения: Материалы регион. науч.-практ. конфер. Ч. 2. Бирск, 2004. С. 12–16.

История возникновения сел и деревень Дрожжановского и Буинского районов Республики Татарстан // Язык и Литература в поликультурном пространстве. Бирск, 2005. С. 176–179.

Роль тюркизмов в образовании новых слов в марийском языке // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы II Всерос. науч.-практ. конфер. Казань, 2005. С. 28–30.

Гидронимия финно-угро-самодийского происхождения Елабужского района Республики Татарстан // Congressus Decimus internationalis Fenno-ugristarum. Pars II. Summaria acroasicum in sectionibus Linguistica. Yoshkar-Ola, 2005. С. 16–18.

Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья и их параллели в других регионах // Материалы IV регион. науч.-практ. конфер. Сб. 1. Набережные Челны, 2005. С. 85–86.

Об этимологии названия деревни Чөгәнә Актанышского района Республики Татарстан // Язык и Литература в поликультурном пространстве. Бирск, 2006. С. 97–98.

Финно-угорские элементы в топонимии Альметьевского района Республики Татарстан // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья. Материалы межрегион. науч. конфер., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Пауля Аристэ. Саранск, 2006. С. 45–48.

О происхождении названий населенных пунктов Суранчак // Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. науч. конфер. Уфа, 2006. С. 116–119.

О татарских населенных пунктах Мордовской Республики // Финно-угристика 7. Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков: Материалы Междунар. конфер., посвящ. 80-летию проф. Цыганкина Дмитрия Васильевича. Саранск, 2007. С. 56–59.

Финно-угорские элементы в топонимии Сармановского района РТ // Тенешевские чтения. Казань, 2007. С. 45–53.

Казанская лингвистическая школа. Казанская тюркская лингвистическая школа. Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. С. 116–117.

О наречии чалт и чылт в татарском и марийском языках. FENNO-UGRICA 1. Проблема языков литератур и фольклора народов Урало-Поволжья. Труды института финно-угроведения. Йошкар-Ола, 2008. Вып. V. С. 28–29.

Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах Восточного Закамья // Fenno-Ugrica 3: Проблемы ареалогии и ономатологии, компаративистики и контрастивной лингвистики: труды научно-исследовательской лаборатории фундаментальных исследований по финно-угроведению. Вып. VII, посвящ. 80-летию д-ра филол. наук, проф. Лаврентьева Гурия Ивановича. Йошкар-Ола, 2016. С. 107–129.

Валерий Николаевич Максимов
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий «Марий йылме»
Марийского государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valerij Maksimov
Candidate Sc. (Philology), Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
“The Mari Language”, Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

УДК 811.511.132

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА СЕПЕЕВА

© 2022 г. Т.Л. Молотова



Геннадию Андреевичу Сепееву (05. 02.1932–26.07.2021), известному в России и за рубежом этнографу 5 февраля 2022 года исполнилось бы 90 лет со дня рождения. Геннадий Андреевич всегда был верен институту, он работал в МарНИИ на должностях младшего (1964–1973) и старшего (1973–1975, 1983–1986) научного сотрудника (до 1969 года – в секторе истории, затем в секторе археологии и этнографии). С 1975 по 1983 год Г.А. Сепеев возглавлял сектор археологии и этнографии, в 1986–1992 годах – сектор этнографии, в 1992–1998 годах – отдел этнографии, с 1998 года был ведущим научным сотрудником отдела этнологии.

Сепеев Г.А. родился в семье учителей в селе Куженер Сернурского района (ныне Куженерский район Республики Марий Эл). В 1946 году Геннадий Андреевич с отличием окончил семилетнюю школу в д. Дубники Сернурского района. С 1946 по 1950 год Г.А. Сепеев – студент Сернурского педтехникума, а с 1951 по 1955 год – студент Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. С октября 1955 по апрель 1958 года Г.А. Сепеев служил в рядах Советской армии. После демобилизации он работал в школах. С августа 1958 по август 1961 года он был учителем истории, а последние два года – заведующим учебной частью Мустаевской средней школы Сернурского района. Молодой историк в этой школе проявил интерес к культуре и истории своего родного края. Заслугой Геннадия Андреевича является сбор этнографических предметов для школьного краеведческого музея, приуроченного к 70-летию Мустаевской школы. В создании музея помогла книга Т.А. Крюковой по материальной культуре марийцев XIX века, а также его хорошие знания о культуре и быте народа. Открытие музея состоялось в 1960 году. Геннадий Андреевич заинтересовался этнографией. В Марийском научно-исследовательском институте в те годы не было дипломированных этнографов, поэтому его пригласили на работу. Талантливому педагогу предложили поступить в очную аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР по специальности «Этнография», где Г.А. Сепеев обучался с 1961 по 1964 год. Его научным руководителем был назначен известный этнограф, доктор исторических наук, профессор Н.И. Воробьев – исследователь этнографии народов Поволжья и Приуралья. Он определил научно-исследовательскую тему для аспиранта – «Материальная культура восточных марийцев». Очень важными для исследования были три экспедиции, проведенные им на территории проживания восточных марийцев, так как они позволили погрузиться в среду обитания носителей культуры. Собирая этнографический материал, Г.А. Сепеев сделал вывод о том, что в культуре восточных

марийцев много общего с культурой поволжских марийцев, но также заметно влияние соседних тюркских народов.

Завершив обучение в аспирантуре в 1964 году, Г.А. Сепеев стал работать в МарНИИ младшим научным сотрудником отдела истории. Отдельные аспекты истории и культуры восточных марийцев, анализ выявленных источников рассматривались в ряде его работ: «Несколько замечаний о материальной культуре восточных марийцев» (1964); «Архивный документ первой половины XVIII в. о восточных марийцах» (1965); «К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье» (1967); «К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев» (1967); «Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев» (1967); «Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник» (1970) и др.

В 1973 году Геннадий Андреевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на заседании специализированного Совета Казанского университета. На основе исследовательской работы он подготовил монографию «Восточные марийцы», которая была опубликована в 1975 году Марийским книжным издательством. Много лет это исследование пользуется заслуженным признанием не только ученых, но и студентов, всех, кто интересуется историей и культурой марийского народа. В книге на основе широкого круга источников и опубликованной литературы исследованы вопросы миграции марийцев из Поволжья в Прикамье и Приуралье, рассмотрено формирование восточных марийцев со своими особенностями хозяйственного быта и материальной культуры. Автор подробно рассмотрел время и масштабы миграций, причины, вызвавшие переселение, топонимы и родовые названия восточных марийцев как следы первоначальной родины. В монографии подробно характеризуется хозяйство, социально-экономическое положение во второй половине XIX – начале XX века, занятия и промыслы данной группы марийцев. Отдельные главы исследования посвящены подробному анализу различных форм поселений, жилищ, построек (гл. III), одежды, обуви, головных уборов (гл. IV), характеристике пищи и утвари (гл. V). Анализируя традиционную культуру данной этнографической группы, Г.А. Сепеев выделил в ней четыре локальных группы, отличающиеся специфическими особенностями в материальной культуре: прикамская, прибельская, икско-сюньская, уральская.

Книга охватывает культуру восточных марийцев во взаимосвязи с культурой других народов Поволжья и Приуралья с учетом исторических, политических, социально-экономических и этнических факторов. Монографическое исследование написано в лучших традициях этнографической науки советского периода. Публикация этой книги – одно из самых знаменательных событий в научной и культурной жизни республики в 70-х годах прошлого столетия.

Стараниями Геннадия Андреевича сектор пополнился выпускниками географического факультета Казанского и историко-филологического факультета Марийского государственного университетов. Он сыграл большую роль в подготовке молодых специалистов. В МарГУ он читал спецкурс по этнографии марийцев, руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Под его научным руководством писали свои первые студенческие этнографические работы, ездили в экспедиции для сбора полевого материала И.А. Андреев, В.Н. Петров, Т.Л. Молотова, которые впоследствии пришли работать в его сектор и продолжили свое этнологическое образование в аспирантуре Института антропологии и этнографии АН СССР. Заслугой Геннадий Андреевича является и начало издания совместно с археологами тематического сборника «Археология и этнография Марийского края», первый выпуск которого вышел в 1976 году. В настоящее время издан 31 выпуск этой серии.

За многие годы работы в институте Г.А. Сепеев стал высококвалифицированным специалистом с энциклопедическими знаниями, внес огромный вклад в исследование этнографии марийского народа. Им опубликовано более 140 статей, очерков, монографий и других работ на историко-этнографические темы, которые широко известны и российским, и зарубежным этнологам. Он являлся научным и ответственным редактором, членом редколлегии свыше 20 тематических сборников и монографий, изданных институтом.

Основным направлением в тематике исследований Геннадия Андреевича являлось комплексное историко-сравнительное изучение хозяйства и материальной культуры марийцев и их этнических групп, отдельных хозяйственных и культурно-бытовых отраслей и форм с выделением исконных и заимствованных, традиционных и современных элементов, общих черт и локальных особенностей, формирующихся и изменяющихся под влиянием разных факторов.

Сепеев Г.А. подробно исследовал конкретные формы традиционной и современной материальной культуры, некоторые из них были мало изучены ранее. В монографиях и статьях он показал эволюцию поселений, жилищ; интерьер, экстерьер и планировку жилищ; рассмотрел особенности земледелия, пчеловодства, средств передвижения, традиционной пищи. Геннадий Андреевич в своих исследованиях рассматривал формы традиционной и современной культуры в сравнении с соответствующими формами культуры соседних народов, о чем свидетельствуют его работы: «Современное жилище марийского сельского населения» (1971); «Материалы к истории пчеловодства» (1979); «Традиционная пища луговых марийцев» (1981); «Основные элементы украшения марийского жилища» (1981); «Особенности типологии и планировки марийских поселений» (1982); «Национальное и интернациональное в материальной культуре марийского народа» (1984); «О некоторых общих традициях в культуре поволжских финно-угров» (1986); «Этнические традиции в питании марийского населения» (1986); «О средствах передвижения марийцев» (1987); «Марийско-русские этнокультурные взаимосвязи по материалам Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии» (1991) и др.

В его статьях были рассмотрены современные этнические процессы, которые ярко проявлялись не только в материальной культуре, но и в сферах быта, демографических показателях марийского населения: «Основные черты этнических процессов у марийцев» (1976); «Современные этнические процессы и материальная культура марийцев» (1987); «Этносоциальные процессы и этнические традиции в современной марийской деревне» (1990) и др.

Характерной чертой его как исследователя являлось хорошее знание работ по этнографии марийцев как отечественных, так и зарубежных ученых. Немало работ Г.А. Сепеева посвящены истории этнографического изучения марийцев российскими и иностранными учеными и краеведами в дореволюционный и советский периоды, оценке деятельности и вклада этих авторов в этнологическую науку. Заслугой Геннадия Андреевича является выявление и публикация малодоступных этнографических работ в целях пропаганды исторических знаний среди населения. При его участии в «Марийском археографическом вестнике» введены в научный оборот ценные рукописи, редкие статьи из фондов научных учреждений и архивов.

За годы работы Геннадий Андреевич собрал значительный полевой материал о культуре марийцев в различных областях и республиках России, его полевые дневники и экспедиционные отчеты обогатили научно-рукописный фонд института. Он участвовал в этнографических экспедициях совместно с сотрудниками Государственного музея этнографии народов СССР, Научно-краеведческого музея Марийской АССР, Национального музея Финляндии.

Сепеев Г.А. тесно сотрудничал с историческими кафедрами МарГУ, будучи преподавателем-почасовиком на отделении истории университета, помимо чтения спецкурса выступал на конференциях, руководил около 20 курсовыми и 10 дипломными работами студентов, рецензировал более 30 дипломных работ. Он являлся членом редколлегии журнала-ежегодника «Марийский археографический вестник», который выпускает МарГУ.

Геннадий Андреевич никогда не отказывал в научных консультациях министерствам, учреждениям культуры. Так, в 60–70-х годах прошлого века он консультировал театральных художников по народному костюму и реквизиту при постановке первых национальных оперы и балета, руководителей первого фольклорно-этнографического ансамбля «Марий памаш». В начале 1980-х годов Геннадий Андреевич помогал своими консультациями в проекте застройки Музея крестьянского труда и быта (Этнографический музей под открытым небом)

в г. Козьмодемьянске, открытого к 400-летию основания города. В 2000 году он принимал участие в экспертизе архитектурно-планировочного проекта «Марийская усадьба» для Музейного комплекса усадеб финно-угорских народов в г. Залаэгерсег (Венгрия).

Геннадий Андреевич в конце 1980 – начале 1990-х годов участвовал в научно-методическом руководстве двухгодичным экспериментальным обучением предмета «Этнография и краеведение», осуществленным в X–XI классах двух школ по рекомендации Института национальных проблем образования (ИНПО) Министерства образования Российской Федерации. Он возглавил авторский коллектив по подготовке учебного пособия для старшеклассников «Этнография марийского народа», которое издано в 2000 и 2001 годах на марийском и русском языках. Г.А. Сепеев являлся рецензентом хрестоматии по курсу «История и культура марийского народа». Написанные им материалы включены в хрестоматии для VIII–IX и X классов.

Значительный вклад Г.А. Сепеев сделал в исследование истории расселения марийцев, опубликовал монографию по данной теме (История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006). В монографии история расселения рассматривается с формирования этноса до настоящего времени. На основе широкого круга источников и литературы хронологически показаны изменения этнической территории, основных ареалов и массивов расселения марийцев под влиянием различных факторов. Книга состоит из введения, четырех глав, заключения. Первая глава посвящена расселению марийцев в эпоху средневековья (середина I – середина II тыс. н.э.), вторая глава освещает расширение ареалов расселения марийцев в середине XVI–XVIII веков, в следующей главе рассматриваются основные ареалы расселения марийцев в XIX – начале XX века, в последней главе анализируется расселение марийцев в послеоктябрьский период. Последние публикации Г.А. Сепееева были посвящены истории Сернурского педтехникума.

Геннадий Андреевич достойно представлял марийских ученых на многих научных конгрессах и конференциях (международных, всесоюзных, всероссийских, региональных). Представленные им тезисы докладов публиковались в Турку (Финляндия), Ленинграде, Ташкенте, Ижевске, Уфе, Петрозоводске, Сыктывкаре, Ереване и других городах. Признанием научного авторитета и учебно-педагогической деятельности являются его награды: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1980), Почетные грамоты министерств образования и культуры, звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (1994). С 1989 года Геннадий Андреевич являлся зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия, 1989).

Геннадий Андреевич всегда пользовался в коллективе МарНИИЯЛИ заслуженным авторитетом и уважением среди сотрудников института. Молодое поколение часто обращалось к нему за советами или сведениями из традиционной культуры марийцев, он всегда старался помочь, так как обладал глубокими знаниями и эрудицией. Для нас, сотрудников МарНИИЯЛИ, Геннадий Андреевич был большой опорой и примером самоотверженного труда в науке.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье // История, археология и этнография мари. Труды МарНИИ. Вып. XXII. Йошкар-Ола, 1967. С. 115–129.

Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев // Там же. С. 194–209.

К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 129–140.

Этнография // Развитие финно-угроведения в Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1970. С. 74–99.

Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970. С. 279–287.

Современное жилище марийского сельского населения // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Вып. XXIII. Йошкар-Ола, 1971. С. 179–212.

Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975. 248 с.

Основные черты этнических процессов у марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Археология и этнография Марийского края. Вып. I. Йошкар-Ола, 1976. С. 62–86.

Основные проблемы этнографических исследований в Марийском НИИ // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981. С. 5–18.

Традиционная пища луговых марийцев // Там же. С. 100–121.

Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края. Археология и этнография Марийского края. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1982. С. 159–189.

Вопросы материальной культуры марийцев в отечественной и зарубежной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Археология и этнография Марийского края. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1984. С. 124–144 (соавтор Т.Л. Молотова).

Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М.: Издательство «Наука», 1985. С. 141–175.

Современные этнические процессы и материальная культура марийцев // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Археология и этнография марийского края. Вып. 11. Йошкар-Ола, 1987. С. 7–23 (соавтор Т.Л. Молотова).

О средствах передвижения марийцев // Там же. С. 57–78.

Деятельность Т.Е. Евсевьева по этнографическому изучению марийского народа // Краевед Т.Е. Евсевьев. Материалы конфер., посвящ. 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1988. С. 10–25.

Этносоциальные процессы и этнические традиции в современной марийской деревне // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 302–312.

Марийско-русские этнокультурные взаимосвязи (по материалам Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии) // Межэтнические связи населения Марийского края. Археология и этнография марийского края. Вып. 20. Йошкар-Ола, 1991. С. 60–80.

Расселение, поселения и жилища // Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (до середины 80-х годов). Чебоксары, 1991. С. 66–94 (соавторы – В.Ф. Вавилин, Г.Б. Матвеев, Г.К. Шкляев).

Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994. № 4. С. 83–105 (соавтор А.Г. Иванов).

Т.А. Крюкова и вопросы этнографии марийцев (к 95-летию со дня рождения) // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 4. С. 111–114.

Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 187–190 (соавторы Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина). С. 234– 241 (соавтор В.Н. Петров). С. 216–234.

Этнографические исследования в МарНИИ за 70 лет // МарНИИ 70 лет (1930–2000). Йошкар-Ола, 2001. С. 36–61 (соавтор Н.С. Попов).

Расселение марийцев в послеоктябрьский период // Этническая культура марийцев (традиции и современность). АЭМК. Вып. 26. Йошкар-Ола, 2002. С. 15– 33.

Финские ученые и традиционная этнография марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. Йошкар-Ола, 2002. С. 81–92.

История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.

К истории Сернурского педтехникума (1918–1824) // История, культура и культурология Марийского края. Материалы II Республ. науч.-практ. конфер. «Йыван Кырла лудмаш» (Сернур, 28 апреля 2011 года). Йошкар-Ола, 2012. С. 60– 81.

К истории Сернурского педтехникума (1918–1924) // Музейный вестник (музея истории МарГУ). Вып. 8. Йошкар-Ола, 2014. С. 24–43.

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 811.511.132

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.И. КОЗЛОВОЙ

© 2022 г. Т.Л. Молотова



17 ноября 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения Клавдии Ивановны Козловой (17.11.1922–05.04.2015) – профессора Московского государственного университета, ученого-этнолога, финно-угроведа, видного исследователя культуры и этнической истории народов Поволжья и Приуралья. К.И. Козлова написала более 80 научных и учебно-методических работ, в том числе несколько монографий. Она внесла огромный вклад в изучение этнической истории и культуры марийского народа.

Клавдия Ивановна родилась 17 ноября 1922 года в селе Васильевском Михневского района Московской области (современный район Ступино).

65 лет жизни Клавдии Ивановны прошли на историческом факультете Московского университета, где она получила квалификацию этнолога, сперва как студентка (1940–1945), затем аспирантка при кафедре этнографии (1946–1949), старший преподаватель (1949–1958). В 1958–1973 годах была доцентом, с 1973 по 2005 год профессором кафедры этнологии. В 2003 году удостоена звания «Заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова».

Будучи студенткой, Клавдия Ивановна увлеклась этнографией. Ее учителями были выдающиеся ученые в области этнологии – С.П. Толстов, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, М.А. Косвен, Е.М. Шиллинг и другие. Первоначально с занятиями по региональной этнографии на третьем курсе К. Козлова выбрала специализацию по народам Кавказа. В полевой экспедиции в Дагестане она работала 1944, 1945 годах. В декабре 1945 г. она успешно защитила дипломную работу «Материальная культура аварцев Дагестана», что послужило рекомендацией для поступления в аспирантуру МГУ по специальности «этнография». В феврале 1964 года К.И. Козлова, успешно сдав вступительные экзамены, была зачислена в аспирантуру при кафедре этнографии МГУ. К.И. Козловой было предложено специализироваться по этнографии народов Поволжья (включая Приуралье), поскольку при кафедре отсутствовал специалист в этой области и было недостаточно материалов по этнографии народов этого региона. В качестве диссертационной темы было предложено исследование пережитков родовой организации у марийцев XIX века под руководством известного ученого по истории семейно-родовых отношений профессора кафедры М.О. Косвена. Она основательно стала изучать научную литературу не только по марийцам, но и другим народам Урало-Поволжья. Готовясь к полевой этнографической экспедиции в Марийскую АССР, она составила подробный вопросник по диссертационной теме. Первая экспедиция К.И. Козловой состоялась летом 1947 года в Новоторъяльский район по рекомендации В.М. Васильева – авторитетного исследователя традиционной культуры марийцев. Вторая экспедиция состоялась в 1948 году в Моркин-

ский район. В 50–60-е годы XX века К.И. Козлова провела 10 экспедиционных выездов в республики и области Поволжья и Приуралья. Были обследованы сотни населенных пунктов, были собраны богатые полевые материалы по духовной и материальной культуре марийского, удмуртского, мордовского, чувашского, татарского, башкирского, русского народов.

Успешная защита кандидатской диссертации К.И. Козловой состоялась в июле 1949 года на специализированном Совете исторического факультета МГУ. В исследовании были рассмотрены исторические и социально-экономические условия бытования в Марийском крае пережитков семейно-родовых отношений. Она рассмотрела их в виде хозяйственной взаимопомощи при выполнении различных работ. В семейной сфере они проявлялись в отдельных случаях левирата и сорората, во взаимопомощи в свадебной обрядности, в семейно-родовых молениях в священных рощах, в похоронно-поминальной обрядности. К.И. Козлова рассмотрела причины существования больших семей. Она дала характеристику марийской патронимии, образовавшейся в результате распада большой семьи на малые. Семьи, входившие в патронимию, хранили память об общем предке, поддерживали хозяйственные связи, принимали участие в культовой празднично-обрядовой практике. Исследование было посвящено луговым марийцам. Диссертация получила положительные отзывы.

В августе 1949 года К.И. Козлова была принята на должность старшего преподавателя на кафедру этнографии МГУ. Она очень энергично включилась в работу: читала студентам курс лекций по этнографии народов Поволжья, вела семинар по семейной обрядности и руководила Поволжской этнографической экспедицией. Особое внимание было уделено подготовке учебного пособия по этнографии народов Поволжья.

Козлова К.И. в своих исследованиях приоритетное внимание уделяла этнографии марийского этноса, опираясь на содействие МарНИИ. Во время своих экспедиций она изучала различные группы марийцев, проживающих на территории других республик и областей. Первые ее научные публикации были посвящены духовной и материальной культуре марийцев. Во время экспедиций собирались материалы о хозяйственной деятельности (занятия, промыслы), материальной культуре (жилище, хозяйственные постройки, костюм, пища, утварь), общественном и семейном быте (община, семья, патронимия, семейные обряды и обычаи), духовной культуре (традиционная религия, праздники, культ предков, похоронно-поминальные обряды и обычаи, народное творчество и искусство). Сравнительные материалы, собранные среди русского и татарского населения, выявили отдельные черты близости в культуре и быте марийцев с данными этносами в хозяйственной деятельности, в жилище и постройках. Многие ее информационно богатые отчеты по полевым экспедициям хранятся и в научном рукописном фонде МарНИИЯЛИ, которые хорошо проиллюстрированы многочисленными фотографиями и рисунками.

В 50-е годы прошлого века К.И. Козлова большое внимание уделяла разработке курса лекций по этнографии народов Поволжья и подготовке учебного пособия. В результате многолетнего исследования духовной и материальной культуры поволжских народов были опубликованы очерки в тематических сборниках кафедры этнографии, впоследствии авторское учебное пособие, опубликованное в издательстве МГУ (Этнография народов Поволжья. М., 1964). Это учебное пособие в свое время пользовалось большой популярностью среди преподавателей, читающих курс лекций по этнографии народов СССР в вузах, среди студентов, любителей этнографии.

В результате обширных исследований в 1950–1960-х годах, завершившихся рядом ценных публикаций, Клавдия Ивановна поставила цель – дальнейшее углубленное изучение этнической истории и культуры народа в виде докторской диссертации. В 1960-е годы появились новые научные исследования по истории, археологии, антропологии и этнографии марийского народа, по фольклору и марийскому языку.

1960–1970-е годы наиболее продуктивные в исследовательской работе К.И. Козловой по марийской тематике, ознаменовавшиеся целым рядом публикаций на основе новых источников и литературы. Большинство из них было

посвящено вопросам этногенеза, этнической истории, межэтническим связям марийцев. У Клавдии Ивановны была своя точка зрения на эти проблемы, которые она изложила в докладе на научной сессии по этногенезу марийского народа в г. Йошкар-Оле (1965), в рецензии на «Очерки истории Марийской АССР» дореволюционного периода, в статье о характерных особенностях этнической общности марийцев в середине XVI века, в докторской диссертации, защищенной в апреле 1969 года, в монографии «Очерки этнической истории марийского народа» (1978) и др. Выводы Клавдии Ивановны были спорными, существовали и другие аргументированные точки зрения на эти проблемы. Так, местом формирования этнического ядра прамарийцев К.И. Козлова считала Марийско-Чувашско-Приказанское Приволжье и более поздний период формирования марийской этнической общности, в отличие от концепции А.Х. Халикова и Г.А. Архипова, полагавших, что формирование происходило на территории Ветлужско-Вятского междуречья и в более раннее средневековье.

Козлова К.И. подробно рассмотрела этнокультурные взаимосвязи марийцев с другими народами Урало-Поволжского региона в статьях, посвященных марийско-русским связям в позднем средневековье, а также чувашско-марийским и мордовско-марийским связям. Она осуществила дальнейшее освещение проблем семейного быта марийцев на основе новейших разработок. Ею были рассмотрены формы и характер взаимоотношений общины, большой семьи и патронимии у марийцев в эпоху феодализма. Написаны обобщающие очерки о традиционной семье и патронимии. В научных статьях она осветила характерные черты большой семьи, ее происхождение и функционирование в классовом обществе.

В докторской диссертации и в монографии «Очерки этнической истории марийского народа» (1978) в отдельной главе К.И. Козлова раскрыла этнографические особенности локальных групп марийцев. Она впервые осуществила опыт выделения в составе этноса и территории расселения марийцев несколько этнографических районов. Рассмотрела этнографический район как историческую категорию, включающую в себя совокупность элементов и явлений хозяйственно-культурной общности населения, этнически однородного или разнородного. Для районирования выбрала пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). При районировании обратила внимание на хозяйственную деятельность населения, материальную культуру, явления социальной жизни и семейные отношения, традиции и обычаи, формы духовной культуры (народное творчество, религиозные верования и обряды). На основе всех факторов К.И. Козлова на поволжской этнической территории расселения марийцев выделила границы четырех этнографических районов – Козьмодемьянско-Ветлужский, Кокшайско-Приволжский, Санчуро-Яранский и Уржумско-Вятский. В исследовании она подробно рассмотрела своеобразие формирования населения районов, историю и динамику расселения и численности марийцев и соседних народов в пределах района, культурно-бытовые взаимосвязи между ними.

В исследованиях К.И. Козловой определенное место занимает историографическая тематика. Ею написаны обзорные статьи, посвященные публикациям по проблемам этнической истории финно-угорских народов СССР. На основе анализа работ археологов, историков, этнографов, языковедов К.И. Козлова показала состояние изученности этой темы, отметила ряд актуальных проблем, требующих более глубокого изучения.

К теме историографии относится вводная статья К.И. Козловой к тому «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты» из многотомной серии «Народы и культуры», которая была издана Институтом этнологии и антропологии РАН.

Профессор К.И. Козлова долгие годы читала лекции, вела семинарские занятия по различным темам – «Историческая этнография народов Поволжья», «Современная семья и семейный быт народов России», «Социальная организация доклассовых обществ», «Современные проблемы финно-угроведения», руководила курсовыми и дипломными работами. За годы работы на кафедре этнологии она подготовила сотни дипломников и десятки аспирантов. Более 20 из них защитили

кандидатские, несколько человек – докторские диссертации.

Марийские этнографы не обходились без работ К.И. Козловой. На ее работы опираются многие исследователи смежных дисциплин: историки, археологи, филологи. Марийские этнографы – стажеры и аспиранты Института этнографии АН СССР (Институт этнологии и антропологии РАН) – посещали лекции и семинары профессора К.И. Козловой, получали консультации по проблемам культуры марийского этноса. Клавдия Ивановна написала отзыв ведущей организации (МГУ) на кандидатскую диссертацию Г.А. Сепеева. Она выступала официальным оппонентом на заседаниях специализированных Советов во время защиты кандидатских диссертаций этнографа Т.Л. Молотовой, археолога Т.Б. Никитиной, историков А.Г. Иванова и Д.Г. Бахтина.

Клавдия Ивановна была талантливым исследователем, преподавателем, этнографом-полевиком, яркой представительницей советской этнографической школы. Ею было проведено около 40 этнографических экспедиций в различные регионы страны, опубликовано много статей, монографий. Она была открытым человеком для общения, щедро делилась своими богатыми научными знаниями со своими учениками – студентами, аспирантами. Клавдия Ивановна была очень доброй, сердечной и отзывчивой, всегда была готова помочь в той или иной ситуации. Светлая память о ней навсегда останется в наших сердцах.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО МАРИЙЦАМ

Большая семья у марийцев в конце XIX — начале XX в. // Ученые записки МарНИИ. Серия Язык, литература, история. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1954. С. 161–183.

Этнография в Московском университете (совместно с Н.Н. Чебоксаровым) // СЭ. 1955. № 2. С. 100–112.

Восточные марийцы // История, археология, этнография. Труды МарНИИ. Вып. 11. Йошкар-Ола, 1958. С. 110–122.

Краткая характеристика этнографических работ в Марийской АССР в 1956 году // История, археология, этнография. Труды МарНИИ. Вып. 11. Йошкар-Ола, 1958. С. 123–130.

Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник МГУ: историко-филологическая серия. М., 1958. № 4. С. 156–164.

Марийцы Горьковской и Кировской областей // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. 16. Йошкар-Ола, 1961. С. 186–193.

Полевые этнографические работы 1960 года по изучению марийского населения // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Вып. 16. Йошкар-Ола, 1961. С. 195–211.

Этнография народов Поволжья: Учеб. пособие. М., 1964. 175 с.

Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 110–119.

Соседская община и патронимия у марийцев феодального периода // Вестник МГУ. История. 1969. № 6. С. 43–55.

Лес в жизни и обрядах марийской деревни // Традиционная этническая культура и народные знания: Материалы конференции. М., 1995.

К проблеме ранних этнокультурных контактов мордвы и марийцев // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всерос. науч. конфер. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 133–135.

Татьяна Александровна Крюкова и этнография народов Волго-Камья // Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой. СПб., 2000. С. 33–41.

Введение // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 7–17.

Семья (соавт. Смирнов И.Н., Федянович Т.П.) // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 139–156.

Патронимия // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 151–156.

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 811.511.132

«БЕРЕГИ СВОЙ ЯЗЫК, КАК РОДНОЕ ДИТЯ» (К ЮБИЛЕЮ М.Т. ИПАКОВОЙ)

© 2022 г. О.А. Сергеев



Йылмым шке шочшет семын переге.

М.Т. Ипакова

Свой юбилей кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник направления «Лингвистика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Марина Тимерьяновна Ипакова отметила в ноябре.

Ипакова М.Т. родилась 23 ноября 1972 года в д. Нижняя-Татья (мар. *Ӱлыл Такия*) Краснокамского района Башкирской АССР. Это местность, где с давних времен проживают вместе марийцы, татары, удмурты, русские и башкиры. Живя в окружении разных национальностей, она с детских лет привила в себе любовь к языку матери и уважение к другим языкам. После окончания Нижне-Татьинской восьмилетней школы она продолжает учебу в Арланской средней школе. В 1990 году М.Т. Ипакова (тогда ещё Марина Фаткуллина) поступает на историко-филологический факультет Марийского государственного университета. В 1995 году оканчивает полный курс названного высшего учреждения и успешно защищает дипломный проект. Уже будучи студенткой, она проявила большой интерес к исследованию родного языка. В стенах университета М.Т. Ипакова глубже узнала диалектные особенности лугового, горного и северо-западного наречий марийского языка, ей еще ближе стал родной калтасинский и другие говоры восточного диалекта. Учила эстонский язык. Слушала лекции и получала необходимую консультацию у таких известных профессоров, как И.С. Галкин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев, З.В. Учаев, Н.Н. Глухова, Ю.В. Андуганов.

После окончания обучения М.Т. Ипакова работала старшим лаборантом кафедры финно-угорских языков (1995–1999), заведующим кабинетом кафедры финно-угорских языков (1999–2000), методистом кафедры марийского языка (2000–2002) Марийского государственного университета. В 2002–2003 годах (сентябрь – май) и в 2008 году (март – апрель) проходила научную стажировку в университете г. Турку (Финляндия).

В 2003–2006 годах работала преподавателем кафедры марийского языка. Будучи научным сотрудником МарНИИЯЛИ, в 2008–2009 годах совмещала преподавательскую работу на кафедре общего и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

В 2001–2004 годах обучалась в очной аспирантуре Марийского государственного университета. Под руководством доктора филологических наук, профессора И.Г. Иванова написала диссертацию на тему «Соматическая лексика марийского языка», которую успешно

защитила в феврале 2012 года. Целью исследовательской работы М.Т. Ипаковой является выявление соматической лексики марийского языка, лингвистический анализ основных ее компонентов, анализ и описание данной лексики как системы на синхронном уровне.

С 2005 года по настоящее время работает научным сотрудником направления «Лингвистика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, вначале – на должности младшего научного сотрудника, с 2009 года – научного сотрудника, с 2015 года – старшего научного сотрудника, с конца марта 2022 года – ведущего научного сотрудника.

Область научных интересов М.Т. Ипаковой весьма обширна, это диалектология, лексикология, терминология, практическая лексикография, морфология, переводоведение.

В отечественных и зарубежных изданиях М.Т. Ипакова опубликовала свыше 70 научных и научно-популярных работ. Среди них пособие «Наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с переводом на марийский язык» (Йошкар-Ола, 2018). Книга представляет собой издание справочного характера по переводу официальных текстов с русского на марийский язык. В ней систематизированы тексты переводов наименований государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с русского на марийский язык и предпринята попытка системного исследования способов передачи русских терминов на марийский язык. Юбиляр один из авторов «Энциклопедии Марий Эл» (Йошкар-Ола, 2009), в которой помещены ее статьи по вопросам диалектологии и фразеологии. М.Т. Ипакова принимала участие в подготовке фундаментального труда «Марийцы. Историко-этнографические очерки» (Йошкар-Ола, 2013), написала раздел «Диалекты марийского языка». Из-под ее пера вышли биографические статьи справочного характера о жизни и деятельности известных исследователей, таких как финский языковед профессор Алхо Алхониеми и доктор философии Йорма Луутонен, марийские ученые профессор И.Г. Иванов, лингвисты В.И. Вершинин и О.А. Сергеев. Ею был составлен сборник «Язык, учёный, письмена», посвященный юбилею О.А. Сергеева (Йошкар-Ола, 2021).

Научная деятельность М.Т. Ипаковой характеризуется пятью основными направлениями: 1) исследование лексики марийского языка, а именно соматической лексики; 2) исследование грамматики марийского языка; 3) диалектология; 4) переводоведение; 5) лексикографическая работа, направленная на составление русско-марийского словаря и других типов словарей.

Ипакова М.Т. была руководителем проекта составления «Русско-марийского словаря». Ценнейшее лексикографическое произведение марийского языка XXI века в двух томах (Том I. А–О. 592 с.; Том II. П–Я. 468 с.) издано в 2019 году. Она один из научных редакторов данного издания. Активно участвовала в составлении словарных статей. Ей принадлежит часть раздела на букву П (плодородие – посылка). М.Т. Ипакова принимала участие в подготовке дополнительного тома (А–Я) «Словаря марийского языка» (Йошкар-Ола, 2019, 560 с.). Работала над подготовкой словарных материалов по восточному наречию. Одновременно занималась составлением диалектного словаря йошкар-олинского говора, материалы которого в настоящее время хранятся в личном фонде автора.

Ипакова М.Т. активно участвует в научных и научно-практических конференциях, симпозиумах и конгрессах, проводимых как в России, так и за рубежом. В ее содержательных докладах, прочитанных на многих научных форумах, рассматриваются актуальные и неразработанные вопросы марийского языка. Она участница трех международных конгрессов финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005; Пилишчаба, 2010; Оулу, 2015). Занимается редактированием и рецензированием рукописей научных трудов, монографий и учебных пособий, оппонирует диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Марина Тимерьяновна участвует в организации научных форумов, среди них: ежегодный круглый стол, посвященный Дню марийской письменности (2015–2018, 2020), Всероссийская научно-практическая конференция «Современные проблемы финно-угорских языков

и финно-угроведения», посвященная 80-летию профессора И.С. Галкина (Йошкар-Ола, 2011) и Всероссийсая научно-практическая конференция «I Ӱпымарий лудмаш», посвященная 90-летию профессора Н.И. Исанбаева (2019).

В последнее время принимает участие в совместных научных экспедициях по сбору лингвистических и фольклорных материалов. С коллегами из Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан участвовала в комплексной экспедиции в районе компактного проживания марийцев Агрызского района. Летом 2022 года была участником аналогичной экспедиции в Звениговском районе Республики Марий Эл, проводимой Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и Чувашским государственным институтом гуманитарных наук.

С 2007 года юбиляр выполняет работы по переводу названий учреждений и организаций, а также различных официальных текстов по обращению высших государственных органов республики (Главы Правительства Республики Марий Эл, Государственного Собрания Республики Марий Эл и др.). Как известно, переводческая работа, письменный перевод текстов способствуют и разработке новой лексики языка. В образовании отдельных неологизмов в современном марийском лугово-восточном литературном языке безусловная заслуга М.Т. Ипаковой. С 2016 по 2018 год была председателем проекта по переводу официальных текстов. В 2010 году работала секретарем Комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл. Была секретарем международного курса финского языка и культуры при кафедре марийского языка Марийского государственного университета (2006). С 2017 года по настоящее время – член аккредитационной комиссии по аккредитации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников, осуществляющих деятельность на территории Республики Марий Эл, ответственный за выпуск научного журнала «Финно-угроведение» (с 2020 года), заместитель Председателя Марийского регионального комитета финно-угроведов (с 2022 года).

Ипакова М.Т. – активный пропагандист научных знаний. По вопросам функционирования марийского языка в различных сферах общества часто выступает на республиканском радио и телевидении («ВГТРК «ГТРК Марий Эл, «МЭТР»).

Ипакова М.Т. внесла значительный вклад в развитие марийской лингвистики и функционирования государственных языков в Республике Марий Эл. Ее заслуги в научной и общественной жизни республики отмечены Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл (2010), Почетной грамотой Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2018) и Почетной грамотой Министерства образования и науки Республики Марий Эл (2020).

Коллеги, друзья от всей души поздравляют Марину Тимерьяновну с юбилеем и желают крепкого здоровья, успехов в творческой деятельности, исполнения всех замыслов.

Пагалыме Марина Тимерьяновна, таза да эсен лийза! Ончыко кыртмен ошкылза! Яндар илыш корныда Чолман энерын йогынжо семынак шыман шыргыктыже.

Сергеев Олег Арсентьевич
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: olsemar@rambler.ru

Oleg Sergeev
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
E-mail: olsemar@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 793.31+398

«Эшъёс, ойдолэ эктом!» (Друзья, давайте потанцуем!).
Рец.: Мусина Н.Д. Танцевальный фольклор завятских (арских) удмуртов – нематериальное культурное наследие народов Республики Татарстан.
Казань, 2021. 144 с.; 12 с. ил.

© 2022 г. Е.В. Байкова, И.Л. Поздеев

К сожалению, а может быть и к счастью, монография Н.Д. Мусиной попала в объектив внимания членов комплексных фольклорно-этнографических экспедиций к завятским удмуртам в Кукморском (2021) и Балтасинском (2022) районах Республики Татарстан уже по завершении поездок. Основными объектами изучения экспедиций, организованных Удмуртским институтом истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук при поддержке Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии науки Республики Татарстан, были обрядовый песенный фольклор и поздние песенные жанры, обряды и обычаи, традиционный удмуртский костюм, бытовая утварь и современное состояние удмуртской этнокультуры в регионе. К сожалению – поскольку в ходе подготовки к полевым исследованиям всегда полезно обращаться к предыдущему опыту, особенно при сборе достаточно редко изучаемой традиционной танцевальной обрядности. А к счастью – потому что обратное знакомство с работой Н.Д. Мусиной позволяет вновь проанализировать собранный материал, с новых позиций рассмотреть особенности аутентичного танцевального фольклора завятских удмуртов, степень его сохранения и бытования.

В настоящее время существует незначительное количество исследований, посвященных танцевальному фольклору удмуртов, в том числе в контексте его локальных изменений. И работа Н.Д. Мусиной является ключевой за последние годы, где на основе обобщения этнографических данных и собственных полевых материалов отражается опыт изучения удмуртского фольклора в рамках сравнительно нового научного направления – этнохореологии. Уникальностью работы является то, что в исследовании рассматривается развитие танцевальной культуры в контексте исторического развития удмуртского этноса. В первой главе «От фольклора к профессиональному искусству» идет обращение к мифологической составляющей танца, в том числе магической функции круговой пляски, использования музыкальных инструментов, парных плясок юношей и девушек. Как справедливо отмечает автор, формирование традиционного танца удмуртского народа неразрывно связано с его верованиями, обрядовая хореография несет в себе особенности магии, тотемизма, культа предков, анимизма, шаманизма. В то же время параграф «Этнический танец на новом этапе исторического развития» знакомит нас с этапами вхождения этнического танца в профессиональное искусство, характерными практически для всех народов Урало-Поволжья в советский период развития. Именно в это время происходит постепенное вытеснение, сокращение традиционных верований, праздников и обрядов, и народный танец превращается в профессиональный, теряя свой религиозный смысл.

Несомненным достоинством работы является то, что в основной части монографии (главы «Танцевальный фольклор завятских удмуртов Кукморского и Мамадышского районов РТ», «Лексика и композиция традиционных этнических танцев кукморских, мамадышских удмуртов») представлен уникальный танцевальный фольклор удмуртов, собранный

автором в ходе этнографических экспедиций, вопросники для сбора и анализа материала, приведена типология удмуртских танцев, разбор композиции и отдельных танцевальных движений, что, несомненно, служит ценным научным и методическим материалом. Как отмечает автор, анализ традиционной хореографии кукморских и балтасинских удмуртов позволяет выделить две группы танцев: обрядовые и бытовые. Обрядовые танцы являются неразрывной частью семейных и календарных обрядов, отличаются каноничностью и консервативностью. Бытовые танцы не связаны с какими-либо ритуальными действиями, исполняются на любых праздниках, молодежных гуляниях и вечеринках. Благодаря фиксации Н.Д. Мусиной хореографических форм традиционных танцев, описанию положений и соединений рук, рисунка танцев, передаче сопровождаемых танец текстов песен и музыки есть возможность наиболее точно понять и воспроизвести композицию традиционных танцев завятских удмуртов.

Проводя невольную параллель с материалами Комплексной экспедиции в Кукморском районе, следует отметить, что практически все описанные автором народные танцы были зафиксированы путем многоканальной аудиозаписи, фотовидеофиксации и фольклорные материалы пополнили фонограммархив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Исключение составили танцы *«Тямысен эктон»* («Восьмерка»), *«Ньылен эктон»* («Четверка»), не попавшие в поле зрения исследователей. Как отмечает О.В. Перевозчикова, пляска выступает обязательным элементом свадебного обряда местных удмуртов: «Местные жители называют эту пляску *дюмшан* или же *чабата*. Плясали под напев *дюмшан сям/сямен*. Пляска сохранилась во всех населенных пунктах экспедиционного маршрута. Исполняется как под наигрыши музыкального инструмента (в основном гармонь мызган, могли быть балалайка и мандалинка), так и без него... Также особенностью кукморской танцевальной традиции является «особая манера исполнения одного движения под названием *ширъяса*. На первый взгляд движение очень похоже на «дробушку», как в южно-удмуртской танцевальной традиции» [Перевозчикова, 2021, с. 106–107]. Во время работы экспедиции были зафиксированы хороводно-игровые песни *возь выл шудонъёс* и хороводы шеренгой и круговые. Безусловно, применение новых технологий существенно расширяет и обогащает материал Н.Д. Мусиной, позволяет проследить историческую динамику развития удмуртского танца.

Говоря о музыкально-танцевальном фольклоре кукморских удмуртов, многие исследователи отмечают его устойчивость и самобытность. По мнению этнохореолога, руководителя студии традиционного танца «Эктон корка» А.Н. Прокопьева, «танцевальная традиция завятской группы удмуртов – сложный конгломерат, состоящий из общеудмуртских пластических мотивов… адаптированных заимствований, а также элементов, свидетельствующих о структурной интеграции местной удмуртской танцевальной традиции в танцевальную традицию иноэтничного (татарского и/или русского) окружения» [Прокопьев, 2012, с. 110]. На это же обращает внимание и автор монографической работы: «Многовековые связи с русским и татарским народом засвидетельствованы заимствованием таких фольклорных примеров, как древний славянский хоровод-игра «Просо сеяли» и «Татарский танец» – «Бигер эктон», танец «Чабата». Первый пример бытует в давней традиции. Утратив связь с первоисточником, он сопровождается текстом песни, исполняемой на удмуртском языке. Второй – с осознанием отличительных особенностей своего, удмуртского, танца и танца соседнего народа, что подчеркивается не использованием в татарском танце хореографической лексики, традиционной для удмуртов данного региона, то есть с пониманием своей этнической идентичности со своей танцевальной речью» [Мусина, 2021, с. 59].

Однако Н.Д. Мусина, помимо раскрытия особенностей формирования этнического танца удмуртов, основной целью работы видит раскрытие значимости традиционного танца удмуртов как нематериального культурного наследия народа и необходимость его «охраны», чему посвящена заключительная четвертая глава «Возрождение этнического танца, традиционных праздников и обрядов удмуртов Кукморского и Мамадышского районов». В разделе подробно описывается сложившийся в Республике Татарстан опыт сохранения и актуализации традиционного удмуртского танца в контексте правоприменения регионального закона «О нематериальном культурном

наследии в Республике Татарстан». На примере фольклорно-этнографического ансамбля «Инвожо» автор отмечает, что важно не только изучать танцевально-песенную традицию народов, но и воплощать его на сцене, тем самым популяризируя и сохраняя ее. Об этом говорит и А.Н. Прокопьев, отмечая, что «фиксация танца – только половина дела, не менее важно популяризировать, распространять знания о народном танце» [Андрей и Наталья Прокопьевы, 2021]. В этой связи стоит отметить, что на основе материалов Комплексной экспедиции 2021 года в концертную программу Удмуртского государственного театра фольклорной песни и танца «Айкай» был включен блок, посвященный традиционной культуре «кукморских» удмуртов, *«Кукмор дюмшан сямъёс»* (Венок старинных танцев кукморских удмуртов), содержащий в себе гостевую песню *«Шур вылэ васьки гинэ но…»* (букв. «Как спустилась к реке…»), хороводную игру *«Кӧня верай, кӧня верай, эн витлэ ти морьякен…»* (букв. «Сколько раз говорила, сколько раз говорила, не ходите с моряком…»), танцы «*Кубисьта дьыр*», *«Чабата», «Дюмшан»,* женские и мужские сольные танцы. Также были подготовлены сценические костюмы на основе традиционных костюмов удмуртов Кукморского района.

Таким образом, обращение автора к изучению танцевальной традиции завятских (арских) удмуртов является важным и значимым, во-первых, для сохранения ценностей фольклора и традиционной культуры удмуртского народа; во-вторых, для развития локальной, «завятской» удмуртской танцевальной традиции. Автором проанализирована эволюция танцевальной традиции завятских (арских) удмуртов, которая в наши дни уже вышла за рамки своего традиционного бытия, но не потеряла своей природы и генетических особенностей. Комплексный подход к исследованию, включение связанного музыкального и изобразительного (костюмы, аксессуары) материала, семантики движений демонстрирует картину удмуртского танца как художественного целого.

Монография Н.Д. Мусиной, помимо научной и практической значимости, несет в себе заряд любви, уважения и признательности хранителям фольклорных традиций удмуртов за их стремление сохранить и передать наследие своих предков, мудрость, накопленную многими поколениями. Только благодаря общению с народными исполнителями возможно получение нового научного знания, дальнейшее сохранение и передача удмуртского фольклора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мусина Н.Д. Танцевальный фольклор завятских (арских) удмуртов – нематериальное культурное наследие народов Республики Татарстан. Казань, 2021. 144 с.

Перевозчикова О.В. Традиционная песенная культура кукморских удмуртов: практики бытования в современных условиях // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 2(11). С. 98–110. DOI: 10.15350/26191490.2021.2.32

Прокопьев А. Танцевальная традиция завятских удмуртов // Аутентичная география. Завятские удмурты. Вып. 4. Ижевск, 2012. С. 108–114.

Андрей и Наталья Прокопьевы: «Фольклор – не музейная архаика, он живой» // Сайт газеты «Удмуртская правда» [Электронный ресурс]. URL: https://udmpravda.ru/rubrics/planerka/430987-andrey-i-natalya-prokopevy-folklor-ne-muzeynaya-arkhaika-on-zhivoy/ (дата обращения 01.10.2021)

Байкова Елена Вячеславовна
ведущий методист отдела
декоративно-прикладного искусства и ремёсел,
автономное учреждение культуры Удмуртской
Республики «Республиканский дом
народного творчества»,
г. Ижевск
e-mail: baykova_rdnt@inbox.ru

Игорь Леонидович Поздеев
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН,
Ижевск,
e-mail: Pozdeev79@gmail.com

Elena Baikova
leading methodologist of the department of decorative
and applied arts and crafts, autonomous cultural institution
of the Udmurt Republic “Republican House of Folk Art”,
Izhevsk
e-mail: baykova_rdnt@inbox.ru

Igor Pozdeev
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Department of Interdisciplinary and Applied Research,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature,
UdmFRC UB RAS,
Izhevsk,
e-mail: Pozdeev79@gmail.com

УДК 398

Рец.: Мифология народов Поволжья / сост. А.Ф. Галияхметова. Казань: Татарское книжное издательство, 2019. 95 с.

© 2022 г. Р.Н. Касимов

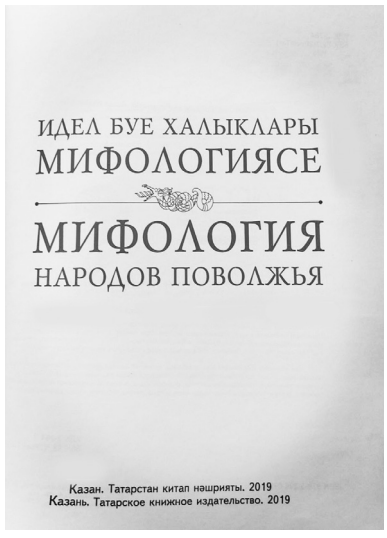
Татарское книжное издательство, основанное более 100 лет назад, хорошо известно не только в Татарстане и в Урало-Поволжье, но и в России. Это уважаемое издательство выпускает большое количество книг по истории и культуре, открывает читателям новые имена, не забывая о произведениях классиков, занимается популяризацией татарского языка и литературы. В конце 2019 года в ГУП «Татарское книжное издательство» была выпущена книга для детей «Мифология народов Поволжья». Составитель – А.Ф. Галияхметова. Редакторы – А.Ф. Галияхметова, Ч.И. Ялалова. Составитель, обращаясь к юным читателям и их родителям, отмечает, что сказания и легенды народов Поволжья помогут «узнать о быте, жилище, орудиях труда, характере, традициях, верованиях народов, проживающих по соседству» (с. 3).

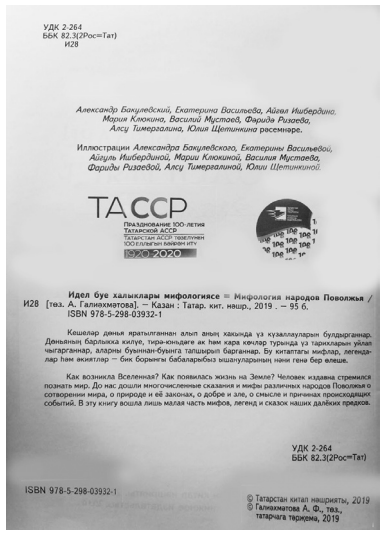
Тираж издания в 2500 экземпляров указывает на то, что книга рассчитана на широкую аудиторию и прежде всего на детей. В этой связи важно учитывать ее просветительский потенциал. Именно с этой точки зрения и хотелось бы провести небольшой обзор этого издания, тем более что книги научно-популярного и просветительского характера по вопросам духовной культуры издаются разнообразные и большими тиражами.

Например, в 2003 году на федеральном уровне вышла книга известного специалиста по определению и выявлению взаимосвязей фольклорных и книжных сюжетов, мифа и обряда, образов языческих персонажей В.Я. Петрухина «Мифы финно-угров». Общие для всей финно-угорской мифологии образы, такие как птицы-демиурги, небесные охотники, гигантские лоси, безусловно, вызывают неподдельный интерес у широкого круга читателей.

В 2005 году увидела свет книга известного лингвиста, фольклориста и мифолога, специалиста по традиционной славянской культуре Е.Е. Левкиевской «Мифы русского народа». Легенды и мифы русского народа изложены в книге на основе устных преданий, собранных этнографами и фольклористами за последние полтора века. Книга адресована широкому кругу читателей и позволяет познакомиться с религиозными представлениями и мифами, прежде всего Древней Руси.







В 2008 году появилась книга «Мифы народов мира» под общей редакцией Н.И. Девятайкиной. Здесь отобраны и пересказаны понятным для широкой публики языком мифы народов Европы, Востока, Америки, древних египтян, жителей Двуречья, Индии, древних греков, римлян, арабов, скандинавов, славян, майя и некоторые библейские сюжеты. Рецензентами выступили доктора исторических наук, профессора В.И. Кузищин и В.И. Кащеев.

Общие представления об этнографии Казанского Поволжья, в том числе о своеобразии духовной культуры народов региона, позволяют получить книги «Культура народов Татарстана», автор-составитель Л.А. Харисова [2005], и «Этнография Казанского Поволжья» под общей редакцией Г.Ф. Габдрахмановой и Д.Ф. Гатиной-Шафиковой [2017]. Книги такого рода, адресованные широкому кругу читателей и призванные популяризировать особенности этнокультуры народов Урало-Поволжья, безусловно, есть в каждой республике, области и крае в Приволжском федеральном округе. Например, в Удмуртии в 2012 году вышла в свет книга «Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки». Разноплановые тексты коллектива авторов дают красочную панораму исторического и культурного развития народов Удмуртской Республики и народов Урало-Поволжья.

Разнообразие тематической литературы свидетельствует не только об интересе к традиционной духовной культуре, но и о важности бережного, корректного к ней отношения при подаче с опорой на выверенные научные материалы.

Книга «Мифология народов Поволжья» богато иллюстрирована цветными рисунками, которые помогают восприятию ее содержания. Качественные иллюстрации выполнены мастерами своего дела: Александром Бакулевским, Екатериной Васильевой, Айгуль Шибердиной, Марией Клюкиной, Василием Мустаевым, Фаридой Ризаевой, Алсу Тимергалиной, Юлией Щенинкиной. Жаль, что авторство художников не указывается под конкретным изображением, что позволяло бы ассоциировать яркие атмосферные иллюстрации с их творцами. В книге 28 крупных иллюстраций, не считая богатого растительного и графического орнамента, выполненного в духе культуры конкретного народа, размещенного и на обложках, и на каждой странице внутри. Качественная полиграфия и высокий уровень печати делают издание дорогим и приятным подарком как для детей, так и для всех интересующихся духовной культурой народов региона Урало-Поволжья. В этой связи следует отметить, что издание бы только выиграло в части информативности, если бы составитель дал небольшую справку о каждом художнике-оформителе, иллюстрации которого украшают книгу.

Составитель расположил тексты в книге в определенной последовательности. Все они иллюстрируют отдельные элементы религиозно-мифологических представлений различных народов Урало-Поволжья. Содержание оформлено в алфавитном порядке: от башкир до чувашей. К сожалению, в содержании народы не указываются, но прописываются внутри издания: башкиры (с. 5–14), марийцы (с. 14–25), мордва (с. 26–42), русские (с. 43–52), татары (с. 53–63), удмурты (с. 64–77), чуваши (с. 79–87). Каждый народ представлен двумя текстами преданий или быличек. В книге сначала идет текст на татарском языке, а затем дается текст на русском языке, что вполне укладывается в практику билингвизма в Татарстане.

Религиозно-мифологические представления башкир репрезентированы двумя преданиями – «Как возникли Луна и Уральские горы?» (легенда о том, как появились небесные светила и горы), «Агидель и Яик» (предание о реках, знаковых для башкирского народа, где образы перекликаются с представлениями мордвы о Волге и Каспии); марийцев – «Живой камень» (легенда о герое марийского эпоса – богатыре Чумбулате), «Водыж и богиня воды» (предание о связи былинного великана и повелительницы водных стихий); мордвы – «Волга-Рав и Каспий» (предание о реках), «Виряня» (сказка о девочке, которую спасли от лесных духов – виряв. Тексты перекликаются с представлениями казанских татар о лесных духах – шурале); у русских – «Волколак» (предание о волке-оборотне), «Велес похищает скот Перуна» (предание о языческих славянских божествах). В связи с принятием христианства и утверждением в культуре русских православия очень

сложно говорить о Перуне и Велесе именно как о русских божествах. Татарская мифология представлена произведениями «Водяная (Су анасы) и сирота» (быличка о мистической связи девочки-сиротки и хозяйки воды (су анасы), «Как обмануть Шурале?» (быличка о том, что в лесу можно заблудиться и попасть под чары лесных духов). Образ Шурале распространен именно среди казанских татар и части башкир. В свое время татарский поэт Г. Тукай на основе услышанных в детстве преданий о шурале написал одноименную поэму, которая в годы советской власти была переведена на языки многих народов, благодаря чему этот демонологический персонаж стал очень популярным и известным далеко за пределами Урало-Поволжья. Из фольклора удмуртов в книгу попали сюжеты «Как Землю сотворили?» (известная среди финно-угорских народов история о сотворении воды и суши во многом схожа с текстом о Перуне и Велесе и их соперничестве), «Невеста-вожо» (быличка о демонических персонажах – вожо и опасностях, которые они представляют для людей), которая близка к мордовской истории про Виряню и татарской истории про водяную хозяйку и сиротку. Из устного народного творчества чувашей – «Киреметь» (быличка о связях человека с демоническими силами перекликается с марийскими представлениями о былинном богатыре Чумбулате), «Мост Азамата» (быличка о появлении радуги).

Перевод текстов на татарский язык выполнен А.Ф. Галияхметовой. Переводы быличек, легенд и сказаний на русский язык выполнили Ч. Ялалова, А. Иликаев, Н. Ишмухаметов, Н. Кралина.

К сожалению, составитель не дает ссылки на источники, откуда были взяты тексты для издания. А это было бы полезно для тех, кто хотел бы более подробно познакомиться с культурой отдельных народов Поволжья, а также со специалистами, которые собирали материалы по данной тематике.

Завершает книгу небольшой словарик, оформленный на двух языках (с. 88–93). В нем читателя знакомят с краткой характеристикой отдельных героев и мифологических персонажей, упомянутых в текстах. Также отсутствуют ссылки на источники информации к каждой информационной статье.

Таким образом, в книге нашли свое отражение представления народов Урало-Поволжья о демонических образах низшей мифологии, предания о появлении значимых для этих народов природных объектов. Многие сюжеты перекликаются, что свидетельствует о диалоге культур и о богатом опыте взаимодействия финно-угорской, тюркской и славянской культур. Формат литературно-художественного издания не предполагает следования четкой научной логике и прорабатыванию терминологического аппарата. В этом смысле рассматриваемое издание – легкое и познавательное чтение для детей и их родителей. Вместе с тем можно допустить возможность использования материалов этой книги на занятиях в начальной школе, в частности на уроках ОРКСЭ.

В этой связи хотелось бы видеть более подробную вводную часть, которая не ограничивалась бы обращением к читателю, но и раскрывала бы специфику межэтнического и межконфессионального взаимодействия народов Урало-Поволжья. Благо позитивных примеров таких контактов наша история предоставляет великое множество. Это отчасти видно и в предложенных текстах, сюжеты которых у разных народов схожи, несмотря на специфику этнических и конфессиональных культур.

Все тексты в издании наполнены сказочным мистицизмом и отсылают читателей к классическим сюжетам низшей мифологии и демонологии. Однако когда речь заходит о демонических персонажах низшей мифологии, зачастую их образы и функции оказываются размыты. Как правило, к персонажам низшей мифологии причисляются духи природы – лесные, горные, речные, морские; духи, связанные с земледелием и плодородием земли, духи растительности, персонификации календарных праздников и определенных временных отрезков, образы прежних языческих богов, различные злые духи и нечистая сила. В различных ситуациях они могут быть опасны для людей, но иногда проявляют к ним благосклонность, дарują тайное знание, объясняют происхождение явлений и вещей. Часто они ассоциируются с небесными светилами, с природными объектами и атмосферными явлениями; могут принимать человеческое и животное обличье. Разумеется, в зависимости от конкретного

региона похожие персонажи будут иметь и свои особенности. Скажем, мифологические представления сибирских или астраханских татар будут иметь как схожие, так и отличные черты от воззрений казанских татар. А духовная культура русского народа настолько многообразна, что требует обязательного соотношения с конкретным регионом проживания носителей этой культуры, это же можно сказать о башкирском народе, чувашах, мордве, марийцах и удмуртах. Соответственно, ряд мифологических персонажей или преданий, известных одной этнографической группе, может быть совершенно незнаком другим группам, казалось бы, одного народа. Этого важного обстоятельства в подборе текстов составитель в большинстве случаев не учитывает, хотя настаивает именно на специфике народов Поволжья.

Между тем Поволжье является одним из самых сложных по своему этническому и конфессиональному составу регионов России. По доле нерусских народов в общей численности населения этот регион уступает только кавказскому, а по их абсолютной численности занимает первое место в нашей стране. Здесь исторически проживают финно-угорские (марийцы, мордва, удмурты и коми-пермяки) и тюркские народы (башкиры, татары и чуваши). Эти этнические культуры обладают специфическими особенностями формирования и развития своей этничности в конкретных природно-климатических условиях региона. Здесь процессы многовековых взаимосвязей привели к формированию у них общего, регионального слоя культуры как в материальном, так и в духовном аспектах. И у каждого народа есть свои узнаваемые символы и образы.

Представляется, что для башкир распространенным является предание о легендарном белом Волке – как основателе народа. У марийцев – представления о священных рощах и противостоянии божеств Куго Юмо и Керемета. У мордвы известны истории, что раньше на земле обитали люди-пчелы, люди-рыбы, люди-птицы, люди-кони, люди-медведи. По преданиям, они и являлись зооантропоморфными предками отдельных народов и родов.

Образы русской мифологии важно «привязать» и к «ленте времени», и к конкретному региону бытования. Например, в календарной обрядности вятских русских весна была первым временем года. Она символизировала девичество природы. Как только лучи Солнца прогревали Мать-землю и она готова была принять зерно, совершались обряды «засевания матери-земли».

Персонажи татарского фольклора – Су анасы и Шурале, которые составитель использует в текстах, поэтическим слогом описанные Г. Тукаем, являются узнаваемыми образами татарской мифологии (логично, поскольку издание увидело свет в Татарстане).

Для удмуртской мифологии характерны представления о великанах-алангасарах, о дондинских батырах, о триаде божеств – Инмар, Кылдысин, Куазь. В чувашской мифологии образ великой богини-матери с течением времени трансформировался в образ земли. Наличие женского начала предполагает и проявление мужского, ассоциировавшегося с далеким и недосягаемым небом, образ которого со временем превратился в образ мужского божества-громовника, символа грома и молнии.

Таким образом, при составлении текстов важно учитывать и частоту их регионального бытования, и определенную структуру дифференциации образов высшей и низшей мифологии. В случае, если учесть вышеописанные обстоятельства, то книга будет не только интересным, но и полезным чтением в рамках образовательного процесса.

Подводя итог, следует отметить, что в рассматриваемом литературно-художественном издании представлена небольшая яркая подборка преданий, быличек и сказок отдельных народов Поволжья. Известно, что эти народы давно проживают в регионе, а специфические природно-климатические условия, постоянный диалог культур с соседями оказали заметное влияние на их жизненный уклад, традиции и обычаи, верования и семейную обрядность. Конечно, громкое название «Мифология народов Поволжья» не соответствует содержанию. Правильнее было бы говорить о некоторых легендах и преданиях. Да и народы Поволжья представлены не в полном объеме, например, нет в издании информации о калмыках, коми-пермяках. Кроме того, в современном Поволжье довольно долгое время проживают

украинцы, белорусы, казахи, немцы, евреи, узбеки, цыгане, ряд других народов, создающих уникальный колорит региона. Безусловно, подобные, ориентированные на широкий круг читателей издания нужны и будут востребованы людьми, увлекающимися историей и фольклором. Однако в перспективе хотелось бы, чтобы составители или авторы-составители и редакторы учли ряд важных замечаний, указанных в тексте выше. Убежден, от этого будущее издание только выиграет и кроме функции яркого представительского подарка сможет выполнять и важные просветительские и образовательные функции, что будет полезно для формирования адекватной региональной идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Культура народов Татарстана / авт.-сост. Л.А. Харисова. Казань: Магариф, 2005. 367 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа / Е. Ливкиевская. М.: Астрель: АСТ, 2005. 526 с.

Мифология народов Поволжья / сост. А.Ф. Галияхметова. Казань: Татарское кн. изд-во. 2019. 95 с.

Мифы народов мира / Девятайкина Н.И. [и др.]; под общ.ред. Н.И. Девятайкиной. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2008. 416 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров / В.Я. Петрухин. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003, 464 с.

Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч. ред. А.Е. Загребин. Ижевск: Изд-во «Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН», 2012. 288 с.

Этнография Казанского Поволжья. Историко-этнографические очерки / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой (авт. проекта и отв. ред.), Д.Ф. Гатиной-Шафиковой. Казань, 2017. 248 с.

Касимов Рустам Нуруллович
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: kasdan@yandex.ru

Rustam Kasimov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
The Udmurt Institute of History, Language and Literature,
UdmFRC UB RAS,
Izhevsk
e-mail: kasdan@yandex.ru

УДК 391(470.343)

Рец.: Песецкая А.А. Одежда в свадебной обрядности марийцев (конец XIX – начало XXI вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2022. 243 с.

© 2022 г. Т.Л. Молотова

3 марта 2022 года на Диссертационном совете МАЭ РАН Кунсткамера в Санкт-Петербурге была успешно защищена диссертация А.А. Песецкой «Одежда в свадебной обрядности марийцев (конец XIX – начало XXI вв.)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография. Исследование состоит из 1 тома (234 с.) и 2 тома – приложения (106 с.).

Актуальность темы. Тема исследования А.А. Песецкой актуальна в связи с тем, что свадебная обрядность у марийцев и в настоящее время бытует в трансформированном виде в некоторых территориально-локальных группах этноса. В современных марийских свадебных ритуалах одежда является одним из наиболее выразительных и информативных предметов обряда. Будучи сложным, многофункциональным предметом, она сочетает в себе материальные, эстетические, социальные характеристики, которые могут варьироваться в зависимости от локально-территориальной группы, а также времени бытования. Изменчивость обрядовых практик приводит к трансформации как внешних качеств одежды, так и ее социальных смыслов. Для понимания механизма бытования данной категории предметов в свадебном обряде в диссертационной работе сравниваются два временных отрезка: конец XIX – начало XX века, как наиболее информативный период традиционной культуры, и начало XXI века, отражающее современную реальность. Таким образом, данное исследование предпринимает попытку рассмотреть свадебную одежду как часть обряда, материальный компонент духовной культуры, актуальный и на современном этапе у марийского этноса.

Современная марийская свадьба имела и имеет локальные особенности, варианты которых изучены недостаточно. Механизмы сохранения одних частей обряда и утраты других нуждаются в дополнительном исследовании. До настоящего момента исследование традиционной и современной свадебной обрядности на материале марийской одежды не проводилось. В связи с этим привлечение новых материалов, их всестороннее описание и интерпретация позволят выйти на новый уровень обобщений, наметить новые направления в изучении свадебной обрядности марийцев. Именно поэтому А.А. Песецкая задается **целью** раскрыть способы бытования и функционирования марийской свадебной одежды в исторической ретроперспективе.

Научная новизна диссертации очевидна. Свадебная одежда марийцев стала самостоятельной темой комплексного исследования не только в контексте изучения ее конструктивно-декоративных особенностей, но и в способах использования в рамках свадебного ритуала, анализа семантических и социальных смыслов, заложенных в ней и актуализирующихся в обрядовой ситуации.

Новизна диссертации заключается в том, что собраны, обработаны и проанализированы источники по марийской свадьбе различного типа, в том числе архивные (РГИА, АРЭМ), фотоиллюстративные, вещественные (РЭМ), а также материалы собственных полевых исследований автора (2009–2019). Большая часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Благодаря проведенному полевому исследованию были зафиксированы варианты марийской свадьбы начала XXI века в трех этнографических группах марийцев, что позволило сделать выводы о разных формах изменения обряда в зависимости от ареала распространения. Сравнение реалий прошлого с совре-

менными материалами дало возможность определить ряд тенденций развития свадебного обряда и констатировать устойчивость некоторых элементов, в частности предметов одежды.

Положительной стороной исследования является то, что на основе свадебной одежды проведены этнокультурные параллели с традицией других народов региона, выявлены связи и заимствования. Подробное рассмотрение различных типов свадебной одежды позволило уточнить существование ее конкретных отличий от повседневных и рабочих комплексов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты открывают широкие возможности в разработке концепта обрядности жизненного цикла марийского этноса. Основные положения, выносимые на защиту, ориентированы на обоснование роли материальной составляющей обрядов и их знаковой функции в системе социальных отношений в высшей фазе их развития – ритуале.

Предлагаемые результаты диссертационного исследования позволяют в дальнейшем более фундаментально рассматривать историю традиционной культуры одного из финно-угорских народов России – марийцев. Кроме того, диссертационные материалы, впервые введенные в научный оборот, могут в дальнейшем использоваться в сравнительных исследованиях, посвященных как изучению народного костюма, так и свадебной обрядности в целом.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты могут использоваться, прежде всего, в экспозиционной деятельности музеев при подготовке постоянных и временных выставок, а также в собирательской работе сотрудников. Материалы диссертационного исследования необходимы при подготовке учебных, лекционных и семинарских курсов, а также методических рекомендаций для просветительских программ по марийской этнографии. Материалы исследования могут быть использованы при реконструкции утраченных свадебных ритуалов.

Информационный потенциал собранных и проанализированных данных можно использовать в работе национально-культурных обществ, организаций, занимающихся дизайнерской разработкой, художественным оформлением и производством изделий современных промыслов и ремёсел.

Достоверность и обоснованность научных положений и результатов исследования обеспечиваются основательностью избранных теоретических и методических основ исследования, широким кругом привлеченных источников, охватывающих более чем столетний период трансформации свадебной марийской обрядности и одежды у разных групп марийцев.

Основные положения исследовательской работы были изложены на научных конференциях: XXVIII International Finno-Ugrist Students Conference (2012 г., г. Тарту, Эстония), Санкт-Петербургские этнографические чтения (СПб., 2008, 2011, 2017, 2020), Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии (Санкт-Петербург, 2011, 2012, 2017, 2018, 2020), Бусыгинские чтения (Казань, 2013), Динамика этнокультурных процессов (СПб., 2018), Социокультурное многообразие в современном мире (Москва, ИЭА, 2018), Проблемы изучения, экспонирования и реставрации верхней одежды народов России (Архангельск, 2020).

Результаты работы были апробированы на заседаниях Санкт-Петербургской этнографической комиссии РГО (2019, 2020).

По исследованной проблеме были опубликованы три научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК, а также три статьи в сборниках и журналах, индексируемых в системе РИНЦ.

Исследование состоит из двух томов. Во втором томе (106 с.) А.А. Песецкая предоставила следующие приложения: карта расселения марийцев; таблицы с перечнем музейных экспонатов из коллекций различных музеев, использованных в диссертации; изображения совершенно уникальных форм одежды, головных уборов текстиля из музейных коллекций; исторические изображения свадебных обрядов и ритуальных атрибутов; современные изображения свадебных ритуалов и аксессуаров; глоссарий.

Во **введении** традиционно раскрывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, характеризуются методы и материал исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая значимость

и практическая ценность результатов исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, описывается структура диссертации, представляется история изучения народного костюма и свадебного обряда марийского народа.

В первой главе **«Знаковые функции традиционной свадебной марийской одежды»** раскрываются особенности свадебной одежды, входившей в состав костюмных комплексов основных участников ритуала.

В первом параграфе «Типология одежды: будничная, праздничная, обрядовая» подробно рассмотрены разные типы одежды, а также критерии, по которым различается праздничная и будничная одежда. К ним относятся различия в материале, форме, способах надевания и декорирования.

Второй параграф «Основные обрядовые чины» посвящен подробному разбору состава участников традиционного свадебного обряда марийцев. Здесь дается перечень свадебных чинов различных этнографических групп марийцев, выделяются наиболее значимые по степени их участия в обряде. Каждый из перечисленных участников рассматривается с точки зрения наличия определенных предметов-маркеров в его костюме, которые подчеркивают ролевые функции. Очерчены параллели между наличием дополнительных предметов-знаков в костюме действующих лиц и степенью их участия в свадебном обряде.

В третьем параграфе «Специфические особенности свадебной одежды» подробно рассмотрены отдельные типы одежды, имеющей в своем наименовании или визуальном образе определенные знаки принадлежности к категории «свадебная». Его основой стали вещественные источники. Здесь рассмотрены нательная, а также верхняя одежда, женские головные уборы, имевшие большое значение как для костюма в целом, так и для сценария свадебного обряда. Отдельно рассмотрены покрывало невесты и свадебные полотенца. Завершает обзор отдельных частей свадебного костюма разбор свадебных украшений. В параграфе для каждого из предметов выявляются признаки, позволяющие считать одежду свадебной.

Во второй главе «Одежда как обрядовый предмет на традиционной марийской свадьбе» свадебная марийская одежда рассматривается в качестве предмета обрядовых действий и инструмента для различных манипуляций.

Первый параграф «Структура марийской свадьбы» содержит совокупную характеристику марийского свадебного обряда. Здесь выделяется трехчастная последовательность: предсвадебные, свадебные и послесвадебные циклы обряда. Предсвадебный цикл включает в себя комплекс следующих действий: выбор невесты, смотрины, сватовство, сговор, предбрачный пир восточных марийцев. Свадебный цикл имеет наиболее насыщенную структуру и включает обряды в домах жениха и невесты, ритуалы, сопровождавшие передвижение свадебного поезда, а также непосредственно свадебный пир, куда входил обряд одаривания родственников жениха и – вариативно – обряд смены головного убора невесты. Послесвадебный цикл характеризуется перечнем взаимных посещений молодоженами родителей молодой, а также набором запретов, которые сопутствуют ее новому статусу.

Второй параграф «Одежда как предмет свадебного обмена» посвящен использованию одежды в качестве предмета одаривания. Здесь выделены основные эпизоды марийской свадьбы, в которых обмен одеждой играет ключевую роль. К ним относится первичное закрепление согласия на брак, которое осуществляется тайным образом между женихом и невестой. Вторым этапом является обряд сватовства, в некоторой степени дублирующий первичный обмен, однако направленный на общественное санкционирование. Третьим, особенно крупным, событием может считаться практика дарения одежды родственникам жениха, выделенная в самостоятельный ритуал.

В рамках данного параграфа по степени завершенности выделяются две категории одежды, которые могли становиться предметом обмена на разных этапах свадьбы, а также рассматривается разница между типами одежды, приготовленной в качестве подарков, и родственной близостью одариваемых.

В третьем параграфе «Использование предметов одежды в свадебном обряде» анализируются те свадебные ритуалы, в которых одежда

выполняла ведущую роль. К ним относятся обряды переодевания, которые были характерны для жениха и невесты. Здесь рассмотрены различные манипуляции с одеждой, когда она становится предметом демонстрации благочестия, мастерства невесты, ее благосостояния. Отдельный раздел посвящен использованию предметов текстильного происхождения в качестве иллюстрации концепта соединения при помощи процедур связывания и пришивания. Показано использование одежды в обрядах развода через процедуру разрывания. В заключительной части параграфа прослежено, как предметы одежды выполняли защитные, оберегающие функции.

Третья глава «Одежда в современном свадебном обряде» посвящена современным формам использования одежды на марийской свадьбе: каким образом она в ней участвует и какую роль играет.

Первый параграф «Социокультурные изменения свадебной обрядности в советский период» показывает особенности развития свадебной обрядности на протяжении XX века. Здесь раскрываются причины изменения брачного поведения марийского населения и выделены этапы наиболее значимых периодов трансформации обряда. В параграфе показаны поэтапное внедрение нововведений в фабулу марийской свадьбы, а также утраты ею отдельных традиционных элементов.

Второй параграф «Современная свадебная обрядность» посвящен современному состоянию свадебного обряда марийцев разных этнографических групп: восточных, горных и луговых. Рассмотрены характерные для всех групп марийцев изменения в свадебном обряде: трансформации свадебных ролей, широкое использование унифицированных элементов, модернизация атрибутики, при этом сохранение ряда устойчивых компонентов, а также некоторых локальных обрядов.

В третьем параграфе «Одежда в современной свадебной обрядности» представлены два раздела. Первый из них посвящен костюмам действующих лиц на марийской свадьбе. Описана одежда жениха и невесты, для которых в ряде местностей (у восточных марийцев и отчасти луговых) характерно использование костюма, сшитого на заказ с национальной символикой. Показаны учреждения, которые занимаются изготовлением такой одежды. Отмечена устойчивость к трансформациям отдельных частей костюмов у конкретных свадебных чинов, а также полная утрата некоторых частей костюма.

Второй раздел параграфа посвящен современным вариантам свадебного одаривания – на сегодняшний день единственной формой использования одежды в качестве инструмента обрядовых действий.

Итоги исследования подведены в **Заключении**. Результаты показывают, что одежда является важной частью свадебной марийской обрядности.

В основе свадебного костюма лежала праздничная одежда, которая приобретала обрядовый статус за счет наличия предметов-маркеров, характерных для участников, игравших в обряде ведущие роли. Наиболее сложным комплексом обладала невеста, неоднократно менявшая костюм на протяжении обряда.

Вещи-знаки считывались как символ обрядовой роли, отличая участников друг от друга разными способами: манерой ношения, цветовой гаммой, наличием либо отсутствием ритуальных предметов одежды. Степень вовлеченности в свадебное действо определяла количество дополнительных знаков в костюме персонажа, а их появление было связано с активными передвижениями в пространстве.

Ритуальные предметы одежды имели особые наименования. Внешние признаки, которые отличали свадебную одежду от повседневной и праздничной, связаны в основном с ее декоративными особенностями. Использование дополнительного декора имело эстетический и защитный характер, максимально актуализированный в костюме невесты. В свадебном контексте одежда выполняла не только маркирующие, но и коммуникативные функции, будучи частью свадебного обмена, который выстраивал социальные взаимоотношения на групповом (родовом) уровне, а вещи выступали в роли медиаторов коммуникации.

Предметом обмена могла становиться готовая одежда либо материал, заготовка для ее изготовления. Между этапами свадьбы и предметами обмена существует связь: для подгото-

вительного этапа (сватовство, рукобитие) характерно использование заготовок или парных предметов, в то время как в кульминационный момент свадьбы обмен осуществляется готовыми изделиями. Предметы обмена различались в зависимости от родственной близости одариваемого.

Изменение статуса основных действующих лиц (жениха и невесты) сопровождалось и телесными практиками – сменой одежды. Жених переодевался в одежду, которую сшила ему невеста. Невеста проходила больше этапов смены одежды, кульминация этого приходилась на обряд формирования женской прически и головного убора.

В ходе свадебного обряда предметы одежды становились объектом демонстрации. Публичная презентация изделий невесты, ее умений и навыков была ориентирована на общественную оценку, закрепление нового статуса и формирование новых социальных связей.

Глобализационные процессы, коснувшиеся традиционной обрядности в XX веке, повлекли за собой существенные трансформации структуры марийской свадьбы, результатом чего стало изменение и предметного наполнения обряда. Как и раньше, марийская свадьба не представляет собой однородного явления и разнится по степени консерватизма. Так, близость к административному центру привела к сильной трансформации обрядности центрального свадебного комплекса луговых марийцев. В то же время восточномарийская свадьба сохраняет ряд устойчивых аутентичных элементов.

В последние годы наметилась тенденция проведения свадьбы-реконструкции. Это направление, а также увеличивающийся интерес к историческим формам марийской одежды открывают новые перспективы ее дальнейшего этнографического изучения.

Как любая серьезная самостоятельная работа, диссертация не лишена некоторых недочетов, среди которых следует обозначить орфографические неточности при написании марийских терминов в тексте исследования и в глоссарии. Например, на с. 28 – невеста – *налшаш ӱдыр* (прав. *ӱдыр*), подруга невесты – *ыдыр гуньыр* (прав. *ӹдыргуньыр*), с. 35 большой зять – *кугу вене* (прав. *кугу веңе*), с. 36 подающий медовуху – *пуро йӱктышо* (прав. *пӱрӧ йӱктышӧ*), с. 37 девушка, стоящая около невесты – *ончыло шогышо* (прав. *ончылно шогышо ӱдыр*), дружка – *арвынге* (прав. *арвингы*), на с. 44 везущие угошение – *пураш марий и пураш вате* (прав. *пӱраш мари, пӱраш вате*) и др.

В тексте исследования иногда не совсем ясно, о какой этнографической группе этноса идет речь. У каждой территориальной группы были и имеются особенности как в сценарии, так и в терминологии свадебной обрядности, желательно бы указывать эти моменты в тексте более четко.

На с. 51 диссертации автор, ссылаясь на Т. Маркелова, пишет: «В центральной части подола рубахи располагался знак *ӧрма*, который вышивала невеста для будущего супруга. Он имел важное значение в свадебной обрядности, поскольку после первой брачной ночи молодая должна была его распороть». Это нонсенс, такого не могло быть. Т. Маркелов не знал марийского языка и неправильно интерпретировал совсем другую ситуацию.

Диссертант достаточно подробно рассмотрела свадебную одежду и атрибуты обряда. Однако в свадебной обрядности как в прошлом, так и в настоящем немаловажную роль играли текстильные предметы интерьера, изготовленные руками невесты. К сожалению, об этом мало сказано в исследовании.

Замечания легко устранимы, рекомендации носят дискуссионный характер, и они нисколько не снижают общей оценки работы. Автору удалось реализовать поставленные цели и задачи исследования. Новизна, актуальность и теоретическая значимость рассматриваемого исследования не вызывают сомнения. Диссертационная работа содержит целый ряд интересных нетривиальных наблюдений над употреблением свадебного костюма и атрибутов, а также их функционированием. Предложенный в работе анализ материала и сформулированные автором научные положения и выводы следует считать обоснованными. Диссертация Песецкой Александры Александровны, несомненно, вносит большой вклад в теорию и методологию исследования свадебного обряда.

Содержание и результаты исследования в достаточной степени отражены в научных ста-

тьях, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ (3 статьи), и в других публикациях (13 статей). Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на различных научных форумах. Автореферат диссертации композиционно и содержательно соответствует тексту диссертации, представляя ее основные параметры.

Диссертация Песецкой Александры Александровны «Одежда в свадебной обрядности марийцев (конец XIX – начало XXI вв.)», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. (Этнология, антропология и этнография), полностью отвечает критериям, указанным в «Положении о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842 с последующими уточнениями, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография.

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 811.511.131

Рец.: Уткина А.Ф. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 2022. 181 с.

© 2022 г. Г.А. Эрцикова

Защита диссертации состоялась 7 июня 2022 года на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, к. 003.

Синтаксис является одной из наименее исследованных областей удмуртской грамматики. В этой связи диссертационная работа А.Ф. Уткиной, посвященная исследованию и описанию структурных и семантических характеристик сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в системе современного удмуртского языка, представляется весьма **актуальной**. Актуальность исследования обусловлена также тем, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, посвященные всестороннему описанию отдельных типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений удмуртского языка; требуется разработка вопросов синтаксической синонимии; не исследованы проблемы удмуртского синтаксиса в диахроническом аспекте. Более того, в условиях удмуртско-русских языковых контактов, оказывающих влияние на функционирование грамматического строя современного удмуртского языка, а также в связи с развитием новых научных подходов к изучению синтаксиса в отечественной и зарубежной лингвистике имеется острая необходимость в комплексном описании сложноподчиненных предложений удмуртского языка в целом и сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения в частности.

Объектом диссертационного исследования является система сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка, **предметом** – удмуртские сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными.

Диссертация обладает несомненной **научной новизной**. В ней впервые в удмуртской лингвистике обобщена и систематизирована история изучения удмуртского синтаксиса; уточнены основные типы сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка; выявлены квантитативные характеристики разных типов придаточных предложений в грамматическом строе удмуртского языка; описаны особенности употребления сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения. Также рассмотрено явление синтаксической синонимии на примере функционирования изъяснительных придаточных предложений исследуемого языка.

Достоверность и обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, обеспечены основательной теоретической и методологической базой, основу которой составляют труды отечественных и зарубежных исследователей по финно-угорскому языкознанию; умелым использованием комплекса общепринятых лингвистических методов. Использование обширного эмпирического материала разных стилей и содержания, извлеченного из художественных произведений классиков удмуртской литературы, изданий научного и учебно-методического характера, дало возможность достаточно полно охватить исследуемые языковые явления, получить объективные и точные результаты.

Основные результаты исследования в достаточной степени отражены в научных публикациях, в том числе в изданиях, реко-

мендованных ВАК РФ (3 статьи) и индексируемых в международной базе данных Scopus (1 статья). Научные положения диссертации апробированы на различных всероссийских и международных научно-практических конференциях.

Теоретическая значимость диссертационной работы обусловлена тем, что результаты исследования изъяснительных сложноподчиненных предложений в удмуртском языке вносят значимый вклад в изучение теоретических аспектов удмуртского синтаксиса, вопросов классификации сложноподчиненных предложений современного удмуртского языка, исследование частных аспектов сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными. Полученные результаты исследования будут использованы в практике преподавания дисциплин по общему языкознанию, синтаксису современного удмуртского языка, а также при разработке учебных пособий по стилистике удмуртского языка, лингвистической типологии, т.е. **практическая значимость** диссертации также очевидна.

Диссертантом обстоятельно продуманы **цель** и **задачи** работы. С целью выявления особенностей структурной и семантической организации сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке автор ставит следующие задачи: 1) описать историю изучения удмуртского синтаксиса в рамках развития лингвистической науки; 2) уточнить основные типы придаточных предложений в современном удмуртском языке; 3) определить содержание понятия сложноподчиненного предложения с изъяснительным придаточным в удмуртском языке; 4) выявить основные типы синтаксических структур, используемых в сложноподчиненных предложениях с изъяснительными придаточными, а также описать характер отношений между частями сложноподчиненного предложения; 5) выявить частотность употребления сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в грамматическом строе удмуртского языка; 6) рассмотреть явление синтаксической синонимии на примере удмуртских изъяснительных придаточных предложений.

Содержание и структура работы логичны, организованы согласно цели и задачам диссертации. Рецензируемая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной научной литературы, источников иллюстративного материала и принятых сокращений.

Во **введении** раскрывается актуальность темы исследования; определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы; обосновывается выбор основных методов и источников исследования; отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации; формулируются положения, выносимые на защиту; даются сведения об апробации результатов исследования, а также общая характеристика структуры и объема диссертационной работы.

В **первой главе** рассмотрены вопросы и положения, связанные с теоретическими аспектами изучения истории синтаксиса сложного предложения в отечественной и зарубежной лингвистике. Выделяются важные для изучения изъяснительных придаточных предложений концепции и подходы, также отдельное внимание уделяется основным принципам классификации сложноподчиненных предложений. Автор работы подчеркивает, что для каждого периода развития лингвистики характерны свои методологические установки и терминологический аппарат, принципы определения базовых синтаксических категорий. На их основе в истории лингвистики принято выделять функциональный (или логико-грамматический), морфологический, формальный (или формально-грамматический), структурно-семантический подходы. Отдельное внимание в данной главе уделяется истории изучения удмуртского синтаксиса, в ней вполне убедительно выделены три этапа.

Вторая глава «Система сложноподчиненных предложений в современном удмуртском языке» посвящена рассмотрению основных типов сложноподчиненных предложений, функционирующих в современном удмуртском языке. Опираясь на структурно-семантический подход классификации сложноподчиненных предложений, автором выделены 11 типов придаточных предложений. Диссертант в данном разделе детально рассматривает

квантитативные характеристики разных типов сложноподчиненных предложений в произведениях удмуртских классиков (Г. Медведева, Г. Перевощикова, Г. Красильникова, С. Матвеева). Результаты исследования наглядно представлены в таблице (с. 71). Они демонстрируют, что в художественных произведениях XX – начала XXI века доминируют сложноподчиненные предложения с условными придаточными, а вторую позицию занимают сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными. Наименьшей частотностью употребления характеризуются сложноподчиненные предложения с придаточными места, меры и количества, образа действия и степени. Вопрос о соотношении разных типов сложноподчиненных предложений в удмуртской лингвистике поднимается впервые. В связи с этим в качестве вопроса хотелось бы уточнить, будет ли указанное соотношение разных типов придаточных предложений характерно для устной речи?

В **третьей главе** «Структурно-семантические характеристики сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в удмуртском языке» исследованы структурные и семантические характеристики сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения; а также изучена природа синтаксической синонимии сложноподчиненных изъяснительных предложений с бессоюзными предложениями и отглагольными беспослеложными и послеложными конструкциями. В данной главе на основе анализа лингвистических данных, извлеченных из текстов удмуртской художественной прозы XX – начала XXI века, с точки зрения семантического наполнения, выделены следующие группы изъяснительных придаточных предложений: а) сообщающие о факте; б) выражающие волеизъявление; в) содержащие вопрос или поиск информации; г) сообщающие о частном аспекте факта.

Автором также выделены три основных типа изъяснительных придаточных предложений: 1) придаточные изъяснительные с союзами *шуыса* ‘что, чтобы’, *будто* (*будто ке*) ‘будто, как будто’, с частицами *-а, меда, -а меда* ‘ли’; 2) придаточные изъяснительные с союзными словами, в роли которых употребляются вопросительно-относительные местоимения и местоименные наречия: *кин* ‘кто’, *ма* (*мар*) ‘что’, *малы* (*марлы*) ‘почему, зачем, с какой целью’, *кызьы* ‘как, каким образом’, *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *ку* ‘когда’, *кудйз* ‘который’, *кыче* ‘какой’, *кöня* ‘сколько’; 3) придаточные изъяснительные с союзными словами, которым соответствуют указательные местоименно-соотносительные слова (*сое... мае* ‘то... что’; *сыӵезэ... кудзэ* ‘такое... что’ и т.п.). Следует отметить, что для наглядности полученные результаты диссертантом представлены в таблицах (с. 87–91, 96, 107, 109), которые четко и основательно подтверждают те или иные выводы.

Отдельное внимание стоит обратить на исследование синтаксической синонимии (раздел 3.4), для которого было проведено специальное анкетирование среди 12 носителей удмуртского языка, а также были проанализированы тексты переводов Евангелий на удмуртский язык Глазовского и Сарапульского наречий 1847 года и их соответствия в современной Библии. Данный вопрос в удмуртской лингвистике подробно анализируется впервые.

В **заключении** представлены достоверные выводы и результаты диссертационного исследования. Основные выводы позволяют составить целостную картину функционирования изъяснительных сложноподчиненных предложений в современном удмуртском языке. Следовательно, задачи исследования успешно выполнены.

Диссертационная работа А.Ф. Уткиной, безусловно, вызывает большой интерес и порождает ряд вопросов, идей для размышления.

1. Язык является динамической системой. На примере анализа эмпирического материала можно ли выявить важнейшие тенденции развития сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными в системе удмуртского языка за последнее столетие?

2. Среди сложноподчиненных предложений удмуртского языка П.Н. Перевощиковым выделены придаточные следствия (с. 38), однако в классификации, предложенной соискателем, они отсутствуют. Чем обусловлен подобный подход?

3. Из диссертационной работы известно, что второй период удмуртского синтаксиса (с 1851 по 1938 год) отличается более при-

стальным вниманием к синтаксической природе языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке (с. 49). Используются ли удмуртские термины синтаксиса того периода в современном удмуртском языке?

В качестве замечания следует отметить следующее.

1. В диссертации рассматривается история изучения синтаксиса сложного предложения в отечественной, зарубежной и удмуртской лингвистике, однако истории изучения синтаксиса в финно-угорских языках в работе по какой-то причине внимание не уделяется.

2. На странице 84 написано, что «отмеченный нами союз *что* в примерах художественной литературы не представлен, так как является заимствованием из русского языка (ср. рус. что)», а на странице 104 отмечено: «еще один заимствованный из русского языка союз *что* (75 словоупотреблений) можно обнаружить в текстах художественной литературы 40–50-х годов XX века, но в настоящее время в литературном языке используется только для репрезентации особенностей речи отдельных персонажей». Чем объясняется такое противоречие?

3. Как отмечено в диссертационном исследовании, с целью выявления синтаксической синонимии диссертантом было проведено специальное анкетирование среди 12 носителей удмуртского языка, относящихся к различным возрастным группам. Считаем, что для наглядности список информантов и анкету с перечнем вопросов можно было представить в виде приложения.

Отмеченные вопросы и замечания имеют частный характер и нисколько не снижают ценность работы, не влияют на общую оценку диссертационного исследования. В целом оппонируемая работа отличается высоким уровнем осмысления проблемы, хорошо разработанной методологией исследования. Диссертация четко структурирована, материал изложен логично; поставленные цель и задачи исследования автором успешно реализованы. Автореферат композиционно и содержательно соответствует тексту диссертации. Положения, выносимые на защиту, аргументированы. Работа Уткиной Александры Филипповны, несомненно, вносит весомый вклад в теорию и методологию исследования синтаксиса в удмуртском языкознании.

Диссертация А.Ф. Уткиной «Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке» является целостным, завершенным самостоятельным научным исследованием. Язык и стиль диссертации соответствуют ее содержанию и структуре. Работа в полной мере отвечает требованиям, указанным в «Положении о порядке присуждения ученых степеней», утвержденном постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. № 842 (в последней редакции), а ее автор, Уткина Александра Филипповна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки).

Эрцикова Галина Алексеевна
кандидат филологических наук,
заместитель директора-ученый секретарь
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

Galina Ertsikova
Candidate of philological sciences
Deputy-director, Scientific Secretary
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

ХРОНИКА

УДК 001+94(470.51) (092)

ПАМЯТИ НИКИФОРА ПАВЛОВИЧА ПАВЛОВА (13.03.1922–18.05.2008). К СТОЛЕТИЮ УЧЕНОГО

© 2022 г. Н.П. Лигенко

Никифор Павлович Павлов – авторитетный специалист по истории крестьянства и одновременно первый исследователь становления автономии удмуртского народа, активный организатор научного сообщества Удмуртии. Как дань памяти и глубокого уважения к ученому и замечательному человеку Никифору Павловичу Павлову коллективом авторов под руководством М.В. Гришкиной была подготовлена и опубликована емкая, неординарная книга под названием: «Быть откровенным, прямым и правдивым…» [2010]. Эти нравственные принципы составляли основное жизненное кредо Никифора Павловича, которым он следовал неукоснительно. Проникнутая воспоминаниями его учеников, соратников, однополчан, друзей, членов семьи книга отразила многостороннюю личность ученого. Важное место в формировании концепции книги заняли также материалы личного фонда (Филиала ГКУ «ЦГА УР» – ГАОПИ. Ф. № 197. 812 ед. хр.) Н.П. Павлова, отразившие сложный жизненный путь, этапы и грани научной и организаторской деятельности.

«Среди научных деятелей Удмуртии имя Никифора Павловича Павлова должно быть выделено особо», – отмечает в своих воспоминаниях кандидат искусствоведения Ариадна Николаевна Голубкова [Быть откровенным, прямым и правдивым… , 2010, с. 31]. Нельзя не отметить, что в лице Н.П. Павлова научный мир приобрел высокий образец ученого-историка и эталон научного руководителя.

Никифор Павлович Павлов родился 13 марта 1922 года в небольшой деревне Удмурт Сюгаил Можгинской волости Елабужского уезда Вятской губернии в удмуртской крестьянской, «бедняцкой» семье. Деревенское детство в условиях разрухи, гражданской войны, сложностей крестьянского труда закалили характер Никифора, наделили редкостным трудолюбием, упорством и терпением, умением преодолевать трудности, брать на себя ответственность. Этнокультура традиционной деревни, микросреда семьи, определяет кандидат философских наук А.А. Разин, позволили подняться Никифору Павловичу до высшей ступени человечности, человеколюбия, порядочности [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 112–113].

Как отмечают ветераны войны и труда, жизненный путь людей, переживших невзгоды Великой Отечественной войны, делится на два периода: довоенный и послевоенный. Довоенный период жизни Никифора выстраивался вне научного поприща. В сентябре 1936 года он поступил в Можгинское педучилище, знаменитую кузницу удмуртских кадров, давшую плеяду известных в будущем замечательных творческих личностей – поэтов, писателей, ученых, педагогов, общественных деятелей. После успешного окончания педагогического училища Никифор Павлович был распределен в Старо-Каксинскую начальную школу. Однако преподавательская деятельность не поглотила полностью молодого человека, в нем заговорила душа художника. Как отмечает Татьяна Никифоровна: «В отце сочетались две натуры. Одна тянулась к научным изысканиям, к скрупулезной выверенности исторических фактов, к строгой, точной их обоснованности. Другая – стремилась к воле, свободе, широкому пространству, выраженной природой, которую отец любил, и через ее элементы: пейзажи, натюрморты – выражал свое внутреннее «я» [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 10]. По-видимому, в выборе дальнейшего профессионального

самосовершенствования определенную роль сыграл учитель рисования, музыки и труда в педучилище – Михаил Алексеевич Курочкин, заметивший в юноше незаурядный талант художника. Следуя своему внутреннему посылу, Никифор Павлович поступил на первый курс Казанского художественного училища имени Николая Ивановича Фешина. Однако учеба в училище была прервана войной.

Юноша подал заявление об уходе добровольцем на фронт. В ноябре 1941 года заявление было удовлетворено, Никифор Павлов был определен на учебу в Винницкие курсы усовершенствования командного состава, эвакуированные в г. Можгу. После их успешного окончания в звании заместителя политрука роты Павлов был отправлен на Крымский фронт, где в составе 276-го полка принимал участие в обороне Керчи и Новороссийска. В 1942 году был тяжело ранен, отправлен на лечение в госпиталь и в марте 1943 года демобилизован по ранению. Его вклад в победу над врагом отмечен орденом Отечественной войны I степени и пятью медалями: «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и двумя медалями за трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны [ГКУ «ЦГА УР» – ГАПИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; Ф. 16. Оп. 4. Д. 9391. Л. 4–16].

В апреле 1943 года Н.П. Павлов начал работать военруком в Верхне-Мельницкой начальной школе. Комсомольцы Можгинского района избрали Никифора Павлова, молодого образованного комсомольца, побывавшего в горниле войны, первым секретарем райкома ВЛКСМ. В 1947 году Удмуртский обком ВЛКСМ направил подающего большие надежды и имеющего перспективы роста на посту руководителя Никифора Павловича на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в Москве. После учебы он руководил Завьяловским РК ВЛКСМ. Как вспоминают современники, Никифор Павлович «отличался принципиальностью и зрелой мудростью, трудился не покладая рук и превозмогая недуги. Часто фронтовые раны давали о себе знать, он вставал на костыли, но ни на один день не оставлял вверенный ему пост» [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 91]. При этом Никифор Павлович одновременно учился заочно на историческом факультете в Удмуртском государственном педагогическом институте. Окончив его с отличием, в 1952 году получил направление в родное Можгинское педагогическое училище, где два года увлеченно преподавал историю и пионерское дело.

Мысль о дальнейшей учебе не оставляла молодого преподавателя, и в 1954 году он, уже имевший семью, в которой появилась дочь, поступил в очную аспирантуру при кафедре истории КПСС Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Напряженная работа над диссертацией дала свои благодатные плоды. На третий год обучения программа аспирантуры была выполнена, кандидатская диссертация на тему: «Борьба КПСС за укрепление кадров машинно-тракторных станций в период пятой пятилетки (1951–1955 гг.)» написана и рекомендована к защите, которая состоялась в 1958 году и прошла успешно [ГКУ «ЦГА УР» – ГАПИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2; Ф. 16. Оп. 4. Д. 9391. Л. 5 об., 6].

В 1958 году, после окончания аспирантуры, Никифор Павлович был приглашен на должность заведующего сектором истории в уникальное и единственное в республике научное учреждение – Удмуртский научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР, где трудился до 1987 года, то есть более 30 лет. В своей организационно-профессиональной научной работе в качестве заведующего сектором истории Никифор Павлович первоначально основную ставку сделал на подготовку сборников документов и обобщающих изданий. Он подчеркивал, что в историческом исследовании главное – это документальная база. Под его руководством сектором истории в сотрудничестве с работниками ЦГА УР было подготовлено несколько сборников документов, в том числе: «Трудящиеся Удмуртии в борьбе с Колчаком» [1959], «Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии» [1959], двухтомный сборник документов «Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» [Ч. 1, 1962; Ч. 2, 1963]. Авторским коллективом в многочисленных архивах страны было выявлено около двух тысяч документов, в том числе: в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, в Центральном государственном архи-

ве Красной армии, в государственных архивах Удмуртской, Татарской АССР, Кировской области, в партийных архивах Удмуртского и Кировского обкомов КПСС, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Кроме того, произведена тщательная подборка документов на страницах периодической печати. Все материалы, не вошедшие в состав сборников документов, хранятся в фонде Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удм. ФИЦ УрО РАН [НОА УИИЯЛ Удм. ФИЦ УрО РАН, РФ. Оп. 2-Н. Д. 90, 91, 92, 93, 96].

Сборники документов стали серьезной базой для подготовки второго тома «Очерков истории Удмуртской АССР». Сектор истории стал подлинным штабом по разработке послеоктябрьской истории Удмуртии. Авторский коллектив, в который входили все преподаватели кафедр истории КПСС вузов республики и кафедры истории УГПИ, экономисты, лингвисты, литераторы, объединял 25 ученых республики [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 94]. «Очерки…» вышли в свет в 1962 году, получили положительную оценку общественности и вплоть до 2005 года были единственным обобщающим трудом по советской истории Удмуртии. В 1964 году заметные успехи и достижения историков Удмуртии были отмечены на страницах ведущего профессионального журнала советских историков «История СССР» [1964, с. 227–228].

В связи с расширением научной и координационной деятельности института в 1967 году встал вопрос об учреждении в нем должности заместителя директор по научной работе. Единогласно на эту должность был избран Никифор Павлович. Он воспринял эту миссию как ответственность за развитие науки Удмуртии в целом, поскольку УдНИИ являлся в то время координирующим центром исторической, экономической и лингвистической науки в Удмуртии. Очередной плановой задачей института являлась разработка истории партийной организации Удмуртии. Вся большая организаторская и научная работа вновь легла на плечи Никифора Павловича. В подготовке коллективной монографии приняло участие 19 авторов: историки, экономисты и ветераны партии. Рукопись прошла серьезную апробацию в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в МГУ, на кафедрах КПСС вузов Ижевска, а также Удмуртского ОК КПСС. «Очерки истории Удмуртской организации КПСС» вышли в свет в 1968 году. И вполне справедливо, что за долголетнюю безупречную работу и значительные успехи в разработке истории Удмуртской АССР в 1970 году Н.П. Павлову было присвоено звание «Заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР». Важным событием в научной деятельности Никифора Павловича было его участие в 1970-е годы в XIII Международном конгрессе исторических наук и IV Международном конгрессе финно-угроведов.

Проблематика собственно научно-исследовательской работы Никифора Павловича довольно разнообразна. Он автор более 170 опубликованных работ. С конца 60-х годов XX века в исследовательской работе Павлова обозначилась и постепенно вышла на первый план аграрная проблематика – сельское хозяйство и крестьянство Удмуртии в послевоенный период. Шаг за шагом ученым была создана широчайшая комплексная источниковая база, документы которой в основном впервые вводились в научный оборот, – это материалы статистических сборников, годовые отчеты колхозов, протоколы собраний, данные анкетных опросов. В ходе анализа содержания документов ученым была выработана новая методика работы с ними на междисциплинарном историко-социологическом уровне [Павлов, 1975, с. 13–18]. Итогом напряженной работы на стыке двух наук стала вышедшая в 1975 году монография «Крестьянство Удмуртии. 1946–1970. Историко-социологические очерки» [Павлов, 1975]. Монографическое исследование ученого УдНИИ получило высокую оценку в рецензиях, опубликованных на страницах ведущих научных журналов страны: «История СССР» [1976, с. 171–176] и «Социологические исследования» [1976, с. 225]. Продолжая и углубляя изучение аграрной истории Удмуртии, ученый нашел новый ракурс ее освещения, сосредоточив внимание на протоколах колхозных собраний за 1946–1970-е годы. В 1977 году Н.П. Павловым на заседании диссертационного совета Института истории СССР АН СССР была успешно защищена докторская диссертация по теме «Колхозная демократия – действенное средство укрепления общественной собственности (1946–1970 гг.)» Официальный

оппонент член-корреспондент АН СССР Дмитрий Михайлович Кукин высоко оценил исследование: «Диссертация Н.П. Павлова имеет большое теоретическое и практическое значение. Содержащиеся в ней обобщения и выводы вносят определенный вклад в разработку послевоенной истории колхозного крестьянства, ряда методологических вопросов» [ГКУ «ЦГА УР» – ГАПИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 334. Л. 9]. Следует отметить, что в истории УдНИИ Н.П. Павлов был первым по исторической дисциплине доктором исторических наук.

Диссертационная работа вылилась в создание последующей монографии – «Колхозная демократия – действенное средство укрепления общественной собственности (1946–1970)» (1984). Разработка проблемы потребовала большого труда: в научный оборот было введено более 1500 протоколов колхозных собраний по шести базовым и 35 другим хозяйствам республики.

Параллельно с серьезной исследовательской работой по аграрной истории и предельно-насыщенной научно-организационной деятельностью Никифор Павлович с конца 60-х годов прошлого века вел тему персоналий, раскрывая судьбы выдающихся партийных, государственных и общественных деятелей, верных сынов удмуртского народа, стоявших у истоков его автономии: Иосифа Наговицина [1988], Ивана Волкова [1991], Максима Прокопьева в соавторстве с П.К. Поздеевым [Павлов, Поздеев, 1983], Трофима Борисова [1994], Кузебая Герда [2004]. Уже в этот исторический период ученый применял методики нового в советской исторической науке антропологического направления через призму дисциплинарного подхода, истории повседневности, жизненной истории и одного из его эффективных методов – просопографии. Тема о значительной роли личности в историческом процессе прошла красной нитью через всю исследовательскую деятельность ученого. Данные изыскания легли в основу разработки проблемы национально-государственного строительства в Удмуртии, этапов его развития. Наиболее полно концепция проблемы становления автономии удмуртского народа представлена в научно-популярной книге «Удмуртская республика – детище Октября», научной статье: «Образование и деятельность Удмуртского комиссариата» [История СССР, 1971, с. 121–133] и в последней его монографии «Самоопределение, автономия: идеи, реалии» [Павлов, 2000]. Вновь поднятая Н.П. Павловым серьезная проблема в региональной историографии получила самое пристальное внимание и положительную оценку в рецензиях профессора В.Г. Томшич [1972, с. 56], кандидата исторических наук В.Г. Гусева [1977, с. 51–52], докторов исторических наук А.И. Суханова [1977, с. 135] и А.А. Тронина [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 138–141].

Рецензенты монографических исследований сходятся во мнении, что труды Н.П. Павлова отличаются глубиной содержания, широтой охвата проблем, оригинальным подходом к их решению с использованием традиционных и новаторских методов исторической и социологической наук. Историографами отмечается, что научные работы Никифора Павловича Павлова создали прочный фундамент в изучении послеоктябрьской истории Удмуртии. В них поставлены и раскрыты основополагающие проблемы: история сельского хозяйства и крестьянства, история создания и развития государственности удмуртского народа. Благодаря Никифору Павловичу 25-летний отрезок развития крестьянства Удмуртии в региональной историографии оказался едва ли не единственным периодом, изученным довольно полно [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 135].

Научные достижения Никифора Павловича нашли правительственную поддержку: ученый был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР. В характеристике-представлении отмечалось: «Научные работы характеризуют тов. Павлова Н.П. как одного из лучших специалистов по истории местного края». Признанием большого общественного звучания его книг, его вклада в формирование и повышение самосознания удмуртского народа стало присвоение ему в 2002 году ассоциацией «Удмурт Кенеш» премии имени Трокая Борисова, в 2008 году – имени Кузебая Герда.

В развитии региональной историографии значительную роль сыграли проблемные советы по советскому и дореволюционному периоду, созданные в 1986 году при секторе

истории Института под руководством Никифора Павловича. В состав советов вошли ученые секторов истории и археологии: М.А. Садаков, М.В. Гришкина, Н.П. Лигенко, К.И. Куликов и известные историки, преподаватели УГПИ В.Е. Майер, Б.Г. Плющевский, А.Н. Вахрушев, А.А. Александров. М.М. Мартынова. В ходе их заседаний были подведены итоги развития историографии истории Удмуртии, выявлены малоизученные и неисследованные проблемы. Для дальнейшей более продуктивной работы были созданы авторские коллективы по отдельным проблемам и координационный комитет по систематизации научных тем, которые рекомендовались бы в качестве докторских, кандидатский диссертаций и дипломных работ. Н.П. Павлов был избран председателем совета и в последующие годы успешно претворял в жизнь поставленные задачи. Результатом плодотворной работы научных объединений являлись вышедшие в свет сборники статей, монографии и, наконец, долгожданный трехтомник «Истории Удмуртии», изданный уже в 2004–2005 годах, а также активизация пополнения кадрами научного сообщества Удмуртии.

Подготовка высокопрофессиональных специалистов для института по самым различным дисциплинам стала одним из главных стратегических направлений в организационной деятельности заместителя директора по научной работе. Благодаря планомерной, каждодневной, глубоко продуманной работе он создал научную историческую школу, а также основательный *междисциплинарный коллектив* ученых УдНИИ. Абсолютное большинство сотрудников института, которые работали в нем в 60–90-е годы XX века, были выявлены, нацелены, устроены в целевую аспирантуру Никифором Павловичем. Благодаря неустанным трудам и заботе Н.П. Павлова с наукой связали свою жизнь М.Г. Атаманов, С.Н. Виноградов, Т.Г. Владыкина, А.Н. Голубкова, М.В. Гришкина, Л.Н. Долганова, Б.Ш. Загуляева, Т.И. Зайцева, М.Г. Иванова, В.М. Ившина, М.К. и Б.И. Каракуловы, Л.Е. Кириллова, В.К. Кельмаков, К.М. Климов, А.Н. Кутявин, Н.П. Лигенко, Г.А. Никитина, Р.Ш. Насибуллин, И.П. Поздеева, А.А. и Р.А. Разины, Н.А. Родионов, Л.И. Савельева, М.Т. Слесарева, С.В. Соколов, З.В. Суворова, Е.А. Трофимова, А.Н. Уваров, Л.П. Федорова, Л.С. Христолюбова, Г.К. Шкляев, Л.Ф. Шкляева, Е.Ф. Шумилов, Ю.Г. Юминов, А.В. Яковлев и др.

Большое внимание уделялось внутренней идеологии и уровню теоретической базы сотрудников института. Довольно серьезные вопросы поднимались на ежемесячных политических занятиях, бессменным руководителем которых был Никифор Павлович. В свое время важное место в общественной и пропагандистской работе отводилось Всесоюзному обществу «Знание» по распространению научных и политических знаний. Никифор Павлович как внештатный пропагандист Первомайского райкома КПСС внес большой вклад в повышение статусности и научно-организационного уровня в деятельности общества. Кроме того, он вел серьезную научную и организационную работу за пределами республики. Н.П. Павлов стоял у истоков формирования объединения историков-аграрников Среднего Поволжья, был членом координационного совета, неизменным участником сессий, проходивших в разных городах Среднего Поволжья в 70–80-х годах XX века. Он ввел в это объединение и научных сотрудников УдНИИ (М.В. Гришкина, Н.П. Лигенко), апробировавших в докладах и статьях результаты своих исследований по аграрной истории, вылившиеся позднее в монографические работы.

Гармоничность личности Никифора Павловича проявлялась во всем, одарен он был щедро. Видел и ценил великолепие природы и богатство внешнего мира, тонко чувствовал музыку, обладал незаурядным талантом художника и фотографа. Как-то спросили Никифора Павловича, как удается ему сохранять юношескую стройность, энергию и способность много трудиться. Он полушутя ответил: «Моя тайна в том, что я беру у природы только то, что в изобилии дано всем: свежий воздух, солнечные лучи, влагу дождя и силу земли» [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 109]. Меломан, художник, заядлый грибник, он умел работать и отдыхать, при этом, как отмечает дочь, во всем царила дисциплина.

И, конечно же, крепостью и надежным тылом его была семья: жена Мария Моисеевна, ветеран Великой Отечественной войны, долгое время проработавшая в Министерстве

социального обеспечения УАССР, дочь Татьяна Никифоровна, сегодня один из ведущих кардиологов кардиоцентра, врач высшей категории, кандидат медицинских наук, имеющая большой авторитет не только в нашей республике. Высокий профессионализм, широкая известность и востребованность сочетаются с предельной скромностью и искренностью, дорогими в наше время качествами. «Что ни вспомнишь в жизни, на всем везде след отца, его неназойливое воспитание на собственных примерах», – вспоминает Татьяна Никифоровна [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 16].

Личность и деятельность Никифора Павловича в какой-то мере отражены в воспоминаниях учеников, соратников, коллег, друзей и родных. Так, Маргарита Владимировна подчеркивала: «Будучи сыном удмуртского народа, всей своей жизнью и деятельностью Никифор Павлович явил яркий пример воплощения нравственных устоев удмуртского крестьянства». [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, 106]. Как сказал Альберт Алексеевич Разин: «Такие люди являются «человеческим капиталом общества, резервным фондом возрождения нации» [Быть откровенным, прямым и правдивым... , 2010, с. 124].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Быть откровенным, прямым и правдивым… / сост. М.В. Гришкина. Ижевск: Удмуртия, 2010. 294 с.

Гусев В.Г. Развитие науки в Удмуртии. Технические и естественные науки. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1977. С. 51–52.

История СССР. 1976. № 6. С. 171–176.

Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удм. ФИЦ УрО РАН (НОА УИИЯЛ Удм. ФИЦ УрО РАН) РФ. Оп. 2-Н. Д. 90, 91, 92, 93, 96.

Островский В.Б., Клопыжников М.С. Н.П. Павлов. Крестьянство Удмуртии. 1946–1970 гг. Историко-социологические очерки. Ижевск: Удмуртия, 1975. 244 с.

Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 396 с.

Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. Т. II. 388 с.

Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1968. 383 с.

Павлов Н.П. Колхозная демократия – действенное средство укрепления общественной собственности (1946–1970). Ижевск: Удмуртия, 1984. 240 с.

Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946–1970. Историко-социологические очерки. Ижвск: Удмуртия, 1975. 242 с.

Павлов Н.П. Образование и деятельность Удмуртского комиссариата // История СССР. 1971. № 6. С. 121–133.

Павлов Н.П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск: Удмуртия, 2000. 224 с.

Павлов Н.П. И.А. Наговицын. 3-е изд. Ижевск: Удмуртия, 1988. 176 с.

Павлов Н., Поздеев П. Максим Прокопьев. К столетию поэта-революционера. Ижевск: Удмуртия, 1983. 96 с.

Павлов Н. Максим Прокопьев: Документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1993. 160 с.

Павлов Н.П. Иван Волков: Документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1991. 240 с.

Павлов Н.П. Трофим Борисов. Научно-документальный очерк. Ижевск: Удмуртия, 1994. 304 с.

Павлов Н.П. Кузебай Герд – сын эпохи. Ижевск: Удмуртия, 2004. 116 с.

Социологические исследования. 1976. № 4. С. 225.

Суханов А.И. Изучение и освещение истории Удмуртии в условиях развитого социализма // Историография истории Удмуртии. Ижевск, 1977. С. 112–158.

Томшич В.Г. Очерки по историографии Удмуртской партийной организации. Ижевск, 1972. 56 с.

Трудящиеся Удмуртии в борьбе с Колчаком. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 86 с.

Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ч. 1. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 332 с.; Ч. 2. Ижевск, 1963. 269 с.

Удмуртская республика – детище Октября. Ижевск: Удмуртия, 1980. 116 с.

У историков Удмуртии // История СССР. 1964. № 2. С. 227–228.

Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 536.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики – Государственный архив общественно-политической истории (ГКУ «ЦГА УР» – ГАПИ). Ф.197. Д. 1; Ф. 16. Оп. 4. Д. 9391.

Лигенко Нэлли Павловна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: ligenko@udman.ru

Nelli Ligenko
Doctor of Historical Sciences
Leading researcher of the Udmurt Institute
of History, Language and Literature,
UdmFRC of the Ural Branch of RAS,
Izhevsk
e-mail: ligenko@udman.ru

УДК 821.511.151.0

110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. АСЫЛБАЕВА

© 2022 г. Н.А. Федосеева

В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения известного исследователя марийской литературы и писателя Ахмета Асылбаевича Асылбаева. Родился он в крестьянской семье 15 июня 1912 года в д. Байгельде (Елтек) Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Дюртюлинский район Республики Башкортостан). В 9 лет остался круглым сиротой (мать умерла в 1918 году, отец – в 1921 году), воспитывался у братьев и сестер. С 1925 по 1930 год учился в Бирском педагогическом техникуме, затем с 1931 по 1935 год в Марийском педагогическом институте. Получив диплом по специальности «Язык и литература» с присвоением квалификации «Преподаватель средней школы по предмету марийский язык и марийская литература», работал в аппарате Марийского обкома ВЛКСМ. Через год его как специалиста, хорошо знающего татарский язык, направили директором в Параньгинское педагогическое училище.

В 1939 году А.А. Асылбаев вернулся в Йошкар-Олу и поступил в Марийский научно-исследовательский институт на должность научного сотрудника. В сентябре 1940 года А. Асылбаев перешел работать в Марийский педагогический институт, где читал лекции по марийской литературе. С августа 1941 по март 1942 года работал в редакции газеты «Марий коммуна», откуда был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. В ноябре того же года демобилизовался по болезни и до 1946 года работал заведующим Марийским книжным издательством, затем вернулся на работу в МарНИИ, где трудился около 15 лет. Его назначили ученым секретарем-заместителем директора института по научной работе.

Ахмет Асылбаев является составителем программ, учебных пособий по марийской литературе для школ. Этой работой он занимался более сорока лет. Первая «Книга для чтения» («Лудшаш книга») для 7-го класса издана совместно с С.И. Ибатовым в 1942 году. Некоторые учебники, хрестоматии, программы писались в соавторстве с С.Н. Николаевым, И.Ф. Андреевым, Т.Г. Апатеевой, А.И. Кузнецовым, Л.И. Ивановым и переиздавались несколько раз.

Асылбаев А.А. вел большую работу по изучению и популяризации творчества М. Шкетана. Этой темой он начал интересоваться будучи студентом Марийского пединститута. Успешно защитив дипломную работу о творчестве М. Шкетана, молодой исследователь опубликовал ее в двух номерах журнала «У вий» («Новая сила») в 1935 году. Учился Ахмет Асылбаев у известного марийского писателя и критика Иосифа Архиповича Шабдарова (известного под псевдонимом Шабдар Осып), который в то время работал в пединституте преподавателем. Литературовед вспоминал, что он пришел в марийскую литературу именно благодаря Шабдару Осыпу.

Асылбаев А.А. написал статьи о творчестве С. Чавайна, Г. Ефруша, А. Айзенворта, М. Казакова, И. Стрельникова, Ф. Маслова, проанализировал романы М. Шкетана «Эренгер» и Н. Лекайна «Кугезе мланде» («Земля предков») и др. Большинство его статей опубликовано в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Ончыко» («Вперед»), а некоторые напечатаны в 1957 году в сборнике «Марий литература нерген статья-влак» («О марийской литературе. Сборник литературно-критических статей»). А. Асылбаевым подготовлено собрание сочинений классика марийской словесности М. Шкетана в 4-х томах (1962). Он является одним из авторов двухтомника «Очерки истории марийской литературы» (1960, 1963), а также одним из составителей «Марийско-русского словаря» (1954) и орфографического словаря марийского языка (1954).

В 1959 году на марийском языке вышла его монография «Чавайн С.Г.: илышыж ден творчествыже» («Жизнь и творчество С.Г. Чавайна»), а в 1963 году – на русском языке под названием «Сергей Чавайн. Очерк жизни и творчества». Автором рассмотрено дореволюционное творчество классика марийской литературы, отдельные главы посвящены поэзии, прозе, драматургии писателя. Он отмечает, что творчество С. Чавайна – это большой этап развития марийской литературы, а его творческое наследие имело большое положительное воздействие на развитие всей марийской словесности.

Таким образом, литературоведческие работы Ахмета Асылбаева можно объединить в несколько групп: 1) труды, посвященные творчеству марийских писателей; 2) исследования, характеризующие определенный этап развития марийской литературы; 3) статьи-размышления о новом прочтении того или иного классического произведения марийской словесности; 4) статьи мемуарного характера, раскрывающие неизвестные стороны литературной жизни Марийского края.

С 1961 года до выхода на пенсию в 1972 году А. Асылбаев возглавлял журнал «Ончыко». С 1972 года он полностью погружается в творческую работу писателя. Его художественные произведения публиковались под псевдонимом Ахмет Асаев. Итогом многолетнего труда стал роман «Ошвичыжат-йўксыжат» («Лебеди бельские», 1962–1970), который издан в 1971 году. Русский вариант романа под названием «Земное притяжение» увидел свет раньше, в 1968 году. Книга вызвала оживленные споры в литературной среде. Критиками отмечено, что А. Асаев продолжил славные традиции М. Шкетана [Черных, 1970, с. 109]. С. Ибатов провел параллель с романом марийского классика М. Шкетана «Эрен̆ер» [1972, с. 107]. Произведение богато фольклорными текстами, они умело вплетены в сюжет романа. Следует заметить, что в этом произведении (оно написано во времена «хрущевский оттепели») впервые в истории марийской литературы поднята тема политических репрессий 1930-х годов.

Асылбаев А.А. работал также в жанре драматургии. Наиболее известны его драмы «Товатлыме куэ» («Клятвенная береза», 1967), написанная на основе романа «Ошвичыжат-йўксыжат», и «Ӱжара мурызо» («Певец зари», 1977), посвященная основоположнику марийской словесности С.Г. Чавайну.

Ахмет Асылбаевич был членом Союза писателей СССР с 1943 года. За заслуги в развитии марийской литературы и печати награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Марийской АССР и Республики Марий Эл (1957, 1962, 1997). В 1982 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Марийской АССР». Умер 16 ноября 1999 года.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ АХМЕТА АСЫЛБАЕВА

Марий литература нерген: статья-влак (О марийской литературе: Сборник литературно-критических статей). Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1957. 168 с.

Чавайн С.Г.: илышыж ден творчествыже (Жизнь и творчество С.Г. Чавайна). Йошкар-Ола: Кн. лукшо марий изд-во, 1959. 240 с.

Сергей Чавайн: очерк жизни и творчества. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. 144 с.

Зарождение и развитие марийской литературы в период 1905–1929 годов // Очерки истории марийской литературы. Ч. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. С. 53–100.

Шкетанын творчествыже // У вий. 1935. № 6. С. 83–103; № 7–8. С. 101–120.

Казаков Миклайын творчествыже // Пиалан илыш. 1940. № 2. С. 190–199.

М. Шкетанын юморжо нерген // Пиалан илыш. 1941. № 1. С. 177–183.

Военный коммунизм жапысе марий литература // Родина верч. 1942. № 1. С. 127–154.

Отечественный война жапысе марий литература // Родина верч. 1944. № 5. С. 88–115.

20–30 ийласе марий литература нерген обзор // Родина верч. 1945. № 1. С. 128–139.

Отечественный война жапысе марий драматургий // Родина верч. 1945. № 3. С. 89–101.

Поэтын кушмыжо (Вишневскийын творчествыжлан обзор) // Родина верч. 1945. № 3. С. 102–110.

М. Шкетанын прозыжо // Марий альманах. 1948. № 22. С. 131–159.

М. Шкетанын «Кодшо румбык» пьесыже // Марий альманах. 1949. № 23. С. 140–155.

Йӧратыме поэзий // Пиалан илыш. 1951. № 31. С. 5–11.

Возен шуктыдымо кок повесть // Пиалан илыш. 1951. № 33. С. 139–159.
Георгий Ефруш // Пиалан илыш. 1953. № 38. С. 152–166.
«Вич полмезе» // Ончыко. 1954. № 6. С. 76–77.
Кумло ий (И.Н. Стрельниковын творчествыже нерген) // Ончыко. 1955. № 3. С. 99–102.
Сеҥымаш корныштo // Ончыко. 1956. № 1. С. 89–95.
Марий учёныйлан – 75 ий // Ончыко. 1958. № 1. С. 95–98.
Марий поэт Н.С. Мухин // Ончыко. 1959. № 1. С. 93–95.
Прокопий Карпович Карпов // Ончыко. 1961. № 4. С. 105–106.
Сай традиций ок мондалт (С.Г. Чавайнлан 75 ий темме лӱмеш) // Ончыко. 1963. № 5. С. 64–67.
Я. Элексейн дене // Ончыко. 1963. № 6. С. 90–100.
У пӧлек («М. Шкетанын публицистикыже» книга нерген) // Ончыко. 1966. № 6. С. 107–109.
Тудо 60 ийым темен (А. Ток нерген) // Ончыко. 1967. № 5. С. 109.
Кугу пӧлек // Ончыко. 1968. № 5. С. 39–42.
Коммунист, поэт, воин (Шадт Булат нерген) // Ончыко. 1969. № 6. С. 108–109.
Эртен толмо корно (С. Ибатовлан 60 ий) // Ончыко. 1970. № 3. С. 87–89.
Н.С. Мухин лӱмеш // Ончыко. 1970. № 6. С. 102–104.
Мут мастар. Тыныш Осыпын шочмыжлан – 90 ий // Ончыко. 1983. № 1. С. 82–84.
Лӱмжӧ ок мондалт. Йыван Кырлян шочмыжлан – 80 ий // Ончыко. 1989. № 1. С. 92–99.
У шинча ончалтыш кӱлеш. Соцреализм нерген ойнам умбакыже шуена // Ончыко. 1991. № 6. С. 144–149.
Ушыштем тачат ила // Ончыко. 1993. № 5. С. 168–170.
«Ото» нерген мут // Ончыко. 1997. № 2. С. 142–149.
Илыш да сылнымут. М. Шкетанын шочмыжлан 100 ий темме вашеш // Ончыко. 1998. № 8. С. 122–135.
«Элнет» романет, Марий Элет // Ончыко. 1998. № 9. С. 118–127.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив МарНИИЯЛИ. Личное дело Асылбаева Ахмета Асылбаевича. № 21.
Ибатов С. Тошто гыч у шочеш (А. Асылбаевлан 60 ий темме лӱмеш) // Ончыко. 1972. № 3. С. 105–112.
Черных С. Марий роман – кушмо корныштo // Ончыко. 1970. № 3. С. 104–112.

Федосеева Надежда Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: fedna74@mail.ru

Nadezhda Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences, Chief Researcher
Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: fedna74@mail.ru

ХРОНИКА НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2022 ГОД

Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России. Согласно документу, Год культурного наследия народов России проводится «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ». Журнал «Финно-угроведение» предлагает вниманию читателей хронику основных научных и культурных мероприятий финно-угорского мира, проведенных в 2022 году.

10–11 февраля, г. Ижевск	В институте Удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета прошла II Международная научная конференция «Актуальные проблемы удмуртоведения в свете компаративистики, контактологии и типологии языков и литератур», посвященная 80-летию профессора В.К. Кельмакова, крупного специалиста в области финно-угорского языкознания.
26 февраля, г. Ижевск	Презентация монографии «Марийцы Удмуртии». В книге представлены историко-этнографические материалы, отражены аспекты истории, материальной и духовной культуры мари.
28 февраля, д. Байтеряково, Удмуртская Республика	Торжественное открытие года Культурной столицы финно-угорского мира 2022 года.
19 марта, г. Йошкар-Ола	Марийский форум на тему «Роль медиа в сохранении культурного наследия». В форуме приняли участие главные редакторы и журналисты, общественники и медиаэксперты.
6–7 апреля, г. Нарьян-Мар	Всероссийский форум коренных малочисленных народов Севера. Мероприятие объединило представителей Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Мурманской области и Алтайского края. Были рассмотрены вопросы социально-экономического развития коренных народов округа, обсуждены темы сохранения родных языков и культур, национальных видов спорта, развития этнотуризма.
8 апреля, д. Нижний Сырьез, Удмуртская Республика	Межрегиональный форум финно-угорских женщин «Женщина – хранительница культурного наследия своего народа». Обсуждались вопросы, касающиеся роли женщины в сохранении культурного наследия народа, передачи из поколения в поколение ценностей народа, воспитания детей, сохранения языка, культуры, здорового образа жизни. Организаторы – Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш», Республиканский совет женщин-удмурток «Удмурт нылкышно кенеш».
11 апреля, г. Москва	Заседание Президиума Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». В мероприятии приняли участие представители финно-угорских общественных организаций, учреждений культуры, науки и высшего образования из Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Удмуртской Республики,

	Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, а также города Москвы. Члены президиума обсудили и приняли план работы Ассоциации на 2022 год, наметили проведение крупных мероприятий в 2023 году.
23–27 апреля, г. Вена, Австрия	Студенческая финно-угорская конференция ИФУСКО собрала на своей площадке молодежь со всего финно-угорского пространства и не только, людей неравнодушных к языкам, культурам и развитию финно-угорских народов. В течение трех дней участники представляли доклады на этническую тематику, делились опытом продвижения и развития своей культуры, культурных брендов и языков своих регионов.
25 апреля, г. Йошкар-Ола	Презентация этнографического сборника «Свадебные обряды марийцев» из серии «Этнографическое наследие», выпущенного Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Составитель – О.А. Калинина. К мероприятию была приурочена творческая мастерская, в которой демонстрировались обряды, театрализованные представления свадеб этнических групп мари.
26 апреля, г. Йошкар-Ола	В Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева состоялась презентация «Словаря эпитетов марийского языка», который является вторым из серии словарей нового типа: лексикографический труд, представляющий выразительные ресурсы, составлен на основе Национального корпуса марийского языка. Первым таким трудом был «Словарь сравнений марийского языка». Авторы – Л.А. Абукаева, А.В. Чемышев, А.А. Митрускова.
25–26 апреля, г. Саранск	Международная научно-практическая конференция «58-е Евсевьевские чтения», посвященная 60-летнему юбилею Мордовского государственного педагогического университета.
17 мая, г. Нижнекамск	Фестиваль культуры финно-угорских народов «Мы – финно-угры, мы – одна семья!». В Доме народного творчества были организованы выставки предметов культуры и быта финно-угорских народов, состоялась презентация национальных блюд, выступили фольклорные ансамбли.
19–21 мая, г. Саранск	XXXI Всероссийский фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья.
23–29 мая, г. Йошкар-Ола	XIV Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул» состоялся в рамках Года культурного наследия народов России. Гран-при фестиваля получил спектакль Марийского национального театра драмы им. М. Шкетана «Югорно».
29 мая, г. Йошкар-Ола	V Межрегиональный молодежный фестиваль этно-групп и национальных вокально-инструментальных ансамблей. В фестивале приняли участие 11 творческих групп из Татарстана и Республики Марий Эл.
9–10 июня, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция «Марийская Традиционная Религия: история и современность», посвященная Году культурного наследия народов России. Форум собрал более 90 участников из разных регионов России: Марий Эл, Башкортостана, Татарстана, Мордовии, Удмуртии, Чувашии, Свердловской области, Пермского края, а также из г. Москвы, г. Пензы, г. Самары. На научном форуме обсуждались такие вопросы, как эволюция и трансформация мифологических и религиозных воззрений народов Урало-Поволжья, место и роль традиционной религии в истории марийского этноса, религиозные обряды в историко-культурологическом осмыслении, общее и особенное в религиозной практике мари различных территориальных групп, Марийская Традиционная Религия и общество.

20–25 июня, г. Петрозаводск	Образовательная сессия по языку и культуре вепсов на базе Ресурсного медиацентра карелов, вепсов и финнов.
2 июля, д. Тервеничи, Ленинградская область	XXX Областной праздник вепсской культуры «Enarne Ma» («Зов земли родной»).
2 июля, д. Старые Быги, Удмуртская Республика	VIII Международный фестиваль финно-угорской кухни «Быг-Быг» собрал около 7 тысяч гостей. Жители разных регионов представили свою национальную кухню.
9 июля, с. Чукалы, Республика Мордовия	Национальный мордовский праздник «Раськень Озкс». В основе праздника лежит древний эрзянский обряд, представляющий собой всенародное моление, уходящее своими корнями в языческие времена.
9–13 июля, д. Сардаял, Республика Марий Эл	XIV Всероссийский слет марийской молодежи объединил участников из Башкортостана, Татарстана, Удмуртии, Марий Эл, Кировской и Нижегородской областей. В рамках слета состоялись лекции, арт-гостиные, встречи с экспертами, мастер-классы.
13 августа, с. Подлесная Тавла, Республика Мордовия	Фестиваль финно-угорского смеха и юмора «Кулдор-калдор». В мероприятии участвовали представители Мордовии, Удмуртской Республики, Пермского края, Московской и Пензенской областей.
13 августа, Килемарский район, Республика Марий Эл	XIV Межрегиональный фольклорно-этнографический праздник «Земля предков». На праздник приехали 3,5 тысяч гостей из Марий Эл, Татарстана, Чувашии, Нижегородской и Кировской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов. Близ устья реки Кучмыж традиционно развернулась ярмарка декоративно-прикладного искусства. Организаторами были подготовлены спортивные, танцевальные, игровые площадки, подворья.
19 августа г. Лихославль, Тверская область	II Международная научно-практическая конференция «Тверские карелы: две культуры – одна родина», посвященная 405-летию переселения карел на тверские земли.
18–20 августа, г. Алушта, Республика Крым	V Фестиваль культур финно-угорских народов в рамках мордовского праздника «Шумбрат».
20 августа, п. Медведево, Республика Марий Эл	Межрегиональный фестиваль-конкурс традиционного народного творчества и вятско-марийской дружбы «Моя малая Родина». На празднике собралось около 40 творческих коллективов.
20 августа, г. Ухта, Республика Коми	Международный фестиваль-праздник «Финноугория. Ёртасян кытш».
21–26 августа, г. Вена, Австрия	XIII Международный конгресс финно-угроведов (CIFU XIII). Первоначально он планировался еще в 2020 году, срок его проведения дважды переносился, и многие его симпозиумы прошли онлайн в 2020–2021 годах в качестве «предконгресса». Одной из центральных целей XIII Конгресса CIFU являлось привлечение внимания к финно-угроведению как к области научного исследования за пределами национальных и этнополитических исследовательских программ. Следующий XIV Международный конгресс финно-угроведов (CIFU XIV) пройдет в Тартуском университете (Эстония) в 2025 году.

24–28 августа, г. Саранск	Всероссийский молодежный межнациональный лагерь «Диалог культур». Участниками лагеря стали 150 представителей из числа талантливой молодежи со всей страны.
25 августа, г. Казань	В рамках форума Общественной палаты Российской Федерации «Сообщество» (г. Казань, МВЦ «Казань Экспо») состоялось секционное заседание на тему «Языки народов России: сохранение и развитие». Собравшиеся на нем представители научного сообщества, эксперты, общественники обсудили актуальные языковые проблемы коренных малочисленных народов, вопросы национальной политики России в области сохранения этнокультурного и языкового многообразия, вклада бизнеса в сохранение и продвижение нематериального культурного наследия коренных народов.
28 августа, д. Сигово, Псковская область	XV Международный этнокультурный фестиваль народа сету (сето) «Сетомаа. Семейные встречи».
8 сентября, г. Санкт-Петербург	VII Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов «Напевы северного ветра».
15 сентября, г. Бирск	Межрегиональная научно-практическая конференция «Современные аспекты развития культуры и образования в поликультурном пространстве» в рамках мероприятий, посвященных 105-летию I Съезда марийского народа и недели памяти доктора физико-математических наук Усманова Салавата Мударисовича.
16 сентября, г. Чебоксары	Всероссийская научно-практическая конференция «Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья», посвященная 200-летию со дня рождения востоковеда, педагога, миссионера и просветителя восточных народов России Николая Ивановича Ильминского.
16–17 сентября, г. Ижевск	Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай» и Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН 16–17 сентября 2022 года провели IV Международный полевой этнографический симпозиум «Муш гур: пчела и мёд в культуре народов Урало-Поволжья». В симпозиуме приняли участие более 40 ученых научно-исследовательских центров и институтов этнологических исследований из Минска, Москвы, Перми, Уфы, Йошкар-Олы, Усть-Каменогорска, Тарту. Задачи Симпозиума – обсуждение роли пчеловодства в традиционной и современной культуре, отражение занятия в языке, мифологии и фольклоре, народных знаниях, его места в экономике личного хозяйства, туризме, современных культурных событиях.
17–18 сентября, г. Саранск	Межрегиональный фестиваль народных промыслов и ремесел «Тев» («Дело»). В фестивале приняли участие более 100 человек из 11 регионов России.
30 сентября, г. Йошкар-Ола	II Межрегиональный фестиваль марийского танца «Тывырдык» имени Тамары Дмитриевой объединил 22 творческих коллектива из Башкортостана, Чувашии и Марий Эл.
6 октября, г. Екатеринбург	XVIII Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные культуры Урала. Нематериальное культурное наследие: вопросы сохранения и репрезентации». В рамках конференции были представлены исследования этнографов, фольклористов, историков, лингвистов, этномузыкологов, антропологов, археологов, научных сотрудников музеев, краеведов, педагогов.

6–8 октября, Республика Марий Эл; 7–9 октября, Республика Карелия; 13–15 октября, Удмуртская Республика; 21–23 октября, Пермский край	Международный фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит». Программа была насыщена просветительскими мероприятиями. Помимо концерта в каждом регионе были организованы фотовыставки, лектории, кинопоказы этнографических фильмов и просветительских программ об историко-культурном наследии России.
13–14 октября, г. Саранск	В рамках Всероссийского научно-общественного форума «Саранск – город мира, дружбы и созидания» (проходил с 13 октября по 25 ноября) на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва состоялась Всероссийская научная конференция «Финно-угорские народы России в контексте опыта национально-государственного и национально-культурного строительства: к 100-летию образования СССР» (XVI Сафаргалиевские научные чтения).
19–21 октября, г. Саранск	На базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультура Поволжья: художественные константы прошлого, настоящего, будущего». Целью конференции стало представление и обсуждение результатов фундаментальных и прикладных исследований в области философии, культурологии, искусствоведения и других гуманитарных наук в части изучения динамики развития традиционных культур народов Поволжья как средоточия славянского, финно-угорского, тюркского компонентов культуры России для решения актуальных проблем современности.
20 октября, г. Санкт-Петербург	Интерактивная выставка «Как приручить Леммюза», повествующая о мифологии финно-угорских народов, населявших территорию современной Ленинградской области. Зрителям представили культуру пяти коренных финно-угорских народов, это карелы, вепсы, водь, ижора и ингерманландские финны.
20–21 октября, г. Сыктывкар	XIX Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященный 80-летию со дня рождения известного коми ученого-языковеда, диалектолога В.А. Ляшева. Симпозиум состоялся на базе Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН».
22 октября, г. Набережные Челны	Республиканский фестиваль финно-угорских народов Республики Татарстан «Мы ветви древа одного». В рамках фестиваля состоялся круглый стол на тему «Культурное наследие финно-угорских народов Татарстана: сохранение и развитие».
25–27 октября, г. Ханты-Мансийск	III Международная научная конференция «Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое», посвящённая 35-летию бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Этнографический музей под открытым небом «Торум Маа».
28 октября, г. Йошкар-Ола	Заочная IX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии», посвященная Международному десятилетию языков коренных народов. В рамках конференции провели V Всероссийский конкурс студенческих научных докладов.

28–30 октября, г. Йошкар-Ола	Всероссийский фестиваль-конкурс «Национальный костюм народов России» «Марий вургем пайрем унала ӱжеш» («Праздник марийского костюма приглашает в гости»). В дни фестиваля зрителям были продемонстрированы лучшие коллекции национальных костюмов, созданные за последние два года современными модельерами и мастерами. В мероприятии приняли участие более 200 участников из 24 регионов.
3–8 ноября, Российская Федерация	VI Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант».
10–11 ноября, г. Саранск	Межрегиональный фестиваль интеллектуального творчества финно-угорских народов. Мероприятие проводилось Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» при поддержке Федерального агентства по делам национальностей. Участники – представители финно-угорских и самодийских народов из регионов России, создающие произведения на родных языках с переводом на русский язык.
17–18 ноября, г. Йошкар-Ола	XI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья». Цель конференции: содействие сохранению традиционных культур народов, населяющих Волго-Камский регион; развитие научного сотрудничества, обмен результатами научных исследований среди ученых, студентов, аспирантов, занимающихся данной проблемой.
26 ноября, г. Екатеринбург	XIII Областной фестиваль культуры финно-угорских народов «Уральская финно-угория 2022». Мероприятие прошло в Свердловском государственном областном Дворце народного творчества в рамках Года культурного наследия народов России. Участниками фестиваля стали представители финно-угорских народов, проживающих в Свердловской области, а также гости из Республики Удмуртия и Марий Эл.
8–9 декабря, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция «II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики», посвященная Дню марийской письменности. В круг обсуждаемых вопросов вошли: основные достижения В.М. Васильева, творческое наследие просветителей и исследователей языков и культур народов Урало-Поволжья, сравнительно-историческое и сопоставительное изучение языков народов Урало-Поволжья.
декабрь, г. Йошкар-Ола	Вышел очередной номер научного журнала «Финно-угроведение» (№ 63).

Составители хроники:

Любимов Николай Иванович
Пресс-секретарь Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл,
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Chronicle compilers:

Nikolay Lyubimov
Spokesperson for the Ministry of Culture, Press and Nationalities of the Republic of Mari El,
Yoshkar-Ola
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of philological sciences, Senior researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

УДК 811.511.152

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА МОСИНА
(02.11.1940 – 02.12.2022)



2 декабря 2022 года на 83-ем году жизни скончался выдающийся финно-угровед, доктор филологических наук, профессор Михаил Васильевич Мосин.

Вся трудовая деятельность Михаила Васильевича Мосина с 1969 года была неразрывно связана с филологическим факультетом Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Здесь им пройден путь от рядового преподавателя до крупного ученого с международным признанием.

Более 25 лет Михаил Васильевич являлся руководителем одного из крупных структурных подразделений университета – деканом филологического факультета. В этой должности он большое внимание уделял повышению академической и научной престижности кафедр факультета.

Широка и многогранна научная деятельность профессора М.В. Мосина. Она распространяется на самые разные области не только мордовского, но и прибалтийско-финского языкознания: лексикологию, лексикографию, историческую морфологию. В его списке научных трудов насчитывается более 200 публикаций, среди них – 4 монографии, 8 словарей и 20 учебников и учебно-методических пособий для школ, вузов Республики Мордовия и регионов с компактным проживанием мордовского населения; часть из них издана в Финляндии.

Яркую строку вписал М.В. Мосин в область лексикологии мордовских языков, подняв ее на качественно новый уровень. В работах «Мордовско-эстонские лексические отношения», «Факторы возникновения и развития семантических изменений в лексике», «Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках (семантический анализ)» в сравнительном плане рассматриваются вопросы происхождения и семантик исконных лексем мордовских языков. В работах «Отражение финно-угорской лексики в мордовских географических названиях», «Финно-угорские этимологии в топонимии Мордовской АССР» прослеживается связь истории языка с историей мордовского народа.

Значительный удельный вес в научном творчестве М.В. Мосина имеют исследования, посвященные проблеме структуры древней основы слова. Среди них – «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках», «Одноосновные и двуосновные имена в мордовских и прибалтийско-финских языках», «Типы корреляций общих глагольных основ в мордовских и финском языках».

Не остались вне поля зрения ученого и вопросы лексикографии. Он являлся одним из ведущих авторов «Эрзянско-финского словаря» и «Финско-эрзянского словаря», «Этимологи-

ческого словаря мордовских языков», «Обратного словаря мордовских языков».

Огромный вклад внес М.В. Мосин в подготовку молодых ученых. Под его руководством 18 аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации. В последнее время был научным руководителем двух аспирантов и научным консультантом трех докторантов. С 1995 года Михаил Васильевич являлся председателем Специализированного совета по защите докторских диссертаций по специальностям 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские)» и 10.01.02 – «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)». В совете прошли защиту более 100 соискателей из финно-угорских научных центров Российской Федерации.

Мосин М.В. был одним из активных организаторов академического и научно-педагогического сотрудничества как с российскими, так и с зарубежными финно-угорскими вузами и научными центрами. Он являлся членом координационного научного совета при Туркуском университете (Финляндия). По инициативе этого совета совместно с Марийским и Мордовским государственными университетами организовано и проведено семь международных симпозиумов по волжско-финским языкам (Турку, 1993, 2001; Йошкар-Ола, 1996; Саранск, 1999; Ижевск, 2004; Чебоксары, 2007; Казань, 2009).

По инициативе профессора М.В. Мосина на базе Мордовского государственного университета регулярно проводятся научно-практические конференции. Так, состоялись: II Всероссийская научная конференция финно-угроведов (2000), Международная научно-практическая конференция «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития» (2003), Межрегиональная научная конференция «Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья», посвященная 100-летию со дня рождения академика Пауля Аристэ (2005), Международная научная конференция «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков» (2005), Межрегиональная научно-практическая конференция «Состояние национально-русского двуязычия в финно-угорских регионах Российской Федерации» (2006), Международная научная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры» (2010).

Михаил Васильевич участвовал в работе семи международных конгрессов финно-угроведов, проходивших в России и за рубежом. В его содержательных докладах и выступлениях, сделанных на IV (Будапешт, 1975), VI (Сыктывкар, 1985), VII (Дебрецен, 1990), VIII (Ювяскюля, 1995), IX (Тарту, 2000), X (Йошкар-Ола, 2005), XI (Пилишчаба, 2010) конгрессах финно-угроведов, рассматривались актуальные вопросы мордовского языкознания.

Профессор М.В. Мосин пользовался широкой известностью и заслуженным авторитетом не только среди своих коллег и студентов, но и среди финно-угроведов других регионов России и за рубежом.

В течение ряда лет он преподавал русский и эрзянский языки студентам и аспирантам Клагенфуртского (Австрия, 1976–1977), Туркуского и Хельсинкского (Финляндия, 1980–1982), Будапештского, Дебреценского и Сегедского (Венгрия, 1991–1993) университетов.

Он был действительным членом Финно-угорской академии (Санкт-Петербург, 1998), зарубежным членом Финно-угорского Общества «Suomalais-ugrilainen seura» (Финляндия, 1990), членом Общества литераторов Финляндии (1997).

За плодотворную научную и учебно-методическую работу М.В. Мосину присвоены почетные звания: заслуженный деятель науки Республики Мордовия (1995), лауреат Государственной премии Республики Мордовия в области науки и техники (2000, 2006, 2014) и премии Главы Республики Мордовия (2015), заслуженный деятель науки Российской Федерации (2002), кавалер ордена Дружбы (2006), ордена «Российская нация» (2008) и ордена Славы III степени (2010) и др.

Мосин М.В. успешно совмещал научно-педагогическую деятельность с общественной. Он являлся признанным лидером Международного финно-угорского и Межрегионального общественного движения мордовского народа. На последних четырех съездах мордовского народа (1994, 1999, 2004, 2009)

избирался председателем Исполкома Совета Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. На III съезде финно-угорских народов России (2005) был избран председателем Исполкома общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». В этой общественной должности вел активную работу до 2009 года. В течение 14 лет являлся членом Международного Консультативного Комитета финно-угорских народов.

Взвешенная позиция М.В. Мосина как лидера Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа по вопросам национальной политики, безусловно, способствовала сохранению межнационального мира и спокойствия на мордовской земле, созданию условий для нормального этнокультурного развития всех народов, проживающих в Республике Мордовия, укреплению позитивного имиджа Мордовии.

Светлая память о крупном ученом, настоящем сыне мордовского народа Михаиле Васильевиче Мосине навсегда останется в истории Республики Мордовия, в сердцах родных и близких, друзей, коллег, многочисленных учеников.

Комитет финно-угроведов
Российской Федерации,
Марийский региональный
комитет финно-угроведов

«Финно-угроведение», 2022 (№ 63)

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *С.Л. Яковлевой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 12.12.2022. Вышел в свет 26.12.2022. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 25,57. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 2233

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95